АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

4(24)
2012

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1993-047X

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ДОКТОРА И КАНДИДАТА НАУК

ЛАУРЕАТ V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2010» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ВУЗОВСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

ЛАУРЕАТ VI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2012» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

Главный редактор:
Тимирясов В.Г., ректор Института экономики, управления и права (г. Казань), профессор

Заместитель главного редактора:
Бикеев И.И., проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе, профессор

Редакционная коллегия:
Крамин Т.В., доктор экономических наук, куратор направления экономических наук (г. Казань)
Кабанов П.А., доктор юридических наук, куратор направления юридических наук (г. Казань)
Агеев Ш.Р., доктор экономических наук (г. Казань)
Безверхов А.Г., доктор юридических наук (г. Самара)
Гилинский Я.И., доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург)
Демченко С.Г., доктор экономических наук (г. Казань)
Епихин А.Ю., доктор юридических наук (г. Казань)
Железнов Б.Л., доктор юридических наук (г. Казань)
Ильенкова С.Д., доктор экономических наук (г. Москва)
Клемин А.В., доктор юридических наук (г. Казань)
Кроливецкий Э.Н., доктор экономических наук (г. Санкт-Петербург)
Кругликов Л.Л., доктор юридических наук (г. Ярославль)
Кураков Л.П., доктор экономических наук (г. Чебоксары)
Лазарев В.В., доктор юридических наук (г. Москва)
Лазарева В.А., доктор юридических наук (г. Самара)
Лунеев В.В., доктор юридических наук (г. Москва)
Мальгин В.А., доктор экономических наук (г. Казань)
Малков В.П., доктор юридических наук (г. Казань)
Мокичев С.В., доктор экономических наук (г. Казань)
Ольков С.Г., доктор юридических наук (г. Казань)
Орлов С.Л., доктор экономических наук (г. Москва)
Рабинович Л.М., доктор экономических наук (г. Казань)
Сафиуллин Л.Н., доктор экономических наук (г. Казань)
Фазылов Р.Р., кандидат юридических наук (г. Казань)
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук (г. Казань)
Шабанова Л.Б., доктор экономических наук (г. Казань)
Шестаков Д.А. доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург)
Шейфер С.А., доктор юридических наук (г. Самара)
Юнусов А.А., доктор юридических наук (г. Казань)

Международный состав редколлегии:
Гондолф Э., доктор психологии (США, Индиана)
Дрёмин В.Н., доктор юридических наук (Украина)
Кури Х., доктор психологии (Германия, Фрайбург)

Ответственный секретарь:
Дарчинова Г.Я.

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики,
управления и права

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: apel.ieml.ru

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» включен в Ulrich's Periodicals Directory

Подписка на журнал
по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Редактор:
Фатхуллина Э.Г.

Компьютерная верстка:
Каримова С.А.

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Беляева Е.Н.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-45445 от 16 июня 2011 г.
Территория распространения:
Российская Федерация

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 35,5. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 15.11.12. Заказ № 6/12
Цена свободная

© Издательство «Познание», 2012

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»:
420111, г. Казань, ул. Московская, 22

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMICS AND LAW

4(24)
2012

FEDERAL PEER-REVIEWED JOURNAL

ISSN 1993-047X

THE JOURNAL IS INCLUDED INTO THE LIST OF REVIEWED SCIENTIFIC JOURNALS AND EDITIONS, IN WHICH THE MAIN SCIENTIFIC RESULTS OF CANDIDATE› AND DOCTORAL DISSERTATIONS MUST BE PUBLISHED

PRIZE-WINNER OF THE 5TH INTERNATIONAL COMPETITION «UNIVERSITY BOOK-2010» FOR «THE BEST PERIODICAL OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT»

PRIZE-WINNER OF THE 6TH ALL-RUSSIAN CONTEST «UNIVERSITY BOOK-2012» IN THE NOMINATION «THE BEST PERIODICAL EDITION»

Chief Editor:
Timiryasov V.G., the Rector of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Professor

Vice Chief Editor:
Bikeev I.I., Pro-rector of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan) for supervising scientific work, Professor

Editorial board:
Kramin T.V., Doctor of Science (Economics), Adviser on Economic Sciences (Kazan)
Kabanov P.A., Doctor of Science (Law), Adviser on Economic Sciences (Kazan)
Adviser on Economic Sciences (Kazan)
Adviser on Sciences of Law (Kazan)
Ageev Sh.R., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Bezverkhov A.G., Doctor of Science (Law) (Samara)
Gilinski Ya.I., Doctor of Science (Law) (St. Petersburg)
Demchenko S.G., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Epikhin A.Yu., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Zheleznov B.L., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Ilyenkova S.D., Doctor of Science (Economics) (Moscow)
Klemin A.V., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Krolivetski E.N., Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg)
Kruglikov L.L., Doctor of Science (Law) (Yaroslavl)
Kurakov L.P., Doctor of Science (Economics) (Cheboksary)
Lazarev V.V., Doctor of Science (Law) (Moscow)
Lazareva V.A., Doctor of Science (Law) (Samara)
Luneev V.V., Doctor of Science (Law) (Moscow)
Mal'gin V.A., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Malkov V.P., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Mokichev S.V., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Ol'kov S.G., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Orlov S.L., Doctor of Science (Economics) (Moscow)
Rabinovich L.M., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Safiullin L.N., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Fazylov R.R., PhD (Law) (Kazan)
Fatkudinov Z.M., Doctor of Science (Law) (Kazan)
Shabanova L.B., Doctor of Science (Economics) (Kazan)
Sheifer S.A., Doctor of Science (Law) (Samara)
Shestakov D.A., Doctor of Science (Law) (St. Petersburg)
Junusov A.A., Doctor of Science (Law) (Kazan)

International Editorial Board:
Edvard Gondolf, Doctor of Psychology (USA)
Dryomin V.N., Doctor of Law (Ukraine)
Helmut Kury, Doctor of Psychology (Germany)

Executive secretary:
Darchinova G.Ya.

Founder –
Private educational establishment of higher professional education «Institute of Economics, Management and Law (Kazan)»

Editors Office's address:
420111,
Tatarstan Republic,
Kazan, 42 Moskovskaya St.,
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» was included into Ulrich's Periodicals Directory

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Editor:
Fatkhullina E.G.

Computer lead out:
Karimova S.A.

Translator:
PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild
Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communi-cations and protection of cultural heritage.
Registration certificate:
ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.
Distribution area: Russian Federation

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 15.11.12. Order № 6/12

© Publishing House «Poznanie», 2012

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya St.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board›s point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Диалектика противодействия коррупции

В.В. Васина, Р.Г. Халитов, И.М. Юсупов. Возможность изменения представлений о коррупции в обществе 5
Р.Р. Гарифуллин. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взяткомании) 9
Д.А. Дмитриев. К вопросу о расширении пределов антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры Российской Федерации 15
Р.О. Долотов. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности 20
Л.М. Закирова. Личностные особенности лиц с коррупционным поведением 26
С.В. Изосимов. Субъективная сторона получения и дачи взятки: уголовно-правовой анализ 35
М.П. Клеймёнов, Р.В. Пустовит. Методологические аспекты прогнозирования коррупции 42
Т.Л. Козлов. Основные направления развития правового регулирования противодействия коррупции в органах власти 52
С.Д. Красноусов. К вопросу о коррупции в частном секторе 58
Г.С. Мауленов. Имплементация международных норм в антикоррупционное законодательство Республики Казахстан 63
М.А. Меркулов. К вопросу о коррупциогенных факторах в сфере закупок товаров, работ и услуг на муниципальном уровне 70
И.С. Нафиков. Меры по ограничению сферы теневой экономики и противодействию организованным формам коррупции на муниципальном уровне (на примере деятельности прокуратуры г. Казани) 76
А.Ф. Павлов, С.В. Миронов. К вопросу об институционализации профилактики коррупции через создание единого антикоррупционного органа 81
С.Ф. Рахимов. Отдельные вопросы реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан на муниципальном уровне 88
А.В. Салов. Об эффективности законодательства США в сфере ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения 94
Н.Н. Турецкий. Антикоррупционная политика Казахстана на современном этапе 100
И.И. Фролова. Коррупция в органах власти: результаты экспертного опроса 104
А.А. Хайдаров. Условия коррупционного поведения судей при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции 108
Д.К. Чирков, Л.В. Олейник. Противодействие коррупции в сфере земельных отношений 112
А.М. Шевцов. Психологический анализ причин коррупционных действий, связанных с ошибками в управлении человеческими ресурсами 116
А.И. Шило. Алгоритм расследования взяточничества 122

Экономическая теория

О.М. Суслова. Человеческий капитал как критерий социального неравенства постиндустриального общества 127

Экономика и управление народным хозяйством

А.А. Адельшин. Туристский потенциал Республики Татарстан 134
С.И. Грудина. Синергия количественных и качественных показателей экономического роста 139
Г.И. Гумерова, Э.Ш. Шаймиева. Анализ управления технологическими инновациями на промышленных российских предприятиях: источники финансирования, инновационная стратегия (продолжение) 143
И.В. Гуськова, В.А. Кожин, А.Г. Саксин. Тенденции на рынке труда Нижегородской области в посткризисный период 151
Т.В. Крамин, Н.В. Кочеткова. Модель управления интеллектуальным капиталом вузов на основе трансакционного подхода 157
А.В. Осипов. Институционально-структурная динамика сферы долговых услуг в посткризисный период 164
А.И. Подгорная. Инструменты антикризисного управления предприятием в условиях неопределенности 170
А.В. Рамазанов. Особенности инвестиционных операций банков 175
Л.О. Сердюкова. Развитие инновационных систем на мезоуровне как ключевой фактор формирования и использования интеллектуального капитала 180
В.А. Славин. И.Н. Урусова. Рыночная динамика производственно-экономической системы II. Переходы между производственными состояниями. Элементы теории рисков 187
Е.А. Третьякова, Т.В. Алферова. Управление устойчивым развитием социально-экономических систем: институциональные аспекты 195
М.А. Хасанова. Инновационная деятельность региона в условиях кризиса (на примере Республики Татарстан) 202
Д.Н. Ядранский. Диагностирование и контроль социально-экономической эффективности как направление современного экономического анализа 209

Финансы, денежное обращение и кредит

Э.И. Абдюкова. Факторные модели как инструмент для оптимизации спроса по кредитно-депозитным операциям банка 217
Г.И. Магомедов, Д.Ю. Мамыркин, Г.Г. Карасев. Финансовое обеспечение образовательных систем высшего профессионального образования 223

Теория и история государства и права

Г.Ю. Носаненко. Предпосылки становления полицейского государства в России 231

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право

А.Г. Демиева. О системе правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица 237
К.В. Костина. Правовые проблемы сохранения абонентского номера в сетях подвижной радиотелефонной связи 241
М.Г. Краснова. Понятие и виды договоров по передаче имущества в собственность в Российской Федерации и балтийских государствах: Латвии, Литве, Эстонии 245
О.А. Лазарева. Взаимосвязь частного и публичного права при регулировании холдинговых отношений 249
А.С. Панова. О гражданско-правовой ответственности в области обеспечения качества продукции 253

Уголовный процесс, криминалистика

А.С. Александров, А.А. Юнусов, Р.Р. Сафин. К вопросу о создании сокращенной формы досудебного производства по уголовному делу 258
В.А. Лазарева, М.Ю. Жирова. Теоретические проблемы доказывания в свете специфики производства по делам частного обвинения 267

Финансовое право

Е.А. Бочкарева. Целевое управление бюджетными средствами как финансово-правовой метод обеспечения сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации 276

Сведения об авторах и их контактная информация 281
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» 281
Требования к оформлению рукописей 282
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» 282
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 283
Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.) 283
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.) 284

Contents

Dialectics of corruption counteraction

V.V. Vasina, R.G. Khalitov, I.M. Yusupov. Possibility to change the ideas of corruption in the society 5
R.R. Garifullin. Bribemania as one of the causes of bribery: psychological analysis (psychological and psychotherapeutical approaches to the problem of bribery and bribemania) 9
D.A. Dmitriyev. On the issue of broadening the limits of anti-corruption expertise carried out by prosecutor's office bodies of the Russian Federation 15
R.O. Dolotov. Crime cost as an indicator of public danger of the crime 20
L.M. Zakirova. Personality features of the persons with corruptive behavior 26
S.V. Izosimov. Subjective element of bribe giving and taking: criminal-legal analysis 35
M.P. Kleymyonov, R.V. Pustovit. Methodological aspects of corruption prediction 42
T.L. Kozlov. The main directions of legal regulation deevelopment in corruption counteraction in official bodies 52
S.D. Krasnousov. On the issue of corruption in private sector 58
G.S. Maulenov. International norms implementation in anti-corruption legislation of Kazakhstan Republic 63
M.A. Merkulov. On corruption factors in the sphere of goods, works and services purchases on municipal level 70
I.S. Nafikov. Measures for limiting the shadow economy sphere and counteraction against organized corruption at municipal level (by example of the prosecutor's office of Kazan city) 76
A.F. Pavlov, S.V. Mironov. On the issue of institutionalization of corruption prevention through creating the single anti-corruption body 81
S.F. Rakhimov. Issues of anticorruption policy realization in Tatarstan Republic at municipal level 88
A.V. Salov. On the efficiency of the USA legislation in the sphere of legal persons' liability for corruption offences 94
N.N. Turetskiy. Modern anti-corruption policy of Kazakhstan 100
I.I. Frolova. Corruption in authorities bodies: results of expert poll 104
A.A. Khaidarov. Conditions of judges' corrupt behavior at original jurisdiction of criminal cases 108
D.K. Chirkov, L.V. Oleynik. Corruption counteraction in the sphere of land relations 112
A.M. Shevtsov. Psychological analysis of the causes of corruption actions connected with the mistakes in human resources management 116
A.I. Shilo. Algorythm of bribery investigation 122

Theory of economics

O.M. Suslova. Human capital as a criterion of social inequality of the post-industrial society 127

Economics and economic management

A.A. Adel'shin. Tourist potential of the Republic of Tatarstan 134
S.I. Grudina. Synergy of quantitative and qualitative indicators of economic development 139
G.I. Gumerova, E.Sh. Shaimiyeva. Analysis of technological innovations management at russian industrial enterprises: sources of financing, innovative strategy (continued) 143
I.V. Gus'kova, V.A. Kozhin, A.G. Saksin. Trends on the labor market of Nizhniy Novgorod oblast in the post-crisis period 151
T.V. Kramin, N.V. Kochetkova. Model of intellectual capital management at universities based on transactional approach 157
A.V. Osipov. Institutional-structural dynamics of the sphere of debt services in post-crisis period 164
A.I. Podgornaya. Tools of anti-crisis management at an enterprise under uncertainty 170
A.V. Ramazanov. Features of banks' investmemt operations 175
L.O. Serdyukova. Development of innovative systems at meso-level as a key factor of forming and utilization of intellectual capital 180
V.A. Slavin, I.N. Urusova. Market dynamics of production-economic system. II. Transitions between production states. Elements of risk theory 187
E.A. Tretyakova, T.V. Alferova. Management of the stable development of social-economic system: institutional aspects 195
M.A. Khasanova. Innovative activity of a region under crisis (by the example of Tatarstan Republic) 202
D.N. Yadranskiy. Diagnosing and control of the social-economic efficiency as a direction of the modern economic analysis 209

Finance, monertary circulation and credit

E.I. Abdyukova. Factor models as a tool of optimization of demand on a credit-deposit banking operations 217
G.I. Magomedov, D.Yu. Mamyrkin, G.G. Karasyov. Financial provision of educational systems of higher professional education 223

Theory and history of law and state

G.Yu. Nosanenko. Prerequisites of forming a police state in Russia 231

Civil law; entrepreneurship law; family law

A.G. Demiyeva. On the system of legal means of providing entrepreneurship activity without forming the legal person 237
K.V. Kostina. Legal issues of keeping subscriber number in the mobile radiotelephone networks 241
M.G. Krasnova. Notin and types of alienability contracts in Russia and Baltic States: Latvia, Lithuania and Estonia 245
O.A. Lazareva. Interconnection of private and public law while regulating holding relations 249
A.S. Panova. On the civil-legal liability in the sphere of products quality provision 253

Criminal procedure, criminalistics

A.S. Aleksandrov, A.A. Yunusov, R.R. Safin. On the issue of creating of the contractred form of pre-trial procedure of criminal cases 266
V.A. Lazareva, M.Yu. Zhirova. Theoretical issues of proving in the aspect of specific procedure in private prosecution cases 275

Finance law

E.A. Bochkareva. Venture management of budget funds as a financial-legal means of providing the balanced budgeting system of the Russian Federation 276

Authors' data and contact information 281
Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal. 281
Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal 282
The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal. 282
Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English) 283
The requirements to manuscript appearance (in English) 283
Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English) 284

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (7 декабря 2012 г.)

УДК 343.9:343.352

В.В. ВАСИНА,
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Р.Г. ХАЛИТОВ,
кандидат психологических наук, научный сотрудник
Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО, г. Казань
И.М. ЮСУПОВ,
доктор психологических наук, профессор
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ВОЗМОЖНОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОРРУПЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Приводится модель психосоциального диссонанса как несоответствие представлений субъектов взаимодействия (личности, группы, общества) и возникающей психической напряженности, имеющая два исхода: развитие или разрушение. Коррупция рассматривается с точки зрения модели психосоциального диссонанса как фактор изменений жизни общества.

Ключевые слова: психосоциальный диссонанс; коррупция; несоответствие представлений; субъекты взаимодействия.

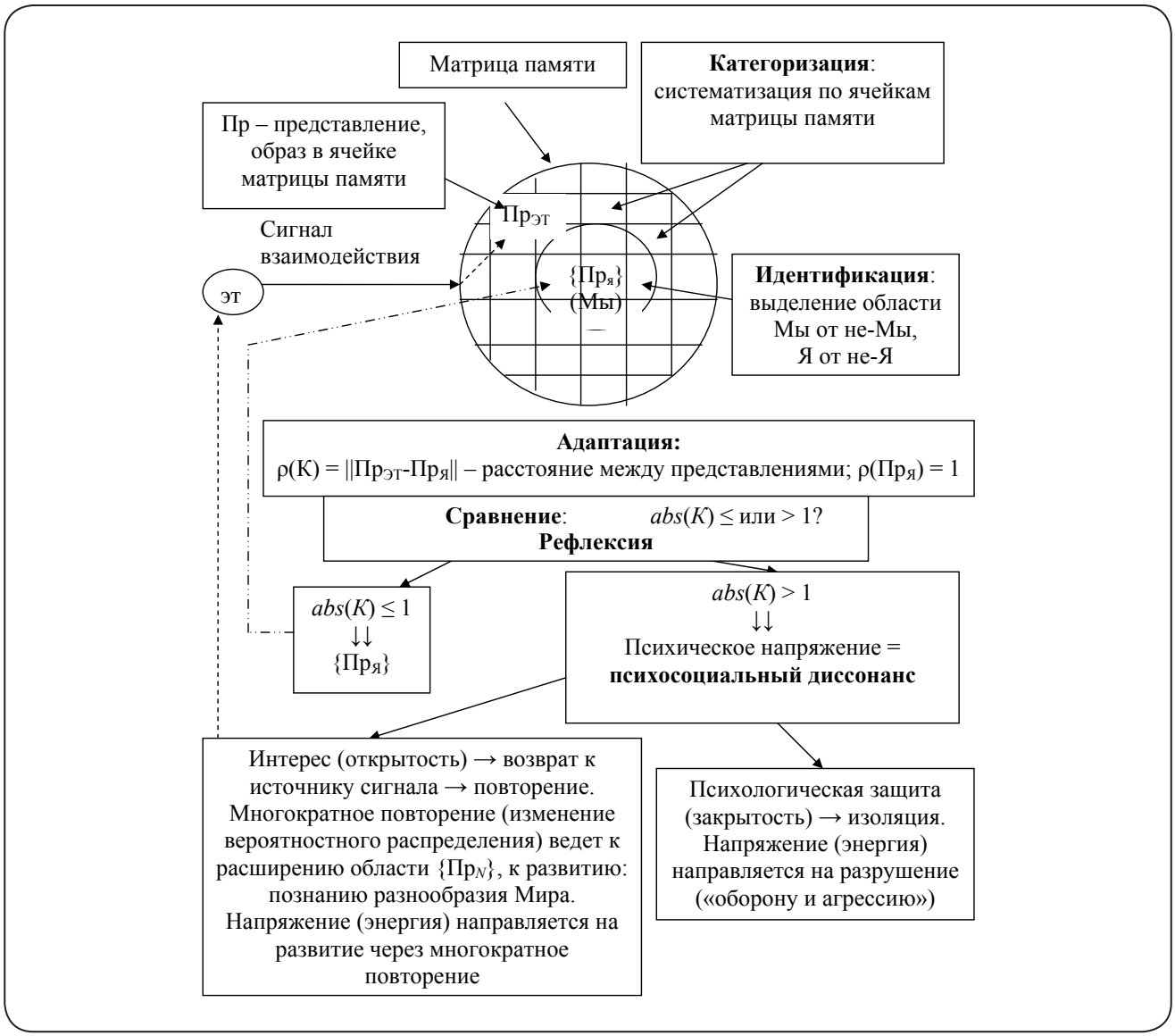
Изучение истории коррупции показывает, что она существовала всегда: с самых древних времен в виде подношений до настоящего времени. Даже в религии заложена коррупция в виде задабривания, жертвоприношений, свечей, молитв богам, святым и т.д. В 2010 г. на страницах этого журнала мы уже рассматривали коррупцию с позиций психосоциального диссонанса [1]. Понятие и модель психосоциального диссонанса имеют вероятностную, социальную, психологическую, философскую, математическую и синергетическую интерпретации. Ранее мы рассматривали вероятностную и математическую стороны. В настоящей статье подробнее рассмотрим синергетический и психологический аспекты явления.

Взаимодействие субъектов в обществе возможно на четырех уровнях:

1 уровень – материальный, предметный.
2 уровень – энергетический, эмоциональный.
3 уровень – информационный, ментальный.
4 уровень – холистичный, экзистенциальный.

Коррупция жизнеспособна только на первых трех уровнях – материальном, энергетическом и ментальном. Она взращивается на почве волюнтаризма в экономике (первый и второй уровни взаимодействия) и аномии (третий уровень – уровень коллективного сознания). Коллективное сознание чрезмерно инертно, изменить его трудно. Только многократное повторение через демонстрацию разных сторон сложившихся образов-представлений у субъектов может изменить его в желаемую сторону.

С позиций системного подхода человечество – самоорганизующаяся система, диалектически существующая в биполярном мире, в котором



Модель психосоциального диссонанса

любое явление естественной и социальной природы дихотомично. При положительной обратной связи система развивается как открытая система по законам творчества, завершающаяся инсайтом. В открытых системах происходит постоянный обмен с внешней средой, что в какой-то момент приводит к хаосу в системе. В дальнейшем система сама упорядочивает хаос – организуется порядок, после чего система становится замкнутой. В случае отрицательной обратной связи система закрывается. Закрытая система – это порядок (стабильность, застой). Для своего дальнейшего развития система должна вновь открыться внешней среде. Развитие происходит в колебательном режиме открытия – закрытия [2].

Возникая как воздействие на самоорганизующуюся систему, коррупция образует хаос в системе, вскрывает ее несовершенство, вызывает диссонанс в экономической жизни общества. Реакция системы на вмешательство извне может быть двоякой: система закрывается или открывается внешним силам. Если система закрыта, то по законам синергетики (и физики) это приводит к ее застою и самоуничтожению. Если система открыта, она самоорганизуется с трудно прогнозируемым конечным результатом. Противоборство коррупции приводит к порядку – отыскиваются новые пути для развития социально-экономического устройства (первый и второй уровни взаимодействия субъектов в обществе)

и совершенствуются нормативные акты (третий уровень взаимодействия).

Наша гипотеза заключается в следующем: коррупция в обществе выступает как психосоциальный диссонанс субъектов взаимодействия, который можно рассматривать не только как отрицательное явление, но и как стимулирование общества к саморазвитию. Далее теоретически обоснуем свои умозаключения.

Психосоциальный диссонанс – это несоответствие представлений субъектов взаимодействия нормам социальной группы (общества), приводящее к их противоборству или же к развитию общества с выходом на новую ступень его существования. Возникающая при этом напряженность может привести к общественным конфликтам, девиациям или порождению новых психосоциальных конструктов.

Психосоциальный диссонанс можно представить в виде блочно-модульной модели (нижеприведенный рисунок). Механизм его функционирования выглядит так:

– первоначально происходит социальная категоризация субъектов;

– затем – идентификация субъектов взаимодействия;

– далее идет адаптация субъектов к новым условиям взаимодействия через социальное сравнение (установление различий между имеющимися социально-психологическими представлениями личности и общества) и рефлексию. Функционирование замыкается установлением обратной связи в системе. Таким образом, структура механизма включает: категоризацию, идентификацию, адаптацию, сравнение, рефлексию, диссонанс, выбор, обратную связь. Психосоциальный диссонанс выступает ключевым звеном функционирования системы, как точка бифуркации в развитии общества, которое при положительной обратной связи переходит либо в состояние творческого поиска, либо при отрицательной обратной связи в состояние психологической защиты (замкнутости).

Выводы. Несоответствие экономического функционирования общества образам-представлениям субъектов о нем порождает психосоциальный диссонанс на третьем (ментальном) уровне взаимодействия. Внешне же выражается на первом и втором (материальном и эмоциональном) уровнях их взаимодействия как коррупция. Коррупция несет двойственную функцию в цивилизованном обществе: с одной стороны, коррупция дезавуирует официально принятые общественно-экономические отношения в системе и ведет к ее разрушению; с другой – она раскрывает слабые стороны общественно-экономической системы и тем самым стимулирует систему к переходу на более высокую ступень его развития.

Список литературы

1. Халитов Р.Г., Юсупов И.М. Коррупция с позиций психосоциального диссонанса // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 147–149.

2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., Прогресс, 1986.

В редакцию материал поступил 15.11.12

Информация об авторе

Васина Вероника Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО

Адрес: 420039, г. Казань, ул. Исаева, 12, тел.: (843) 542-63-24

E-mail: Virash1@yandex.ru

Халитов Рашид Гусманович, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт педагогики и психологии профессионального образования РАО

Адрес: 420039, г. Казань, ул. Исаева, 12, тел.: (843) 542-63-24

E-mail: Virash1@yandex.ru

Юсупов Ильдар Масгудович, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и психофизиологии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: Knyaz_imyu@mail.ru

V.V. VASINA,

PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher,

R.G. KHALITOV,

PhD (Psychology), Researcher

Institute for Pedagogics and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Science, Kazan,

I.M. YUSUPOV,

Doctor of Psychology, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

POSSIBILITY TO CHANGE THE IDEAS OF CORRUPTION IN THE SOCIETY

The authors present a model of psychosocial dissonance as a contradiction of ideas of interaction subjects (personalities, groups, societies) and arising psychological tension, which has two outcomes: development and destruction. Corruption is viewed from the point of view of the psychosocial dissonance model as a factor of changes in the life of the society.

Key words: psychosocial dissonance; corruption; contradiction of ideas; interaction subjects.

References

1. Khalitov R.G., Yusupov I.M. Korruptsiya s pozitsii psikhosotsial'nogo dissonansa (Corruption from the point of view of psychosocial dissonance), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2010, No. 4, pp. 147–149.

2. Prigozhin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi* (Order out of chaos. New dialogue of a person with nature). Moscow, Progress, 1986.

Information about the authors

Vasina Veronika Viktorovna, PhD (Psychology), Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Pedagogics and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Science

Address: 12 Isayeva Str., 420039, Kazan, tel.: (843) 542-63-24

E-mail: Virash1@yandex.ru

Khalitov Rashid Gusmanovich, PhD (Psychology), Associate Professor, Researcher, Institute for Pedagogics and Psychology of Professional Education of the Russian Academy of Science

Address: 12 Isayeva Str., 420039, Kazan, tel.: (843) 542-63-24

E-mail: Virash1@yandex.ru

Yusupov Ildar Masgudovich, Doctor of Psychology, Professor of the Chair Developmental Psychology and Psychophysiology, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: Knyaz_imyu@mail.ru

УДК 343.9:343.352

Р.Р. ГАРИФУЛЛИН,
кандидат психологических наук, доцент
Казанский государственный университет культуры и искусства

ВЗЯТКОМАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
(психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взяткомании)

В статье предпринята попытка обоснования научно-психологической концепции проблемы взяточничества. Исследования показали, что особое место среди личностей-коррупционеров занимают взяточники, имеющие психологическую зависимость – взяткоманы. Показано, что взяткомания как специфическая форма клептомании является аддикцией со всеми признаками, которые имеют место при наркомании, алкоголизме, игромании и других деструктивных патологических зависимостях; имеет те же характерные этапы, те же психические процессы, которые имеют место при других зависимостях. Показаны методы лечения взяткомании.

Ключевые слова: взяткомания; профилактика; взятко-кредитозависимый комплекс; психотерапия; аддикция; когнитивный подход; психоаналитический подход; бихевиоральный подход; гуманистический подход; манипуляционный подход; смысловой подход.

В настоящее время [1, 2] в силу погружения нашей цивилизации в мир различных аддикций (зависимостей): нарко-, алко-, игро-, фанато-, бого-, клепто-, взятко-, кредито-, нефте-, долларо-, интернето-, в условиях раздвоения между реальным и виртуальным, между процессом и результатом и др.) сильно трансформируются различные структуры личности (смыслы, мотивы, установки, цели и др.).

Исследования показывают, что кредитозависимые личности, страдая *взятко-кредитозависимым комплексом*, пребывая в страхе невыплаты долгов, более открыты к криминальным способам добывания финансов, в том числе к коррупции. В течение последних лет в России не снижается динамика коррупции. Этот социальный феномен грозит нашей государственной психологической безопасности. В настоящее время количество коррупционеров разного уровня увеличивается. В то же время необходимо отметить, что, с одной стороны, работает государственная программа по борьбе с коррупцией, а с другой – имеет место малая эффективность этих мероприятий и большое количество жалоб со стороны граждан. Традиционно психологический подход в отношении личности коррупционера рассматривается очень узко и основывается лишь на формировании у взяточника знаний закона о коррупции и мероприятий, которые могут породить страх быть наказанным. Одной из причин вышесказанного является *отсутствие четкой научно-психологической концепции проблемы взяточничества,* и как следствие, недостаточность знаний психологии личности коррупционера и взяточника. Наши исследования показали, что особое место среди личностей-коррупционеров, занимают взяточники, имеющие психологическую зависимость – взяткоманы. Поэтому, с нашей точки зрения, взяткомания как специфическая форма клептомании является болезнью со всеми признаками, которые имеют место при наркомании, алкоголизме, игромании и других деструктивных патологических зависимостях.

В процессе наших исследований нам приходилось часто консультировать людей разного социального уровня, в том числе руководителей, и мы пришли к выводу, что получение взятки некоторыми личностями-пациентами приобретало форму «взяткомании». Это выражалось в стойкой психологической зависимости, которая по своим характеристикам аналогична другим зависимостям. Взяткомания имеет те же характерные этапы, те же психические процессы, которые имеют место при других зависимостях. Если взяточник перестает брать мзду, то часто возникает депрессивный синдром, т.е. синдром «отмены»,

когда ввиду отсутствия дозы появляется высокий уровень тревожности, состояние недовольства. С другой стороны, наступает состояние эйфории и радости, когда эта «доза» получена.

Исследования проводились в рамках естественного эксперимента в течение десяти лет, когда исследуемые, будучи руководителями разного уровня или подчиненными этих руководителей, даже не подозревали, что являются испытуемыми (исследовано 168 субъектов). В процессе наших исследований мы пришли к выводу о существовании четырех степеней взяткомании.

Первая степень носит характер разового получения вознаграждения и далее об этом взяточник может не думать и даже забыть.

При *второй степени* уже возникает зависимость. Взяточник ждет этого события, прокручивая в голове образ ситуации получения взятки.

Симптомом *третьей степени* является появление депрессивных признаков (плохое настроение по утрам, нарушение сна, изменяются ценности, многие из них перестают радовать). Приоритетной остается только одна ценность – взятки, которые превращаются в некий допинг, позволяющий испытывать ощущение комфорта. В этом случае имеет место стойкая периодичность, проявление активности в поиске взяткодателя и разработке эффективных коррупционных схем.

И, наконец, возникает последняя *четвертая степень*, когда человек постоянно существует в потоке этих финансов, отрывается от реальности, теряет чувство сопереживания и уже не радуется тому, что получает. К сожалению, подобная личность возвращается в реальность, образно говоря, только оказавшись за решеткой. Кстати, интерес к самим деньгам может пропасть и в третьей степени.

Очень важно в этом случае не забывать, что такое «мания». Это психический процесс влечения к какой-то ценности, которая дается без работы воли, т.е. получение радости от приобретенной ценности без преодоления и называется «манией». Наоборот, если человек испытывает радость от приобретения благодаря какой-то работе, то он получает состояние нормальной радости, заслуженно полученной в процессе переживания. «Взяткомания» возникает тогда, когда чиновники и руководители получают очень большие суммы, которые не соответствуют их затратам.

С другой стороны, если какой-нибудь врач принимает подарки, то разговор о «мании» не идет. Он просто много работает, вкалывает и считает приобретенное подобным образом хоть какой-то компенсацией за труды. «Мания» возникает, когда появляются незаслуженные гигантские суммы, не соответствующие затратам по преодолению воли. Нельзя путать «взяткоманию» с подарками, которые берут в ситуациях простого выживания. Это явление к «взяткомании» не имеет отношения, но это является взяточничеством. За это также должно быть правовое наказание. *Не всегда взяточничество является заболеванием (взяткоманией), так же, как и потребление алкоголя не всегда является алкоголизмом.*

Социологическое обследование людей, часто общающихся с руководителями, показало, что настроение этих начальников часто зависит от того, была ли получена им взятка. Многие из подчиненных отмечали периоды, когда можно подходить к шефу, а когда лучше держаться в стороне. Когда в процессе исследований подчиненные были ознакомлены с признаками взяткомании и ее степенями, то они подтверждали нашу оценку.

Таким образом, низкая эффективность борьбы с коррупцией связана, в том числе и с тем, что не учитывается фактор взяткомании как заболевания. Просто наказывать и судить – этого мало. Поэтому тем, кто уже отбывает наказание, по-видимому, обязательно надо проходить курс психотерапии от взяткомании, чтобы в дальнейшем не было рецидивов.

При лечении взяткомании нами используются такие психологические методы, как когнитивная психотерапия, психоанализ, нейролингвистическое программирование, социально-психологические тренинги, стрессотерапия, гипноз другие методы. В результате применения этих методов постепенно создаются внутренние психологические условия для возникновения ценностей, замещающих ценность переживания от получения взяток. Мы работаем над тем, чтобы постоянно прокручиваемый образ получения взятки постепенно терял свою привлекательность и яркость. Задача устранения привлекательности этого образа – одна из сложнейших задач, но она, как показали наши исследования, разрешима.

Кроме того, весьма полезной составляющей в профилактике взяткомании является процедура

самодиагностики взяткомании, обучение методам самопсихорегуляции, которые позволяют коррупционеру отказаться от вредной зависимости.

Очевидно, что «взяткомания» должна войти в медицинский классификатор болезней. В России коррупция приобрела уродливые формы, стала социальным явлением, и поэтому ее можно считать заболеванием, но никакого послабления быть не должно. Например, люди в состоянии алкогольного опьянения совершают преступления. Согласно закону, это только отягощает вину. Необходимо законодателям проработать аналогичный подход и к мздоимцам. Подобный подход уже разработан в системе МВД – это проведение тестирования. В настоящее время нами разрабатываются специальные тесты. Существует также метод внешнего поведенческого анализа.

Но существует и другая точка зрения [3]. Есть специалисты, которые утверждают, что коррупция – это проблема только нравственного характера, но мы считаем, что и об алкоголике можно говорить как о человеке с проблемами совести, поэтому это поверхностнои не совсем корректно.

Взяткомания как заболевание в нашей стране усугубляется тем, что мздоимец каждый раз думает: «А меня не посадили! А кто следующий?» Возникает состояние экстрима, как в казино. Всякий раз, делая ставки, они думают, что повезет. Это создает условия для эйфории и радости.

Самый страшный этап наступает, когда человека лишают возможности получать эти миллионы и миллиарды (так называемые «ломки»). Это тяжелое потрясение. Синдром отмены протекает болезненно. И вот тут нужна помощь спе-циалиста.

Отметим, что не каждый коррупционер страдает взяткоманией, так же, как и не всякий человек, потребляющий алкоголь, является алкоголиком. Главная задача для нас – сформировать в обществе новый взгляд на проблему.

Однако к решению данного вопроса нельзя подходить формально. На всех этапах профилактики (первичной, вторичной, третичной, четвертичной) столь опасного социального явления нами разработан подход, открытый для людей, осознавших свою проблему. Люди могут не бояться общественного осуждения, так работа ведется, в том числе, и на анонимной основе. Мы уже проводим профилактические индивидуальные и групповые антикоррупционные сеансы, тренинги, встречи для топ-менеджеров и руководителей разного уровня (авторские права защищены). На них особое внимание уделяется психокоррекции смысловых и ценностных структур личности коррупционера. *Процедуры проходят на четырех уровнях: первичная профилактика (лица никогда не получавшие взяток), вторичная профилактика (лица, уже получавшие взятки), третичная профилактика (психотерапия и преодоление уже имеющейся психологической зависимости от взяток, судебно-психотерапевтические мероприятия и т.п.), четвертичная профилактика (реабилитация тех, кто прошел третичную профилактику, в том числе отсидел срок тюремного заключения и т.п.).*

Рассмотрим различные психологические подходы к феномену взяточничества.

Традиционно когнитивный подход в отношении личности коррупционера рассматривается очень узко и основывается лишь на формировании знаний закона о коррупции и мероприятий, которые могут породить страх быть наказанным. Поэтому данный подход мы рассматривать не будем, а большее внимание уделим познавательной сфере личности коррупционера. В рамках **когнитивного подхода** [4] психическая зависимость коррупционера анализируется в связи со специфическими механизмами локуса контроля и нарушениями в структуре когнитивных (познавательных) процессов. В этих работах низкий уровень внутреннего контроля рассматривается как основная причина, затрудняющая отказ от получения взяток, а нарушения когнитивных процессов – как основная причина снижения социальной адаптированности (в том числе чувство безнаказанности). И наоборот, высокий самоконтроль и ответственность за себя рассматриваются как важнейшее условие, препятствующее взяточничеству и взяткомании. Поэтому достаточно эффективным методом профилактики взяткомании, проводимым в рамках когнитивного подхода, является *устрашающий метод, основанный на понимании того, что взяткомания – это заболевание, которое прогрессирует и усугубляет общее психическое состояние: депрессии, беспричинные беспокойства, тревожность, пустоту, бессонницу и даже суицид. Кроме того, показывается, что эти состояния часто усугубляют и другие заболевания, вплоть до онкологических.*

Кроме того, в рамках когнитивного подхода глубоко обсуждается «*Психологический треугольник коррупции*»:

а) *давление со стороны внутренних* (депрессии, неврозы, стрессы, вызванные финансовыми долгами, кредитоманией, обязательствами, преступными деяниями коррупционера и т.п.) и *внешних обстоятельств* (российский феномен взяткозависимости и индивидуальная социально-экономическая, политическая и другие ситуации и т.п.);

б) *возможность* (условия, позволяющие заниматься коррупцией: отсутствие контроля и невозможность зарегистрировать коррупционные действия, власть, контролирующая функция, безнаказанность и т.п.);

в) *самооправдание* (коррупция как необходимость (заслуженная зарплата), как прием бизнеса и выживания, как теневая система, как плата за риски и страдания, как круговая порука, как продукт высшей власти и т.п.).

Согласно **психоаналитическому подходу** [1], взяткомания связана с психической зависимостью и дефектами психосексуального развития. Взятничество и взяткомания рассматриваются как следствие регрессии, связанной с бессилием «Я» и невозможностью преодоления фрустрации и беспомощности при встрече с трудностями. Нами показано, что в личности всегда присутствует желание *возвращения в детство, то есть к способности воспринимать и чувствовать в малом многое*. Поэтому это возвращение происходит искусственно (благодаря крупным суммам денег), т.е. благодаря организации этого «детского рая» (вывоз коррупционных денег в США и т.п.), где ни о чем не нужно заботиться. На этих занятиях разоблачается это заблуждение.

С точки зрения **бихевиорального подхода** [1], отмечается низкая устойчивость взяточников и взяткоманов к стрессам, а также очень высокая результативность поведения, направленного на получение взяток. В этом случае отказ от получения взяток рассматривается как поведение с высокой степенью неопределенности и отсутствием удовлетворительных поведенческих схем.

Согласно **гуманистическому подходу** [1], взяточничество (взяткомания) вызывается реакцией личности на экзистенциальную фрустрацию, как протест против социального давления, скуки, невозможности самореализации (низкий уровень креатива в России, нет производства и др.), как стремление «потреблять счастье в чистом виде». Трансактный анализ рассматривает коррупционера и взяткомана как бы в игре, в которой игроки занимают определенную позицию, позволяющую каждому из них получать свою выгоду, наличие которой фиксирует психическую зависимость от взятки. Согласно гуманистическому подходу, на занятиях проводятся ролевые игры.

Согласно **манипуляционному подходу** [4, 5] удается сформировать лишь сравнительно сильную целевую установку против желания заниматься коррупцией, не затрагивая смысловых структур взяточника и взяткомана. В рамках этого подхода возможно применение различных методов психотерапии и кодирования: гипнотическое, манипуляционное, условно-рефлекторное (например, рвотный рефлекс на восприятие значительного количества денежных купюр), шоковое, рефлексотерапевтическое, биоэнергетическое, иллюзорное, психохирургическое, комплексное и др.

Таким образом, благодаря манипуляционному подходу удается сформировать лишь сравнительно непродолжительную целевую установку «жить без взяток», не затрагивая смысловых установок и личностных ценностей коррупционера.

Согласно **смысловому подходу** [6, 7], первичная профилактика взяткомании основывается на формировании в личности системы здоровых, созидательных ценностно-смысловых ориентиров. Кроме того, в основе этого подхода, лежит процесс доведения до сознания того факта, что взяточничество и взяткомания усугубляют психическое здоровье и девальвируют все остальные ценности жизни. В рамках этого подхода личность должна познать иные способы получения радости и преодоления стрессов и депрессий.

Согласно этому подходу, необходимо провести анализ и транформацию *смыслообразующих ценностей коррупционера и взяткомана.* В зависимости от того, какие смыслообразующие ценности после психокоррекции станут главными, будет зависить эффективность психокоррекции личности коррупционера.

Особое внимание при смысловом подходе уделяется:

Психоанализу принципиальной непредсказуемости и парадоксальности будущих смысловых процессов коррупционера и взяткомана.

Явлению подмены реальных, смыслообразующих ценностей искусственными ценностями (алкоголь, наркотики, казино и др.).

Уменьшению вероятности критических состояний личности, при которых даже небольшие возмущения на личностно-смысловые структуры, проводимые взяткодателями, могут приводить к спонтанному решению – взять взятку.

На этом этапе анализируется связь взяткомании с другими маниями и зависимостями: алкоголизмом, табакоманией, наркоманией, игроманией, кредитоманией и др.

В рамках смыслового подхода при психокоррекции коррупционеру необходимо выполнение следующих рекомендаций: а) повышать психологическую защищенность от предложения взяток (развития жизнелюбия и навыков к творчеству, преодоления стрессов и депрессий, знаний о психологии радости); б) развивать навыки противостояния манипуляции (от взяткодателей и руководителей, которые пытаются преступным образом использовать личность в коррупционной схеме) и деструктивных зависимостей; в) учить выявлению самой личностью в себе, склонности и риска стать коррупционером; г) делать внушение, основанное на последствиях карьеры и здоровья и т.п.; д) как можно раньше выявлять лиц, склонных к взяточничеству (их личностные, поведенческие, эмоциональные, внешние изменения); е) проводить скрытую профилактику от взяточничества и взяткомании; ж) повышать уровень творческих процессов в психике, не доводя ее до критического непредсказуемого состояния; з) проводить социальную профилактику и обеспечивать психологическую безопасность социума.

Список литературы

1. Гарифуллин Р.Р. Психологические подходы к проблеме наркомании // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 35. – С. 29–32.

2. Гарифуллин Р.Р. Постмодернистская психология зависимой личности // Образование и саморазвитие. – 2009. – № 3(13). – С. 216–221.

3. Интервью Михаила Виноградова на сайте Bankir.ru от 30.01.2012. – URL: http://bankir.ru/publikacii/s/vor-dolzhen-lechitsya-10001149

4. Гарифуллин Р.Р. Книга кодирующая и излечивающая от алкогольной зависимости. – М.: Столица-Принт, 2004. – 176 с.

5. Гарифуллин Р.Р. Психология блефа, манипуляций, иллюзий. – М.: АСТ, 2007. – С. 222.

6. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

7. Гарифуллин Р.Р. Трансформация смысловых структур наркозависимой личности // Образование и саморазвитие. – 2009. – № 4(14). – С. 205–209.

В редакцию материал поступил 30.10.12

Информация об авторе

Гарифуллин Рамиль Рамзиевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Казанский государственный университет культуры и искусств

Адрес: 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3

E-mail: garifullin@mail.ru

R.R. GARIFULLIN,

PhD (Psychology), Associate Professor

Kazan State University for Culture and Arts

BRIBEMANIA AS ONE OF THE CAUSES OF BRIBERY: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS
(psychological and psychotherapeutical approaches to the problem of bribery and bribemania)

The article presents an attempt to prove the scientific-psychological concept of the bribery problem. The research showed that among corruptive personalities there are many bribemaniacs, that is, personalities with psychological dependence. It is shown that bribemania as a specific form of kleptomania, is an addition with all its features which are characteristic for drug addiction, alcoholism, game addiction and other destructive pathological dependences.

Key words: bribemania; prevention; bribe-credit dependence complex; psychotherapy; addiction; cognitive approach; psychoanalytical approach; behavioral approach; humanistic approach; manipulation approach; notional approach.

References

1. Garifullin R.R. Psikhologicheskie podkhody k probleme narkomanii (Psychological approaches to the problem of drug addiction), *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 2010, No. 35, pp. 29–32.
2. Garifullin R.R. Postmodernistskaya psikhologiya zavisimoi lichnosti (Post-modernistic psychology of addicted personality), *Obrazovanie i samorazvitie*, 2009, No. 3(13), pp. 216–221.
3. *Interv'yu Mikhaila Vinogradova na saite Bankir.ru ot 30.01.2012 (*An interview of Mikhail Vinogradov at Bankir.ru of 30.01.2012*)*, available at: http://bankir.ru/publikacii/s/vor-dolzhen-lechitsya-10001149
4. Garifullin R.R. *Kniga kodiruyushchaya i izlechivayushchaya ot alkogol'noi zavisimosti* (The book which encodes and cures from drug addiction). Moscow: Stolitsa-Print, 2004, 176 p.
5. Garifullin R.R. *Psikhologiya blefa, manipulyatsii, illyuzii* (Psychology of bluff, manipulation and illusion). Moscow: AST, 2007, p. 222.
6. Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla* (Psychology of sense). Moscow: Smysl, 2007, 511 p.
7. Garifullin R.R. Transformatsiya smyslovykh struktur narkozavisimoi lichnosti (Transformation of sense structures of a drug addicted personalities), *Obrazovanie i samorazvitie*, 2009, No. 4(14), pp. 205–209.

Information about the author

Garifullin Ramil Ramziyevich, PhD (Psychology), Associate Professor of the Chair of Pedagogics and Psychology, Kazan State University for Culture and Arts

Address: 3 Orenburgskiy trakt, 420059

E-mail: garifullin@mail.ru

УДК 343.9

Д.А. ДМИТРИЕВ,

научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции

НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПРЕДЕЛОВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ, ПРОВОДИМОЙ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы расширения предмета и объекта проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Анализируются основные теоретические подходы к определению предмета и объекта антикоррупционной экспертизы.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза; объект; предмет; органы прокуратуры.

В интервью Российской газете, посвященном 290-летию со дня создания прокуратуры, генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка отметил необходимость расширения пределов антикоррупционной экспертизы [1]. Речь фактически шла о расширении предмета и объекта антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры Российской Федерации.

В понятиях предмета и объекта антикоррупционной экспертизы в научной среде не наблюдается единства мнений, если не сказать более определенно, подчас наблюдается смешение понятий. Многие указанные понятия объединяют и не видят между ними различий.

Большинство авторов [2, 3] считают, что, исходя из федерального и регионального законодательства, объектом антикоррупционной экспертизы являются нормативные правовые акты (НПА) и проекты нормативных правовых актов, подготовленные органами государственной власти, учреждениями и организациями различного уровня и ведомственной принадлежности, их должностными лицами и органами местного самоуправления.

По мнению С.М. Будатарова, под объектом антикоррупционной экспертизы понимаются только административные процедуры [4, с. 34]. С этим не представляется возможным согласиться, поскольку административные процедуры всего лишь определяют механизм реализации того или иного субъективного права или законного интереса управомоченного субъекта. А коррупциогенный фактор может быть заложен изначально не в административной процедуре, а в исходном нормативном правовом акте, который содержит бланкетную норму, предусматривающую необходимость разработки таких процедур.

Коррупциогенные нормы не всегда содержатся в административных регламентах, но именно такие дефектные нормы могут повлечь коррупционную правоприменительную практику. Как справедливо отмечается в юридической литературе, «чем больше первоначальная неточность в правовом регулировании, отражающая степень отклонения от его принципов и общих закономерностей, тем больше разброс и неточность в правоприменении» [4, с. 61].

Проведение экспертизы даже отдельной нормы правового акта не может быть полной без обращения эксперта к общественным отношениям, которые регулирует данная норма. В связи с этим стоит согласиться с профессором А.В. Кудашкиным, который считает объектом антикоррупционной экспертизы общественные отношения, на регулирование которых направлен исследуемый в целях выявления коррупциогенных факторов нормативный правовой акт [5, с. 26–30].

Объект антикоррупционной экспертизы может быть общим (для всех субъектов) и специальным (только для специально указанных в Законе об антикоррупционной экспертизе субъектов).

Закон об антикоррупционной экспертизе для отдельных субъектов определяет специальные объекты. Так, Законом об антикоррупционной экспертизе (ч. 2 ст. 3) установлено, что органы прокуратуры обязаны проводить экспертизу всех вновь принятых НПА по вопросам, касающимся:

– прав, свобод и обязанностей человека и гражданина;

– государственной и муниципальной собственности, государственной и муниципальной службы, бюджетного, налогового, таможенного, лесного, водного, земельного, градостроительного, природоохранного законодательства, законодательства о лицензировании, а также законодательства, регулирующего деятельность государственных корпораций, фондов и иных организаций, создаваемых Российской Федерацией на основании федерального закона;

– социальных гарантий лицам, замещающим (замещавшим) государственные или муниципальные должности, должности государственной или муниципальной службы.

На первый взгляд может показаться, что пределы осуществления органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы указанным Законом определены достаточно узко и за ее пределами остались нормативные правовые акты, касающиеся административных, гражданско-правовых и других отношений в некоторых сферах. Однако с таким мнением не представляется возможным согласиться, поскольку все перечисленные в ч. 2 ст. 3 Закона об антикоррупционной экспертизе группы отношений имеют комплексный характер, т.е. они регулируются нормами различных отраслей права.

Несмотря на то, что указанные выше сферы занимают достаточно большую часть общественных отношений, практика проведения прокурорами антикоррупционной экспертизы показывает, что выявляемые коррупциогенные факторы в большинстве случаев сопряжены с нарушениями федерального законодательства (более 80%). Следует учитывать, что согласно требованиям Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокуроры осуществляют надзор за соответствием законам всех категорий правовых актов, издаваемых органами, перечисленными в ст. 1 данного закона. Из этого следует не только целесообразность, но и необходимость принятия прокурором мер, направленных на исключение коррупциогенных факторов, в том числе и из тех актов, в отношении которых прокуратура не наделена Федеральным законом № 172-ФЗ полномочиями по проведению экспертизы.

В связи с этим актуальным является вопрос о расширении объекта антикоррупционной экспертизы, проводимой органами прокуратуры в части исключения ограничений, содержащихся в ст. 3 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов».

Вопрос предмета антикоррупционной экспертизы рассматривается также в научной литературе. Однако на сегодняшний момент единого мнения так и не выработано. Чаще всего происходит смешение понятий предмета и объекта антикоррупционной экспертизы [6, с. 32–34].

С.М. Будатаров, например, под предметом антикоррупционной экспертизы понимает административные процедуры, получившие юридическое закрепление в правовых актах или нашедших в них отражение [7, с. 34].

О.Г. Дьяконова предметом исследования антикоррупционной экспертизы считает «фактические данные, представляющие наличие или отсутствие в нормативных правовых актах или проектах нормативных правовых актов коррупциогенных факторов и возможность их последующего устранения» [8, с. 48].

Согласно Е.Р. Россинской, теория судебных экспертиз дает единый подход к экспертным исследованиям, позволяет сформулировать предмет и задачи новых классов и родов экспертиз. На основе этой теории предметом антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов являются фактические данные (положения нормативного акта или проекта), указывающие на возможность создания условий для проявления коррупции и выявляемые с использованием специальных знаний [9].

При проведении антикоррупционной экспертизы деятельность эксперта направлена на изучение:

а) нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта, поскольку приступая к работе, эксперт обращается к конкретному нормативному правовому акту или проекту нормативного правового акта;

б) конкретной нормы нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта. Так, согласно Методике, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.2010 № 96, для обеспечения обоснованности, объективности и проверяемости результатов антикоррупционной экспертизы необходимо проводить экспертизу каждой нормы

нормативного правового акта или положения проекта нормативного правового акта;

в) фактических данных, положений этого нормативного акта или проекта.

По мнению А.В. Кудашкина, предметом антикоррупционной экспертизы являются нормативные правовые акты органов государственной власти и местного самоуправления, а также нормы, содержащиеся в данных актах, которые регулируют общественные отношения, являющиеся объектом экспертизы [10, с. 26–30]. Такой подход наиболее соответствует фактическому положению дел.

Для объективной оценки акта на коррупциогенность эксперту необходимо принимать во внимание именно положения правового акта, которые направлены на регулирования общественных отношений.

В связи с вышесказанным, по нашему мнению, предметом антикоррупционной экспертизы являются нормативные правовые акты, проекты нормативных правовых актов, конкретные нормы нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта.

Действующее законодательство ограничило сферу проведения антикоррупционной экспертизы для органов прокуратуры только актами, обладающими нормативностью.

В связи с этим очень важным является отнесение издаваемого документа к нормативным правовым актам либо иным правовым актам, не обладающим признаками нормативности.

Например, ряд органов исполнительной власти г. Москвы полагают, что ими нормативные правовые акты вообще не издаются, следовательно, весь массив издаваемых такими органами документов антикоррупционной экспертизе не подлежит. Вместе с тем ряд издаваемых ими документов обладает всеми признаками нормативного правового акта.

Согласно ч. 2 ст. 4 Закона г. Москвы «О правовых актах г. Москвы», нормативные правовые акты г. Москвы могут издаваться только в виде законов, указов мэра и постановлений правительства Москвы. Согласно упомянутому Закону и Регламенту правительства Москвы, отраслевые, функциональные и территориальные органы власти г. Москвы могут издавать только правовые акты по вопросам, связанным с непосредственным выполнением задач, определенных положениями о соответствующих органах исполнительной власти г. Москвы. Между тем на практике нормы содержатся и в распоряжениях мэра и правительства Москвы, и в приказах и распоряжениях департаментов, комитетов и префектур и даже управ районов. Полностью исключить принятие нормативных правовых актов этими органами невозможно, поскольку именно на них возложены обязанности по регулированию той или иной сферы деятельности.

Это не единичный случай, например, согласно постановлению Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», территориальные органы федеральных органов власти вообще не обладают полномочиями по изданию нормативных правовых актов, однако данные органы издают различные акты, направленные на регулирование отношений в сфере, относящейся к ведению территориального органа. В связи с этим, как уже было сказано выше, не обладая формально признаками нормативности, данные акты не проходят антикоррупционную экспертизу со стороны органов прокуратуры.

Например, согласно Приказу ФСКН России от 27.06.2008 № 199 «Об утверждении Типового положения о региональном управлении Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и управлении Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков по субъекту Российской Федерации» начальник территориального управления утверждает в установленном порядке положения о структурных подразделениях Управления, о межрайонных, городских (районных) органах наркоконтроля, должностные инструкции сотрудников и работников, должностные регламенты федеральных государственных гражданских служащих Управления.

Данная проблема может быть решена двумя способами.

1. Разработка Проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в котором помимо прочего будут содержаться 1) определения основных понятий, используемых в нормотворчестве, в том числе понятие нормативного правового акта, закона, законодательного акта, подзаконного норматив-

ного правового акта, законодательства и др.; 2) классификации основных и производных видов нормативных правовых актов.

2. Внесение изменений в Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», наделение прокуроров полномочиями по проведению антикоррупционной экспертизы всех правовых актов органов, организаций, их должностных лиц, в том числе инструкций, регламентов и т.д.

В информационном письме Генеральной прокуратуры Российской Федерации «О практике проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 21.06.2010 отмечается, что, предупреждению принятия значительного количества нормативных правовых актов, содержащих коррупциогенные факторы, способствует работа органов прокуратуры по изучению проектов нормативных правовых актов.

Стоит отметить, что приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов»[1] (далее – Приказ) органам прокуратуры поручено продолжить практику информирования соответствующих органов и должностных лиц о наличии коррупциогенных факторов <…> в проектах нормативных правовых актов.

Данным Приказом на прокуроров фактически возложена обязанность по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов с единственных отличием: прокуроры не вносят требований в случае обнаружения коррупциогенных факторов, а только направляют информацию в орган, в котором разработан проект.

Согласно информации, полученной от прокуроров субъектов, данная практика во многом способствует предотвращению включения коррупциогенных факторов в нормативные правовые акты, а также содействует уменьшению выявляемых коррупциогенных факторов при проведении антикоррупционной экспертизы.

В связи с этим также следует законодательно закрепить полномочия прокуроров по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, что существенно облегчит работу органов прокуратуры в части взаимодействия с органами, осуществляющими правотворческую деятельность.

Список литературы

1. Егоров И. Юрий Чайка о наказании продажных чиновников, скрытых преступлениях и мониторинге Интернета // Российская газета. Столичный выпуск. – 2012. – № 5676 (3). – 12 января.

2. Объекты антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов: понятия и виды // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / Р.Р. Газимзянов, М.С. Азаров, В.В. Астанин, И.С. Барзилова и др. – М.: Проспект, 2010. – 96 с.

3. Кабанов П.А. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2010. – С. 13.

4. Будатаров С.М. Объект и предмет антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. – 2009. – № 3. – С. 34.

5. Кудашкин А.В. К вопросу о предмете и объекте антикоррупционной экспертизы // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 8.

6. Газимзянов Р.Р. Объект антикоррупционной экспертизы: понятие, содержание, виды // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 4.

7. Будатаров С.М. Объект и предмет антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. – 2009. – № 3. – С. 34.

8. Дьяконова О.Г. Правовая или антикоррупционная экспертиза Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. – М.: Проспект, 2010. – 96 с.

9. Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / М.С. Азаров, В.В. Астанин, И.С. Барзилова и др. – М.: Проспект, 2010. – 96 с.

10. Кудашкин А.В. К вопросу о предмете и объекте антикоррупционной экспертизы // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 8.

В редакцию материал поступил 15.11.12

[1] Законность. – № 4. – 2010.

Информация об авторе

Дмитриев Денис Артемович, научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Адрес: 123022, г. Москва, 2-я Звенигородская ул, 15, тел.: (499) 259-50-58

E-mail: 007dmitriev@list.ru

D.A. DMITRIYEV,

Researcher of the Department of Prosecutor's inspection and law enforcement in the sphere of state and municipal service and corruption counteraction

Scientific-Research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF BROADENING THE LIMITS OF ANTI-CORRUPTION EXPERTISE CARRIED OUT BY PROSECUTOR'S OFFICE BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article views the issues of broadening the object and subject of anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts carried out by the prosecutor's office bodies. The main theoretical approaches to defining the subject and object of anticorruption expertise are analyzed.

Key words: anticorruption expertise; object; subject; Prosecutor's office.

References

1. Egorov I. Yurii Chaika o nakazanii prodazhnykh chinovnikov, skrytykh prestupleniyakh i monitoringe Interneta (Yuriy Chaika on punishing the corrupt officials, hidden crimes and Internet monitoring), *Rossiiskaya gazeta. Stolichnyi vypusk*, 2012, No. 5676 (3), 12th January.

2. Ob"ekty antikorruptsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov: ponyatiya i vidy (Objects of anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts: notion and types), *Antikorruptsionnaya ekspertiza normativno-pravovykh aktov i ikh proektov*. Moscow: Prospekt, 2010, 96 p.

3. Kabanov P.A. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 17.07.2009 № 172-FZ "Ob antikorruptsionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov"* (Scientific-practical comment on Federal Law of 17.07.2009 # 172-ФЗ "On anti-corruption expertise of normative legal acts and drafts of normative legal acts".). Kazan: Izd-vo "Poznanie" Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2010, p. 13.

4. Budatarov S.M. Ob"ekt i predmet antikorruptsionnoi ekspertizy pravovykh aktov i ikh proektov (The object and subject of anti-corruption expertise of legal acts and their drafts), *Voprosy sudebnoi reformy: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2009, No. 3, p. 34.

5. Kudashkin A.V. K voprosu o predmete i ob"ekte antikorruptsionnoi ekspertizy (On the issue of the subject and object of anti-corruption expertise), *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2010, No. 8.

6. Gazimzyanov R.R. Ob"ekt antikorruptsionnoi ekspertizy: ponyatie, soderzhanie, vidy (The object of anti-corruption expertise: notion, content, types), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2009, No. 4.

7. Budatarov S.M. Ob"ekt i predmet antikorruptsionnoi ekspertizy pravovykh aktov i ikh proektov (The object and subject of anti-corruption expertise of legal acts and their drafts), *Voprosy sudebnoi reformy: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2009, No. 3, p. 34.

8. D'yakonova O.G. Pravovaya ili antikorruptsionnaya ekspertiza (Legal or anticorruption expertise), *Antikorruptsionnaya ekspertiza normativno-pravovykh aktov i ikh proektov*. Moscow: Prospekt, 2010, 96 p.

9. *Antikorruptsionnaya ekspertiza normativno-pravovykh aktov i ikh proektov* (Anti-corruption expertize of normative legal acts and their projects), M.S. Azarov, V.V. Astanin, I.S. Barzilova. Moscow: Prospekt, 2010, 96 p.

10. Kudashkin A.V. K voprosu o predmete i ob"ekte antikorruptsionnoi ekspertizy (On the issue of the subject and object of anti-corruption expertise), *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2010, No. 8.

Information about the author

Dmitriyev Denis Artyomovich, Researcher of the Department of Prosecutor's inspection and law enforcement in the sphere of state and municipal service and corruption counteraction Scientific-Research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Address: 15 2nd Zvenigorodskaya Str., 123022, Moscow, tel. (499) 259-50-58

E-mail: 007dmitriev@list.ru

УДК 343.9

Р.О. ДОЛОТОВ,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Саратовская государственная юридическая академия

ЦЕНА ПРЕСТУПНОСТИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ[1]

В статье рассматриваются проблемы измерения общественной опасности преступности с применением экономических показателей и цены преступности. Обосновывается необходимость введения новой научной категории «сопоставимая общественная опасность».

Ключевые слова: преступность; цена преступности; общественная опасность; сопоставимая общественная опасность.

Термин «преступность» является ключевым в криминологии, однако споры о его понимании не утихают ни в отечественной, ни в зарубежной криминологии [1]. Можно смело заявить, что в большинстве научных концепций преступность предстает как совокупность преступлений, обладающая свойствами открытой системы. Само же понятие преступления выступает оценочной категорией, так как содержание конкретных уголовно-правовых запретов зависит от сложивших в социуме общественных отношений. Границы преступного постоянно меняются, «не следует упускать из виду, что грань, отделяющая преступление от иных видов правонарушений, изменчива и условна» [2]. Таким образом, понятие преступности производно от укоренившихся в социальном сознании представлений о мироздании, обществе и человеке, т.е. от типа культуры.

Современное российское общество как часть западной цивилизации имеет характерные черты материалистически ориентированной культуры, в рамках которой счастью человека, его удовольствиям придается высшая ценность.

В основе сложившегося социального строя главной ценностью является материальное благополучие, ассоциирующееся со счастьем. Многие убеждены в том, что для счастья необходимо определенное количество материального имущества или даже возможность бесконечно приобретать новое.

Сложившийся порядок вещей стал благодатной почвой для наметившейся еще в прошлом веке тенденции к существенному расширению сферы использования экономического подхода к изучению общественных явлений. Новое направление исследований получило наименование «экономического империализма», поскольку его последователи активно «захватывали» такие традиционно неэкономические области анализа, как преступность, расовая дискриминация, демографическое «производство» и т.д., причем первым в этом ряду было именно экономическое исследование преступлений [3].

Экономический взгляд на преступность, в основе которого лежат методы анализа затраты-выгоды и затраты-эффективность, вынуждает прибегнуть к тотальной монетаризации всех сторон жизни. Использование стоимостных оценок как универсальных соизмерителей всех благ (в том числе и человеческой жизни) привело к появлению принципиально новых антикриминальных концепций. Например, ряд экономистов-криминологов настаивают на том, что организованная преступность (монополизация преступных промыслов) предпочтительнее преступности дезорганизованной, так как монополизация преступного производства ведет к снижению уровня преступности и к одновременной экономии расходов на предупреждение преступности. Так, Джеймс Бьюкенен – лауреат

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Цена преступности: методология ее определения», № 12-03-00008а.

Нобелевской премии по экономике 1986 г. пишет: «Такая монополия социально желательна, и это должно быть полностью признано правоохранительными ведомствами, которым следует, по крайней мере, не затруднять организацию такого монополизированного производства» [4]. Другой экономист-криминолог – Томас Шеллинг (лауреат Нобелевской премии по экономике 2005 г.) указывал, что «некоторые цели организованной преступности совпадают с целями общества – это минимизация междоусобных банд и всех насильственных побочных последствий преступлений, даже избегание согласно договоренности определенных видов преступлений. Если это так, то не следует желать, <...> чтобы вся преступность была менее организованной. Возможно даже, нам необходимо, чтобы некоторые виды преступности были бы более организованными, чем сейчас» [5].

Взгляд на проблему преступности сквозь призму экономической рациональности направлен не только на ее глобальные аспекты, но и на частные вопросы. Так, одной из криминологических проблем, представляющей особый интерес для экономистов, является противодействие незаконному обороту наркотиков. В 2009 г. Организация по борьбе с наркотиками «Трансформация» (Великобритания) провела исследование «Сравнение показателя «затраты-эффективность» при запрете наркотиков и регулировании наркорынка» [6]. В результате проведенного анализа был сделан следующий вывод: регулирование рынка наркотиков является значительно более рациональной политикой в отношении показателя «затраты-эффективность», чем запрет и переход от запрета наркотиков к их регулируемым рынкам в Англии и Уэльсе позволит обеспечить чистые сбережения налогоплательщикам, жертвам преступлений, системе уголовного судопроизводства и потребителям наркотиков в размере £13.943 млрд в год.

Подобный подход к анализу проблем преступности не нашел поддержки среди представителей отечественной криминологии, видимо, из-за того, что он, в первую очередь, вступает в явное противоречие с их морально-нравственными установками. Ю.В. Латов совершенно верно отметил, что «российская культура принципиально не признает возможности оценивать в деньгах честь и достоинство, не говоря уже о жизни человека <…>. Немудрено поэтому, что культурологический шок от таких рассуждений испытывают не только неспециалисты, но и интеллектуально искушенные экономисты» [7].

Однако подобные этические установки приводят к методологической ограниченности науки. Рассматривая криминологические вопросы лишь в нравственной системе координат и отказываясь от анализа этих проблем сквозь призму экономической рациональности, мы отрываемся от существующей реальности, строим утопию. Принятие государственных решений, в том числе и в сфере борьбы с преступностью, основывается изначально на политической и экономической мотивации, а не на нравственной, к сожалению. В то же время полное игнорирование этических установок в угоду экономической рациональности также невозможно, так как это противоречит сформировавшимся в культурной среде стереотипам мышления, а, в конечном счете, может привести к самоуничтожению человека.

При анализе криминологических проблем необходимо применять принцип дополнительности: рассматривать проблему в двух системах координат – нравственной (этической) и материалистической (экономической). Наличие корреляции между результатами анализа проблем преступности в этих системах координат будет свидетельствовать о гармоничном развитии общества, ее отсутствие – о высокой степени аномии социума.

Применительно к самой преступности подобный подход можно проиллюстрировать на примере ее важнейшей социальной характеристики – общественной опасности (характеристика куда более объективная, чем число зарегистрированных преступлений).

Как правило, общественная опасность преступности в отечественной криминологии рассчитывается на основе общего числа учтенных деяний и (а) размера наказания, назначенного судом, (б) либо размера санкций, установленных законодателем. Чаще всего используют первый вариант расчета общественной опасности. Нельзя не согласиться с М.П. Клейменовым в том, что измерение общественной опасности преступности с помощью рассматриваемого показателя огрубляет реальность, но приблизительная информация лучше, чем ее полное отсутствие [8].

Учитывая, что УК РФ предусматривает различные виды наказаний, при расчетах общественной опасности по сложившейся в отечественной криминологии традиции размеры и сроки всех наказаний «по определенному обменному курсу сводятся» к лишению свободы. Срок лишения свободы выступает универсальной единицей оценки общественной опасности всех преступлений. Однако сам срок лишения свободы не имеет жесткой однозначной корреляции с ущербом, нанесенным жертве, обществу. Так, например, одни и те же последствия – смерть человека, могут влечь абсолютные разные наказания (несколько месяцев лишения свободы условно или пожизненное лишение свободы). Еще больше проблем возникает при сопоставлении наказаний за умышленные и неосторожные преступления, в результате которых наступают идентичные социальные последствия.

Следует согласиться с В.С. Овчинским в том, что «по духу и архитипическому образу наказания как такового именно время лишения свободы до сего времени является главной «валютой», в которой измеряется преступление <…>. Однако историческая тенденция скорее такова, что первым императивом восстановления справедливости считается экономическое, ценностное возмещение ущерба, причиненного преступлением, даже тогда когда ущерб касается внеэкономических благ» [9].

Соответственно, наказание, в первую очередь, как отметил Х. Гирстен, – это символический акт, который по сути своей не может быть равнозначным преступлению. Это исключительно знак того, что обществу нанесен вред [10]. Отсюда следует, что наказание с экономической точки зрения не может выступать инструментом для измерения социальных последствий преступности.

Применяемый в большинстве случаев метод, когда общественная опасность преступности определяется путем суммирования количества преступлений и сопоставления размеров наказаний, установленных в санкции статьи, либо назначенных судом, не в полной мере отражает реальную общественную опасность преступности, так как не учитывает реальный масштаб вреда.

Общественная опасность преступности должна характеризоваться не только объемом преступности и уголовным наказанием (как это предлагается практически во всех отечественных учебниках по криминологии), но и иным показателем, отражающим максимально полно все негативные социальные последствия, выраженные в количественной форме. Подобным показателем можно признать цену последствий преступности – денежное выражение прямого и косвенного экономического ущерба (потерь) от преступных посягательств. Денежное выражение стоимости последствий преступности необходимо использовать как альтернативный способ измерения общественной опасности преступности.

Учитывая современный уровень развития математических, экономических и социологических наук, сложно согласиться с тезисом о том, «что не всякий ущерб, наносимый преступностью, может быть посчитан или выражен в каком-либо числовом эквиваленте» [11].

Следует поддержать Б.А. Минина в том, что «настоятельно требуется введение социальной, причем обязательно количественной (а не только вербально выражаемой) экспертизы последствий, которая сумела бы заранее предсказать и затем по факту оценить (рассчитать) эффект и ущерб от всех социальных последствий для всех объектов воздействия и выразить изменения количественно, в стоимостной форме» [12].

Сама идея о количественном измерителе социальных последствий преступности, отражающем экономический строй общества, скрыто заложена даже в унаследованной из советской юриспруденции российской системе наказаний, где главная роль отведена лишению свободы. Вот что по этому поводу писал известный криминолог Л.И. Спиридонов: «Время – всеобщий измеритель «стоимости» социальных феноменов, в том числе и юридических. И отнюдь не случайно, что тяжесть содеянного, как правило, измеряется законодателем в конечном счете временем наказания, в течение которого виновный своим трудом производит новую «стоимость» и тем самым устраняет причиненный ущерб, хотя буржуазный закон может указывать на иные задачи уголовно-правовых санкций. И хотя социалистическое уголовное право ставит совершенно другие цели, чем право буржуазное, время наказания остается преимущественно критерием тяжести содеянного. При таком понимании роли оценивания может показаться правильным признание необходимо-

сти или во всяком случае целесообразности того, чтобы функция оценки была возложена на ученых-экономистов и социологов, а формулировка закона – на юристов» [13].

Включение в расчеты общественной опасности преступности дополнительных параметров, отражающих цену последствий преступности, будет способствовать получению более объективной криминологической информации.

Условно можно считать, что цена последствий преступности – это экономический показатель общественной опасности преступности, а лишение свободы – символический (нравственный) показатель.

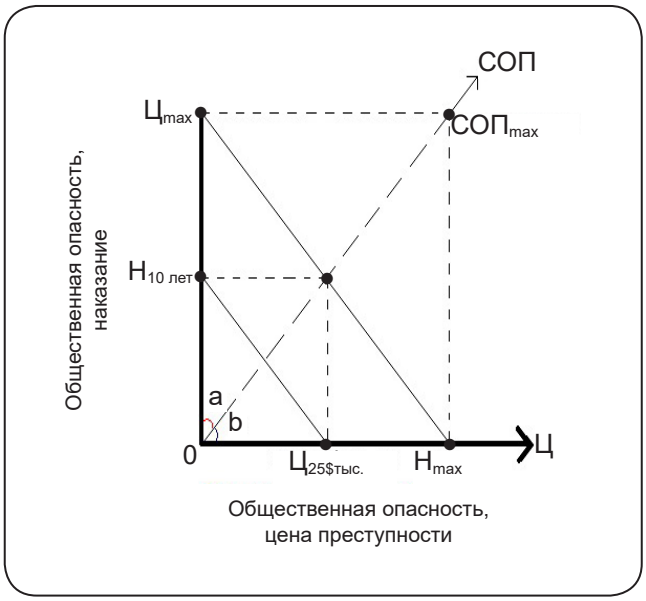
В связи с тем, что при оценке общественной опасности преступности за основу традиционно берется срок / размер наказания, закрепленный в УК за единичное преступление, то и определение цены последствий преступности также следует рассчитывать применительно к единичному преступлению с дальнейшим их суммированием. Подобный способ предполагает вычисление среднеарифметических показателей, например, «средняя» цена последствий одного убийства. Резонность такого подхода основана на том, что преступность – это массовое явление, а соответственно, к ней применимы законы больших чисел.

В культурологическом плане важно, чтобы высокая степень общественной опасности наиболее общественно опасных деяний была таковой и с точки зрения экономического, и с точки зрения нравственного подхода. Точку, в которой происходит пересечение этих подходов, условно можно назвать **сопоставимой общественной опасностью.**

Ниже на графике представлен один из вариантов подобной оценки общественной опасности:

Исходной точкой для построения графика является определение самой главной ценности (либо группы ценностей), подлежащей уголовно-правовой охране. Исходя из современной социокультурной размерности, отталкиваясь от конвенциональной концепции истины, такой ценностью следует признать жизнь человека.

Соответственно самое строгое наказание $Н_{max}$ (например, пожизненное лишение свободы, либо максимальный срок лишения свободы – 20 лет) должно быть установлено за деяние, непосредственным последствием которого выступает смерть человека. Далее из точки $Н_{max}$ необходимо в направлении оси Ц под углом 45° провести прямую линию. Точка $Ц_{max}$ будет показывать размер денежного выражения последствий преступления, соответствующий максимально возможному сроку/размеру уголовного наказания, например, цена последствий убийства в России – около 50 тыс. долларов [14] (данная сумма условна и приведена лишь для примера, создание методики определения цены последствий насильственных преступлений – сложная и малоизученная проблема в отечественной криминологии).



Пересечение линий $Н_{max}$ и $Ц_{max}$ указывает на значение ***сопоставимой общественной опасности*** для самого тяжкого преступления.

Получившийся ▲ $Н_{max}$ О $Ц_{max}$ можно признать своеобразным ориентиром для пенализации всех остальных деяний. Другими словами, при нахождении точки сопоставимой общественной опасности для каждого преступления в идеале должен выстраиваться равносторонний треугольник, например, ▲$Н_{10лет}$О $Ц_{25\$тыс}$. Безусловно, незначительные отклонения от данного правила вполне допустимы, однако массовое существенное отклонение показателей *a* или *b* от значения 45° будет свидетельствовать: 1) о неадекватности уголовно-правовой политики (уменьшение угла *a* указывает на чрезмерную репрессивность, уменьшение угла *b* – на чрезмерную гуманизацию); 2) о неадекватной методологии определения цены преступности; 3) о неадекватности параметров

построенного ▲ $Н_{max}$ О $Ц_{max}$, а именно значения $Ц_{max}$, что означает неадекватность уже социально-экономической политики в целом.

Мы убеждены в том, что именно неадекватность социально-экономической политики в России не позволяет *достичь равносторонних значений сопоставимой общественной опасности*. Проведенные В.Е. Квашисом и Л.В. Кондратюком приблизительные расчеты показали, что в существующем российском государственном режиме «цена» человеческой жизни крайне мала [14]. Если мы попробуем определить значения сопоставимой общественной опасности для преступлений против государственной власти, либо для ряда экономических преступлений, то мы, скорее всего, увидим, что цена последствий этих преступлений многократно превышает цену преступлений против личности, однако наказания за них в разы меньше, чем за преступления против личности.

Ситуация, при которой жизнь человека и его права лишь de jure являются высшей ценностью, а с экономической точки зрения – нет, наталкивает нас на два вывода: а) либо мы должны официально признать, что главной ценностью в государстве выступают не права личности, а что-то другое, б) либо государство должно измениться таким образом, чтобы жизнь и личные права человека реально ценились, и государство было экономически мотивировано на охрану, в первую очередь, именно этих ценностей.

Остается надеяться, что общество заинтересовано в реализации второго вывода.

Именно показания сопоставимой общественной опасности преступлений позволят нам судить о степени достижения данной цели в рамках проводимой уголовной политики, а также реальной ценности тех или иных объектов уголовно-правовой охраны.

Список литературы

1. Гилинский Я.И. Понятие преступности в современной криминологии // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. – 2001. – № 3. – С. 74–79.

2. Герцензон А.А. Уголовное право и социология (Проблемы социологии уголовного права и уголовной политики). – М., 1970. – С. 45.

3. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т.: пер. с англ. под ред. В.Л. Тамбовцева. – СПб. – Т. 1. – 2004. – С. 3.

4. Buchanan J.M. A Defence of Organized Crime? // The Economics of Crime. Cambr., Mass., 1980. – P. 396.

5. Schelling T. C. Economic Analysis and Organized Crime // U.S. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task Force Report: Organized Crime. Annotations and Consultants Paper. Washington, 1967. – P. 122.

6. URL: http://www.tdpf.org.uk/cost-effectiveness-report.htm

7. Латов Ю.В. Экономика вне закона. Очерки по теории и истории теневой экономики. – М.: МОНФ, 2001. – С. 58–59.

8. Клейменов М.П. Криминология: учебник. – М.: Норма, 2008. – С. 60.

9. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / под ред. К.К. Горяинова. – М.: Норма, 2008. – С. 232.

10. Кристи Н. Удобное количество преступлений: пер. с англ. Е. Матерновский. – СПб.: Алетейя, 2006. – С. 120.

11. Аванесов Г.А. Криминология: учебник для студентов вузов, обуч-ся по спец-сти «Юриспруденция». – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – С. 211.

12. Минин Б.А. Возвратное право: правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. – С. 27.

13. Спиридонов Л. И. Социология уголовного права. – М., 1986. – С. 106.

14. Квашис В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 99.

В редакцию материал поступил 07.09.12

Информация об авторе

Долотов Руслан Олегович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Саратовская государственная юридическая академия

Адрес: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, тел.: (8452) 29-91-06

E-mail: dolotov@crimpravo.ru

R.O. DOLOTOV,

PhD (Law), Seniour Lecturer

Saratov State Juridical Academy

CRIME COST AS AN INDICATOR OF PUBLIC DANGER OF THE CRIME[2]

The article views the issues of measuring the public danger of crime using economic indicators and crime cost. The necessity to introduce a new scientific category "comparable public danger" is grounded.

Key words: crime; crime cost; public danger; comparative public danger.

References

1. Gilinskii Ya.I. Ponyatie prestupnosti v sovremennoi kriminologii (Notion of crime in the modern criminology), *Trudy Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta General'noi prokuratury RF*, 2001, No. 3, pp. 74–79.

2. Gertsenzon A.A. *Ugolovnoe pravo i sotsiologiya (Problemy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnoi politiki)* (Criminal law and sociology (Issues of sociology of criminal law and criminal policy)). Moscow, 1970, p. 45.

3. Pozner R.A. *Ekonomicheskii analiz prava* (Economical analysis of law). Saint Petersburg, T. 1, 2004, p. 3.

4. Buchanan J.M. A Defence of Organized Crime?, *The Economics of Crime*. Cambr., Mass., 1980, p. 396.

5. Schelling T. S. Economic Analysis and Organized Crime, U.S. The President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice. Task Force Report: Organized Crime. Annotations and Consultants Paper. Washington, 1967, p. 122.

6. http://www.tdpf.org.uk/cost-effectiveness-report.html

7. Latov Yu.V. *Ekonomika vne zakona. Ocherki po teorii i istorii tenevoi ekonomiki* (Economy out of law. Sketches on the theory and history of shadow economy). Moscow: MONF, 2001, pp. 58–59.

8. Kleimenov M.P. *Kriminologiya* (Criminology). Moscow: Norma, 2008, p. 60.

9. Kondratyuk L.V., Ovchinskii V.S. *Kriminologicheskoe izmerenie* (Criminological measurement). Moscow: Norma, 2008, p. 232.

10. Kristi N. *Udobnoe kolichestvo prestuplenii* (Convenient number of crimes). Saint Petersburg: Aleteiya, 2006, p. 120.

11. Avanesov G.A. *Kriminologiya* (Criminology). Moscow: YuNITI-DANA, 2010, p. 211.

12. Minin B.A. *Vozvratnoe pravo: pravosudie, sotsial'naya bezopasnost' i sotsial'noe razvitie* (Reversionary right: justice, social security and social development). Moscow: ID "Yurisprudentsiy", 2007, p. 27.

13. Spiridonov L. I. *Sotsiologiya ugolovnogo prava* (Sociology of criminal law). Moscow, 1986, p. 106.

14. Kvashis V.E. "Tsena" prestupnosti kak kriminologicheskaya problema (Crime "cost" as a criminological issue), *Ugolovnoe pravo*, 2008, No. 6, p. 99.

Information about the author

Dolotov Ruslan Olegovich, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal and Criminal-executive Law, Saratov State Juridical Academy

Address: 104 Chernyshevskogo Str., 410056 Saratov, tel.: (8452) 29-91-06

E-mail: dolotov@crimpravo.ru

[2] The research is carried out with the financial support of the Russian State Scientific Fund within the frameworks of RSSF scientific-research project "Crime cost: methodology of defining", № 12-03-00008a.

УДК 343.9

Л.М. ЗАКИРОВА,

кандидат психологических наук, доцент

Филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ С КОРРУПЦИОННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Статья посвящена одной из сложных и многогранных аспектов современной психологии личности – коррупционному поведению. В статье представлены личностные особенности лиц, склонных к коррупционному поведению, а именно уровень субъективного контроля.

Ключевые слова: коррупция; коррупционное поведение; уровень субъективного контроля.

Проблема коррупции как в нашей стране, так и во всем мире давно приобрела статус актуальной научной проблемы. Кроме частного интереса со стороны ученых-обществоведов, к проблеме борьбы с коррупцией обращена государственная политика правительства Республики Татарстан.

Почти все аналитические труды, в рамках которых были предприняты попытки определить сложный, многогранный социально-психологический феномен – коррупцию, указывают на то, что нет единого, универсального определения коррупции [1–5] и др.

Чем активнее в стране разворачивается антикоррупционная борьба, тем зримее ощущается недостаток глубоких и всесторонних теоретических исследований по теме коррупции. Основную массу составляют работы юристов, которые рассматривают лишь часть коррупции, попадающую под юридическую санкцию [6; 7; 8; 9]. Огромный пласт самой коррупции при этом остается невидимым и малоисследованным.

Многочисленные исследования посвящены экономическим, правовым и социальным аспектам коррупции. В то же время психологические исследования коррупции и коррупционного поведения можно пересчитать по пальцам [10–13]. Такое положение дел объясняется, прежде всего, методологическими трудностями, с которыми сталкивается исследователь психологических аспектов коррупции. Если юридический аспект коррупционного поведения вполне сносно трактуется на юридическом языке, то в психологии отсутствует вообще какая-нибудь объяснительная модель данного феномена.

Проблема современной коррупции как социально и экономически очерченного явления имеет свое специфическое содержание, сущность, определенные формы и все больше приобретает статус актуальной научной проблемы, где в основном многочисленные исследования посвящены выявлению экономических, правовых и социальных причин. Анализ реальных ситуаций, литературных источников свидетельствует о выраженной психологической компоненте факта коррупционного давления. Таким образом, необходимость изучения психологического составляющего данного феномена несомненна.

Употребление термина «коррупция» применительно к политике приписывается еще Аристотелю, который определял тиранию как неправильную, испорченную, т.е. коррумпированную форму монархии [14]. В римском праве этим термином обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом.

Одно из наиболее коротких современных определений принадлежит Дж. Сентурия: злоупотребление публичной властью ради частной выгоды. Большинство исследователей сводят определение коррупции к взятке и злоупотреблению служебным положением. В этом же ключе определяют коррупцию и международные организации [1].

Г. Мюрдаль и С. Роуз-Аккерман (как, впрочем, и многие другие) отмечали в качестве важного признака коррупции скрытый, тайный характер действия. То, что не скрывается от глаз общественности и является допустимым с точки зрения общества, не имеет ничего общего с коррупцией [15].

Определения, которые можно обнаружить в современной отечественной литературе, принадлежат, в первую очередь, правоведам, что неудивительно, поскольку именно в 1990-е гг. предпринимались неоднократные попытки за-

конодательно определить и коррупцию, и меры наказания коррупционных действий. Приведем, наиболее приемлемое, на наш взгляд, определение, данное Л.В. Астафьевым: «Незаконное использование должностными лицами своего статуса или вытекающих из него возможностей в интересах других лиц с целью получения личной выгоды» [10].

По своей направленности и механизмам реализации коррупционное поведение – это разновидность социального поведения, так как оно представляет собой совокупность поступков и действий должностного лица, которые по своим результатам затрагивают интересы отдельных людей, социальных групп, социальных общностей или общества в целом. Именно в таком поведении проявляются индивидуально-психологические и социальные качества человека: особенности его темперамента, характера, воли, мотивации, профессионально-нравственные убеждения, ценностные ориентации.

С точки зрения социальной нормы коррупционное поведение также можно рассматривать как один из видов девиантного поведения, которое определяется соответствием или несоответствием тех или иных поступков профессиональным нормам и социальным ожиданиям. Однако критерии определения девиантного поведения неоднозначны и часто вызывают разногласия и споры [16]. Граница между нормой и отклонением от нее может быть достаточно размытой в зависимости от позиции того, кто дает оценку тому или иному поведенческому акту, а также от того, в контексте каких общественных норм производится эта оценка. Кроме того, существует постоянное расхождение между декларируемыми моральными нормами и принципами, с одной стороны, и реальной мотивацией поступков индивида – с другой. В этом заключается еще одна сложность исследования коррупционного поведения. И с этой точки зрения определять однозначно коррупционное поведение как девиантное не всегда представляется возможным: если коррупция стала в определенном смысле «нормой» социальных отношений, то коррупционное поведение тоже является «нормой», пусть и искаженной (извращенной) с точки зрения морали и права.

Коррупция всегда носит скрытый характер, разворачивается как асоциальная деятельность, захватывая практически все социальные слои общества, но, как отмечал Д.А. Медведев в 2007 г., «это просто вершина айсберга» [17].

Для преступлений, связанных с коррупцией, характерен постоянный поиск все новых и новых возможностей преступно-корыстных способов действий. Побудительный механизм коррупции имеет общую основу – устойчивость корыстных побуждений, мотивов. С точки зрения психологии корысть – это один из самых стойких и трудноискоренимых человеческих пороков, в основе которого – системное взаимодействие анэтических мотивов, целей, поступков. Он является системообразующим фактором устойчивой отрицательной направленности личности. Кроме того, корысть ведет к падению нравственности и духовности личности, социальных, профессиональных групп. Явление коррупции ставит общество перед необходимостью не только осуществления радикальных политических, но и целенаправленных социально-психологических преобразований.

Морально-психологическая атмосфера в обществе серьезно влияет на уровень коррупции. Большинство чиновников рано или поздно сталкиваются с обстоятельствами, в которых они впервые должны делать выбор: принимать или не принимать коррупционное решение. Появление этих обстоятельств зависит как от условий, порождающих коррупцию, так и от социально-психологических факторов. Поняв природу этого явления, мы сможем определить, что надо делать для борьбы с коррупцией.

Нами было проведено исследование для оценки склонности к риску у лиц с коррупционным поведением. В исследовании приняло участие 150 человек, из них:

50 человек – лица в возрасте от 22 до 27 лет;

50 человек – лица в возрасте от 28 до 39 лет;

50 человек – лица в возрасте от 40 лет.

На первом этапе исследования формировалась выборка с применением анкеты, особенности личности лиц с коррупционным поведением изучались по методикам диагностики уровня субъективного контроля Роттера.

Результаты исследования коррупционного поведения показали, что в группе лиц раннего зрелого возраста 57,7% испытуемых с коррупционным поведением, 42,3% – без него (рис. 1). В группе лиц среднего зрелого возраста было выявлено уже

71% испытуемых с коррупционным поведением, а в группе лиц с верхним порогом зрелости – 88%.

Чем старше человек, тем в большей степени он понимает, что без взяток, поощрений, подарков решить свои проблемы невозможно. С опытом человека возникает желание решать все вопросы, прибегая к коррупционному поведению. На данный момент, социальная реклама, направленная против коррупционного поведения, начинает влиять на сознание молодых людей. Многие молодые люди, сначала стараются решить вопросы, не прибегая к коррупции.

Средние значения показателей уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением раннего зрелого возраста (от 22 до 27 лет) представлены на рис. 2.

Анализ результатов, приведенных на рис. 2, показал, что у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 22 до 27 лет к экстернальному типу локуса контроля относятся следующие шкалы: шкалы интернальности в области достижений и неудач, шкала интернальности в семейных и производственных отношениях. Шкалы, относящиеся к интернальному типу локуса контроля, не обнаружены. Остальные шкалы уровня субъективного контроля амбивалентны: общая интернальность, интернальность в межличностных отношений и в отношении здоровья, болезни.

Таким образом, лица с коррупционным поведением в возрасте от 22 до 27 лет больше амбиналы, чем экстерналы или интерналы. Они могут контролировать свои формальные и неформальные

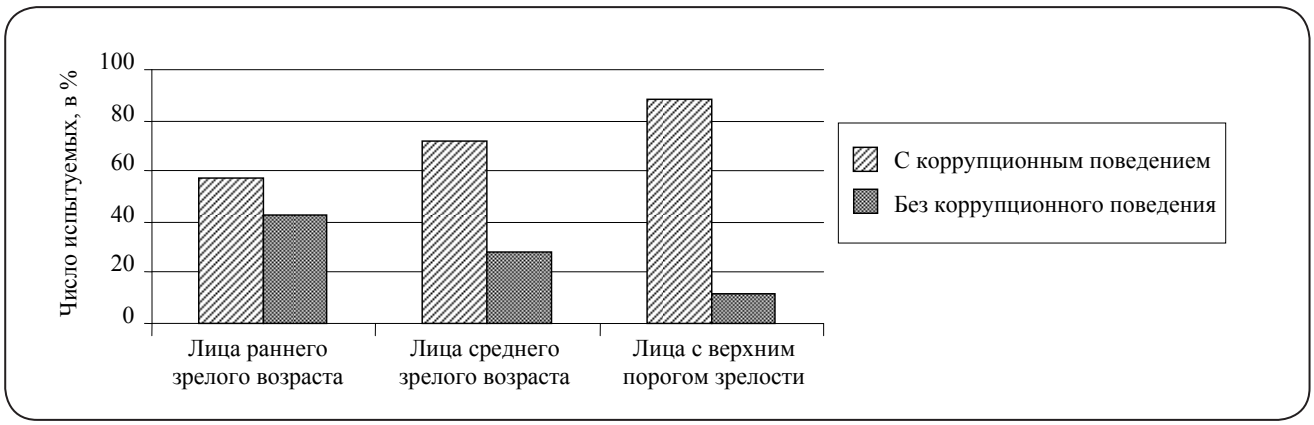


Рис. 1. Коррупционное поведение на разных этапах онтогенеза

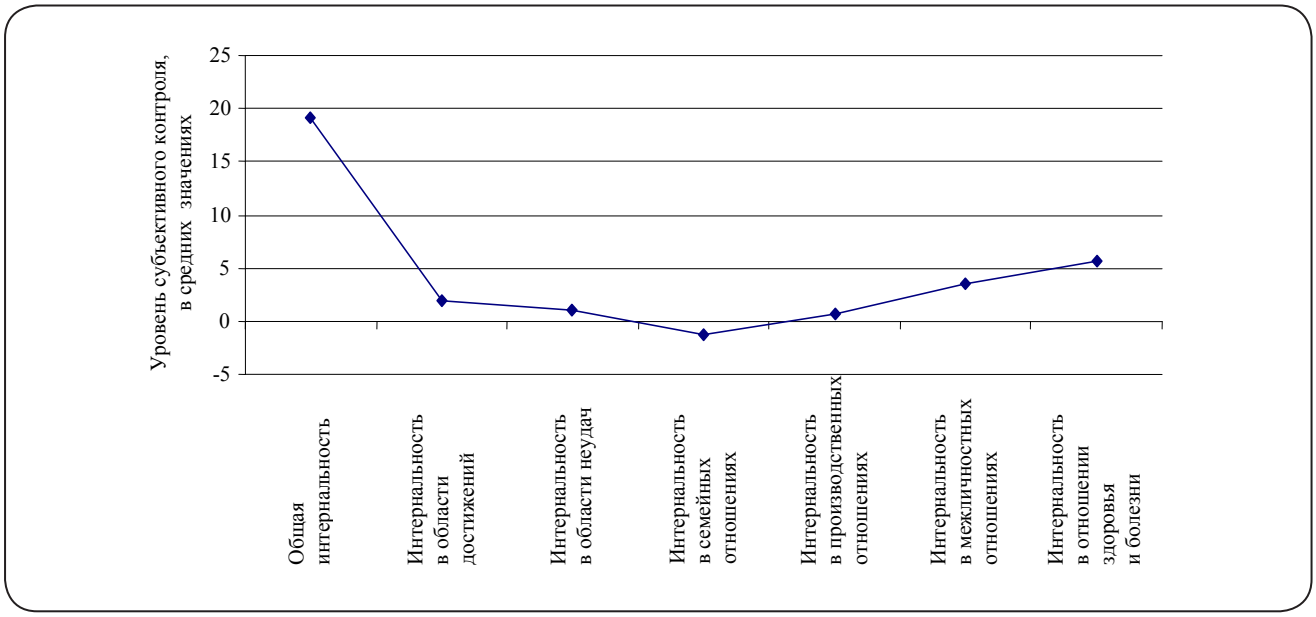


Рис. 2. Уровень субъективного контроля лиц с коррупционным поведением раннего зрелого возраста

отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. Лиц с коррупционным поведением раннего зрелого возраста можно отнести к личностно зрелым людям с благоприятным социальным поведением. У них достаточная социальная зрелость. Они более или менее терпеливы, целеустремленны, самостоятельны, благожелательны к окружающим и менее агрессивны. Однако у них есть проблемы в области достижений и неудач. Им свойственно приписывать свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам – везению, счастливой судьбе или помощи других людей. Также они склонны приписывать ответственность за неудачи другим людям или считать эти неудачи результатом невезения. Свое коррупционное поведение они чаще всего объясняют внешними обстоятельствами: «Взятки дают все, мне повезло, что я знаком с нужным человеком». Проблемы в области достижений и неудач, а также в семейных и производственных отношениях могут быть связаны с возрастными особенностями периода ранней взрослости. В этот возрастной период строится собственный образ жизни, происходит усвоение профессиональной роли, включение во все виды социальной активности. И, наконец, наступает консолидация социальных и профессиональных ролей.

Коррупционное поведение в раннем зрелом возрасте характеризуется стереотипичностью. В этом возрасте дают взятки, считая, что «так все делают», «так принято», «это нормально». Они не чувствуют ответственности.

Средние значения показателей уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением среднего возраста (от 28 до 39 лет) представлены на рис. 3.

Анализ результатов, приведенных на рис. 3, показал, что у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 28 до 39 лет к неопределенному типу локуса контроля относятся все шкалы уровня субъективного контроля.

В данной группе лиц с коррупционным поведением шкалы, относящихся только к интернальному или только к экстернальному типу локуса контроля, не обнаружены. Все показатели уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением в возрасте от 28 до 39 лет на среднем уровне.

Таким образом, у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 28 до 39 лет неопределенный уровень субъективного контроля (амбиналы). Они считают себя ответственным за события, происходящие в их семейной жизни. Они обладают средним уровнем субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. У них большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, управления ими, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом.

Коррупционное поведение в среднем возрасте характеризуется необходимостью. Уже в зрелом возрасте люди осознают для «чего и зачем дают взятки», «зачем им вообще это нужно». Для достижения своей цели в среднем возрасте люди могут дать взятки и чувствуют за это ответственность.

Средние значения показателей уровня субъективного контроля лиц с верхним порогом зрелости (от 40 лет) представлены на рис. 4.

Анализ результатов, приведенных на рис. 4, показал, что у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет к амбивалентному типу локуса контроля относятся все шкалы уровня субъективного контроля. В данной группе лиц с коррупционным поведением шкалы, относящихся только к интернальному или только к экстернальному типу локуса контроля, не обнаружены. Все показатели уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет на среднем уровне.

Таким образом, у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 36 до 40 лет неопределенный уровень субъективного контроля (амбиналы). Они в большей степени ориентированны на внутренние резервы человека, склонны приписывать ответственность за все происходящее с человеком его действиям, поступкам потенциалу, желаниям, настойчивости и т.д. Лица с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет считают свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т.д. Лица с коррупционным поведением в возрасте от 36 лет и более считают, что коррупция помогала добиться всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и, что коррупция – это возможность достичь своих целей

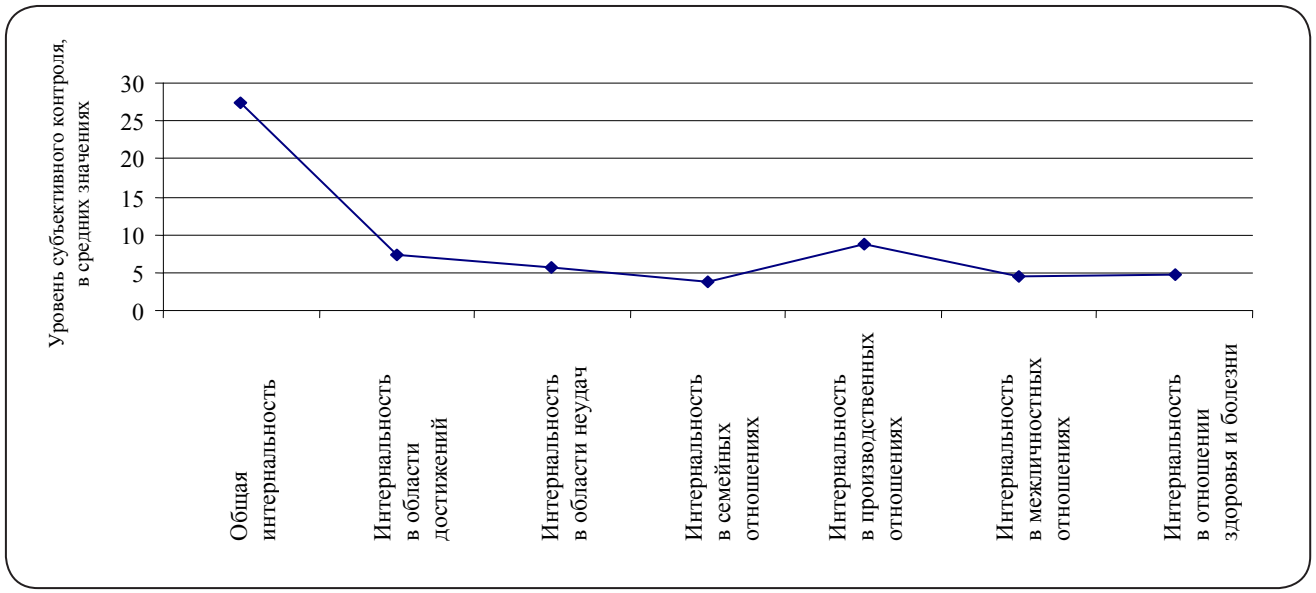


Рис. 3. Уровень субъективного контроля лиц с коррупционным поведением среднего возраста

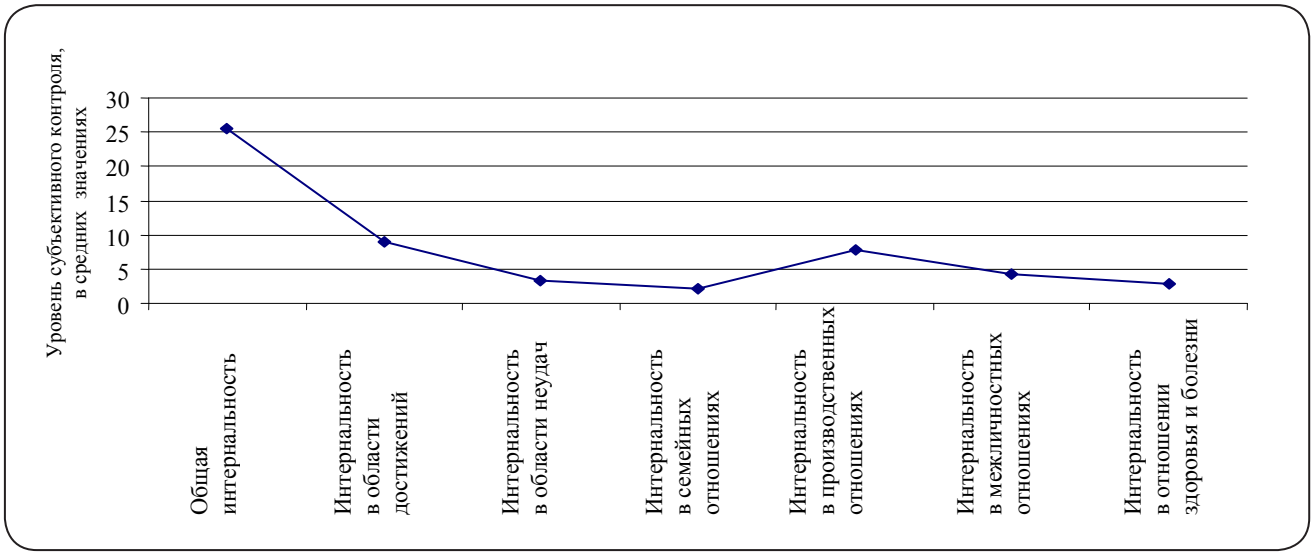


Рис. 4. Уровень субъективного контроля лиц с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет

в будущем. Лица с коррупционным поведением в возрасте от 36 лет готовы и хотят выполнять сложные задачи, представляющие собой проверку их мастерства и способностей, требующих ответственного отношения и напряжения сил.

Статистический анализ значимости различий выборочных средний показателей субъективного контроля лиц с коррупционным поведением трех возрастных групп представлен ниже в таблице.

Видно, что существуют значимые различия выборочных средних показателей уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением трех возрастных групп.

1. Существуют значимые различия выборочных средних показателей между лицами с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет и от 22 до 27 лет по общей интернальности ($t_{эмп}$ = 2,03; p<0,05), интернальности в области достижений ($t_{эмп}$ = 2,3; p<0,05) и интернальности в производственных отношениях ($t_{эмп}$=2,9; p<0,05). Следовательно, у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет значительно выше среднего значения общей интернальности, интернальности в области достижений и в производственных отношениях.

2. Существуют значимые различия выборочных средних показателей между лицами с

Эмпирические значения локуса контроля лиц с коррупционным поведением трех возрастных групп, в $t_{эмп}$

№	Шкалы локуса-контроля	Лица с коррупционным поведением		
		от 40 лет / от 22 до 27 лет	от 28 до 39 лет / от 40 лет	от 22 до 27 лет / от 28 до 39 лет
1	Шкала общей интернальности	2,03*	0,4	2,5*
2	Шкала интернальности в области достижений	2,3*	0,6	1,8
3	Шкала интернальности в области неудач	1	1	1,9
4	Шкала интернальности в семейных отношениях	1,4	0,7	2,2*
5	Шкала интернальности в производственных отношениях	2,9*	0,5	3,4**
6	Шкала интернальности в межличностных отношениях	0,5	0,1	0,6
7	Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни	2	1,7	0,7

Примечание: * – $p<0,05$ и $t_{кр.} = 2,05$; ** – $p<0,01$ и $t_{кр.} = 2,76$.

коррупционным поведением в возрасте от 28 до 39 лет и от 22 до 27 лет по общей интернальности ($t_{эмп}=2,5$; $p<0,05$), интернальности в семейных отношений ($t_{эмп}=2,2$; $p<0,05$) и интернальности в производственных отношениях ($t_{эмп}=3,4$; $p<0,01$). Следовательно, у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 22 до 27 лет значительно ниже среднего значения по общей интернальности, интернальности в семейных и производственных отношениях.

Статистический анализ значимости различий выборочных средних показателей уровня субъективного контроля лиц с коррупционным поведением в возрасте от 40 лет и от 28 до 39 лет показал незначимые различия. Следовательно, у лиц с коррупционным поведением в возрасте от 28 лет уровень субъективного контроля проявляется примерно в одинаковой степени по всем показателям.

Таким образом, лица с коррупционным поведением в возрасте от 22 до 27 лет приписывают свои успехи, достижения и радости внешним обстоятельствам – везению, счастливой судьбе или помощи других людей. Они не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, не считают себя способными контролировать эту связь и полагают, что большинство событий и поступков являются результатом случая или действий других людей. Лица с коррупционным поведением раннего зрелого возраста отличаются большей обеспокоенностью, меньшей популярностью. Все это, конечно, естественным образом связано с их зависимостью от внешних обстоятельств и неспособностью управлять своими делами. Не очень высокий уровень локуса контроля в раннем зрелом возрасте связан с кризисом раннего зрелого возраста, который связан с задачей окончательного перехода к самостоятельной жизни и трудовой деятельности. Этот кризис проявляется в трудности вхождения в жесткий трудовой режим, неуверенности в своих возможностях, адаптации к трудовым взаимоотношениям и т.д.

Например, если молодой человек – студент, то при даче взяток, чаще всего он винит преподавателей за поставленные ему «незачет» или «тройки». Он думает, что преподаватель «чего-то хочет от них, и поэтому снижает оценки». В этом случае студент решает не готовиться, как следует, к экзамену или зачету, а предложить вознаграждение за хорошую оценку. Коррупционное поведение в раннем зрелом возрасте характеризуется стереотипичностью. В этом возрасте дают взятки, считая, что «так все делают», «так принято», «это нормально». Они не чувствуют ответственности. Это связано с тем, что существует длительное сохранение стереотипов социальных проявлений, в том числе и социальных деформаций, которые вызывают действия, направленные не на сопротивление, *а на компенсацию этой деформации. П*роявляются признаки привыкания, так называемый «синдром жертвы», когда ведущим утверждением становится, например, такой: «все так делают» или «все равно ничего не изменишь,

зачем я буду стараться», и это воспринимается как норма жизни. Разрешение этого комплекса проблем невозможно без обращения к теоретическому, методологическому и широчайшему практическому опыту акмеологической науки, в рамках которой последовательно, с позиций акмеологического системного, функционального, субъектно-деятельностного, компетентностного подходов реализуются научно обоснованные программы ценностного, социально адекватного качественного преобразования общественного пространства, определяются векторы формирования антикоррупционного иммунитета общества.

Лица с коррупционным поведением в возрасте от 28 лет более уверены в себе, более спокойны и благожелательны, более популярны. Они обладают средним уровнем субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Большинство важных событий в их жизни является результатом их собственных действий, они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Лица среднего зрелого возраста и с верхним порогом зрелости считают свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т.д. Лицам с коррупционным поведением свойственен высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Они считают, что сами добились всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и, что они способны с успехом добиваться своих целей в будущем. Они считают себя ответственным за события, происходящие в их семейной жизни.

Средний уровень локуса контроля лиц с коррупционным поведением среднего зрелого возраста может быть связан с кризисом 30-летия, который возникает в случае неудовлетворения личных запросов (прибавка к зарплате, повышение статуса и т.д.) и проявляется в отрицательных эмоциях, снижении профессионального интереса или трудовом перенапряжении.

Чуть выше уровень локуса контроля лиц с коррупционным поведением в возрасте от 36 до 40 лет может объясняться кризисом середины жизни. Они чаще всего воспринимают себя лишенными контроля над организационными процессами. Этот кризис объясняется тем, что профессиональная деятельность уже воспринимается как последний рывок в достижении желаемого профессионального уровня и часто сопровождается увеличением темпов работы, дополнительными нагрузками, следствием чего может быть перенапряжение, переутомление, апатия, депрессия, психосоматические заболевания.

Коррупционное поведение в среднем зрелом возрасте и в возрасте с верхним порогом зрелости характеризуется необходимостью. Уже в зрелом возрасте люди осознают для «чего и зачем дают взятки», «зачем им вообще это нужно». Для достижения своей цели в среднем возрасте люди могут дать взятки и чувствуют за это ответственность. Они считают, что коррупция помогает добиться всего того хорошего, что было и есть в их жизни, и, что коррупция – это возможность достичь своих целей в будущем.

Локус контроля лиц с коррупционным поведением с раннего зрелого возраста до возраста с верхним порогом зрелости различается. С возрастом увеличивается локус контроля, чувство ответственности. С возрастом изменяется отношение к коррупционному поведением. В ранней зрелости люди участвуют в коррупции ситуативно, спонтанно, не чувствуя ответственности, в более старшем возрасте люди дают взятки более осознанно, планируют коррупционное поведение для достижения цели.

Таким образом, особенностью личности лиц с коррупционным поведением является интернальный тип локуса контроля. В раннем зрелом возрасте люди менее ответственны за свое коррупционное поведение, в среднем возрасте люди ощущают ответственность за коррупционное поведение, в более зрелом возрасте для коррупциогенной личности характерно осмысление жизни через приобретение материальных благ, стремление к роскоши как показателю счастья. Чтобы совершить коррупционное действие, нужно знать, к кому обращаться за помощью, нужно иметь много знакомых, «связей».

Анализ результатов исследования позволил разработать следующие параметры активности человека для формирования антикоррупционной устойчивости:

1. Активная ориентировка (в новой ситуации, материале).

2. Осознание (структуры своей деятельности, качеств личности, этапов жизненного пути).

3. Инициатива, самостоятельное целеполагание, планирование, предвосхищение.

4. Интенсивная включенность в деятельность.

5. Стремление к саморегуляции (самоконтролю, самокоррекции, самокомпенсации), владение приемами саморегуляции.

6. Осознание противоречий своего развития, их устранение, обеспечение баланса и гармонии.

7. Постоянная настроенность на саморазвитие и самообновление.

8. Стремление к самореализации и творческому созиданию.

9. Интеграция своего профессионального пути, структурирование и упорядочивание своего профессионального опыта и опыта других.

Список литературы

1. Березин Ф.Б., Мирошников М.П., Рожанец Р.В. Методика многостороннего исследования личности. – М.: Медицина, 2006. – 186 с.

2. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.

3. Закирова Л.М. Проблема изучения феномена коррупции в отечественной психологии // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. –№ 4 (16). – С. 52–56.

4. Музалевская Е.А. Проявления коррупции в системе образования // Официальный сайт Московского гуманитарного университета. – URL: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Mazulevskaja/

5. Решетников М.М. Психология коррупции. Утопия и антиутопия. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2008. – 136 с.

6. Гладких В.И. Коррупция в России: генезис, детерминанты и пути преодоления // Российский следователь. – 2001. – № 3. – С. 42–46.

7. Жидков А.В. Что ты знаешь о коррупции? – Самара: Академия, 2003. – 264 с.

8. Зубов В.Е. Коррупция в среде российского чиновничества: исторические корни и особенности // Чиновник. – 2001. – № 3. – С. 49.

9. Сатаров Г.А. Тепло душевных отношений: кое-что о коррупции // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – 52 с.

10. Волженкин Б.В. Коррупция. – СПб., 1998. – С. 8. (Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе»)

11. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI в. / под общ. ред. А.И. Гурова. – М.: ВНИИ МВД России, 2000. – 96 с.

12. Закирова Л.М. Оценка склонности к риску лиц с коррупционным поведением // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 4(32). – С. 154–160.

13. Лунеев В.В. Преступность XX в. Мировые, региональные и российские тенденции: Мировой криминологический анализ. – М.: ВолтерсКлувер, 2005. – 912 с.

14. Антикоррупционное воспитание: система воспитательной работы по формированию у учащихся антикоррупционного мировоззрения в образовательном учреждении: методические рекомендации / Е.Н. Барышников, Н.В. Григорян, Л.М. Беловицкая, М.В. Бойкина; под науч. ред. С.В. Жолована. – СПб.: СПбАППО, 2010. – 59 с.

15. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. – СПб.: Питер, 1997. – 268 с.

16. Хухлаева О.В. Психология развития: молодость, зрелость, старость. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 428 с.

17. Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://www. kremlin. ru / articles/corrupt.shtml

В редакцию материал поступил 26.10.12

Информация об авторе

Закирова Лейсан Мударисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, зам. декана экономического факультета, заведующая кафедрой психологии, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета в городе Набережные Челны

Адрес: 423812, Республика Татарстан, г. Набережные Челны, проспект Сююмбике, дом 10А (11/29), тел. (факс): (8552) 58−88−94

E-mail: drzak@mail.ru

L.M. ZAKIROVA,

PhD (Psychology), Associate Professor

Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University

PERSONALITY FEATURES OF THE PERSONS WITH CORRUPTIVE BEHAVIOR

The article is devoted to one of the most complex and multi-sided aspects of the modern personality psychology – corruptive behavior. The article presents the personality features of persons apt for corruptive behavior, that is, the level of subjective control.

Key words: corruption; corruptive behavior; level of subjective control.

References

1. Berezin F.B., Miroshnikov M.P., Rozhanets R.V. *Metodika mnogostoronnego issledovaniya lichnosti* (Technique of multi-sided research of a personality). Moscow: Meditsina, 2006, 186 p.

2. Vannovskaya O.V. Lichnostnye determinanty korruptsionnogo povedeniya (Personality determinants of corruption behavior), *Izvestiya Rossiikogo gos. ped. un-ta im. A.I Gertsena*, 2009, No. 102, pp. 323–328.

3. Zakirova L.M. Problema izucheniya fenomena korruptsii v otechestvennoi psikhologii (The issue of studying the corruption phenomenon in Russian psychology), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2010, No. 4 (16), pp. 52–56.

4. Muzalevskaya E.A. *Proyavleniya korruptsii v sisteme obrazovaniya* (Corruption revelations in the system of education), available at: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Mazulevskaja/

5. Reshetnikov M.M. *Psikhologiya korruptsii. Utopiya i antiutopiya* (Psychology of corruption: Utopia and anti-utopia). Saint Petersburg: Vostochno-Evropeiskii Institut Psikhoanaliza, 2008, 136 p.

6. Gladkikh V.I. Korruptsiya v Rossii: genezis, determinanty i puti preodoleniya (Corruption in Russia: genesis, determinants and ways of overcoming) *Rossiiskii sledovatel'*, 2001, No. 3, pp. 42–46.

7. Zhidkov A.V. *Chto ty znaesh' o korruptsii?* (What do you know about corruption?). Samara: Akademiya, 2003, 264 p.

8. Zubov V.E. Korruptsiya v srede rossiiskogo chinovnichestva: istoricheskie korni i osobennosti (Corruption among Russian officials: historical roots and features), *Chinovnik*, 2001, No. 3, p. 49.

9. Satarov G.A. Teplo dushevnykh otnoshenii: koe-chto o korruptsii (Warmth of human relations: something about corruption), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2002, No. 6, 52 p.

10. Volzhenkin B.V. *Korruptsiya* (Corruption). Saint Petersburg, 1998, p. 8. (Seriya "Sovremennye standarty v ugolovnom prave i ugolovnom protsesse") (Series "Modern standards in criminal law and criminal procedure").

11. *Kriminogennaya situatsiya v Rossii na rubezhe XXI v.* (Criminal situation in Russia at the verge of the 21st c.). Moscow: VNII MVD Rossii, 2000, 96 p.

12. Zakirova L.M. Otsenka sklonnosti k risku lits s korruptsionnym povedeniem (Estimating the risk inclination of the persons with corruption behavior), *Obrazovanie i samorazvitie*, 2012, No. 4(32), pp. 154–160.

13. Luneev V.V. *Prestupnost' XX v. Mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii: Mirovoi kriminologicheskii analiz* (Crime in the 20th c. World, regional and Russian trends: World criminological analysis). Moscow: VoltersKluver, 2005, 912 p.

14. Baryshnikov E.N., Grigoryan N.V. *Antikorruptsionnoe vospitanie: sistema vospitatel'noi raboty po formirovaniyu u uchashchikhsya antikorruptsionnogo mirovozzreniya v obrazovatel'nom uchrezhdenii: metodicheskie rekomendatsii* (Anticorruption up-bringing: system of educational work on forming anticorruption world-outlook with students at educational establishment: methodological recommendations). Saint Petersburg: SPbAPPO, 2010, 59 p.

15. Kirpichnikov A.I. *Vzyatka i korruptsiya v Rossii* (Bribes and corruption in Russia). Saint Petersburg: Piter, 1997, 268 p.

16. Khukhlaeva O.V. *Psikhologiya razvitiya: molodost', zrelost', starost'* (Developmental psychology: youth, maturity, senility). Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2002, 428 p.

17. http://www. kremlin. ru / articles/corrupt.shtml

Information about the author

Zakirova Leisan Mudarisovna, PhD (Psychology), Associate Professor, Naberezhniye Chelny branch of Kazan (Volga) Federal University

Address: 10A (11/29) Suyumbike Avenue, 423812, Naberezhniye Chelny, tel.: (8552) 58-88-94

E-mail: drzak@mail.ru

УДК 343.9:343.352

С.В. ИЗОСИМОВ,
доктор юридических наук, профессор
Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОЛУЧЕНИЯ И ДАЧИ ВЗЯТКИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются основные элементы субъективной стороны дачи и получения взятки. На основании материалов правоприменительной практики описываются цели и мотивы дачи и получения взятки, а также форма вины.

Ключевые слова: взятка; дача взятки; получение взятки; мотив; цель; органы власти; должностное лицо.

Образуя психическое содержание общественно опасного деяния, *субъективная сторона* преступления является его внутренней (по отношению к объективной) стороной [1, 2]. Правильное и точное установление признаков субъективной стороны преступления – безусловная обязанность правоохранительных органов, прямо закрепленная в действующем законодательстве. Так, в п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ указано, что при производстве по уголовному делу доказыванию подлежат виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. В п. 3 ч. 1 ст. 220 УПК РФ установлено, что в обвинительном заключении должны обязательно указываться мотивы и цели преступления, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Статья 307 УПК РФ требует, чтобы в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора содержалось описание преступного деяния с указанием его формы вины, мотивов, целей. Кроме того, все указанные статьи УПК говорят об установлении и описании обстоятельств, смягчающих наказание, которыми также могут быть признаны эмоциональное состояние виновного, его чувства, другие субъективные факторы.

Проявление постоянного внимания законодателя и высшей судебной инстанции к установлению признаков субъективной стороны преступления вполне объяснимо и оправданно, так как, являясь в своей совокупности важным и самостоятельным элементом состава преступления, они, *во-первых*, служат одним из оснований уголовной ответственности и, следовательно, помогают дифференцировать преступное поведение и непреступное [3]; *во-вторых*, существенно влияют на общественную опасность и правовую оценку содеянного [4]; *в-третьих*, выступают факторами разграничения различных преступлений в процессе их квалификации [5]; *в-четвертых*, влияют на индивидуализацию ответственности и наказания, т.е. учитываются в качестве условий применения практически всех уголовно-правовых институтов Общей части [6]; *в-пятых*, принимаются во внимание при решении других актуальных вопросов уголовно-правовой теории и практики применения уголовного законодательства [7]. Таким образом, важнейшим условием правильного применения соответствующей нормы Особенной части УК является уяснение вопроса о характере и особенностях субъективной стороны описанного в законе состава преступления, т.е. установление того, какие формы вины он охватывает, каковы мотивы и цели, специфичные для данного состава.

Отметим, что применительно к законодательству о преступлениях со специальным составом признаки субъективной стороны, выполняя отмеченную выше роль, обнаруживают вместе с тем определенную специфику, которая еще недостаточно полно учитывается наукой и практикой [8]. «Коль скоро существуют особенности объективной действительности, – отмечает А.А. Толкаченко, – то они же должны быть адекватно отражены в процессе субъективного познания: каждое преступное деяние представляет собой единство объективных и субъективных свойств определенного общественно опасного деяния, подобно тому, как и всякое поведение людей как деятельность, обусловленная сознанием, представляет собой единство объективного и субъективного» [7, с. 11]. Сказанное свидетельствует о необходимости весьма внимательного отношения

к признакам субъективной стороны любого преступления со специальным составом, в том числе и анализируемых в настоящем исследовании деяний.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, как следует из смысла закона, характеризуется *прямым умыслом* и *корыстной целью*. Должностное лицо, иностранное должностное лицо либо должностное лицо публичной международной организации (взяткополучатель) осознает, что ему вручается взятка за совершение действий по службе в интересах дающего ее, т.е. что оно получает противоправную материальную выгоду и желает ее получить.

Характеризуя интеллектуальный момент умысла, важно подчеркнуть, что умыслом должностного лица охватывается признак обусловленности взятки и связь ее основания со служебным положением виновного. Должностное лицо сознает, что получает незаконное вознаграждение за определенные действия (бездействие) и что оно может совершить или способствовать совершению указанных действий (бездействия) с использованием служебного положения. Отсюда вытекают два принципиальных вывода.

Первый из них состоит в том, что если должностное лицо сознает, что получает незаконное вознаграждение за действия (бездействие), которые не входят в его служебные полномочия либо оно не может способствовать их совершению с использованием служебного положения, содеянное не является получением взятки. Такие действия образуют состав мошенничества, однако при условии, что виновный умышленно ввел в заблуждение взяткодателя относительно своей служебной компетенции либо сознательно использовал неосведомленность последнего в своих корыстных интересах. Если должностное лицо недостаточно четко знало свою компетенцию и служебные возможности и ошибочно предполагало наличие полномочий на совершение определенных действий (бездействия) по службе – получение им незаконного вознаграждения при соответствующей направленности умысла, на наш взгляд, должно квалифицироваться как покушение на получение взятки.

Второй вывод заключается в том, что если должностное лицо, обладая соответствующей служебной компетенцией (возможностями), при получении взятки не намеревалось осуществить обусловленные взяткой действия (бездействие) или отказалось от этого в последующем, то его деяние образует оконченный состав получения взятки. Однако подобное решение данного вопроса является дискуссионным. По мнению некоторых авторов, «нельзя признать взяточничеством получение должностным лицом материальных благ за действия (бездействие) по службе без намерения их выполнить, так как в данном случае отсутствует волевой момент умысла» [9]. С таким выводом трудно согласиться, так как фактическое совершение должностным лицом действий (бездействия), за которые дается взятка, не входит в объективную сторону состава получения взятки, поэтому намерение (желание) их выполнения не имеет значения [10]. Важно, что получение взятки было обусловлено возможностью совершения указанных действий с использованием служебного положения, что сознавали как взяткополучатель, так и взяткодатель. Поэтому волевой момент умысла определяется не по отношению к основанию взятки, а к действиям, направленным на ее получение [11].

Характеризуя состав получения взятки, отдельные авторы к числу обязательных признаков субъективной стороны относят только умышленную форму вины в виде прямого умысла [12–15]. Между тем, по мнению большинства ученых, анализируемому преступлению имманентно присуща корыстная цель [16–18]. Данный вывод вытекает из детального анализа элементов состава получения взятки. Такое понимание рассматриваемого преступления в сочетании с тем, что предмет преступления при получении взятки всегда носит имущественный характер и имеет экономическую стоимость, дает основания для признания корыстной цели признаком состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Корысть, стремление к обогащению становятся основным стимулом профессиональной деятельности должностного лица, его активности и основным мерилом человеческих отношений. Прибыль – именно та пружина, которая выступает источником всех начинаний и стремлений взяткополучателя [19].

Если мотив и цель прямо не указаны в диспозиции статьи УК, но подразумеваются за-

конодателем как необходимый признак состава преступления, то перед работниками органов следствия и суда стоит сложная задача по выяснению содержания субъективной стороны преступления данного вида. При этом должно быть точно установлено, имел ли в виду законодатель мотив и цель в качестве признака состава этого преступления или нет [20].

В трудах многих ученых содержится обоснование аналогичного подхода к определению признаков субъективной стороны получения взятки. Например, О.Х. Качмазов, говоря о корыстных цели и мотиве получения взятки, указывает, что «вывод об их наличии обусловлен самой природой взяточничества как специального вида корыстного злоупотребления должностными полномочиями и материальным характером его предмета» [9, с. 108], а Б.В. Волженкин аргументирует этот факт тем, что в случае «…если должностное лицо, получая незаконное вознаграждение за свое служебное поведение, изначально имеет в виду израсходовать полученные им средства на нужды руководимой им организации, использовать их в благотворительных целях и т.п., то состав получения взятки отсутствует. Соответственно в этих случаях лицо, давшее взятку, но не знавшее о намерении получателя израсходовать полученные средства на нужды организации, виновно лишь в покушении на дачу взятки» [17, с. 220]. В целом поддерживая указанный вывод, тем не менее следует отметить, что подобное намерение должностного лица должно получить фактическое подтверждение (например, официальное оформление полученных материальных ценностей, внесение денежных средств в кассу, доставление имущества по юридическому адресу организации, информирование об этом материально-ответственных работников и т.п.). Соответственно лицо, оказывающее подобную «помощь», должно сознавать, что осуществляет пожертвование, т.е. дарение вещи или права в общественных целях (ст. 582 ГК РФ). Если же материальные ценности получены лично должностным лицом под «прикрытием» спонсорской помощи, имеет место ни что иное, как завуалированное получение взятки [11, с. 128].

Так, по делу Э., осужденного Самарским областным судом по ч. 4 ст. 290 УК РФ, адвокат в кассационной жалобе просил приговор отменить и дело прекратить, утверждая, что Э. получил деньги для нужд муниципального предприятия (парка культуры и отдыха) в качестве спонсорской помощи. Судебная коллегия Верховного Суда РФ, оставляя приговор в силе, отметила, что доводы защиты проверялись в судебном заседании и обоснованно признаны несостоятельными, поскольку Э. не оформлял деньги через бухгалтерию, а получил их сам и в долларах США, в договоре о предоставлении в аренду участка для торговой точки упоминания о спонсорской помощи нет. Из показаний потерпевшей и аудиозаписи разговоров между ней и Э. видно, что последний получил деньги для себя[1].

По мнению профессора А.В. Грошева, «данная проблема является актуальной и в случаях, когда имущественные выгоды представляются не лично должностному лицу, а его родным и близким, при условии, если эти выгоды предоставлены с согласия должностного лица либо если оно не возражало против этого и использовало свои служебные полномочия в пользу взяткодателя. При этом следует подчеркнуть, что определение круга родных и близких должностного лица еще не предрешает вопрос о квалификации указанных действий как получения взятки. Необходимо установить корыстную цель (мотив) взяткополучателя, иначе должностное лицо не может нести ответственность за данное преступление» [11, с. 129].

В доктрине в отношении упомянутых выше случаев предлагаются следующие условия наличия корыстных мотивов и целей: 1) должностное лицо знало о предполагаемом вознаграждении; 2) непосредственный получатель находился в материальной зависимости от должностного лица или пользовался его материальной поддержкой [9, с. 109]. Представляется, что корыстная мотивация будет присутствовать во всех случаях незаконного имущественного предоставления родным и близким должностного лица (с его согласия), если тем самым оно проявляет заинтересованность в их обогащении. При этом указанные лица могут и не находиться в материальной зависимости от должностного лица и не пользоваться его регулярной имущественной поддержкой (например, работающие родственники, иные близкие, не

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам № 57-019-02 по делу Этингера // БВС РФ. –2000. – № 5. – С. 12.

нуждающиеся в материальной помощи и т.п.) [8, с. 80]. Важно, что должностное лицо проявило волеизъявление на получение ими имущественной выгоды при отсутствии у этих лиц права на получение имущества (например, на возмещение причиненного имущественного ущерба, морального вреда и т.п.). При наличии такого права корыстный мотив в поведении должностного лица отсутствует [11, с. 129]. В связи с этим представляет интерес следующее уголовное дело.

В 2002 г. Краснодарским краевым судом было рассмотрено уголовное дело по обвинению Л. и В. в получении взятки путем вымогательства по предварительному сговору группой лиц в крупном размере (п. п. «а», «в» и «г» ч. 4 ч. 290 УК РФ), а также в злоупотреблении должностными полномочиями и их превышении (ст. ст. 285, 286 УК РФ). Органы следствия установили, что в марте 2001 г. к участковому инспектору УВД Центрального административного округа г. Новороссийска В. обратились жительницы этого города М. и Д. с заявлением о групповом изнасиловании. В месте с этим они пояснили, что не будут настаивать на привлечении виновных к уголовной ответственности, если они выплатят им материальную компенсацию. Поскольку М. являлась кумой сожительницы В., последний согласился помочь им и доложил о поступившем заявлении заместителю начальника МОБ того же УВД Л. Последний поручил работу по этому заявлению В. и другим подчиненным сотрудникам, а также сам принял участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

После задержания подозреваемые были принудительно доставлены на квартиру Л., где В. и Л. предложили Б. и К. уплатить потерпевшим М. и Д. по 2 тыс. долл. США, а Л. – 1 тыс. долл., заявив, что если они не возместят причиненный вред, то будут привлечены к уголовной ответственности за изнасилование и лишены свободы. Задержанные согласились и стали собирать деньги. На следующий день один из задержанных Б., заняв 3 тыс. долл. США, передал их Л. и. В., после чего последние были задержаны сотрудниками УБОП МВД РФ по Краснодарскому краю. Органы следствия при предъявлении им обвинения в получении взятки исходили из версии их корыстной заинтересованности при совершении преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Краевого суда исключила из обвинения п.п. «а», «в», «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ и в этой части оправдала подсудимых за отсутствием состава преступления. В приговоре указано, что в действиях подсудимых по принуждению подозреваемых к выплате денежных сумм отсутствовала какая-либо корыстная заинтересованность, а единственным мотивом действий подсудимых явилось стремление принудить их возместить М. и Д., являющихся знакомыми В., причиненный им имущественный ущерб и моральный вред. «Вследствие отсутствия доказательств, – отмечено в приговоре, – корыстных мотивов и цели удовлетворения незаконных корыстных интересов других лиц, действия виновных не могут быть квалифицированы и как хищение чужого имущества. Поскольку подсудимые при принуждении потерпевших имели не корыстную цель, а иную личную заинтересованность, обусловленную знакомством В. с М. и служебными взаимоотношениями между собой, их действия в этой части правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ»[2].

Соглашаясь с авторами, относящими корыстную цель к числу обязательных признаков состава получения взятки, отметим, что мы, между тем, не считаем, что закрепление упомянутой цели в самом законе является в данном случае необходимым[3]. В юридической литературе совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечается, что назначением любого конструктивного признака состава является отграничение его от других посягательств, а также от непреступного поведения. В случае включения корыстной цели в качестве конструктивного элемента преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, данный признак не обладал бы служебными свойствами, характерными для любого обязательного признака преступления и был бы нефункционален [8, с. 82]. Действия должностного лица, получающего взятку, следует считать заведомо корыстными, поэтому доказывать это обстоятельство нет никакой

---

[2] Архив Краснодарского краевого суда за 2002 г. // Уголовное дело № 2-10-02.

[3] Иного мнения придерживается С.А. Алимпиев, предлагающий законодательно закрепить корыстную цель в составе получения взятки (См.: *Алимпиев С.А.* Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: научно-практическое пособие. – Екатеринбург, 2008. – С. 23–24).

необходимости. Кроме того, указание в законе на корыстный характер действий должностного лица не только не выражало бы его отличия от других преступлений и правонарушений, но и являло бы собой вредную ошибку законодателя [21–22, 18, с. 83]. «Избыточное количество идентификационных признаков, – указывает профессор А.Я. Светлов, – может привести к исключению безусловно общественно опасных деяний из разряда преступлений, причем вследствие как особенностей деятельности по квалификации посягательств, так и низкой процессуальной обеспеченности подобного уголовно-правового запрета. Следует помнить, что законы должны соответствовать социальным реалиям и быть сообразными с их логикой» [23].

Субъективная сторона дачи взятки (ст. 291 УК РФ) характеризуется тем, что сознанием виновного охватывается, что он незаконно передает вознаграждение должностному лицу за совершение им действия (бездействия) в пользу дающего с использованием служебных полномочий, либо за способствование в силу занимаемого должностного положения совершению в пользу дающего действия (бездействия) другим должностным лицом либо за общее покровительство или попустительство по службе, и желает передать должностному лицу взятку или предоставить иную имущественную выгоду с целью получения определенных преимуществ для себя со стороны должностного лица.

Принимая во внимание, что состав анализируемого преступления по конструкции объективной стороны является формальным, можно утверждать, что данное деяние совершается только с *прямым умыслом*, поскольку косвенный умысел в названных составах быть не может. В связи с этим совершенно непонятной представляется позиция А.Н. Гуева, который, характеризуя субъективную сторону дачи взятки, *во-первых*, излагает ее с учетом психического отношения виновного к последствиям (видимо, полагая, что данный состав является материальным), и, *во-вторых*, усматривая в этом преступлении как прямой, так и косвенный умысел [24]. Безусловно, такое понимание субъективной стороны противоречит не только нормативным установлениям и рекомендациям, данным в Постановлении Пленума Верховного Сура РФ № 6 от 10 февраля 2000 г., но и букве закона и здравому смыслу.

Состав преступления отсутствует, если при передаче вознаграждения дающий предполагает, что должностное лицо имеет право на данное вознаграждение.

Мотивы и *цели* дачи взятки могут быть различные, однако они всегда носят антисоциальный характер. Подкупив должностное лицо, виновный стремится удовлетворить свой личный интерес, решить конкретные вопросы для себя, своих близких и т.п. Не исключается состав дачи взятки и в тех случаях, когда взяткодатель руководствуется ложно понятыми интересами службы, интересами своего предприятия, учреждения или организации и т.д. В любом случае необходимо иметь в виду, что всегда взятка дается за выполнение (невыполнение) служебного действия (бездействия) должностного лица в интересах самого взяткодателя или представляемых им третьих лиц (юридических, физических) [25].

Действия виновного, выражающиеся в попытке передачи должностному лицу без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера либо предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, подлежат квалификации по ст. 304 УК РФ, предусматривающей ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа. В случае передачи предмета взятки при проведении предусмотренного законом оперативно-розыскного мероприятия, например, в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки, такие действия не содержат состава преступления.

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» если лицо получает от взяткодателя деньги якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки и, не намереваясь этого делать, присваивает их, содеянное должно квалифицироваться как *мошенничество*. Если посредник сам склонил взяткодателя к даче взятки, которую затем присвоил, его действия следует квалифицировать по совокупности как подстрекательство к даче взятки (ч. 4 ст. 33 и ст. 291 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ).

Рассмотрение признаков субъективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 290 и

291 УК РФ, позволяет сформулировать следующие выводы. *Во-первых,* она выражается только в умышленной форме вины в виде прямого умысла. *Во-вторых,* обязательным признаком субъективной стороны получения взятки является корыстная цель, имманентно присущая этому преступлению. В связи с этим действия должностного лица, получающего взятку, следует считать заведомо корыстными, поэтому доказывать это обстоятельство нет никакой необходимости, равно как и закреплять корыстную цель непосредственно в самом законе в качестве обязательного признака преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ. *В-третьих,* мотивы и цели дачи взятки могут быть самыми различными, однако они всегда носят антисоциальный характер. *В-четвертых*, по субъективной стороне дачи взятки проводится отграничение этого преступления от провокации взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ).

Список литературы

1. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. – М., 2001. – С. 6.

2. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2003. – С. 52.

3. Энциклопедия уголовного права. Т. 4: Состав преступления. – СПб.: Издание профессора В.Б. Малинина, 2005. – С. 641.

4. Егоров В.С. Понятие состава преступления в уголовном праве: учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2001. – С. 40.

5. Маркарян С.А. Значение субъективной стороны преступления в уголовном законодательстве РФ // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 271.

6. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: Зерцало, 1999. – С. 3.

7. Толкаченко А.А. Проблемы субъективной стороны преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 11.

8. Изосимов С.В., Гейвандов Э.А. Уголовно-правовая характеристика получения и дачи взятки: учеб. пособие. – Н.Новгород, НИУ РАНХиГС, 2012. – С. 76.

9. Качмазов О.Х. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному праву. – Владикавказ, 2000. – С. 107.

10. Комментарий к УК РФ / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермакова и др.; отв. ред. А.И. Рарог. – М.: ТК Велби; Проспект, 2004. – С. 156.

11. Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 125.

12. Коржанский Н.И. Квалификация следователем должностных преступлений. – Волгоград, 1986. – С. 42–43.

13. Комментарий к УК РФ / под ред. А.И. Бойко. – Ростов н/Д, 1996. – С. 583.

14. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. – М., 1998. – С. 376.

15. Мещерский А.С. Уголовно-правовые аспекты получения взятки как наиболее опасного проявления коррупции: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – С. 179–180.

16. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 139.

17. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М., 2000. – С. 220.

18. Вейберт С.И. Взяточничество: Проблемы квалификации и назначения наказания: дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007. – С. 83–84.

19. Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству: науч.-практ. пособие. – Екатеринбург, 2008. – С. 18.

20. Дагель П.С., Михеев Р.И. Установление субъективной стороны преступления. – Владивосток, 1972. – С. 12–13.

21. Малиновский И.Б. Уголовно-правовая борьба с корыстными должностными преступлениями в современных условиях: дис. … канд. юрид. наук. – М., 1993. – С. 167.

22. Сучков Р.Н. Получение взятки: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2007. – С. 22.

23. Светлов А.Я. Теоретические проблемы уголовной ответственности за должностные преступления: дис. … д-ра юрид. наук. – Киев, 1980. – С. 15.

24. Гуев А.Н. Комментарий к УК РФ (для предпринимателей). – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2000. – С. 228.

25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – С. 841.

В редакцию материал поступил 16.10.2012

Информация об авторе

Изосимов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

Адрес: 603062, Россия, Нижний Новгород, ул. Горная, 13, тел.: 8 (831) 465-66-60, 8 (831) 465-67-65

E-mail: izosv@yandex.ru

S.V. IZOSIMOV,

Doctor of Law, Professor

Nizhniy Novgorod Institute for Management and Business

SUBJECTIVE ELEMENT OF BRIBE GIVING AND TAKING: CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS

The article views the main elements of subjective aspects of bribe giving and taking. Basing on materials law enforcement practice, the aims and motives of bribe giving and taking are described, as well as forms of guilt.

Key words: bribe; bribe giving; bribe taking; motive; aim; authority bodies; an official.

References

1. Rarog A.I. *Sub"ektivnaya storona i kvalifikatsiya prestuplenii* (Subjective element and qualification of crimes). Moscow, 2001, p. 6.

2. Rarog A.I. *Kvalifikatsiya prestuplenii po sub"ektivnym priznakam* (Qualification of crimes by subjective element). Saint Petersburg, 2003, p. 52.

3. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 4: Sostav prestupleniya*. (Encyclopedia of Criminal Law. Vol.4. Corpus delicti). Saint Petersburg: Izdanie professora V.B. Malinina, 2005, p. 641.

4. Egorov V.S. *Ponyatie sostava prestupleniya v ugolovnom prave* (Notion of corpus delicti in criminal law). Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Izd-vo NPO "MODEK", 2001, p. 40.

5. Markaryan S.A. *Znachenie sub"ektivnoi storony prestupleniya v ugolovnom zakonodatel'stve RF* (Significance of subjective element of a crime in the Russian criminal legislation), *Biznes v zakone*, 2007, No. 4, p. 271.

6. Sitkovskaya O.D. *Psikhologicheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* (Psychological comment to the Russian Criminal Code). Moscow: "Zertsalo", 1999, p. 3.

7. Tolkachenko A.A. *Problemy sub"ektivnoi storony prestupleniya* (Issues of the subjective element of crimes). Moscow: YuNITI-DANA, 2005, p. 11.

8. Izosimov S.V., Geivandov E.A. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika polucheniya i dachi vzyatki* (Criminal-legal characteristics of bribe giving and taking) Nizhnii Novgorod, NIU RANKhiGS, 2012, p. 76.

9. Kachmazov O.Kh. *Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo po rossiiskomu ugolovnomu pravu* (Liability for bribery by the Russian criminal law) Vladikavkaz, 2000, p. 107.

10. *Kommentarii k UK RF* (Comment to the Russian Criminal Code). Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2004. p. 156.

11. Groshev A.V. *Otvetstvennost' za vzyatochnichestvo (voprosy teorii i praktiki)* (Liability for bribery (issues of theory and practice)). Krasnodar: KubGAU, 2008, p. 125.

12. Korzhanskii N.I. *Kvalifikatsiya sledovatelem dolzhnostnykh prestuplenii* (Qualification of official malfeasance by an investigator). Volgograd, 1986, pp. 42–43.

13. *Kommentarii k UK RF* (Comment to the Russian Criminal Code). Rostov on Don, 1996, p. 583.

14. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* (Russian Criminal Code. Special Par). Moscow, 1998, p. 376.

15. Meshcherskii A.S. *Ugolovno-pravovye aspekty polucheniya vzyatki kak naibolee opasnogo proyavleniya korruptsii* (Criminal-legal aspects of bribe taking as the most dangerous of corruption manifestation). Saint Petersburg, 2002, pp. 179–180.

16. Zdravomyslov B.V. Dolzhnostnye prestupleniya. Ponyatie i kvalifikatsiya. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975, p. 139.

17. Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestupleniya. Moscow, 2000, p. 220.

18. Veibert S.I. *Vzyatochnichestvo: Problemy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya* (Bribery: issues of qualification and sentencing). Chelyabinsk, 2007, pp. 83–84.

19. Alimpiev S.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za poluchenie vzyatki po rossiiskomu zakonodatel'stvu* (Criminal liability for bribery by the Russian criminal law). Ekaterinburg, 2008, p. 18.

20. Dagel' P.S., Mikheev R.I. *Ustanovlenie sub"ektivnoi storony prestupleniya*. Vladivostok, 1972, pp. 12–13.

21. Malinovskii I.B. *Ugolovno-pravovaya bor'ba s korystnymi dolzhnostnymi prestupleniyami v sovremennykh usloviyakh* (Criminal-legal struggle with lucrative official malfeasance in modern conditions). Moscow, 1993, p. 167.

22. Suchkov R.N. *Poluchenie vzyatki: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie* (Bribe taking: criminal-legal and criminological research). Kazan, 2007, p. 22.

23. Svetlov A.Ya. *Teoreticheskie problemy ugolovnoi otvetstvennosti za dolzhnostnye prestupleniya* (Theoretical issues of criminal liability for official malfeasance). Kiev, 1980, p. 15.

24. Guev A.N. *Kommentarii k UK RF (dlya predprinimatelei)* (Comment to the Russian Criminal Code). Moscow, 2000, p. 228.

25. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* (Comment to the Russian Criminal Code). Moscow: Yurait, 2012, p. 841.

Information about the author

Izosimov Sergey Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal-legal Disciplines, Nizhniy Novgorod Institute for Management and Business

Address: 13 Gornaya Str., 603062, Nizhniy Novgorod, Russia, tel.: (831) 465-66-60, 465-67-65

E-mail: izosv@yandex.ru

УДК 343.9

М.П. КЛЕЙМЁНОВ,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
Р.В. ПУСТОВИТ,
аспирант
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ КОРРУПЦИИ[1]

В статье выражено критическое отношение к ревизионистской теории коррупции, а также к международным оценкам (индексам) состояния коррупции в России.

Ключевые слова: коррупция; прогнозирование; индексы; оценки коррупции; ревизионистская теории коррупции.

В методологическом плане изучение развития коррупции в прогностическом аспекте имеет отношение, прежде всего, к получению ответов на три принципиальных вопроса:

– о полезности коррупции;

– о неизбежности коррупции;

– об искоренимости коррупции.

Эти три вопроса являются принципиальными потому, что ответы на них, которые дает политическая элита, определяют будущее коррупции. В то же время нравственное и правовое сознание политической элиты формируется не только практическими условиями ее деятельности, но и теми методологическими подходами, которые наиболее соответствуют групповым и личным интересам. В этом плане теоретическое обоснование полезности и неизбежности коррупции может выступать базой комплексного механизма психологической самозащиты для лиц, принимающих стратегические решения в различных сферах государственной, экономической и общественной жизни.

Полезность и неизбежность коррупции утверждаются как в рамках ревизионистского подхода (о котором сказано в первом параграфе настоящей диссертации), так и с позиций экономического либерализма (рыночной экономики). Однако если последователи ревизионизма считают коррупцию «болезнью роста», следствием формированной модернизации, то «рыночники» объясняют коррупцию излишним вмешательством государства в экономику. Как утверждает А. Ослунд, «Государственное вмешательство и взяточничество, вероятнее всего, питают и усиливают друг друга. В традиционно коррумпированных государствах старая элита пытается убедить общество в необходимости государственного вмешательства, чтобы поддерживать приток взяток» [1]. Отсюда в качестве путей противодействия коррупции предлагаются сокращение государственных программ и приватизация [2].

Между тем никто из «рыночников» убедительно не доказал, что сокращение государственных программ и приватизация сокращают коррупцию. Напротив, экономический кризис последних лет показывает, что сокращение социальных расходов и приватизация направляют финансовые потоки в интересах олигархических кланов, тем самым существенно ухудшая коррупционную обстановку. Более того, под угрозой находится национальная безопасность страны. Н. Кричевский в своем докладе «Постпикалевская Россия» формулирует такой базовый вывод: «Российской экономикой управляет не правительство, а горстка лиц, в разное время различными (и, как правило, противозаконными) способами присвоившими права собственности на крупнейшие производственные активы России. За последствия попустительства

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках научно-исследовательского проекта «Правовое обеспечение решения социальных конфликтов в субъекте Российской Федерации: защита прав человека в условиях криминализации общественных отношений». Соглашение № 14.B37.21.0045 от 25 июля 2012 г.

этим людям России, быть может, придется расплачиваться не только потерей экономического потенциала и ростом социального недовольства, но, в перспективе, утратой территориальной целостности страны» [3].

Генетическая связь «догматического либерализма» с коррупцией доказана как в научных трудах, так и в публицистике [4]. Характерно, что либеральные капиталисты, люто ненавидящие государство, сделали все, чтобы это государство возглавить [5]. В. Сурков в одном из своих выступлений 2011 г. отметил, что именно либеральными политиками коррупция была возведена в доблесть в девяностые годы, когда в бизнесе было модно «покупать и коллекционировать» чиновников [6].

Связь либерализма с коррупцией мотивирует формулирование таких прогнозов: «Олигархическая экономика современной России, замешанная на узаконенном воровстве и мздоимстве, подобна трупному яду, поразившему только жизнь целой страны, есть трагическое свидетельство доведенного до логического конца отчуждения личности от собственности, от результатов своего труда… Можно с горечью признаться себе – битва за будущее почти проиграна, герои пали смертью храбрых, наступила безлунная ночь – время мародеров» [4, с. 137].

Полезность и неизбежность коррупции обосновывается с точки зрения институционального подхода – как способа перераспределить ресурсы старой элиты в пользу новой, избегая прямого столкновения между ними. В этом смысле коррупция рассматривается в качестве рациональной альтернативы вооруженной борьбе за власть или иным «нецивилизованным» формам социального поведения [7, 8]. Сторонники этого подхода указывают на временный характер коррупции: как только собственность будет перераспределена, коррупция исчезнет. Это представляется наивным тезисом. Напротив, как показывает действительность, развитие коррупции не ограничено временными и другими барьерами, оно может пройти «точку бифуркации» и приобрести необратимый характер. Система уже не вернется в прежнее состояние. Происходит становление модели коррупции «Захват государства», когда государственные органы и политические институты начинают выполнять не общественные требования, а потребности отдельных политических акторов, что приводит к преобладанию в политической сфере неформальных каналов артикуляции интересов, корыстных мотивов и частных связей [9]. В «захваченном» государстве политическая и экономическая коррупция приобретает системный характер и становится основой функционирования государства [10]. Искажается смысл деятельности государства, которое утрачивает свое предназначение как инструмент социального компромисса, смягчения и преодоления противоречий, поиска согласия и сотрудничества различных слоев населения и общественных сил.

Характерно, что в целом опрошенные нами граждане (Омск, май 2012 г., 375 респондентов) не склонны признавать полезность коррупции и отождествлять коррупцию с рыночными отношениями. На утверждение «Коррупция нужна, она помогает решать многие проблемы» респонденты отреагировали следующим образом: согласен – 14,8%; не согласен – 69,3%; затрудняюсь ответить – 15,9%. С утверждением «Коррупция – это проявление рыночных отношений» согласились 29,6%, не согласились – 53,4%, уклонились от ответа – 17,0% опрошенных лиц.

Что касается искоренимости коррупции, то здесь оценки имеют преимущественно пессимистический характер. Наблюдается огромное противоречие между заявленными и нормативно закрепленными механизмами государственного управления (мерами противодействия коррупции), с одной стороны, и реальными управленческими и поведенческими практиками – с другой. При этом данный разрыв не только не сокращается с течением времени, но имеет тенденцию к усилению. Государство и общество, несмотря на предпринятые усилия, не вырвалось из порочного круга коррупции, «коррупционной ловушки», условия которой были созданы событиями и решениями прошлых лет [11].

Прогнозы развития коррупции фиксируют негативный характер динамических процессов. Как показали результаты математического моделирования Центра экономико-математических исследований РАН РФ к 2015 г. (по отношению к базовому 2007 г.), ожидается снижение ВВП на 15% за счет казнокрадства и на 20% – за счет взяток «бизнес-власть». Расчеты прогнозируют снижение ВВП на 5% ежегодно за пределами дан-

ного периода только за счет этих двух проявлений коррупции [12].

В.В. Лунеев пишет: «До сих пор мы не можем обуздать коррупцию. В течение последних 15–20 лет мы активно сотрясаем воздух о борьбе с ней. Разговоров о борьбе много, а сдвигов нет. **Коррупция стала нашей конституцией, а безответственность за нее – повседневной практикой**» [13]. По замечанию Ю.В. Голика, коррупция у нас превратилась из системного явления в системообразующее. Разница между ними огромная: системный признак означает, что коррупция умело встроилась в уже существующую систему, заняла там определенную нишу и живет по правилам системы. Системообразующий признак свидетельствует о том, что коррупции стало тесно в рамках старой системы и она сама стала формировать систему под себя, чтобы заставить всех играть по своим правилам [14]. По материалам проведенного нами опроса граждан респонденты в своем большинстве не заметили позитивных сдвигов в динамике коррупции после принятия комплекса антикоррупционных мер в стране (табл. 1).

Таблица 1

Оценки граждан динамики коррупции после принятия комплекса антикоррупционных мер в стране, %

Суждение	Ответ		
	Да	Нет	Не знаю
Коррупции стало меньше	8,1%	73,4%	18,5
Коррупция перестала быть инструментом политики	8,8	68,6	22,6%
Коррупции стали «стесняться»	12,6	72,2%	15,2
Коррупция стала значительно «дешевле»	5,5	59,2	35,3

Об этом свидетельствует преимущественное отрицание ими позитивных утверждений относительно тех социодинамических процессов, которые общество было вправе ожидать после принятия комплекса антикоррупционных мер в Российской Федерации. А вот прогноз респондентов относительно развития коррупции в России в обозримый период:

а) оптимистический (коррупции будет меньше) – 13,3%;

б) пессимистический (коррупции будет больше) – 41,5%;

в) нейтральный (коррупция останется на том же уровне) – 45,2%.

Как видим, доля «оптимистов» в три раза меньше относительного числа «пессимистов». Если к тому же учесть, что «нейтралы» примыкают к тем, кто сформулировал пессимистический прогноз, то только один из восьми опрошенных граждан сохраняет оптимизм в отношении будущего развития коррупции.

Следовательно, по общему мнению, коррупция – это явление, которое в обозримой перспективе не может быть искоренено. Ставить вопрос о ликвидации коррупции – утопично и некомпетентно. Здесь не может быть простых решений типа «передать систему управления в частные руки» [15]. Задача заключается в том, чтобы ограничить коррупцию, устранить ее системообразующее качество.

С методологической точки зрения важно определить отношение к международным оценкам коррупции, которые заполняют информационное пространство и практически определяют положение страны в мировом «рейтинге» коррупции. Наиболее известным и часто цитируемым является Индекс восприятия коррупции, ежегодно разрабатываемый некоммерческой международной организацией Transparency International» (TI). «Индекс восприятия коррупции (ИВК), разработанный TI и впервые опубликованный в 1995 г., изменил традиционное представление о невозможности измерения коррупции, – пишет директор TI-Россия Е. Панфилова. – Этот подход принят многими странами, международными и региональными организациями» [16]. ИВК ранжирует страны по оценкам степени распространенности коррупции среди государственных служащих и политиков. Это составной индекс, своеобразный «опрос опросов», основанный на данных экспертных опросов и исследований в отношении коррупции, проводимых различными независимыми и представительными организациями. Индекс отражает мнения предпринимателей и аналитиков из различных стран мира; в том числе экспертов, проживающих в стране, в отношении которой проводилось исследование. ИВК фокусирует внимание на коррупции в государственном секторе и определяет коррупцию как комплекс явлений, связанный с использованием чиновниками своего служебного положения для

извлечения личной выгоды (взяточничество, мошенничество, растрата, фаворитизм, непотизм др.). В соответствии с методологией формирования ИВК индекс коррупции формируется по десятибалльной шкале, исходя из принципа: чем выше уровень коррупции, тем ниже показатель ИВК. В государствах с низким уровнем коррупции показатель будет близок к 10 баллам, а с высоким уровнем коррупции – к 0 [17].

Построенные в динамический ряд показатели ИВК претендуют на выражение тенденций развития коррупции в отдельном государстве. Составители ИВК традиционно отводят России низкие места в рейтинге мировой коррупции, причем общая тенденция развития коррупции негативная. В самом деле, если использовать метод наименьших квадратов и экстраполировать показатели динамического ряда графы 2 табл. 4, то прогнозируется снижение искомого показателя в среднем на 0,39 ежегодно.

В то же время список государств, включенных в рейтинговую таблицу, постоянно меняется. Для того чтобы определить реальное место определенной страны в данном списке, необходимо соотнести его с числом государств, попавших в исследовательский обзор. Такая операция осуществлена в отношении России. Ее итоги изложены в последней графе табл. 2.

Таблица 2

Показатели места России в мировом рейтинге ИВК за 1996–2011 гг.

Годы	Баллы	Место	Число стран	Индекс места России
1996	2,6	46	54	0,85
1997	2,3	49	52	0,94
1998	2,4	76	85	0,89
1999	2,4	82	99	0,83
2000	2,4	82	99	0,83
2001	2,3	79	91	0,87
2002	2,7	89	101	0,73
2003	2,7	86	133	0,64
2004	2,8	95	145	0,65
2005	2,4	129	159	0,80
2006	2,5	127	163	0,78
2007	2,3	146	180	0,81
2008	2,1	147	180	0,81
2009	2,2	146	180	0,81
2010	2,1	154	178	0,86
2011	2,3	143	183	0,78

Рассматривая материалы этой графы, можно убедиться, что самые жесткие оценки коррупции в России приходятся на 1990-е гг. (чем ближе к 1 значение оценки, тем она строже). Пик приходится на 1997 г., а «провал» – на 2003 г. В 2007–2009 гг. значения индекса не меняются, в 2010 г. Россию резко «опускают», а в 2011 г. – «поднимают» в мировом рейтинге ИВК. Если прибегнуть к методу наименьших квадратов и экстраполировать показатели динамического ряда графы 5 табл. 2, то напрашивается вывод о тенденции к снижению жесткости оценок коррупции и, следовательно, о том, что она сокращается. Отмеченные колебания и противоречия в динамике оценок ИВК заставляют критично относиться к их значениям. Оценки ИВК излишне политизированы и выражают негативное отношение экспертов-составителей рейтинга ИВК к России [18]. Их следует интерпретировать только в рамках шкалы «больше–меньше», да и то с учетом того, что это восприятие коррупции в России той организации международного сообщества, которое отвечает за создание «репутационных досье» различных стран. «Но я не совсем доверяю таким рейтингам, так как думаю, что они не совсем точные. Кто может точно определить, сколько коррумпированных лиц и какой объем коррупции? Думаю, это сложно вычислить», – заметил председатель правительства РФ В.А. Зубков в 2007 г. [19]. Сомнение в репрезентативности ИВК высказывает В.В. Астанин в своей докторской диссертации [20].

Политизированность и предвзятость просматривается также при анализе другого показателя состояния коррупции, который разрабатывается TI – индекса взяткодателей (ИВ). ИВ фиксирует подкуп иностранных чиновников со стороны компаний, представляющих ведущие государства-экспортеры. Индекс выстраивает страны по десятибалльной шкале. Максимальный результат означает, что опрошенные были уверены, что компании из этой страны никогда не дают взятки за рубежом. Минимальный результат предполагает, что компании дают взятки чиновникам и представителям регулирующих органов других стран в абсолютном большинстве случаев (табл. 3).

Таблица 3

Индекс взяткодателей за 2002, 2006, 2008, 2011 гг.

Ранг	Страна / Территория	ИВ 2002	ИВ 2006	ИВ 2008	ИВ 2011
1	Нидерланды	7,8	7,3	8,7	8.8
1	Швейцария	8,2	7,8	8,7	8.8
3	Бельгия	7,8	7,2	8,8	8.7
4	Германия	6,3	7,3	8,6	8.6
4	Япония	5,3	7,1	8,6	8.6
6	Австралия	8,5	7,6	8,5	8.5
6	Канада	8,1	7,5	8,8	8.5
8	Сингапур	6,3	6,8	8,1	8.3
8	Великобритания	6,9	7,4	8,6	8.3
10	США	5,3	7,2	8,1	8,1
11	Франция	5,5	6,5	8,1	8,0
11	Испания	5,8		7,9	8,0
13	Южная Корея	3,9	5,8	7,5	7,9
14	Бразилия	-	5,6	7,4	7,7
15	Гонконг	4,3	6,0	7,6	7,6
15	Италия	4,1	5,9	7,4	7,6
15	Малайзия	4,3	5,6	-	7,6
15	Южная Африка	-	5,6	7,5	7,6
19	Тайвань	3,8	5,4	7,5	7,5
19	Индия	-		6,8	7,5
19	Турция	-	5,2	-	7,5
22	Саудовская Аравия	-	5,7	-	7,4
23	Аргентина	-	-	-	7,3
23	ОАЭ	-	-	-	7,3
25	Индонезия	-	-	-	7,1
26	Мексика	-		6,6	7,0
27	Китай	3,5	4,9	6,5	6,5
28	Россия	3,2	5,2	5,9	6,1

Как видно из табл. 3, России в рейтинге ИВ отведено последнее место как самой коррумпированной стране из числа фигурирующих в соответствующих исследованиях TI (только в 2006 г. Китай оказался ниже России, что можно считать, очевидно, недоразумением). Составители индекса не скрывают при этом своей главной цели – повлиять на международную репутацию России, создав ей негативный имидж. «Занятая Россией позиция бьет по перспективам экономического, инвестиционного и инновационного развития страны. России будет крайне сложно убедить нынешних и потенциальных инвесторов в эффективности противодействия коррупции внутри страны, если российский бизнес в третьих странах будет доказывать обратное», – указывают эксперты TI в комментарии к ИВ-2011 [21].

Между тем предвзятость экспертов TI обличает их отношение к континентальному Китаю, представители регулируемой экономики которого значительно чаще участвуют в экспорте коррупции, чем их «рыночные» соотечественники из Гонконга (административного округа КНР). Это очень сомнительный и совершенно бездоказательный тезис, который изначально определен политическими взглядами, а не желанием установить реальную закономерность.

Вызывает сомнение и фиксируемая (табл. 3) динамика: по всем странам наблюдается снижение интенсивности подкупа иностранных чиновников со стороны компаний, представляющих ведущие государства-экспортеры. Такое общее улучшение состояния международной коррупции вообще вряд ли возможно, поскольку в мировой практике отсутствуют инструменты, позволяющие одновременно воздействовать на все государства, компании которых используют взяточничество при заключении и осуществлении экспортных контрактов.

Обратимся к анализу еще одного международного показателя – индекса контроля коррупции (ИКК), который разрабатывается Всемирным банком (The World Bank), акционерами которого являются 187 государств. Индекс контроля коррупции является одним из шести агрегированных индикаторов государственного управления (The Worldwide Governance Indicators, WGI). Кроме ИКК, к таким индикаторам относятся: гласность и ответственность; политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма; эффективность правительства; качество государственного регулирования; роль права. Индекс контроля коррупции определяется по данным источников, в качестве которых выступают межгосударственные, государственные, коммерческие и некоммерческие организации. Значения ИКК варьируют от – 2,5 (максимальное коррупционное воздействие до 2,5 (минимальное коррупционное воздействие). Положение страны в мировом рейтинге коррупции определяется в процентах (от 0 до 100): чем выше значение показателя, тем ниже коррупция.

В настоящее время на сайте Всемирного банка представлена информация об Индексе контроля коррупции с 1996 по 2010 гг. для 211 стран. На основе такой информации составлена табл. 4 [22].

Таблица 4

Показатели ИКК для России за 1996–2010 гг.

Годы	Значение ИКК	Стандартное отклонение	Число источников	Положение в рейтинге, %
1996	-1,02649	0,225212	5	15,60976
1998	-0,93994	0,166287	7	17,5698
2000	-0,95051	0,181700	8	15,60977
2002	-0,92398	0,150231	8	22,43902
2003	-0,70919	0,140481	9	28,78049
2004	-0,74319	0,136274	10	24,87805
2005	-0,78579	0,131407	10	23,90244
2006	-0,83815	0,126048	13	20,97561
2007	-0,95458	0,132612	13	15,53398
2008	-1,03353	0,129513	13	11,65049
2009	-1,11508	0,141481	13	10,52632
2010	-1,07397	0,133268	13	12,91866

В табл. 4 не включены данные по другим государствам, поскольку это сделало бы ее излишне громоздкой. Что касается сведений по России, то внешне они выглядят убедительными: увеличивается число источников, на основании которых формулируют оценки, уменьшаются значение доверительных интервалов. В то же время вызывает скептическое отношение точность показателей, приведенных в графах 2 и 5 табл. 4. Их них следует, что самый высокий уровень коррупции приходится на 2009 г. (следующий за начатой в России кампанией против коррупции), а наименьший – на 2003 г. (ничем не примечательный с точки зрения противодействия коррупции). Таким выводам нет никакого логического объяснения, кроме одного: соответствующие показатели выводятся с большим интервалом произвольности, которая мотивирована политическими соображениями.

Справедливость сформулированного вывода подтверждается сравнительным анализом значений ИКК. Так, по Египту это значение за 2008 г. составило [-0,71476], за 2009 г. – [-0,42769], за 2010 г. [-0,55610]. Соответственно положение Египта в коррупционном рейтинге Мирового банка выражается цифрами: 2008 г. – [40,09662], 2009 г. – [54,76190], 2010 г. – [34,44976]. Как видим, Россия по этим показателям значительно проигрывает Египту. Между тем в начале 2011 г. в Египте политический режим Х. Мубарака, находившегося у власти около 30 лет, рухнул, а его лидеры были обвинены в коррупции и иных преступлениях и привлечены к уголовной ответственности [23]. По Грузии значения ИКК до прихода к власти в 2004 г. М. Саакашвили (которому создали репутацию борца с коррупцией) составили: 2000 г. – [-0,88122], 2003 г. – [-0,69205], а рейтинговые оценки соответственно – [39, 8058] и [43,68932]. Во время президентства М. Саакашвили коррупция, последовательно снижается и значения ИКК составляют – за 2009 г. [-0,12824], за 2010 г. [-0,15776]. Вряд ли можно поверить тому, что в Грузии уровень коррупции всегда был ниже, чем в России, а «успешный борец с коррупцией» М. Саакашвили действительно является таковым. Правильное объяснение следует искать в биографии «лидера грузинской нации», которого ранее в течение нескольких лет специалисты США лет готовили для политической карьеры[2], а «своим» Международный банк готов ставить хорошие оценки. Что же касается коррупции в Грузии, то она переместилась из низовых звеньев в высшие эшелоны власти и стала «элитарной». 29 февраля 2012 г. представители оппозиционных фракций парламента обвинили президента Саакашвили и членов его политической команды в коррупции. Депутат-оппозиционер Г. Цагареишвили с трибуны парламента передал Саакашвили фотографии роскошных домов, которые, по его словам, «принадлежат разбогатевшим министрам нынешнего правительства». Цагареишвили заявил, что в 2001 г., будучи министром юстиции, Саакашвили на заседании правительства передал тогдашнему президенту Эдуарду Шеварднадзе фотографии фешенебельных домов министров правительства. «А теперь я показываю вам дома разбогатевших членов вашей команды», – сказал Цагареишвили

[2] М.Н. Саакавшили: стипендиат Госдепартамента США, был направлен на обучение в Колумбийский университет (Нью-Йорк), где в 1994 г. получил степень магистра права. Учился в Университете Дж. Вашингтона в Вашингтоне, стажировался в Академии европейского права во Флоренции и в Гаагской академии международного права. Работал в Норвежском институте прав человека в Осло, затем в нью-йоркской юридической фирме «Patterson, Belknap, Webb & Tyler», которая занималась правовым обеспечением американских нефтегазовых проектов в СНГ. В Грузии эта компания стала юридическим партнером молодежной организации «Кмара», которая сыграла свою роль в «революции роз». – URL: http://www.ru.wikipedia.org

и передал президенту фотографии, на которых по его словам, запечатлены дома нескольких нынешних высокопоставленных лиц. Оппозиционный депутат Д. Багатурия на сессии представил декларацию об имуществе и доходах М. Саакашвили, заполненную им в феврале 2004 г. – через месяц после первого избрания на пост президента. Багатурия сказал, что «тогда у Саакашвили была очень скромная собственность. Сейчас Саакашвили и члены его семьи являются очень богатыми людьми, которые контролируют нефтяной бизнес, золотодобычу, владеют рядом СМИ, несколькими бальнеологическими курортами и вузами, все это происходит на фоне роста нищеты в стране» [24].

Обращает на себя внимание согласованность оценок по всем трем международным индексам коррупции: ИВК, ИВ, ИКК. Расчеты коэффициента корреляции Спирмена фиксируют тесную положительную связь между ними. Однако из этого вряд ли можно делать вывод о принципиальной достоверности приведенных индексных показателей [25].

Гипотезу о принципиальной управляемости международных оценок коррупции подтверждают также данные других индексов: Глобального индекса неконкурентноспособности и Индекса нестабильности (недееспособности).

Глобальный индекс неконкурентноспособности является докладом Всемирного экономического форума (ВЭФ) и опирается на множество индикаторов (111), сведенных в 12 столбцов. Приведем выборочные данные о коррупциогенных факторах в сравнении по России, Колумбии и Германии за 2010–2011 гг. (табл. 5).

При анализе информации, представленной в табл. 5, следует учесть, что чем больше значения показателей, тем хуже ситуация. Как видим, если доверять таблице, то по многим параметрам коррупциогенная обстановка в России более неблагоприятна, чем, к примеру, в Колумбии.

Удручающие оценки получает Россия и по рейтингу Индекса нестабильности 2012 г. Россия находится в этом рейтинге на 83 месте, ухудшив свои позиции по сравнению с предыдущим годом на один пункт. Соседи России по рейтингу – Венесуэла (82 место) и Таиланд (84). К факторам, которые негативно влияют на позицию Россиив данном рейтинге, эксперты относят проблемы сепаратизма и политическую нестабильность на российском Северном Кавказе, неравномерность экономического развития, неэффективную работу государственных структур, высокую степень криминализации общества. Ухудшение позиции страны в этом году связано с гражданскими протестами против массовых злоупотреблений в ходе парламентских выборов в ноябре 2011 г. и выражением недовольства, вызванного тем, что премьер-министр В. Путин и президент Д. Медведев

Таблица 5

Влияние коррупциогенных факторов на ситуацию в России, Колумбии и Германии в 2010–2011 гг. (баллы)*

Фактор	Россия	Колумбия	Германия
Взятки и поборы	111	90	20
Независимость судов	115	78	5
Проявления фаворитизма в государственных решениях	106	118	16
Общественное доверие политикам	69	97	29
Расточительные бюджетные расходы	82	87	33
Транспарентность политических решений	105	60	13
Бремя государственного регулирования	128	124	92
Угроза для бизнеса подвергнуться криминальному насилию	90	134	23
Влияние организованной преступности	112	137	28
Неподкупность силовых структур	128	64	12
Соблюдение деловой этики	112	63	13
Следование стандартам в сферах аудита и отчетности	116	89	21
Защита интересов миноритариев	132	90	13

* *Источник:* The Global Competitiveness Report / Ed. By Klaus Shwab. Geneva: WEF, 2012. P.165, 131, 287.

фактически договорились просто обменяться должностями на президентских выборах в марте 2012 г. [25]. Как достоверность этих рейтинговых оценок, так и информированность экспертов об общественных настроениях вызывают большое сомнение. Они скорее свидетельствуют о манипулируемости и ангажированности членов международного экспертного сообщества, приводя к выводу, что независимых, надежных и достоверных политических оценок в мире просто не бывает.

Список литературы

1. Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. – М.: Логос, 2003. – С. 510.

2. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы: пер с англ. О.А. Алякринского. – М: Логос, 2003. – С. 48–56.

3. Кричевский Н. Постпикалевская Россия: доклад. – М., 2009. – С. 23-24. – URL: http:www.krichevsky.ru

4. Попов В.Д. Моя Россия // Наш современник. – 2011. – № 11. – С. 107–139.

5. Кричевский Н. Крест vs Трусы. – URL: http:www.krichevsky.ru

6. Козлова И. Кремль связывает безудержную коррупцию в России с либеральной оппозицией. – URL: http:www.trcw.ru›articles/detail.php?print=yes&ID=2594

7. Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 685.

8. Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера. Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – №3. – С. 48.

9. Баталова Д.Б. Сущность, особенности и факторы политической коррупции как неформального института в условиях системной трансформации российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2011. С. 18–19.

10. Нисневич Ю.А., Стукал Д.К. Многоликая коррупция и ее измерения в исследованиях международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 3. – С. 84.

11. Солодов В.В. Имитационное моделирование механизмов государственно антикоррупционной политики // Государственной управление. Электронный вестник. – 2011. – № 28. – С. 3.

12. Сулакшин С.С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всероссийской научной конференции 6 июня 2007 г. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 17–19.

13. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всероссийской научной конференции, 6 июня 2007 г. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 60.

14. Голик Ю.В. Можно ли побороть коррупцию // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всероссийской научной конференции, 6 июня 2007 г. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 93.

15. Кондратьев Е.Л. Ликвидация коррупции // Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: материалы Всероссийской научной конференции, 6 июня 2007 г. – М.: Научный эксперт, 2007. – С. 603.

16. Панфилова Е. Измерение коррупции. – URL: http://www.transparency.org.ru

17. Методология определения ИВК. – URL: http://www.transparency.org.ru

18. Клеймёнов И.М. Можно ли доверять индексу восприятия коррупции? // Следователь. – 2009. – № 6. – С. 28–30.

19. Виктор Зубков не доверяет международным рейтингам по оценке уровня коррупции // Российская газета. – 2007. – 28 сент.

20. Астанин В.В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – С. 24.

21. Индекс взяткодателей-2011. – URL: http://www.transparency.org.ru

22. Control of Corruption. – URL: http://www.in13fo.worldbank.org›governance/wgi/index.asp

23. Кислова М. Экс-президент Египта приговорен к пожизненному заключению. – URL: http://www.ria.ru/arab_eg/20120602/663190223.html

24. Пачкория Т. Борьба с коррупцией по-грузински: метод шоковой терапии. – URL: http://www.itar-tass.com›c188/415579.html

25. Нисневич Ю.А., Стукал Д.К. Многоликая коррупция и ее измерения в исследованиях международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 3. – С. 90.

26. Failed States Index 2012: рейтинг недееспособности государств мира 2012 г. – URL: http://www.gtmarket.ru›ratings/failed-states-index

В редакцию материал поступил 15.10.12

Информация об авторах

Клеймёнов Михаил Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Адрес: 644077, г. Омск, проспект Мира, 55-а, тел. (381-2) 63-21-20

E-mail: jf_nauka@mail.ru

Пустовит Роман Владимирович, аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Адрес: 644077, г. Омск, проспект Мира, 55-а, тел. (381-2) 63-21-20

E-mail: jf_nauka@mail.ru

M.P. KLEYMYONOV,

Doctor of Law, Professor, Honored Scholar of the Russian Federation,

R.V. PUSTOVIT,

post-graduate student

Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

METHODOLOGICAL ASPECTS OF CORRUPTION PREDICTION

The article reflects the critical attitude to the revisionist theory of corruption as well as to the international estimations (indexes) of the corruption in Russia.

Key words: corruption; prediction; indexes; corruption estimation; revisionist theory of corruption.

References

1. Oslund A. *Stroitel'stvo kapitalizma: Rynochnaya transformatsiya stran byvshego sovetskogo bloka* (Construction of capitalism: Market transformation of the former Soviet block countries). Moscow: Logos, 2003, p. 510.

2. Rouz-Akkerman S. *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* (Corruption and state. Causes, consequences, reforms). Moscow: Logos, 2003, pp. 48–56.

3. Krichevskii N. *Postpikalevskaya Rossiya* (Postpikalevskaya Russia). Moscow, 2009, pp. 23–24.

4. Popov V.D. Moya Rossiya (My Russia), *Nash sovremennik*, 2011, No. 11, pp. 107–139.

5. Krichevskii N. Krest vs Trusy, available at: http:www.krichevsky.ru

6. Kozlova I. *Kreml' svyazyvaet bezuderzhnuyu korruptsiyu v Rossii s liberal'noi oppozitsiei* (The Kremlin associates the unlimited corruption in Russia with the liberal opposition), available at: http:www.trcw.ru›articles/detail.php?print=yes&ID=2594

7. Veber M. *Izbrannye proizvedeniya* (Selected works). Moscow: Progress, 1990, p. 685.

8. Khabermas Yu. Tyagunova T. Teoriya ratsionalizatsii Maksa Vebera (Maz Weber's theory of rationalization), *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2009, No. 3, p. 48.

9. Batalova D.B. *Sushchnost', osobennosti i faktory politicheskoi korruptsii kak neformal'nogo instituta v usloviyakh sistemnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva* (Essence, features and factors of political corruption as informal institution under the conditions of systemic transformation of the Russian society). Saint Petersburg, 2011, pp. 18–19.

10. Nisnevich Yu.A., Stukal D.K. Mnogolikaya korruptsiya i ee izmereniya v issledovaniyakh mezhdunarodnykh organizatsii (Multifaceted corruption and its changes in researches by international organizations), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, No. 3, p. 84.

11. Solodov V.V. Imitatsionnoe modelirovanie mekhanizmov gosudarstvennoi antikorruptsionnoi politiki (Imitation modeling of the mechanisms of state anti-corruption policy), *Gosudarstvennoi upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2011, No. 28, p. 3.

12. Sulakshin S.S. Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike (State policy of counteraction against corruption and shadow economy), *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike v Rossii: materialy Vserossiiskoi nauch-noi konferentsii 6 iyunya 2007 g.* Moscow: Nauchnyi ekspert, 2007, pp. 17–19.

13. Luneev V.V. Korruptsiya v Rossii (Corruption in Russia), *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike v Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 6 iyunya 2007 g*. Moscow: Nauchnyi ekspert, 200, p. 60.

14. Golik Yu.V. Mozhno li poborot' korruptsiyu (Is it possible to overcome corruption), *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike v Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 6 iyunya 2007 g.* Moscow: Nauchnyi ekspert, 2007, p. 93.

15. Kondrat'ev E.L. Likvidatsiya korruptsii (Elimination of corruption), *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike v Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 6 iyunya 2007 g.* Moscow: Nauchnyi ekspert, 2007, p. 603.

16. Panfilova E. *Izmerenie korruptsii* (Measuring corruption), available at: http://www.transparency.org.ru

17. *Metodologiya opredeleniya IVK* (Methodology of IVK identification), available at: http://www.transparency.org.ru

18. Kleimenov I.M. Mozhno li doveryat' indeksu vospriyatiya korruptsii (Should one trust corruption index), *Sledovatel'*, 2009, No. 6, pp. 28–30.

19. Viktor Zubkov ne doveryaet mezhdunarodnym reitingam po otsenke urovnya korruptsii (Viktor Zubkov does not trust the international ratings of corruption level estimation), *Rossiiskaya gazeta*, 2007, 28th Sept.

20. Astanin V.V. *Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty* (Anti-corruption policy in Russia: criminological aspects) – Moscow, 2009, p. 24.

21. *Indeks vzyatkodatelei-2011* (Index of bribegivers-2011), available at: http://www.transparency.org.ru

22. Control of Corruption, available at: http://www.in13fo.worldbank.org›governance/wgi/index.asp

23. Kislova M. *Eks-prezident Egipta prigovoren k pozhiznennomu zaklyucheniy* (Ex-president of Egypt is sentenced to life imprisonment), available at: http://www.ria.ru/arab_eg/20120602/663190223.html

24. Pachkoriya T. *Bor'ba s korruptsiei po-gruzinski: metod shokovoi terapii* (Struggle against corruption Georgian-like: method of shock therapy), available at: http://www.itar-tass.com›c188/415579.html

25. Nisnevich Yu.A., Stukal D.K. Mnogolikaya korruptsiya i ee izmereniya v issledovaniyakh mezhdunarodnykh organizatsii (Multifaceted corruption and its changes in researches by international organizations), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2012, No. 3, p. 90.

26. Failed States Index 2012: reiting nedeesposobnosti gosudarstv mira 2012 goda (Failed States Index 2012), available at: http://www.gtmarket.ru›ratings/failed-states-index

Information about the authors

Kleymyonov Mikhail Petrovich, Doctor of Law, Professor, Honored Scholar of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

Address: 55-a Prospekt Mira, 644077, Omsk, tel. (381-2) 63-21-20

E-mail: jf_nauka@mail.ru

Pustovit Roman Vladimirovich, post-graduate student of the Chair of Criminal Law and Criminology, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky

Address: 55-a Prospekt Mira, 644077, Omsk, tel. (381-2) 63-21-20

E-mail: jf_nauka@mail.ru

УДК 343.9:342.5

Т.Л. КОЗЛОВ,

кандидат юридических наук,
заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции

НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ

В статье осуществлен обзор действующих антикоррупционных институтов, проанализированы имеющиеся недостатки и сформулированы предложения по развитию и совершенствованию антикоррупционного законодательства и практики его правоприменения.

Ключевые слова: противодействие коррупции; профилактика коррупционных правонарушений; декларирование доходов; контроль расходов; конфликт интересов; криминологические цепочки.

Национальная стратегия противодействия коррупции, Национальный план (уже в третьей редакции), Федеральный закон «О противодействии коррупции» заложили идеологическую, законодательную и организационную основу для формирования и развития специальных антикоррупционных механизмов, действующих непосредственно в государственных органах и направленных на предупреждение коррупции.

Круг профилактических мер достаточно широк. Институт декларирования доходов в 2011 г. был подкреплен возможностью увольнения в связи с утратой доверия за неисполнение установленных в нем обязанностей. На кадровые службы возложена обязанность обеспечения полноты, своевременности и достоверности представляемых сведений о доходах, проверка соблюдения антикоррупционных ограничений и запретов служащими (в том числе по собственной инициативе), взаимодействие с правоохранительными органами.

В государственных органах организуется работа по консультированию и правовому просвещению государственных служащих в вопросах противодействия коррупции. Установлен, хотя и половинчатый (не свыше трех тысяч рублей), но все же запрет на подарки государственным и муниципальным служащим в связи с их служебным положением.

Получил развитие институт урегулирования конфликта интересов на государственной службе, назначение которого заключается в выявлении и предупреждении на ранней стадии своекорыстных действий служащих вопреки интересам государства, общества, граждан. Набирает обороты деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Если в 2008 г. (год принятия первого Национального плана противодействия коррупции) такие комиссии были созданы в лучшем случае в половине органов исполнительной власти, то в 2010 г. комиссии были образованы во всех федеральных органах исполнительной власти и органах исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 2011 год характеризовался возрастающей активностью комиссий по рассмотрению фактов представления недостоверных сведений о доходах, нарушений требований к служебному поведению, непринятия мер по предупреждения и урегулированию конфликта интересов.

Постепенно входит в норму, хотя и не очень быстрыми темпами, реализация обязанности по уведомлению служащими руководства органов о фактах склонения их к совершению коррупционных правонарушений. Порядок действий служащего и представителя нанимателя при выявлении таких фактов нормативно регламентирован. Предусматривается даже (хотя пока в большей степени декларативно) государственная защита лиц, сообщивших о коррупции.

Наконец, введена антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов с

тем, чтобы устранить правовую почву для коррупционных проявлений. Ее проведение реализуется как на ведомственной (т.е. внутри органов, разрабатывающих нормативные правовые акты), так и на вневедомственной основе (Генеральная прокуратура Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации), да еще с привлечением общественности (независимые эксперты).

На современном этапе представляется важным не снижать взятых в антикоррупционной политике темпов и, наряду с выравниванием экономической основы законопослушного поведения за счет повышения денежного содержания публичных должностных лиц следует развивать существующие антикоррупционные механизмы, добавляя новые, предварительно апробированные.

Приведем некоторые соображения на этот счет.

В плане предупреждения собственно коррупционной преступности, как совершенно резонно предлагают ученые-криминологи, необходимо исключить использование коррупции как средства становления и укрепления новых общественных отношений, создания социальной опоры новых отношений [1, с. 822]. На наш взгляд, следует разработать и законодательно закрепить криминологические цепочки возрастания степени общественной опасности коррупционных правонарушений на основе родственных формулировок объективной стороны: от дисциплинарных через административные к преступным, – для адекватного реагирования на них, упреждения наиболее опасных, преступных форм.

В частности, занятие иной оплачиваемой деятельностью без уведомления руководства государственного органа должно порождать (и порождает сейчас) дисциплинарную ответственность; управление, учреждение коммерческой организации, занятие предпринимательской деятельностью должно быть наказуемо в административном порядке, в том числе посредством дисквалификации (сейчас влечет увольнение в связи с утратой доверия); учреждение, управление коммерческой организацией, осуществление предпринимательской деятельности с оказанием влияния на коммерческий процесс с использованием служебного положения – уголовная ответственность (в настоящее время – ст. 289 УК РФ).

Получение незаконного вознаграждения, в том числе подарка стоимостью до трех тысяч в связи с должностным положением – дисциплинарная ответственность; незаконное вознаграждение в виде услуг (оплата туристических путевок, погашение кредита), получение подарка стоимостью свыше трех тысяч рублей в связи с должностным (служебным) положением – административная ответственность; передача и принятие материального вознаграждения за выполнение действий, связанных с должностным (служебным) положением – уголовная ответственность (дача-получение взятки, ст.ст. 290, 291 УК РФ).

Представление интересов третьих лиц в государственном или муниципальном органе, в котором проходит службу – дисциплинарная ответственность; обращение с просьбой к государственному или муниципальному служащему о представлении интересов в государственном или муниципальном органе физического или юридического лица – административная ответственность; фактическое употребление должностных полномочий или должностного (служебного) положения из корыстной или иной личной заинтересованности, «оплата» этих действий – уголовная ответственность (ст.ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ).

Такой подход позволит построить логически, увязать систему профилактики коррупции с правоохранительной деятельностью по борьбе с уже совершенными коррупционными правонарушениями. Кроме того, такая методика должна быть на вооружении у органов прокуратуры и правоохранительных органов. При выявлении любого из звеньев криминологической цепочки – дисциплинарный проступок в виде нарушения запрета, административное правонарушение в виде неисполнения правовых норм, имеющих антикоррупционную направленность, – необходима работа по установлению других звеньев цепочки, в частности, коррупционного преступления.

Очень важно, чтобы любой коррупционер знал – попадание в поле зрения органов прокуратуры, правоохранительной системы по любому коррупционному поводу с любой степенью общественной опасности закончится выявлением всей подноготной жизни и незаконной деятельности.

Безусловной поддержки заслуживает позиция специалистов, полагающих, что мероприятия по формированию административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции должны быть увязаны с мероприятиями по совер-

шенствованию законодательства о государственной и муниципальной службе [2, с. 3]. В связи с этим требуют развития основные антикоррупционные механизмы на государственной службе.

В частности, институту декларирования доходов, имущества и обязательств имущественного характера следует придать менее формализованный, но более содержательных характер, одновременно продолжив его в направлении ответственности за незаконное (неосновательное) обогащение.

На наш взгляд, не следует обременять служащих, их родственников, кадровые службы заполнением и сбором многочисленных объемных справок (по большей части пустых, когда речь идет, например, о несовершеннолетних детях). Достаточно одной справки, заполняемой служащим и отражающей основные показатели материального положения его самого и его семьи. Эта справка должна служить формальным подтверждением честности и добропорядочности конкретного лица, его открытости нанявшему его государству и обществу.

В свою очередь субъект осуществления контроля, например, подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных нарушений должен иметь полномочия по проверке при любом подозрении (на основе любой поступившей информации, за исключением анонимной, инициативно, по решению комиссии по урегулированию конфликта интересов, обращению граждан и организаций) без согласия проверяемого (оно должно быть получено изначально при поступлении на службу), но с его уведомлением, материального положения служащего и членов его семьи. Проверка может осуществляться путем получения необходимой информации в органах и учреждениях, ею располагающих.

После получения сведений о реальном имущественном положении служащего и выявлении его несоответствия (в сторону превышения) денежному содержанию, субъект контроля должен быть полномочен потребовать у служащего объяснения о происхождении тех или иных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, а также документы, подтверждающие законность происхождения имущества.

Если документы, подтверждающие законность происхождения денежных средств, имущества, ценных бумаг, отсутствуют, либо служащий отказывается давать объяснение, либо для проверки достоверности представленных сведений требуется получение объяснений у других лиц, в том числе родственников, друзей, работников банка и др., то материалы должны направляться в органы прокуратуры, где в рамках прокурорской проверки будет выясняться соблюдение служащим требований законодательства о противодействии коррупции в части отсутствия у него незаконных (неосновательных) доходов.

Что касается дальнейших действий и оснований ответственности служащего за незаконное (неосновательное) обогащение, то здесь положения ст. 20 Конвенции ООН против коррупции о криминализации незаконного обогащения должны быть имплементированы с учетом конституционного положения о презумпции невинности.

В связи с этим реализация идеи ответственности за незаконное обогащение без ущерба для принципиальных основ российской правовой системы видится в развитии института обязательств вследствие неосновательного обогащения (ст. ст. 1102–1109 ГК РФ). Последний может быть развит в направлении возможности лишения государственных и муниципальных служащих, лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, имущества, законность происхождения которого им не удастся доказать в рамках гражданского процесса по иску прокурора в интересах государства.

В предлагаемом выше механизме при неподтверждении законности выявленных реальных доходов служащего должно возникать гражданско-правовое обязательство перед государством – нанимателем публичного лица – вернуть неосновательное обогащение. Его принудительное выполнение возможно посредством обращения прокурора в суд с иском к служащему в интересах государства, потерпевшего от действий своего служащего (находясь на публичной службе, неосновательно обогатился). Для этого следует дополнить ст. 45 ГПК РФ нормой о предоставлении прокурору права на предъявление иска об изъятии неосновательно (незаконно) приобретенного имущества [3].

В настоящее время на рассмотрении палат Федерального Собрания Российской Федерации находится Проект Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замеща-

ющих государственные должности, и иных лиц их доходам»[1], инициированный президентом Российской Федерации. Главным его достоинством, на наш взгляд, является как раз попытка законодательного закрепления описанного выше механизма. В частности, ст. 17 законопроекта содержит норму о том, что Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы.

Однако законопроект пока предполагает запуск механизма контроля расходов лишь при обнаружении имущества, стоимость (сумма сделки по приобретению) которого превышает доход государственного служащего и его супруга по основному месту их службы (работы) за три последних года.

Фактически речь идет о весьма крупных приобретениях. Во всяком случае, покупка автомобиля среднего класса стоимостью до 1 млн рублей останется незамеченной. Надо полагать, что это первый шаг в направлении незаконных (неосновательных) доходов вообще, независимо от их суммы.

Другой важный механизм, нуждающийся в совершенствовании, это предупреждение и урегулирование конфликта интересов.

Антикоррупционный потенциал этого института очевиден. Своевременное рассмотрение ситуаций личной заинтересованности публичных служащих, которая может привести к конфликту интересов, позволяет избежать собственно самого конфликта, который может перерасти в уголовно-наказуемые формы. С другой стороны, работа комиссий по урегулированию конфликта интересов носит профилактический характер, поскольку решения об отнесении тех или иных случаев к ситуации конфликта интересов становятся общеизвестны в пределах государственного органа и являются основой формирования антикоррупционного мышления и поведения.

Основным недостатком образуемых в органах государственной власти комиссий, как уже отмечалось, является их вспомогательная, а не основная роль в вопросах регулирования служебного поведения государственных служащих, соблюдения ими антикоррупционных стандартов, и рекомендательный характер принимаемых решений.

В то же время совершенствование организационно-правового механизма противодействия коррупции должно носить системный характер. Структура органов и подразделений профилактики и борьбы с коррупционными правонарушениями должна иметь четко просматриваемую логичную, взаимосвязанную, интегрированную в государственное и муниципальное управление архитектуру с ясным разнесением компетенции и налаженным взаимодействием.

В основании системы профилактики находятся подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Именно это первичное звено должно работать на обеспечение функционирования антикоррупционных механизмов внутри государственных и муниципальных органов, соблюдения всеми служащими антикоррупционных стандартов, на выявление и информирование комиссий о совершенных коррупционных правонарушениях. Для этого подразделения должны обладать соответствующими полномочиями, которые номинально уже установлены Указом Президента Российской Федерации от 21.09.2009 № 1065, однако не подкреплены законодательно.

Проинформированные кадровыми службами комиссии – следующее антикоррупционное звено – должны стать первой инстанцией, принимающей решение (отнюдь не вспомогательного характера), о первичной, приблизительной квалификации содеянного: нарушение требований к служебному поведению, непринятие мер к предупреждению конфликта интересов, влекущие дисциплинарную ответственность; административное правонарушение; преступление. Для правильной квалификации и принятия законных решений в составе комиссии нужны как специалисты кадровых

[1] На момент подготовки статьи законопроект № 47244-6 принят Государственной Думой ФС РФ во втором чтении.

подразделений, так и независимые эксперты – специалисты в области государственной службы; возможно, нужны и представители органов прокуратуры, правоохранительных органов, которые могут помочь с квалификацией, оперативно отреагировать на признаки преступления или административного правонарушения.

Следующая ступень (в случае выявления в действиях служащего нарушений закона) – направление материалов для принятия решения руководителю органа – для обязательного (в случае соответствующих выводов комиссии) применения дисциплинарного взыскания, если нарушены требования к служебному поведению; в органы административной юрисдикции – для привлечения к административной ответственности; в правоохранительные органы – для решения вопроса об уголовном преследовании в случае нарушений уголовного закона.

В случае включения представителей правоохранительных органов в состав комиссий возможно непосредственное вручение на основании решения комиссии соответствующих материалов в отношении государственного или муниципального служащего для регистрации в компетентном органе и организации проверки (расследования).

В дальнейшем представляется целесообразным на базе федерального органа по управлению государственной службой развитие системы вневедомственного рассмотрения вопросов этики публичных служащих и досудебного механизма разрешения проблем, возникающих в служебных правоотношениях (с упразднением комиссий по служебным спорам, комиссий по урегулированию конфликта интересов). Вневедомственная основа позволит более объективно подходить к оценке действий служащего.

Необходимо совершенствование и других институтов, ограничений и запретов антикоррупционного характера. В частности, в вопросе уведомлений о фактах коррупции необходимо опираться на обязанность служащего информировать кадровые подразделения государственных или муниципальных органов обо всех подобных ситуациях, ставших ему известными, не только в отношении себя. Запрет на получение подарков в связи с должностным (служебным) положением должен быть полным, без учета стоимости подарка; исключения должны быть четко оговорены – подарки от сослуживцев, родственников, друзей.

Более детально с учетом правоприменительной практики следует отработать ограничение по трудоустройству после увольнения с государственной и муниципальной службы. Должна быть четкая фиксация в Трудовом кодексе Российской Федерации правила о том, что бывшие государственные и муниципальные служащие в течение двух лет после увольнения со службы для заключении трудовых (гражданско-правовых) договоров должны представить либо согласие комиссии по урегулированию конфликта интересов, либо справку кадровой службы о нераспространении на данного бывшего служащего ограничения по трудоустройству.

За нарушение наиболее «коррупционных» запретов – управление коммерческой организацией, либо ее учреждение, занятие предпринимательской деятельностью; получение незаконного вознаграждения; представительство интересов третьих лиц в своем органе, представление заведомо недостоверных сведений о доходах, несообщение о личной заинтересованности и т.п. – предпочтительно установление административной ответственности в виде штрафов, в некоторых случаях (например, повторно) с дисквалификацией.

Для внедрения и успешного функционирования эффективных мер предупреждения коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления необходим периодический анализ зарубежного и отечественного опыта профилактики и пресечения коррупции, учет этого опыта в процессе совершенствования законодательства и практики применения антикоррупционных механизмов.

Список литературы

1. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.

2. Куракин А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Люберцы, 2008.

3. Рекомендации круглого стола «Проблемы имплементации международных норм в области противодействия коррупции в российское законодательство»: сборник статей: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. А.В. Кудашкина. – М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2011.

В редакцию материал поступил 14.11.12

Информация об авторе

Козлов Тимур Леонидович, кандидат юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции, НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 255-06-05

E-mail: t-kozlov@yandex.ru

T.L. KOZLOV,

PhD (Law), Head of the Department of Prosecutor's inspection and law enforcement in the sphere of state and municipal service and corruption counteraction

Scientific-Research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

THE MAIN DIRECTIONS OF LEGAL REGULATION DEEVELOPMENT IN CORRUPTION COUNTERACTION IN OFFICIAL BODIES

The article reviews the existing anti-corruption institutions, analyzes the existing drawbacks and formulates suggestions for the development and improvement of the anti-corruption legislation and practice of its implementation.

Key words: corruption counteraction; prevention of corruption breaches; income declaration; expenses control; interests conflict; criminological chains.

References

1. *Kriminologiya* (Criminology). Moscow: Norma: Infra-M, 2010.

2. Kurakin A.V. *Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdeniya i presecheniya korruptsii v sisteme gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii* (Administrative-legal means of prevention and termination of corruption in the sphere of state service of the Russian Federation). Lyubertsy, 2008.

3. *Rekomendatsii kruglogo stola «Problemy implementatsii mezhdunarodnykh norm v oblasti protivodeistviya korruptsii v rossiiskoe zakonodatel'stvo»: sbornik statei* (Recommendations of the Round Table "The problems of international norms' implementation in the sphere of corruption counteraction in the Russian legislation"). Moscow: Akademiya General'noi prokuratury RF, 2011.

Information about the author

Kozlov Timur Leonidovich, PhD (Law), Head of the Department of Prosecutor's inspection and law enforcement in the sphere of state and municipal service and corruption counteraction, Scientific-Research Institute of the Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Address: 15 2nd Zvenigorodskaya Str., 123022, Moscow, tel.: (499) 255-06-05

E-mail: t-kozlov@yandex.ru

УДК 343.9

С.Д. КРАСНОУСОВ,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Сибирский федеральный университет

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ В ЧАСТНОМ СЕКТОРЕ

В статье подробно рассматривается подверженная коррупции сфера частного сектора с учетом требований действующего международного и отечественного законодательства.

Ключевые слова: коррупция; частный сектор; публичные функции; публичные услуги.

Единого мнения о сферах существования коррупции в научной литературе пока не сформировалось. Тем не менее российская юридическая наука все дальше отходит от позиции, согласно которой «сфера коррупции должна ограничиваться лишь рамками государственного и муниципального управления» [1, с. 33].

Частный сектор в России ассоциируется с теми секторами экономики, в которых преобладает частная собственность, в то время как в трактовке международно-правовых актов понятие частной сферы формируется в противопоставлении публичной.

В Конвенциях Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию»[1], «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию» [2] упоминается коррупция в частном секторе. Однако Конвенция ООН против коррупции [3, с. 17–40], учитывающая положения всех многосторонних документов по предупреждению коррупции и борьбе с ней, включая в том числе две эти Конвенции, содержит более подробное описание коррупции в частном секторе. Это обстоятельство позволяет нам сделать акцент именно на анализе положений Конвенции ООН против коррупции.

Положения Конвенции ООН против коррупции (п. 1 ст. 12 «Частный сектор», ст. 21 «Подкуп в частном секторе») предусматривают две формы коррупции в частном секторе, когда они совершаются умышленно в ходе экономической, финансовой или коммерческой деятельности организации частного сектора.

В самом тексте Конвенции ООН против коррупции не содержится непосредственного определения частного сектора, но оно может быть получено в результате анализа ее положений о публичном и частном секторах коррупции.

Пункт 1 ст. 7 «Публичный сектор» предусматривает, что «каждое Государство-участник стремится в надлежащих случаях и в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы создавать, поддерживать и укреплять такие системы приема на работу, набора, прохождения службы, продвижения по службе и выхода в отставку гражданских служащих и в надлежащих случаях других неизбираемых публичных должностных лиц».

Буквальное толкование положений Конвенции ООН против коррупции позволяет нам делать вывод, что публичный сектор – это сектор, в рамках которого осуществляется деятельность публичных должностных лиц. Отсюда вытекает первый отличительный признак публичного сектора от частного: в частном секторе не могут осуществлять свою деятельность публичные должностные лица.

Согласно п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против коррупции («Термины») «публичное должностное лицо» означает:

– любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе Государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица;

– любое другое лицо, выполняющее какую либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публич-

[1] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (ETS № 173): заключена в г. Страсбурге 27.01.1999 // СЗ РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2394.

ную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве Государства-участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого Государства-участника;

– любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве Государства-участника.

Первый критерий выделения публичного должностного лица очевиден и не требует дополнительного пояснения – это лицо, занимающее должность в государственном органе.

Второй критерий содержит упоминание о публичной функции и публичной услуге, что требует дополнительного разъяснения.

Публичная функция в юридической литературе определяется как «направления деятельности различных субъектов, главным образом государственных и муниципальных образований, по удовлетворению публичного, т.е. общественного интереса, признанного и охраняемого» [4].

Несколько сложнее определить публичную услугу, под которой традиционно понимается «та же публичная функция государства, которая может осуществляться негосударственным (непубличным) субъектом на основе полномочия, предоставленного актом органа власти, на контрактной основе и прочих основаниях» [5]. Термин «публичные услуги» гораздо шире «государственных услуг», их могут оказывать и государственные, и негосударственные структуры, но главное, что их объединяет, – это заинтересованность общества в их выполнении, общественный интерес, социальная значимость. Кто будет выполнять такие услуги – вопрос зачастую для потребителя вторичный, решение которого зависит от целого ряда обстоятельств, при этом одним из основных критериев здесь является эффективность исполнения услуг [6].

В литературе приведены следующие признаки публичных услуг:

– обеспечивают деятельность общезначимой направленности;

– имеют неограниченный круг субъектов, пользующихся ими;

– осуществляются либо органом государственной и муниципальной власти, либо другим субъектом;

– основываются как на публичной, так и на частной собственности [5].

Обеспечение деятельности общезначимой направленности демонстрирует наличие публичного интереса в осуществлении такой деятельности (первый признак) и позволяет сделать вывод, что независимо от того, какой субъект (государственный орган, муниципальный орган, негосударственная организация) в каждом конкретном случае ее выполняет, публичная власть обязана обеспечить ее исполнение. Сфера общественно значимых услуг должна находиться в зоне внимания публичной власти независимо от субъектов, их оказывающих [6].

Наличие неограниченного круга субъектов, пользующихся публичными услугами (второй признак), указывает, что они являются универсальными, т.е. обладают свойством универсальности требований ко всем услугополучателям. Кроме того, все услугополучатели должны иметь одинаковые институциональные права на получение данных услуг. Наконец, технологически процесс оказания универсальных услуг не должен создавать технологических барьеров (производительность услуги должна обеспечивать отсутствие очередей) [7]. Различают «свободный доступ к услуге» и «общедоступные услуги». Первое понятие подразумевает бесплатную услугу, а второе – платность услуги, но по регулируемой государством цене, которая доступна широкому кругу услугополучателей [6].

Осуществление деятельности по оказанию публичных услуг любыми субъектами вне зависимости от форм собственности (третий и четвертый признаки) позволяет нам говорить, что публичные услуги могут быть оказаны коммерческими и иными организациями, а не только государственными и муниципальными органами (учреждениями). На это обстоятельство обратил внимание Н.В. Щедрин, предлагая усовершенствовать законодательное определение коррупции [8, с. 1449–1450]. В настоящий момент большая часть крупнейших коммерческих организаций, оказывающих публичные услуги, это приватизированные государственные или муниципальные объекты, либо общества со стопроцентным участием государства[2].

---

[2] Пункт 2 Постановления Правительства РФ «О создании открытого акционерного общества «Российские железные дороги»» – «доля принадлежащих РФ акций

Исчерпывающий перечень публичных услуг дать сложно. Однако, на наш взгляд, существуют услуги, которые в силу их высокого общественного значения должны быть в любом случае признаны публичными: услуги в сфере образования, здравоохранения, социального обеспечения, услуги, оказываемые естественными монополиями.

Современная российская экономика является экономикой переходной от командно-административной к рыночной. В ней еще сохранились элементы старой системы, одним из таких элементов являются моногорода, созданные исключительно для обеспечения работы крупных предприятий.

В 2009 г. Межведомственной рабочей группой Минрегиона по вопросам снижения негативного воздействия финансового кризиса на социально-экономическое развитие моногородов в субъектах РФ были рассмотрены и одобрены следующие критерии отнесения населенных пунктов к категории монопрофильных (к моногородам)[3]:

– наличие предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на котором занято на основной работе более 25% экономически активного населения;

– наличие в населенном пункте предприятия или нескольких предприятий, осуществляющих деятельность в рамках единого производственно-технологического процесса, на долю которых приходится более 50% объема промышленного производства.

Этим условиям в РФ соответствует 335 поселений, из которых 235 составляют моногорода с численностью населения свыше 10 тыс. чел. каждый, в том числе 12 ЗАТО [9]. Особенность таких городов заключается в том, что одно или несколько предприятий, являясь бюджетообразующими, обладают не только экономическим значением для населенного пункта, но и социальным, так как фактически обеспечивают условия жизнедеятельности в городе.

Моногорода расположены на всей территории РФ (самую большую группу составляют моногорода, созданные на базе машиностроения – 24%. Из них 95% расположены на территории Европейской части России (Тульская область – 11 ед., Нижегородская – 9 ед., Саратовская – 8 ед., Московская, Тверская, Курская области – по 7 ед.,), 5% за Уралом (Челябинская – 9 ед., Свердловская – 8 ед.,), при этом все они находятся в зоне риска – закрытие одного или нескольких предприятий в населенном пункте может привести к полной его деградации и, в конечном итоге, исчезновению (например, правительством РФ в 2010 г. было принято решение о переселении жителей города Ревда Мурманской области в виду невозможности диверсификации экономики данного населенного пункта). Мировой финансовый кризис резко обострил проблему моногородов, где структурообразующие предприятия, сократив объемы прибыли в несколько раз, оказались не в состоянии (либо их владельцы не сочли для себя эффективным) обеспечивать занятость населения, осуществлять поддержку социальной инфраструктуры [9].

Существует также прогноз относительно городов, которые при пессимистическом сценарии развития кризиса могут оказаться банкротами, например, «Магнитогорск в Челябинской области с населением 409 тыс. человек. Завод «Магнитка» – один из крупнейших металлургических заводов России за последнее время сократил 2 тыс. сотрудников. С наступлением кризиса спрос на металл снизился, и в январе 2009 г. производство на заводе сократилось в шесть раз. На сегодняшний день в г. Магнитогорске самый высокий уровень безработицы на Урале» [9].

Вышесказанное иллюстрирует, как решение, которое принимается руководством предприятия, отражается на жизни конкретного населенного

в общем количестве акций акционерного общества составляет 100%» // http://doc.rzd.ru/isvp/public/doc; п. 1.3 Устава ООО «Нефтяная компания «Роснефть» – «общество является правопреемником реорганизованного государственного предприятия «Роснефть» в соответствии с передаточным актом». – URL: http://www.rosneft.ru/attach/0/57/72/rosneft_charter_21032011.pdf; п. 4. Указа Президента РФ «О преобразовании Государственного газового концерна «Газпром» в Российское акционерное общество «Газпром» – «все акции РАО «Газпром» являются обыкновенными и на момент учреждения РАО «Газпром» принадлежат РФ» // СПС Консультант.

[3] «О создании Межведомственной рабочей группы по вопросам снижения негативного воздействия финансового кризиса на социально-экономическое развитие моногородов в субъектах РФ»: Приказ Министерства регионального развития РФ от 21 июля 2009 г. № 301.

пункта, в котором оно расположено. Деятельность такого предприятия или предприятий обладает большинством признаков деятельности по оказанию публичных услуг, а ее общественная значимость не подвергается сомнению, так как такое предприятие является основным налогоплательщиком, основным работодателем и фактически определяет развитие населенного пункта. Заметим, что в деятельности такого предприятия может и не присутствовать признак универсальности оказываемой услуги, на такое предприятие формально (юридически) могут не распространяться требования о том, что все услугополучатели должны иметь одинаковые институциональные права на получение данных услуг. Государство в силу высокой общественной значимости такой деятельности предприятия обязано контролировать ее, в том числе на наличие коррупционных составляющих в системе принятия решений руководством и, в случае установления таких фактов, пресекать их, привлекать виновных, в том числе, к уголовной ответственности. В подобной ситуации отечественный законодатель может использовать положение Конвенцией ООН против коррупции, согласно п. а ст. 2, публичное должностное лицо означает: <…> любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве Государства-участника) и определить лицо, которое руководит работой градообразующего предприятия моногорода или работает в любом качестве на таком предприятии как «публичное должностное лицо».

Детальное рассмотрение услуг, которые, по нашему мнению, в любом случае должны быть признаны публичными, подтверждает наш тезис о том, что под публичными услугами следует понимать, прежде всего, услуги социального обеспечения, оказания медицинской помощи, образовательные, а также услуги естественных монополий. При этом мы не отрицаем существование и других услуг, которые могут быть признаны публичными. Вместе с тем некоторые виды деятельности обладают равной с деятельностью по оказанию публичных услуг степенью общественной значимости. К ним относится деятельность естественных монополий, а также градообразующих предприятий моногородов.

Таким образом, если следовать трактовке Конвенции ООН против коррупции, к частному сектору (сфере) следует относить экономическую, финансовую или коммерческую деятельность, за исключением деятельности негосударственных и муниципальных структур, оказывающих публичные услуги, а также градообразующих предприятий моногородов.

Сложнее обстоит дело с осуществлением некоммерческой деятельности. Ни в отечественной литературе по юриспруденции и экономике, ни в законодательстве РФ мы не встречали аргументов против включения в такую сферу некоммерческой деятельности. Предложение понимать под сферой существования коррупции также некоммерческую деятельность закреплено в п. 2 ст. 2 «Активная и пассивная коррупция в частном секторе» Рамочного решения n2003/568/пвд Совета по борьбе с коррупцией в частном секторе Европейского союза.

Подводя итог, можно утверждать, что к частному сектору следует относить экономическую, финансовую, а также коммерческую и некоммерческую деятельность, за исключением деятельности негосударственных и муниципальных структур, оказывающих публичные услуги, а также градообразующих предприятий моногородов. Этот вывод может существенно скорректировать наши традиционные представления о коррупции в публичном и частном секторах, позволит более четко разграничивать взятку и коммерческий подкуп.

Список литературы

1. Незнамова З.А. Признаки коррупции как социального явления // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД, 2000.

2. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (ETS № 174), принята Советом Европы, Страсбург, 04.11.1999 // Меры противодействия коррупции: проблемы разработки и реализации: материалы научно-практического семинара с приложением международных правовых актов и проектов федеральных законов / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: ООО «Изд. дом «Барнаул», 2009. – С. 382–391.

3. Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции (принята в Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Меры противодействия коррупции: проблемы разработки и реализации: материалы научно-практического семинара с приложением международных правовых актов и проектов федеральных законов / под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: «Изд. дом «Барнаул», 2009. – С. 406–474.

4. Жилина С. Б. Правовое обеспечение исполнения коммерческими банками публичных функций в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – Ростов на/Д, 2006. – 223 с.

5. Талапина Э., Тихомиров Ю. Публичные функции в экономике // Право и экономика. – 2002. – № 6. – С. 5.

6. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. – 2004. – № 10. – С. 15.

7. А.В. Нестеров. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // СПС Консультант Плюс.

8. Щедрин Н.В. О совершенствовании законодательного определения коррупции // Право и политика. – 2009. – № 7. – С. 1448–1452.

9. Рохчин В.Е. Стратегическое планирование развития регионов: первоочередные задачи научного обеспечения // Гуманитарные науки. – 2000. – № 3. – С. 62–68.

В редакцию материал поступил 22.10.12

Информация об авторе

Красноусов Сергей Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии, Сибирский федеральный университет

Адрес: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, общий отдел (канцелярия), тел./факс: (391) 291-23-33, 244-86-25

E-mail: serz-k@bk.ru

S.D. KRASNOUSOV,

PhD (Law), Senior Lecturer

Siberia Federal University

ON THE ISSUE OF CORRUPTION IN PRIVATE SECTOR

The article views the sphere of private sector, which is apt to corruption, taking into account the requirements of the existing international and Russian legislation.

Key words: corruption; private sector; public functions; public services.

References

1. Neznamova Z.A. Priznaki korruptsii kak sotsial'nogo yavleniya, *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimenitel'noi praktiki*. Krasnoyarsk: Sib. yurid. in-t MVD, 2000.

2. Konventsiya o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti za korruptsiyu (ETS № 174), prinyata Sovetom Evropy, Strasburg, 04.11.1999 (Convention on civil-legal responsibility for corruption (ETS # 174), signed by European Council, Straßburg, 04.11.1999), *Mery protivodeistviya korruptsii: problemy razrabotki i realizatsii*. Barnaul: OOO «Izd. dom «Barnaul», 2009, pp. 382–391.

3. Konventsiya Organizatsii Ob"edinennykh natsii protiv korruptsii (prinyata v N'yu-Iorke 31.10.2003 Rezolyutsiei 58/4 na 51-m plenarnom zasedanii 58-i sessii General'noi Assamblei OON) (Convention of the United Nations Organization against corruption (signed in New-York on 31.10.2003 by the Resolution 58/4 at 51 Plenary Meeting of the 58 Session of the UNO General Assembly)), *Mery protivodeistviya korruptsii: problemy razrabotki i realizatsii*, pp. 406–474.

4. Zhilina S. B. *Pravovoe obespechenie ispolneniya kommercheskimi bankami publichnykh funktsii v Rossiiskoi Federatsii* (Legal provision of executing the public functions by commercial banks in the Russian Federation). Rostov on Don, 2006, 223 p.

5. Talapina E., Tikhomirov Yu. Publichnye funktsii v ekonomike (Public functions in economy), *Pravo i ekonomika*, 2002, No. 6, p. 5.

6. Tereshchenko L.K. Uslugi: gosudarstvennye, publichnye, sotsial'nye (Services: state, public, social), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2004, No. 10, p. 15.

7. A.V. Nesterov. Ponyatie uslugi gosudarstvennoi, obshchestvennoi (sotsial'noi) i publichnoi (Notion of state, social and public service), *SPS Konsul'tant Plyus*.

8. Shchedrin N.V. O sovershenstvovanii zakonodatel'nogo opredeleniya korruptsii (On improving the legislative definition of corruption), *Pravo i politika,* 2009, No.7, pp. 1448–1452.

9. Rokhchin V.E. Strategicheskoe planirovanie razvitiya regionov: pervoocherednye zadachi nauchnogo obespecheniya (Strategic planning of regional development: primary tasks of scientific provision), *Gumanitarnye nauki*, 2000, No. 3, pp. 62–68.

Information about the author

Krasnousov Sergey Dmitrievich, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Delictology and Criminology, Siberia Federal University

Address: 79 Svobodniy Prospect, 660041, Krasnoyarsk, факс: (391) 291-23-33, 244-86-25l

E-mail: serz-k@bk.ru

УДК 341:343.9

Г.С. МАУЛЕНОВ,
доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя
Союз криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В работе рассматриваются вопросы имплементации международных норм в антикоррупционное законодательство Республики Казахстан, дается краткий анализ противоречий между казахстанским и международным антикоррупционным законодательством и предлагаются меры по устранению этих противоречий.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционное законодательство; конвенции; международное сотрудничество; Республика Казахстан.

Несмотря на то, что после принятия Закона Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» прошло более 14 лет, тем не менее коррупция попрежнему представляет значительную угрозу для государства и общества.

Вопрос противодействия коррупции можно считать одним из актуальных для любого цивилизованного общества. Коррупция разлагает и расшатывает государство изнутри, сводит на нет инициативы и достижения. Неслучайно борьба с этим злом является одним из главных приоритетов государственной политики Казахстана, особенно в сфере государственной службы.

В законодательстве Республики Казахстан (РК) сам термин «коррупция» впервые был употреблен в 1992 г. в Указе Президента Республики Казахстан «О мерах по усилению борьбы с организованной преступностью и коррупцией», однако само понятие коррупции в нем не было отражено.

Например, в Российской Федерации определение «коррупция» появилось только в 1993 г. в проекте первого Закона о борьбе с коррупцией. А начавшееся в начале 1990-х гг. активное правовое исследование столь опасного явления в системе государственной службы уже явно не соответствовало масштабам его распространения в сфере государственного управления в обществе.

Важным «поставщиком» коррупционной практики является широко распространенный метод правительственной политики регулировать рыночные проблемы нерыночными средствами – в связи с чем открываются многочисленные поводы для того, чтобы прибегать к коррупционным отношениям [1]. Государство с переходом к рыночной экономике, как могло показаться некоторым «либералам», не утрачивает функции регулятора экономического развития.

Особую опасность и особый подрыв авторитета государственной власти преступление представляет лишь тогда, когда осуществляется посредством исполнения функций власти. Только тот, кто действует как орган власти, может своими действиями ронять достоинство власти и подрывать ее авторитет. «Только наделенный полномочиями власти получает легкую возможность совершать такие правонарушения, которые не могут быть совершены частными лицами, как например, лихоимство и др.», – писал в начале XX в. известный государствовед Н.М. Коркунов [2].

Беспристрастность, независимость официальных лиц государственных органов при принятии ими соответствующих решений – одно из важнейших условий предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы и тем самым обеспечения справедливой конкуренции на товарных рынках. В целом же приходится отмечать, что феномен коррупции связан с деятельностью государства и особенно его монопольными и разрешительными функциями. Но это не означает, что сведение к минимуму этих функций государства автоматически должно вести к снижению уровня коррупции.

Опыт целого ряда государств (Канада, Швеция, Германия, Франция, Голландия, Дания, Финляндия и др.) с низким уровнем коррупции в системе государственной службы показывает, что регули-

рующие функции государства в большинстве сфер государственного управления традиционно высоки. Поэтому наиболее важными с точки зрения снижения уровня коррупции являются реальные способы или технологии осуществления государственных функций. Но некоторые технологии применения государственной власти могут быть питательной средой для коррупции в различных ее формах.

Коррупция обусловлена и тем обстоятельством, что одни лишь формальные, закрепленные в законах и иных нормативных правовых актах отношения между государственными и негосударственными структурами не могут обеспечить полноценного функционирования системы государственного управления и объективно в любом обществе дополняются неформальными отношениями. Специфическим видом этих неформальных отношений и является коррупция. В данном контексте любопытно высказывание профессора Д. Шэклтона, который отметил, что «пока государство в той или иной форме регулирует жизнь общества, оно вынуждено мириться с определенным уровнем коррупции» [3]. Возможно, правы философы, считающие, что там, где нет государственной власти, нет и коррупции.

В целом принятые в настоящее время законы уже апробированы и теорией и практикой. В них наряду с достоинствами выявились и недостатки, но на сегодня очень большое значение в связи с отмеченным Посланием Главы государства Республики Казахстан приобретает соотношение антикоррупционного законодательства РК с Конвенцией ООН 2003 г. «Против Коррупции», а также имплементация норм международного права в казахстанское законодательство.

В международном праве для обозначения понятия «осуществление» норм международного права широкое распространение приобрел термин «имплементация» [4].

Происшедший от английского *implementation* (осуществление, выполнение) термин «имплементация» прочно укоренился в международно-правовой практике. Его можно встретить в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и ее органов, решениях иных международных организаций, принятых в связи с обсуждением вопросов о ходе реализации международных договоров в гуманитарной сфере.

Суверенное равенство государств, их независимость в осуществлении внутренней и внешней политики обусловили то обстоятельство, что они, являясь создателями международно-правовых норм, выступают в то же время основными субъектами их имплементации.

Подавляющее большинство международно-правовых норм, содержащихся в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г., реализуются через национальный механизм имплементации.

Однако имплементация норм международного права на национальном уровне – основной, но не единственный путь их реализации. В нормах международного гуманитарного права закреплены дополнительные международно-правовые и организационные средства обеспечения имплементации на международном уровне, которые в своей совокупности составляют международный механизм имплементации норм международного гуманитарного права.

Таким образом, под международным механизмом имплементации норм международного гуманитарного права понимается система правовых и организационных средств как создаваемых совместными усилиями государств, так и используемых индивидуально в целях всесторонней, своевременной и полной реализации принятых в соответствии с международным гуманитарным правом обязательств.

Прежде всего, необходимо дать толкование термину «имплементация».

Имплементация в соответствии с нормами международного права представляет собой фактическую реализацию международных обязательств на внутригосударственном уровне, которая осуществляется путем трансформации международно-правовых норм в национальное законодательство.

Способами имплементации являются:

– инкорпорация;

– трансформация;

– общая, частная или конкретная отсылка.

При инкорпорации международно-правовые нормы без каких-либо изменений дословно воспроизводятся в законах имплементирующего государства. При трансформации происходит определенная переработка норм соответствующего международного договора при перенесении

их в национальное законодательство (обычно это происходит ввиду необходимости учета национальных правовых традиций и стандартов юридической техники).

В случае общей, частной или конкретной отсылки международно-правовые нормы непосредственно не включаются в текст закона, в последнем содержится лишь упоминание о них. Таким образом, при имплементации путем отсылки применение национальной правовой нормы становится невозможным без непосредственного обращения к первоисточнику – тексту соответствующего международного договора.

В ряде государств ратифицированные международные договоры автоматически становятся частью национального законодательства. Так, в соответствии с Конституцией РК в РК общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РК являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РК установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Исходя из этого, принятие мер по имплементации норм международного гуманитарного права на национальном уровне является обязанностью государств-участников основных договоров по международному гуманитарному праву.

Однако если не предпринимать никаких шагов по имплементации норм международного уголовного права в мирное время, то нельзя ожидать, что в случае возникновения международного или внутреннего вооруженного конфликта его участники будут придерживаться вышеназванных норм. Женевские конвенции и Дополнительные протоколы прямо указывают на обязательство государств принимать соответствующие меры уже в мирное время.

Негативное воздействие коррупции на общество не ограничивается указанными факторами. Она ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и препятствует развитию рыночных отношений. МВФ считает коррупцию «глобальной проблемой современности». По данным ООН, в 2005 г. доходы от коррупции во всем мире составили 1,2 трлн долларов и превысили доходы от продажи оружия и наркотиков вместе взятые. Набирает оборот транснациональная коррупция.

Однако коррупция – «достояние» не только бедных стран. Так, согласно данным статистики, коррупция широко распространена в США. Проблемы коррупции неоднократно становились предметом слушаний в Конгрессе и Сенате США.

Мировое сообщество осознает всю опасность коррупции. Можно отметить недавние шаги, принятые Организацией Объединенных Наций, ОЭСР, Европейским Союзом, Советом Европы, Африканским Союзом, Группой государств против коррупции (ГРЕКО). В современном международном праве сформировался институт сотрудничества в борьбе с коррупцией. Нормы этого института определяют преступность «коррупционных» деяний, характеризуют субъектов коррупции, устанавливают правила осуществления юрисдикции, предусматривают меры «содействия» и правовой помощи и другие меры.

Республика Казахстан участвует во многих международных механизмах по борьбе с коррупцией. Так, в 2003 г. наше государство ратифицировало Конвенцию ООН против коррупции.

В Конвенции подчеркнута необходимость проводить в первоочередном порядке общую уголовную политику, направленную на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и превентивных мер.

Отмечено, что коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества.

Конвенция является базовым документом и призвана сформировать общую уголовно-правовую антикоррупционную политику на международном уровне; устанавливает обязанность государств закрепить в своем уголовном законодательстве составы таких преступлений, как подкуп государственных должностных лиц, подкуп в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией, и других, а также установить санкции за их совершение.

Эксперты Совета Европы также определяют коррупцию как «взяточничество, подкуп и лю-

бое другое поведение лица, наделенного ответственностью в общественном и частном секторе и нарушающего свои обязанности, причем это поведение направлено на получение любых неправомерных преимуществ для себя и другого лица». Парадигма коррупционных правонарушений на современном этапе, как видно, наделяется свойством к предельному расширению, в нее включаются новые виды коррупционных деяний.

В Конвенции о гражданско-правовой ответственности, принятой Советом Европы, коррупция означает просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или опосредованно взятки или любого другого ненадлежащего преимущества, или перспектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или перспектив таковых.

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (ч. 1 ст. 8) коррупция трактуется как:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

В документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979) коррупция означает «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

В этой дефиниции новационным воспринимается то, что коррупция на современном этапе предполагает вознаграждение, которое не обязательно должно выражаться только в товарно-денежной форме, но и в «любой форме» – возможно, и не в имущественной, а в интеллектуальной и другого рода формах (к примеру, предоставление права некоему лицу на совершение незаконного деяния с целью обоюдного обогащения), что свидетельствует о том, что коррупция принимает все более изощренные, глубоко латентные, далекие от первоначальных проявлений виды.

Репрезентативно также понимание коррупции, принятое в германском антикоррупционном законодательстве. Здесь коррупция есть:

– злоупотребление государственной должностью, политическим влиянием или положением в сфере торговли или промышленности;

– предоставление преимуществ третьему лицу;

– осуществление деятельности с целью получения какой-либо выгоды должностным лицом или третьим лицом; нанесение вреда обществу (если речь идет о государственной или политической фигуре) или компании (если речь идет о лице, занимающем должность в области коммерции).

Между тем в Законе РК «О борьбе с коррупцией» отмечено, что под коррупцией в настоящем Законе понимается не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей либо иное использование ими своих полномочий для получения имущественной выгоды, а равно подкуп данных лиц путем противоправного представления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

Если присмотреться к этой дефиниции, можно отметить, что ее содержание в некотором смысле отличается от международных трактовок. Здесь нет слов «злоупотребление», «личная выгода», нет указания на действия в корыстных целях и т.д. Расходится оно и со всеми признанным определением, зафиксированным в документах ООН и Совета Европы: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп».

Основная цель всех международных антикоррупционных конвенций состоит в том, чтобы помочь государствам и общественности понять коварный характер коррупции и потенциальный вред, который она может нанести благосостоянию всего мира, а также предложить меры, успешно проводимые другими странами, по обнаружению и обузданию коррупции и формированию нетерпимого отношения к ней.

В целом уголовное законодательство РК соответствует международным антикоррупционным стандартам, однако имеются некоторые несоответствия и пробелы качающиеся ответственности за коррупционные преступления.

Так, Конвенция ООН против коррупции предусматривает в качестве коррупционных преступлений 12 составов:

1. Подкуп национальных публичных должностных лиц.

2. Подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций.

3. Хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом.

4. Злоупотребление влиянием в корыстных целях.

5. Злоупотребление служебным положением.

6. Незаконное обогащение.

7. Подкуп в частном секторе.

8. Хищение имущества в частном секторе.

9. Ответственность юридических лиц.

10. Сокрытие.

11. Воспрепятствование осуществлению правосудия.

12. Отмывание доходов от преступлений [5].

Вместе с тем Уголовный кодекс РК не предусматривает ответственности за некоторые деяния, расцениваемые в обозначенных Конвенциях как коррупционные, а именно:

1. Незаконное обогащение и обещание иностранному публичному должностному лицу или должностному лицу публичной международной организации какого-либо неправомерного преимущества в связи с ведением международных дел, в соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции.

2. Обещание неправомерного преимущества лицу, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом другом качестве в такой организации, в соответствии со ст. 21 Конвенции ООН против коррупции.

3. Сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, заведомо предоставляющих доходы от преступлений, предусмотренное п.п. 1 «а», «ii» ст. 23 Конвенции ООН против коррупции.

4. Сокрытие и непрерывное удержание имущества, заведомо полученного в результате совершения коррупционного преступления, в соответствии со ст. 24 Конвенции ООН против коррупции.

5. Обещание неправомерного имущества с целью склонения к даче ложных показаний или предоставления доказательств по уголовному делу, в соответствии со ст. 25 Конвенции ООН против коррупции.

6. Не предусмотрена УК РК ответственность за коррупционные преступления, совершенные юридическими лицами, в соответствии со ст. 25 Конвенции ООН против коррупции. Большинство ученых выступают против уголовной ответственности юридических лиц, другие – за[1]. Так, А.В. Наумов, ссылаясь на правотворческий опыт европейских стран (например, УК Франции 1992 г.), доказывает, что ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его [6].

В Конвенциях по-иному, чем в казахстанском законодательстве определены и некоторые другие вопросы.

Конвенция дает иное толкование отдельных терминов по сравнению с казахстанским законодательством, в частности, в отличие от Закона РК от 02.07.1998 «О борьбе с коррупцией».

Рассмотрим их более подробнее.

Целями Конвенции являются:

– содействие принятию и укрепление мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

– поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4.

в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятие мер по возвращению активов;

– поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом.

В соответствии с положениями ст. 5 Конвенции «Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции», Казахстан как участник конвенции в качестве мер по предупреждению коррупции должен в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывать и проводить эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности.

Казахстан вышел на новый уровень противодействия коррупции, ратифицировав важнейшие международные правовые акты. В связи с этим, встал вопрос об их имплементации в национальное законодательство. Особого внимания заслуживает их реализации в республиканское законодательство, в частности положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.».

В настоящее время специалистами подготовлен проект Закона о противодействии коррупции и изменения в действующее законодательство с учетом норм, реализуемых в нем.

В литературе отмечаются многообразные формы проявления коррупции: взяточничество; злоупотребления и превышение власти; фаворитизм; непотизм (кумовство); протекционизм; лоббизм; незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов; незаконная поддержка и финансирование политических структур, партий, движений; блат (оказание услуг родственникам и знакомым).

В то же время уголовно наказуемыми являются не все из перечисленных форм. Сравнительный анализ международного и казахстанского законодательства указывает, что почти все из рекомендуемых положений УК РК отнесены к числу коррупционных преступлений, а именно:

– получение взятки;

– хищение путем растраты и присвоения с использованием служебного положения;

– злоупотребление должностными полномочиями; незаконное участие в предпринимательской деятельности;

– нецелевое расходование бюджетных средств;

– превышение должностных положений.

Однако вопрос об имплементации международных норм о противодействии коррупции в казахстанское законодательство актуален в связи с ратификацией международных правовых актов. В первую очередь это касается Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, которая представляет собой направленное движение к унификации законодательства многих стран по борьбе с крайне радикальными преступными проявлениями.

Международные эксперты считают, что признается неэффективной борьба с коррупцией, если в разных странах она понимается по-разному: либо преступление, либо дисциплинарный проступок или просто как необходимое действие для продвижения контракта, своеобразный элемент делового обычая.

В Конвенции даны основные понятия организованной преступности и коррупции в понимании мирового сообщества, поставлена задача криминализации коррупции в национальных правовых системах. Более того, впервые коррупция отнесена к организованной преступности (ст. 2 Конвенции).

В целом основные идеи и положения конвенции сегодня в республике изучаются учеными и практиками для внедрения их в последующем в отечественное законодательство.

Вместе с тем Республика Казахстан до сих пор не присоединилась к Конвенциям об уголовной ответственности за коррупцию (27 января 1999 г., г. Страсбург) и о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (4 ноября 1999 г., г. Страсбург).

В рамках международного сотрудничества необходимо активизировать взаимодействие с соответствующими структурами за рубежом, реализующими антикоррупционные Программы, внедрять в практику антикоррупционной борьбы положительный зарубежный опыт, максимально учитывая национальный опыт борьбы с коррупцией.

Следовательно, в условиях расширяющихся международных связей, проблема борьбы с коррупцией неразрешима в отдельно взятой стране и требует адекватных скоординированных мер противодействия как в рамках существующих международных организаций, так и вновь создаваемых.

Список литературы

1. Щетинин В. Одолеем ли коррупцию? // Международная жизнь. – 1993. – № 2. – С. 77.

2. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть особенная. – СПб., 1909. – С. 699.

3. Shackleton J. Corruption: An essay in economic analysis // Political guart L., 1978. – Vol. 49. – № 1. – P. 25–37.

4. Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. – М.,1990. – С. 53.

5. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ. – 2000. – С. 50–57.

6. Кузнецова Н.Ф. Новый уголовный кодекс республики Беларусь // Вестник МГУ Серия 11 «Право». – 2000. – № 3. – С. 8.

В редакцию материал поступил 02.10.12

Информация об авторе

Мауленов Газиз Сырбаевич, доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Союза криминологов Казахстана им. Е. Каиржанова

Адрес: Республика Казахстан, г. Астана м-н Чубары, ул. Алпамыс батыра, 23/1, тел./факс: (7172) 24-39-45

E-mail: gkyssykova@mail.ru

G.S. MAULENOV,

Doctor of Law, Professor, Deputy Head

Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov

INTERNATIONAL NORMS IMPLEMENTATION IN ANTI-CORRUPTION LEGISLATION OF KAZAKHSTAN REPUBLIC

The article views the issues of international norms implementation into anticorruption legislation of Kazakhstan Republic, gives a brief analysis of contradictions between the Kazakhstan and international anti-corruption legislation and proposes measures for eliminating these contradictions.

Key words: corruption; anti-corruption legislation; convention; international cooperation; Kazakhstan Republic.

References

1. Shchetinin V. Odoleem li korruptsiyu? (Whether we will overcome corruption?), *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1993, No. 2, p. 77.

2. Korkunov N.M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 2. Chast' osobennaya* (Russian state law. Vol.2, Special part**)**. Saint Petersburg, 1909, p. 699.

3. Shackleton J. Corruption: An essay in economic analysis, *Political guart L.*, 1978, Vol. 49, No. 1, pp. 25–37.

4. Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M. *Sovremennoe amerikanskoe ugolovnoe pravo (*Modern American criminal law). Moscow, 1990, p. 53.

5. Volzhenkin B.V. *Sluzhebnye prestupleniya* (Crimes at official service). Moscow: Yurist, 2000, pp. 50–57.

6. *Byulleten' Verkhovnogo suda RF* (Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation), 2000, No. 4.

7. Kuznetsova N.F. Novyi ugolovnyi kodeks respubliki Belarus' (New Criminal Code of Belarus Republic *Vestnik MGU Seriya 11 "Pravo"*, 2000, No. 3, p. 8.

Information about the author

Maulenov Gaziz Syrbayevich, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov

Address: 23/1 Alpamys Batyra Str., Chubary district, Astana, Kazakhstan Republic, tel/fax: (7172) 24-39-45

E-mail: gkyssykova@mail.ru

УДК 343.9:346.5

М.А. МЕРКУЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРАХ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье рассмотрены современное состояние и основные предпосылки коррупционных правонарушений и преступлений, связанных с процессом размещения заказов для государственных и муниципальных нужд на примере Нижегородского региона. Проанализированы типичные нарушения при организации и проведении конкурсов и аукционов, имеющие коррупционный характер. Обозначены общие направления деятельности государственных органов по устранению условий, способствующих коррупционным проявлениям в сфере использования бюджетных средств.

Ключевые слова: коррупция; коррупциогенные факторы; муниципальная служба; бюджетная сфера; размещение заказов; проведение аукционов.

Экономное и целевое использование бюджетных средств в условиях финансово-экономического кризиса – общегосударственная задача. На ее решение в настоящее время мобилизованы усилия государственных органов всех уровней. Определение четкой и работоспособной организационной структуры системы государственного финансового контроля позволит наиболее успешно противодействовать основным направлениям коррупционной деятельности в сфере незаконного расходования бюджетных средств [1, с. 8].

Коррупция является одним из наиболее опасных факторов в общественной жизни, деструктивно влияющих на состояние национальной безопасности государства. Деятельность коррумпированных чиновников направлена на получение личных или узко-корпоративных материальных благ, поэтому она разрушительно воздействует на основы конституционного строя и государственного устройства России.

В целях решения этой проблемы в 2008 г. был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции». Закон устанавливает основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В нем коррупция определяется путем перечисления противоправных действий, являющихся наиболее рельефным проявлением коррупции (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп и т.п.), и указания на сущностный признак коррупции – незаконное использование лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства, сопряженное с получением выгоды, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими лицами. Коррупцией также признается совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица [2, с. 5].

Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», указывает, что данная экспертиза проводится в целях выявления в актах коррупциогенных факторов и их последующего устранения. В соответствии с законом коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции[1].

[1] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 20.07.2009. – № 29. – Ст. 3609.

Коррупциогенными факторами, содержащими неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, в свою очередь являются:

– наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права,

– установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям и др.[2]

Во исполнение Национального плана противодействия коррупции[3], правоохранительные органы постоянно осуществляют мониторинг действующих и проектируемых нормативных правовых актов как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Достаточно активная работа в этой сфере ведется и в Нижегородской области.

Так, например, прокуратурой Нижегородской области по результатам антикоррупционной экспертизы в 508 нормативных правовых актах и их проектах выявлено 675 коррупциогенных факторов. Коррупциогенные факторы выявлены в 2 нормативных правовых актах Правительства Нижегородской области, а также 247 нормативных правовых актах органов местного самоуправления.

В целях устранения коррупциогенных факторов прокуратурой области внесено 39 требований об изменении нормативных правовых актов, принесено 197 протестов, направлено 6 представлений, 1 информационное письмо в органы местного самоуправления. В результате вмешательства прокуратуры области, коррупциогенные факторы исключены из 338 нормативных правовых актов и их проектов.

В 2012 г. на учет поставлено 1617 преступлений коррупционной направленности, что на 56,8% превышает аналогичный показатель прошлого года (АППГ–1031), из них 195 фактов взяточничества (АППГ – 225) [3].

В то же время сравнительный анализ региональных данных показывает, что невозможно выделить какой-либо регион, в котором работа по всем направлениям могла быть оценена как положительная. Это свидетельствует о недостатках комплексной, системной организации работы по борьбе с коррупционной преступностью [4, с. 267].

Оптимизация и конкретизация административных процедур по выполнению государственных функций и по предоставлению государственных услуг в административных регламентах, а также проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, в том числе и административных регламентов, способствуют повышению эффективности борьбы с коррупцией государственных служащих. Упорядочение такой деятельности придает ей открытый и заранее предсказуемый характер, а следовательно, и способствует снижению коррупциогенных факторов [2, с. 8].

Среди наиболее распространенных и опасных направлений коррупционной деятельности в бюджетной сфере можно выделить злоупотребления должностным положением муниципальных служащих, связанных с процессом размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, связанные с «закачиванием» в коммерческие подконтрольные структуры бюджетных средств, для чего преступники готовят соответствующий пакет документов[4].

Как правило, эти документы содержат заведомо ложные сведения и предназначены для так называемых «заказных» конкурсов, в которых уже заранее оговорено и включение в схему системы «отката». Определение как на начальном этапе, так и в процессе прокурорского реагирования по результатам их проведения истинного замысла проводимого конкурса бывает весьма сложно, а в некоторых случаях практически невозможно.

---

[2] Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // Собрание законодательства РФ. – 08.03.2010. – № 10. – Ст. 1084.

[3] О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 гг. и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 // Собрание законодательства РФ. – 19.03.2012. – № 12. – Ст. 1391.

[4] О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон РФ от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.07.2005. – № 30 (ч.1). – Ст. 3105.

Обеспечение добросовестности, открытости, добросовестной конкуренции и объективности при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных или муниципальных нужд рассматривается одним из направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции[5].

В качестве относительно самостоятельного направления бюджетных правонарушений и преступлений, связанных с процедурой размещения государственных и муниципальных заказов, является создание должностными лицами, отвечающими за организацию и проведение конкурсов (аукционов) определенных коррупционных предпосылок для успешного прохождения конкурсного отбора «запланированными победителями». Как правило, данные нарушения имеют место в случаях, когда при размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг планируется выделить большой объем бюджетных средств.

В соответствии с действующим законодательством размещение заказа может осуществляться:

1) путем проведения торгов в форме конкурса, аукциона, в том числе аукциона в электронной форме;

2) без проведения торгов (запрос котировок, у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика), на товарных биржах).

Существующая практика проводимых конкурсов при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд на муниципальном уровне далеко не «идеальна» с точки зрения соблюдения принципов результативности и эффективности использования бюджетных средств.

К основным проблемам борьбы с нецелевым и противоправным использованием бюджетных средств на муниципальном уровне необходимо отнести скрытые под легальной процедурой размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд противоправные схемы, существующие между участниками размещения заказа, которые в полной мере можно отнести к коррупционным.

Наиболее распространенными из них являются нарушения требований законодательства при принятии решения о способе размещения заказа. Происходит дробление аукционов на котировки, так как на уровне муниципальных образований котировки проводят в более короткий срок. Кроме того, имеют место нарушения законодательства относительно условий размещения заказа у единственного поставщика.

На практике заказчик не редко устанавливает неправомерные требования к участникам размещения заказа, в том числе требования к наличию документов, которые должны передаваться при приемке товара (сертификаты соответствия, гигиенические сертификаты и т.д.), противоречащие действующему законодательству. Вместе с этим необходимо отметить, что дополнительные требования (например, свидетельство о допуске к определенному виду или видам работ), которые оказывают влияние на безопасность объектов капитального строительства, могут устанавливаться только к капитальному ремонту или к технически сложным или особо опасным объектам (например, работы в метро).

Заказчик, уполномоченный орган не вправе осуществлять путем запроса котировок размещение заказа на поставку одноименных товаров, выполнение одноименных работ, оказание одноименных услуг на сумму более чем пятьсот тысяч рублей в течение квартала. С целью избежать процедуры электронных торгов, заказчик размещает заказ путем запроса котировок.

Отсутствие установленных законодательством норм, касающихся минимальных и максимальных сроков выполнения работ, в зависимости от их сложности, напрямую указывает на наличие коррупциогенных факторов в действующем Федеральном законе «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

Муниципальный заказчик, при размещении документации о торгах, иногда устанавливает абсолютно «нереальные» сроки выполнения работ. Соответственно потенциальные подрядчики не могут принять участие в данном аукционе, конкурсе, котировках. В большинстве случаев такие «работы», на выполнение которых размещался заказ, уже выполнены соответствующими подрядными организациями, находящимися в коррупци-

[5] О противодействии коррупции: Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29.12.2008. – № 52 (ч.1). – Ст. 6228.

онной связке с муниципальным заказчиком. Это может касаться как выполнения относительно небольших по материальным и временным затратам работ, так и строительства «за 5 дней» котельных, дорог и иных инфраструктурных объектов на территории муниципального образования.

Распространены факты, когда муниципальный заказчик, при размещении документации о торгах на официальном сайте для размещения информации о размещении заказов, не в полном объеме размещает информацию о работах. Например, заказчик не публикует проектную документацию, где должны быть сметы по каждому виду работ, ограничиваясь лишь сводным сметным расчетом. Очевидно, что потенциальные подрядчики не могут рассчитать объемы выполняемых работ на данном объекте и как правило отказываются от участия в торгах.

Имеют место случаи заключения контракта после проведения процедуры размещения муниципального заказа (аукциона, запроса котировок) на условиях, отличных от тех, которые предусмотрены документацией. В частности, происходит изменение условий контракта на стадии его заключения, либо внесение изменений путем подписания дополнительного соглашения, конкретизирующего цену, объем, а также сроки выполненных работ, за исключением случаев, разрешенных законодательством.

Существует и ряд других коррупционных схем, приводящих к искажению итогов проводимых торгов (конкурсов, аукционов, котировок) по размещению заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд.

Так, при составлении технического задания (технических характеристик товара, оборудования) муниципальный заказчик заведомо «подгоняет» под «своего» подрядчика (поставщика) различные обязательные индивидуальные требования. Например, заказчик, требует точное количество единиц специализированной техники, определенное количество специалистов, либо их квалификацию, что уже по формальным основаниям оказывает влияние на итоги размещения заказов в отношении нежелательных конкурентов.

В ситуациях, когда по итогам проведения открытого аукциона в электронной форме выигрывает не тот подрядчик (поставщик), которого хотел бы видеть Заказчик, распространены факты оказания давления на выигравших участников с целью вынуждения последних отказаться от заключения муниципального контракта.

Наряду с угрозой применения бюрократических и иных препятствий в дальнейшей деятельности выигравшего подрядчика (поставщика) со стороны муниципального заказчика, также могут использоваться системы «отката» либо «компромиссных уступок» по другим объектам торгов со стороны конкурентов.

В результате, на практике потенциальные подрядчики отказываются от участия в торгах, либо в дальнейшем уклоняются от заключения контракта.

В случае если победитель открытого аукциона в электронной форме признан уклонившимся от заключения контракта, заказчик вправе обратиться в суд с требованием о понуждении победителя открытого аукциона заключить контракт, а также о возмещении убытков, причиненных уклонением от заключения контракта, либо заключить контракт с участником открытого аукциона в электронной форме, который предложил такую же, как и победитель открытого аукциона, цену контракта или предложение о цене контракта которого содержит лучшие условия по цене контракта, следующие после предложенных победителем открытого аукциона условий.

В итоге, как правило, победителями оказываются фирмы, связанные «коммерческим» интересом с муниципальным заказчиком.

Кроме того, при составлении технического задания муниципальным заказчиком заведомо не прописывается качество материалов и оборудования, используемых при проведении ремонтных работ, в результате чего происходит умышленное завышение стоимости заказа, приводящее в итоге к противоправному расходованию бюджетных средств.

Так, например, заместитель главного врача Государственного учреждения «Специализированная кардиохирургическая клиническая больница» В. создал для ряда хозяйствующих субъектов преимущественные условия участия в торгах на поставку расходных материалов для кардиохирургии путем предоставления им доступа к техническому заданию до начала проведения данных торгов и возможности самим формировать спецификацию и завышенные начальные цены

предполагаемых к закупке товаров. В результате его действий бюджету области причинен ущерб в сумме 27,8 млн рублей [3].

В настоящее время стало очевидно, что работать исключительно по процедурному закону невозможно и неэффективно. В Послании президента РФ Д.А. Медведева к Федеральному Собранию говорилось о том, что Закон № 94-ФЗ исчерпал себя, ситуация с размещениями публичных заказов вышла за грань разумного, а потому необходимо разработать новый закон.

Результатом работы над новым порядком размещения публичных заказов, стал Проект федерального закона «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг[6].

Законопроект направлен на решение основных проблем в данной сфере, хотя и содержит некоторые недостатки с точки зрения юридической техники. Он предусматривает нормирование, прогнозирование, планирование государственных и муниципальных нужд, и лишь потом – размещение заказа для их удовлетворения [5, с. 129].

Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что факты коррупционного поведения должностных лиц, которые могут повлиять на исход проводимых конкурсов, при размещении заказов для государственных и муниципальных нужд, не единичное явление. Учитывая это обстоятельство, противовесом этому может быть только система мер, направленная на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений в названной сфере.

Данная система предполагает, прежде всего:

– разработку комплексной межведомственной программы такими органами финансового контроля, как Счетная палата РФ, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора, Федеральная служба по финансовому мониторингу, МВД России; Следственный комитет РФ, а также Генеральная прокуратура РФ.

– усиление координации и взаимодействия всех правоохранительных и контролирующих органов в условиях исключения их внепроцессуальных, и ограничения контрольных прав в отношении проверок деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства[7].

– создание действенного механизма мониторинга экономических преступлений и мер борьбы с ними, которые отвечали бы требованиям сегодняшнего дня [6, с. 10].

В заключение хотелось бы отметить, что сфера бюджетного финансирования, остается в настоящее время одним из «лакомых кусков» со стороны организованной, экономической и коррупционной преступности.

Имеются достаточные основания полагать, что коррупциогенные факторы в сфере закупок товаров, работ и услуг как на муниципальном, так и на государственном уровне, следует искать не только в имеющихся пробелах бюджетного и иного законодательства, но и в отсутствии должной системы организации контроля и надзора за целевым расходованием бюджетных средств, отвечающей реалиям сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Васильева М.В. Стратегии развития системы государственного финансового контроля в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – № 10. – С. 8–14.

2. Попова Н.Ф. К вопросу о борьбе с коррупцией в сфере государственного управления // Административное право и процесс. – 2011. – № 10. – С. 5–8.

3. Работа органов прокуратуры области по противодействию коррупции. – URL: http://prokuratura-nn.ru/rabota-organov-po-protivodeistviyu-korupci/rabota-organov-prokuratury-oblasti-po-protivodeistviyu-korupci.html

4. Ильин И.В., Корелов О.А., Сухов С.Н. Закономерности коррупционной преступности в Приволжском федеральном округе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 262–267.

5. К вопросу о размещении государственных и муниципальных заказов (редакционный материал) // Журнал российского права. – 2012. – № 3. – С. 123–130.

6. Иванов П.И. Система мониторинга в деятельности подразделений БЭП (теоретико-правовая модель) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2007. – № 2. – С. 7–11.

В редакцию материал поступил 12.10.12

[6] О проекте Федерального закона № 68702-6 «О федеральной контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 20.06.2012 № 549-6 ГД // Собрание законодательства РФ. – 25.06.2012. – № 26. – Ст. 3493.

[7] О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности: Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 797 // Собрание законодательства РФ. – 19.05.2008. – № 20. – Ст. 2293.

Информация об авторе

Меркулов Максим Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

Адрес: 603144, г. Нижний Новгород, ул. Анкудиновское шоссе, 3, тел.: (8312) 465-92-42

E-mail: mmamis@rambler.ru

M.A. MERKULOV,

PhD (Law), Associate Professor

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation

ON CORRUPTION FACTORS IN THE SPHERE OF GOODS, WORKS AND SERVICES PURCHASES ON MUNICIPAL LEVEL

The article views the modern state and main prerequisites of corruption offences and crimes connected with the process of allocating orders for state and municipal needs by the example of Nizhniy Novgorod region. The typical corruption breaches of law connected with organization and holding of competitions and auctions are analyzed. The author describes the main directions of state bodies' activities for eliminating the conditions promoting the corruption revelations in the sphere of budget funds utilization.

Key words: corruption; corruption factors; municipal service; budget sphere; allocation of orders; arranging of auctions.

References

1. Vasil'eva M.V. Strategii razvitiya sistemy gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossii (Strategies of development of the state financial control in Russia), *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2008, No. 10, pp. 8–14.

2. Popova N.F. K voprosu o bor'be s korruptsiei v sfere gosudarstvennogo upravleniya (On the issue of struggle with corruption in the sphere of state management), *Administrativnoe pravo i protsess*, 2011, No 10, pp. 5–8.

3. *Rabota organov prokuratury oblasti po protivodeistviyu korruptsii* (Work of Oblast Prosecutor's office bodies on corruption counteraction), available at: http://prokuratura-nn.ru/rabota-organov-po-protivodeistviyu-korupci/rabota-organov-prokuratury-oblasti-po-protivodeistviyu-korupci.html

4. Il'in I.V., Korelov O.A., Sukhov S.N. Zakonomernosti korruptsionnoi prestupnosti v Privolzhskom federal'nom okruge (Patterns of corruption crime in Volga Federal District), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, No. 1, pp. 262–267.

5. K voprosu o razmeshchenii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakazov (redaktsionnyi material) (On the issue of allocating the state and municipal orders (editorial board material)), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, No. 3, pp. 123–130.

6. Ivanov P.I. Sistema monitoringa v deyatel'nosti podrazdelenii BEP (teoretiko-pravovaya model') (The system of monitoring in the work of BEP departments (theoretical-legal model)), *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, 2007, No. 2, pp. 7–11.

Information about the author

Merkulov Maksim Aleksandrovich, PhD (Law), Associate Professor of Criminology Chair, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation

Address: 3 Ankundinovskoye Shosse, 603144, Nizhniy Novgorod, tel.:(8312) 465-92-42

E-mail: mmamis@rambler.ru

УДК 343.9:343.352

И.С. НАФИКОВ,
прокурор г. Казани, старший советник юстиции
Прокуратура г. Казани

МЕРЫ ПО ОГРАНИЧЕНИЮ СФЕРЫ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ОРГАНИЗОВАННЫМ ФОРМАМ КОРРУПЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

(на примере деятельности прокуратуры г. Казани)

В статье на примере опыта прокуратуры г. Казани предлагаются меры по противодействию организованной коррупции и теневой экономике на муниципальном уровне. Предлагается система индикаторов оценки уровня тенизации экономики и коррупции.

Ключевые слова: теневая экономика; коррупция; организованная преступность; коррупционные маркеры (индикаторы коррупции); прокуратура; муниципалитет.

Теневая экономика и теневые капиталы – это то безусловное явление, без которого не может существовать коррупция, особенно ее организованные формы. Масштаб теневой экономики в городах России значителен.

Так, по нашим оценкам, оборот теневой экономики города Казани составляет от 40 до 80% к валовому территориальному продукту (ВТП). В 2010 г. емкость теневой экономики можно было оценить в размере не менее 130 млрд рублей. Можно представить какие финансовые потоки могли быть направлены в коррупционную сферу, особенно с использованием организованных форм преступной деятельности. Коррупция относится к тем проблемам, которые невозможно решить в отрыве от других [1], таких как отмывание денежных средств и организованная преступность.

Реальное противодействие этим негативным явлениям наиболее эффективно именно на муниципальном уровне, поскольку именно здесь решаются основные жизненно-важные вопросы, такие как земля, недвижимость, собственность, развитие бизнеса, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство и многие другие.

Практика осуществления прокурорского надзора на муниципальном уровне свидетельствует о том, что коррупционные явления в последние годы стали приобретать более сложный характер и все сильнее проникают в состав экономических отношений. Элементарные коррупционные нарушения, которые ранее допускались чиновниками и легко квалифицировались и доказывались в уголовно-процессуальном порядке, в настоящее время практически исчезли, и им на смену пришли сложные многоступенчатые схемы получения незаконной прибыли за счет использования бюджетных источников и муниципального имущества. Это создает препятствия при выявлении коррупционных нарушений в составе обычных экономических отношений между муниципалитетом и хозяйствующими субъектами и зачастую не позволяет дать объективную квалификацию деяний в соответствии с действующим уголовным и административным законодательством.

Исходя из этого, основной акцент в работе прокуратуры города нами был сделан на упреждающие надзорные мероприятия с целью ограничения сферы теневой экономики и недопущения необоснованных муниципальных расходов. Как известно, в теории контроля (методологически она применима и к прокурорскому надзору) выделяются 3 контрольных стадии – предварительная, текущая и последующая. Предварительный контроль направлен на предупреждение планируемых коррупционных нарушений, выявление признаков приготовления к реализации коррупционных схем и пресечение подготовительных действий. Текущий контроль имеет своей задачей мониторинг совершаемых действий, операций, заключаемых сделок. Последующий контроль используется с целью установления уже совер-

шенных нарушений и привлечения виновных лиц к ответственности.

С учетом данной классификации, наиболее эффективными, с точки зрения борьбы с коррупцией, являются первые две контрольные стадии, когда еще можно предотвратить незаконное изъятие муниципальных средств либо минимизировать экономические последствия совершаемой в данный момент незаконной операции путем ее пресечения на стадии реализации, а также оперативно установить виновных лиц. Последняя стадия контроля – последующий контроль – гораздо менее эффективна для муниципальной экономики, поскольку вернуть растраченные денежные средства, как правило, уже не представляется возможным. Остается лишь возможность привлечения виновных лиц к соответствующей ответственности в случае их установления.

Эффективными для прокуратуры являются предварительный и текущий контроль. Прокуратура города так и строит свою работу.

Например, в результате оперативного вмешательства прокуратуры была пресечена попытка вывести бюджетные средства в сумме 135 млн рублей на оффшорную компанию Кипра под видом инвестиций в рамках реализации инвестиционной программы, утвержденной муниципалитетом. В качестве меры прокурорского реагирования здесь послужило отрицательное заключение прокуратуры на проект правового акта представительного органа местного самоуправления, а формой межведомственного взаимодействия - межведомственное совещание, проведенное прокурором города, с приглашением руководителя исполнительного органа местного самоуправления. По результатам этих превентивных мер исполнительный комитет муниципального образования снял с повестки дня сессии Казанской городской Думы свои предложения, которые могли привести к потерям муниципального бюджета.

При проведении прокурорских проверок обращается внимание на выявление необычных сделок и денежных операций, не свойственных для нормальной хозяйственной деятельности большинства субъектов предпринимательства. Чаще всего, такие необычные сделки и операции создают основу для реализации сложных схем коррупционного характера.

Приведу пример. Муниципалитет в середине года принимает решение создать муниципальное унитарное предприятие с уставным капиталом 200 млн рублей. Несколько дней спустя, вносятся изменения в постановление. Сумма меняется на 145 млн рублей. Бюджетные ассигнования выделяются за счет уменьшения лимитов нескольких муниципальных учреждений (в бюджете какие-либо суммы на финансирование МУПа не предусмотрены). Спустя непродолжительное время, принимается решение о даче согласия на совершение МУПом одной крупной сделки, затем второй. При этом суммы сделок укладываются в объем созданного уставного фонда. Налицо – необычные денежные операции, которые свидетельствуют о наличии коррупционной схемы, направленной на обход ограничений действующего законодательства (в данном случае – законодательства о размещении муниципальных заказов). Лишь своевременное вмешательство прокуратуры позволило предотвратить негативные последствия для экономики города. В этом случае в качестве мер прокурорского реагирования были использованы предостережение прокурора о недопустимости нарушений закона в адрес руководителя исполнительного органа местного самоуправления и обращение прокурора в адрес Управления Федеральной антимонопольной службы с предложением о возбуждении антимонопольного расследования. В результате исполнительный комитет муниципального образования отказался от реализации цепи согласованных действий в сговоре с заинтересованными хозяйствующими субъектами.

В практической деятельности прокуратуры можно выделить особенности методики борьбы с коррупцией и отмыванием денежных средств на муниципальном уровне:

– изучение содержания муниципальных нормативных и ненормативных актов на предмет наличия коррупциогенных факторов;

– истребование и проверка достоверности сведений о доходах муниципальных служащих совместно с налоговыми органами;

– выявление в нормативной базе муниципалитета тех актов, которые влекут за собой получение прибыли хозяйствующими субъектами, с последующим определением круга этих субъектов и их аффилированности с должностными лицами;

– эвристический анализ [2] наиболее коррупциогенных сфер деятельности муниципалитета;

– системный анализ структуры бюджетных расходов и доходов;

– изучение деятельности муниципальных учреждений с точки зрения размещаемых ими муниципальных заказов, заключаемых договоров, выбора контрагентов;

– сбор комплексной информации о деятельности муниципальных унитарных предприятий;

– анализ движения средств на банковских счетах муниципальных унитарных предприятий, их контрагентов, оценка реальности осуществляемых ими хозяйственных операций;

– выявление признаков согласованных действий должностных лиц муниципалитета с хозяйствующими субъектами, направленных на создание преимуществ, экономических льгот и получение прибыли от использования бюджетных источников и муниципального имущества;

– определение типовых схем обхода требований законодательства о приватизации и законодательства о размещении муниципального заказа;

– постоянный мониторинг системы муниципальных закупок на электронной торговой площадке;

– анализ информации о возможных нарушениях в электронных и печатных СМИ;

– взаимодействие прокуратуры с Росфинмониторингом, оперативными службами полиции, Контрольно-счетной палатой муниципального образования.

В целях оптимизации усилий и концентрации их на действительно актуальных направлениях надзора мы попытались определить некие коррупционные маркеры [3] (индикаторы коррупции), позволяющие оценить уровень тенизации экономики и коррупции в сравнении с другими муниципалитетами.

Практика прокурорского надзора позволила отнести к ним следующие факторы, наличие которых должно привлечь более пристальное внимание при оценке уровня коррупциогенности и планировании мер противодействия.

В первую очередь, внимание должен привлечь значительный профицит бюджета, что позволяет исполнительной власти свободно распределять дополнительные денежные доходы с последующим утверждением произведенных затрат на заседании представительного органа путем внесения последующих изменений в бюджет. При дефицитном же бюджете может быть использована схема занижения затратной части в расчете на дополнительные доходы либо ожидаемые трансферты и другие поступления из вышестоящих бюджетов, кредиты в банках. В этом случае необходимо анализировать первоначально утвержденные параметры бюджета и изменения, внесенные по результатам его исполнения.

Значительный размер ежегодно получаемых бюджетом банковских кредитов так же подлежит качественной оценке, так как это позволяет занижать предварительно утвержденную представительным органом затратную часть бюджета и относительно произвольно распоряжаться дополнительно поступившими средствами. Значение при этом имеют и крупные суммы выданных муниципалитетом бюджетных кредитов.

Необходимо обратить внимание так же на процессы концентрации в различных внебюджетных фондах и хозяйствующих обществах значительных финансовых средств, которые должны были поступить в бюджет, либо использование их для транзита бюджетных средств.

Критерием коррупционности выступает так же значительный объем муниципального имущества, приватизированного в обход торгов путем вклада в уставные капиталы хозяйствующих обществ, созданных с участием муниципалитета, либо путем последующей реализации имущества, предоставленного в хозяйственное ведение муниципальных унитарных предприятий (МУПов).

Озабоченность должно вызвать неоправданно большое количество МУПов, многие из которых в течение длительного времени не ведут хозяйственную деятельность либо созданы не в соответствие с их социальным назначением.

При этом следует выделить значительное число банкротств и ликвидационных процедур МУПов. Государственные и муниципальные предприятия, находящиеся в стадиях банкротства либо ликвидации на протяжении нескольких лет используются заинтересованными лицами в целях проведения и сокрытия незаконных финансовых операций и сделок по распоряжению муниципальным имуществом. Расходы по поддержанию их жизнедеятельности, за неимением собственных средств, возлагаются на бюджет.

Обращает на себя внимание значительная кредиторская задолженность МУПов перед бюджетом либо дебиторская – перед подрядчиками при одновременно большой кредиторской задолженности генподрядчиков перед своими субподрядчиками, что выливается в задолженность последних по оплате работ перед временными бригадами рабочих по гражданско-правовым договорам либо – по зарплате своим работникам.

При анализе необходимо выявлять незначительную экономическую либо социальную эффективность для интересов муниципалитета от созданных ими хозяйствующих обществ и предприятий. Это может, в частности, проявляться в незначительных размерах поступлений в бюджет дивидендов, отчислений из прибыли, сумм арендной платы.

Далее, необходимо обращать внимание на значительное число кланово-семейных связей (семейных корпораций): наличие в органах местного самоуправления и в высших органах управления бизнесом родственных связей.

Наряду с регистрационными данными, содержащимися в реестрах налоговых органов, это может выражаться так же в выполнении крупного объема закупок, работ или услуг для государственных и муниципальных нужд одними и теми же крупными местными предприятиями. Превышение 50-процентной шкалы однозначно будет свидетельствовать о «ручном» режиме управления муниципальными денежными потоками.

Привлечь внимание должно значительное жилищное строительство при незначительном числе сделок по отчуждению земельных участков через аукционы, которые в данном случае обязательны и необходимы. Вопросы должно вызвать так же значительное жилищное строительство при отсутствии (или незначительном количестве) предоставления жилья по социальному найму.

Аксиомой повышенной коррупционности остается административное давление на бизнес. Здесь следует обратить внимание на преобладание разовых (протокольных) поручений и возложение дополнительных имущественных обязательств на субъекты предпринимательской деятельности. К этой же индикационной группе относится принятие значительного числа решений в «ручном» режиме, в обход законодательства и демократических процедур, уход от публичного обсуждения. Неоправданно большие сроки принятия решений по земельным, градостроительным, инвестиционным и иным вопросам развития бизнеса. «Бегство» субъектов предпринимательства в другие регионы. Большое количество муниципальных нормативно-правовых актов, противоречащих законодательству и содержащих коррупциогенные факторы.

Таким образом, прокуратуре удалось не допустить расширения сфер действия коррупционных факторов. Перечисленные индикаторы повышенной коррупционности в практике деятельности прокуратуры крупного города-миллионника позволили более эффективно спланировать меры прокурорского противодействия, оптимально распределить свои силы. По каждому из вычлененных направлений повышенной коррупционности предпринимались соответствующие меры прокурорского реагирования, которые позволили значительно ограничить сферу теневой экономики и не допустить бесконтрольного расходования муниципальных средств.

Эти же индикаторы могут быть использованы и в целях определения степени коррупционности территорий (муниципалитетов и субъектов федерации), в том числе на федеральном уровне. В настоящее время, когда компьютеризация и возможность выхода на различные уровни государственных и муниципальных сведений стали общедоступными, считаем вполне возможным создание на федеральном уровне Универсального программного продукта, который позволил бы дистанционно оценить уровень коррупции в каждом субъекте федерации и муниципальном образовании на основе совокупности экономических, социальных и других факторов.

Что бы хотелось в ней видеть?

Во-первых, необходимы научно проработанные критерии, поддающиеся некоему количественному просчету, что несложно сделать при современном уровне развития компьютеризации.

Во-вторых, необходимо определить государственный орган – оператора данной программы и обрабатываемых в ней сведений. Им может быть аппарат президента, правительства или Совета Безопасности РФ, Совет по противодействию коррупции при президенте РФ, Росфинмониторинг. Важно, чтобы этот орган смотрел на проблему не с узковедомственных позиций с точки зрения

«погони» за статистическими показателями, а с целью выявления и устранения реальных причин и условий. Для этого должна проводиться глубокая аналитическая проработка в разрезе регионов, ставиться задачи другим государственным, в том числе правоохранительным органам.

И, наконец, в-третьих, крайне важной представляется обеспечение открытости этой информации, доступа к программе правоохранительных и других государственных органов, институтов общественности.

Открытость информации об индикации коррупционных рисков позволит своевременно и эффективно организовывать меры противодействия как со стороны государственных структур и общественности, так и вынудит сами субъекты повышенной коррупционности добровольно принимать неотложные меры по исправлению сложившейся ситуации к лучшему.

Эффективное противодействие коррупции возможно только при условии применения комплекса мер, включающих в себя, прежде всего, предупредительные меры. Оперативное вмешательство и быстрое принятие решений в целях пресечения планируемого нарушения позволяет не только своевременно защитить интересы муниципалитета, но и дисциплинирует муниципальных служащих, предостерегая их от совершения коррупционных нарушений в будущем.

Список литературы

1. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. – М., 2003.

2. Эвристика // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http:// www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/703585 (дата обращения 27.11.2011).

3. Маркер // Википедиа: Свободная энциклопедия. – URL: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Маркер (дата обращения 27.11.2011).

В редакцию материал поступил 01.10.12

Информация об авторе

Нафиков Илдус Саидович, прокурор г. Казани, старший советник юстиции, Прокуратура города Казани
420043, г. Казань, ул. Чехова, 36, тел.: (843) 221-30-02, факс (843) 221-30-27
E-mail: ildusnafikov@mail.ru

I.S. NAFIKOV,

Prosecutor of Kazan city, Senior Adviser of Justice

Prosecutor's Office of Kazan city

MEASURES FOR LIMITING THE SHADOW ECONOMY SPHERE AND COUNTERACTION AGAINST ORGANIZED CORRUPTION AT MUNICIPAL LEVEL (by example of the Prosecutor's Office of Kazan city)

The article by the example of Prosecutor's Office of Kazan city proposes measures for counteraction against organized corruption and shadow economy at municipal level. The system of indicators is suggested for estimating the level of corruption and shadow economy.

Key words: shadow economy; corruption; organized crime; corruption markers (corruption indicators); Prosecutor's Office; municipality.

References

1. Rouz-Akkerman S. *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya reform* (Corruption and state. Cuases and consequences of reforms). Moscow, 2003.

2. Evristika (Heuristics), *Slovari i entsiklopedii na Akademike*, available at: www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/703585 (data obrashcheniya 27.11.2011).

3. Marker (Marker), *Vikipedia: Svobodnaya entsiklopediya*, available at: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Marker (data obrashcheniya 27.11.2011).

Information about the author

Nafikov Ildus Saidovich, Prosecutor of Kazan city, Senior Adviser of Justice, Prosecutor's Office of Kazan city
Address: 36 Chekhov Str., 420043, Kazan, tel.: (843) 221-30-02, fax (843) 221-30-27
E-mail: ildusnafikov@mail.ru

УДК 343.9:343.352

А.Ф. ПАВЛОВ,
уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области,
С.В. МИРОНОВ,
начальник отдела обеспечения деятельности
уполномоченного по противодействию коррупции в Ульяновской области

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ОРГАНА

В статье представлен взгляд на проблему создания единого антикоррупционного органа в России. Дана характеристика особенностей организации профилактики в Ульяновской области как специализированной деятельности специально созданного должностного лица – уполномоченного по противодействию коррупции. Сделан вывод о целесообразности создания в Российской Федерации федерального органа, наделенного полномочиями по организации профилактики коррупции, в том числе в субъектах Российской Федерации и на муниципальном уровне.

Ключевые слова: профилактика коррупции; уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области; единый антикоррупционный орган.

В периодической печати и научной литературе время от времени высказываются мнения о целесообразности создания в России специальной антикоррупционной структуры по примеру Сингапура, Гонконга и некоторых других государств. Проблема коррупции видится в этом ракурсе легко разрешимой, само решение привлекает своей организационной простотой и воспринимается экспертами в качестве панацеи в современной российской практике поголовного мздоимства и круговой поруки.

Однако единства мнений в вопросе о способе организации такой структуры нет, в связи с чем условно можно выделить две основные позиции. Сторонники первой ратуют за организационную обособленность антикоррупционной структуры и приводят в пример достаточно быстро достигнутое странами, имеющими подобные органы, снижение общего уровня коррупции, что отмечается в рейтингах международных организаций [1, 2, 3]. Представители второй позиции отстаивают тезис о том, что отдельные антикоррупционные органы создаются в основном в развивающихся странах, а в государствах с установившимися институтами власти такие структуры встраиваются в существующий государственный механизм [4].

При этом сторонники обеих точек зрения, как правило, под единым антикоррупционным органом понимают наделенный полномочиями по проведению предварительного расследования преступлений коррупционной направленности организационно обособленный правоохранительный орган либо специальное подразделение, учрежденное в органах предварительного расследования или в органах надзора за исполнением законодательства.

Вне зависимости от того, каким видится механизм противодействия коррупции, при определении стратегии ее минимизации необходимо учитывать политические, исторические и правовые особенности развития российской государственности и менталитет наших сограждан. Рассматривая это во взаимосвязи, можно придти к неоднозначному выводу об эффективности практической реализации идеи создания специализированной антикоррупционной структуры, действующей только лишь в направлении выявления, пресечения, раскрытия и расследования коррупционных преступлений (то есть, только лишь в направлении борьбы с коррупцией).

Главное, чем прельщает идея учреждения единого антикоррупционного органа – это ожидание увеличения количества расследуемых дел коррупционной направленности и повышения качества процедуры расследования. Это действительно может быть достигнуто за счет повышения

профессионализма следователей, специализирующихся на применении ограниченного перечня статей Уголовного кодекса РФ. Можно предположить, что на определенный процент количество раскрытых дел коррупционной направленности увеличится, и среди расследуемых дел вырастет доля коррупционных преступлений, совершенных чиновниками среднего и высшего звена, ведь именно этого и ждет от власти общество. Но станет ли рост количественных показателей раскрываемых преступлений основанием для диалектического перехода процесса борьбы с коррупцией в новое качество, характеризуемое уже не столько увеличением количества раскрываемых преступлений, сколько сопоставимым сокращением доли совершаемых? Сможет ли новый орган воздействовать на российских граждан, воспитанных по принципам «закон что дышло» и «один раз живем», заставив их разом изменить свои принципы и стереотипы поведения?

Пока российская политическая элита ищет ответы на этот вопрос, общество предлагает свои методы решения проблемы, в числе которых – уже названный способ создания единого антикоррупционного правоохранительного органа и усиление наказания для коррупционеров [5].

Российская история содержит немало примеров установления государственных запретов на коррупционные проявления и жесткого преследования взяточников. Псковская, Новгородская судные грамоты, Судебник Ивана III стали первыми правовыми актами, установившими запреты на отдельные проявления коррупции, в частности, на получение судьями, князьями и посадниками «тайных посулов». Тенденция законодательного запрещения наказаний для чиновников была продолжена в Судебнике Ивана IV, который ввел в нормативный оборот понятия «мздоимство» и «лихоимство». Соборное уложение 1649 г. в качестве меры наказания стало предусматривать конфискацию имущества.

Указом Петра I от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное» было установлено, что взяточник должен быть «... весьма жестоко на теле наказан, всего имущества лишен... и из числа добрых людей извержен или и смертию казнен будет».

Принятое в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных существенно развивало нормы об ответственности за взяточничество и другие проявления коррупции.

Советская власть в начале своего становления привнесла в борьбу с коррупцией самые суровые методы. С ослаблением в 60–70 гг. прошлого века репрессивных методов управления коррупция вошла в быт советских граждан, получив название «блат» [6, 7].

Как учит история, ни простое нормативное установление запретов, ни применение строгих мер наказания не давали сколько-либо значимых результатов в снижении общего уровня коррупционных проявлений, давая лишь временный эффект, который мгновенно исчезал вместе с ослаблением контроля государства.

Отметим, что недавняя практика возбуждения серии громких уголовных дел в отношении высокопоставленных чиновников, имевших прямое отношение к руководству Министерства регионального развития Российской Федерации и Министерства обороны Российской Федерации, свидетельствует о том, что истинная причина отсутствия до настоящего времени подобных успехов в расследовании резонансных коррупционных преступлений по фактам хищений бюджетных средств на многомиллиардные суммы кроется вовсе не в способе организации работы следственных органов, а в наличии или отсутствии мотивации власти реагировать на общественный запрос на активные действия государства по контролю уровня коррупции.

В таком контексте следует понимать, по нашему мнению, общественный запрос на активизацию борьбы государства с коррупцией, прозвучавшей в ходе недавних многотысячных протестных акций, организаторы и участники которых прямым образом проводили связь между эффективностью принятия мер по снижению уровня коррупции в России с легитимностью всей российской власти [8]. Вместе с закономерными последствиями интеграции Российской Федерации в мировое экономическое пространство, требующей ведения «чистой игры» в бизнесе, и осознанием российским политическим истеблишментом взаимосвязи неминуемого отставания России от других государств в развитии науки, промышленности и других стратегических сфер экономики при сохранении существующего уровня коррупции, которая к тому же стала на-

прямую угрожать национальной безопасности [9], общественно-политическая ситуация привела к выдвижению на первый план новых приоритетов в системе государственного управления, в том числе и антикоррупционной политикой, основным принципом которой становится сотрудничество государства с институтами гражданского общества и предупредительный характер принимаемых мер. Учитывая, что преступления коррупционной направленности всегда отличались высокой степенью латентности, в связи с чем пресечение и расследование таких преступлений будет всегда затруднительным, борьба как единственный способ устранения этого зла даже путем создания единого органа не станет панацеей.

Рассматривая учреждение антикоррупционного органа с правовой точки зрения, отметим, что российская правовая мысль не разделяет идею механического заимствования правовых норм другого государства «в готовом виде». Правовое регулирование общественных отношений будет лишь тогда эффективным, когда правовые нормы выразят интересы большинства людей, будут основаны на нравственной и этической оценке ими коррупции как неприемлемой модели общественного поведения. Недаром русские правоведы В.С. Соловьев, И.А. Ильин и другие под правом понимали юридически оформленную мораль и минимум нравственности.

Опросы общественного мнения показывают, что наши сограждане, с одной стороны, неодобрительно оценивают коррупцию как общественное явление, а с другой стороны, достаточно толерантно относятся к своему участию в коррупционных поступках [10]. В ходе проведенного в 2010 г. в Ульяновской области социологического исследования 37,5% респондентов признали взятки фактором, разлагающим общество и еще 14,6% назвали их ненужной, лишней платой. При этом специально сформулированная серия вопросов позволила определить отношение людей к взяточникам, которых респонденты характеризовали прежде всего как жертву системы (33%) и людей, живущих одним днем (24,7%).

Такая система «двойных стандартов» в менталитете российских граждан, собственно говоря, и является главной причиной и первоисточником сохранения высокого уровня коррупции в российском обществе на всех этапах его развития. Правовая культура и правосознание россиян позволяют интерпретировать коррупционные поступки как действия, совершаемые, что называется, «в порядке вещей», часто не осознаваемые как незаконные. Что делать, если на одном из этапов исторического развития нашего государства взятки не только не объявлялись вне закона, но и были легальным способом оплаты труда местных чиновников (система «кормлений» на Руси).

Взятки предпринимательским сообществом воспринимаются как «обычаи делового оборота», а к лицам, задержанным за их дачу или получение, общественное мнение относится лояльно, зачастую не только не осуждая виновного, но и находя основания для оправдания его действий. Данное утверждение применимо, прежде всего, в отношении лиц, совершивших коррупционные преступления бытовой направленности и не ассоциируемых с властными органами. Резкое общественное неодобрение коррупционного поступка имеет место в случае, если взяточником оказался чиновник.

По нашему мнению, именно с «дуализмом нравственных ориентиров» в общественном создании и нужно бороться всеми доступными способами, если ставить целью реальное снижение уровня коррупции в государстве на долгосрочную перспективу.

В Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции[1] раздел о мерах по предупреждению коррупции предшествует разделу о мерах, принимаемых правоохранительными органами. Аналогичный подход мы наблюдаем и в содержащемся в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2] определении термина «противодействие коррупции». Такое размещение правового материала не кажется случайным, ведь законодатель этим подчеркивает приоритет профилактических антикоррупционных мер по отношению к пресекательным.

В обществе распространено мнение о том, что действующая система профилактики коррупции –

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52. – Ст. 6228.

это набор неких неэффективных и ограниченных действий, которыми государство пытается подменить реальную борьбу с коррупцией. Действительно, предупреждение коррупции не будет иметь сколь-либо значимых результатов, если к ее организации относиться формально и бессистемно. Совершенно иной результат может быть получен в результате ее профессионализации и специализации: применяемые в ходе предупреждения коррупции специальные технологии, основанные на знании человеческой психологии, помогут постепенно распространить в обществе устойчивое неприятие к участию в совершении коррупционных поступков и сформировать отношение к ним как к действиям постыдного характера, устранив тем самым первопричину коррупции [11, с. 76]. И главным результатом такой профилактической деятельности должно стать вовлечение гражданского общества в противодействие коррупции, как это происходит в демократических странах с низким уровнем коррупции [12]. В противном случае любая государственная антикоррупционная политика, по нашему мнению, будет обречена на провал и примет форму «компанейщины».

Представляется, что именно такому организационному оформлению профилактики коррупции в масштабах всего государства и следует уделить особое внимание на современном этапе организации противодействия коррупции. Созданием единого постоянно действующего и организационно независимого органа, действующего в сфере организации профилактики коррупции и наделенного полномочиями по оказанию консультаций субъектам антикоррупционной политики, участвующего в оценке уровня распространенности коррупции в отдельных субъектах Российской Федерации и проводящего мониторинг проблем, возникающих на стадии правоприменительной практики законодательства о противодействии коррупции, будет обеспечена возможность аккумулирования полезных антикоррупционных инициатив с последующим лоббированием их нормативного закрепления и ретрансляцией положительного опыта. Созданием органа с означенными функциями будет обеспечена возможность объединения усилий разобщенных антикоррупционных подразделений властных органов, общественных объединений, действующих в сфере профилактики коррупции, представителей общественности, в направлении повышения качества предупреждения коррупционных деяний путем отбора лучших антикоррупционных методик.

Организационное оформление деятельности такой структуры вполне может быть реализовано путем создания, например, специального федерального агентства по вопросам профилактики коррупции либо института уполномоченного по профилактике коррупции при главе государства.

Основой для вышесказанного стали вовсе не теоретические домыслы авторов этой статьи, а их многолетний опыт практической профессиональной деятельности в направлении организации профилактики коррупции в отдельном субъекте Российской Федерации.

Ульяновская область стала первым российским регионом, воплотившим на практике положения ст. 6 Конвенции ООН против коррупции об органе по предупреждению и противодействию коррупции, что выразилось в централизации функций по координации мер по предупреждению коррупции в государственных органах и подведомственных им учреждениях в полномочиях специализированного должностного лица – уполномоченного по противодействию коррупции, организационно и функционально независимого от органов государственной власти и органов местного самоуправления[3]. Главным его предназначением является аккумулирование лучших моделей антикоррупционных технологий с последующим обеспечением их нормативного закрепления и реализации на практике.

Средством этого стала созданная им система координации направлений профилактики коррупции, принимаемых органами государственной власти и органами местного самоуправления муниципальных образований, реализуемых специально закрепленными за ними должностными лицами в каждом государственном и муниципальном органе.

---

[3] Наименование этой должности было сформулировано до вступления в силу Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В контексте норм этого закона более правильным было бы обозначить эту должность как «Уполномоченный по профилактике коррупции».

Уполномоченный по противодействию коррупции не ограничен функционально одной лишь координацией антикоррупционных мер. Он сам является активным субъектом антикоррупционной политики и наделен рядом полномочий, дополняющих и развивающих меры по профилактике коррупции, определенные федеральным законодательством.

Важнейшей его функцией является антикоррупционный анализ всех проектов нормативных правовых актов регионального уровня на предмет выявления в них зон коррупционного риска и коррупциогенных факторов, по разным причинам не устраненных разработчиками при проведении антикоррупционной экспертизы. Это позволяет предотвращать легализацию коррупционных схем в региональном законодательстве в тех случаях, когда антикоррупционная экспертиза оказывается бессильной. Ежегодно до 15% проектов нормативных правовых актов, регулирующих движение финансовых средств в общей сложности на сотни миллионов бюджетных рублей, отклоняются уполномоченным по противодействию коррупции и возвращаются на доработку по вышеназванной причине.

Не менее важной его функцией является организация проведения антикоррупционного мониторинга, выражающегося, во-первых, в оценке степени эффективности принятия всего комплекса законодательно установленных мер по профилактике коррупции государственными и муниципальными органами Ульяновской области, и, во-вторых, в мониторинге уровня коррупции в муниципальных образованиях региона. Методика последнего вида мониторинга была разработана совместно с автономной некоммерческой организацией «Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства» и представляет собой расчет интегрального показателя, основанного на обобщении разнородных данных (результатов социологических исследований, статистики итогов расследования уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности и др.) и дающего представление о степени распространенности коррупционных проявлений в том или ином муниципалитете.

Еще одним важным направлением деятельности уполномоченного по противодействию коррупции стало обеспечение использования в учебно-воспитательном процессе в общеобразовательных учебных заведениях региона элементов антикоррупционного воспитания на уроках «История», «Обществознание» в старших классах. Элементы антикоррупционного образования и воспитания применяются в соответствии с учебно-методическим комплексом, разработанным областным институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Уполномоченный по противодействию коррупции является координатором и соисполнителем областной программы противодействия коррупции, наделен полномочиями по рассмотрению обращений граждан, содержащих информацию о проявлении коррупции, организует деятельность общественных советов в муниципальных образованиях, проводит конкурсы социальной антикоррупционной рекламы, стимулирует СМИ в освещении темы противодействия коррупции, выделяет гранты для некоммерческих организаций, действующих в сфере профилактики коррупции, и др.

Совместно с председателем областной счетной палаты он стал инициатором изменения порядка подготовки проектов региональных целевых программ путем создания специального экспертного аналитического органа, детально оценивающего качество финансово-экономических расчетов запрашиваемых бюджетных средств. Он также приступил к формированию системы, обеспечивающей принцип неотвратимости ответственности чиновников за совершение деяний, повлекших нарушение бюджетного законодательства. Уполномоченный по противодействию коррупции координирует деятельность специальных инспекторов в органах исполнительной власти региона, в обязанности которых входит исключительно решение вопросов организации профилактики коррупции в соответствующем органе власти.

Предпринятые меры позволили, во-первых, повысить качество принимаемых профилактических мер в органах государственной власти, во-вторых, вовлечь в профилактику коррупции представителей общественности, в-третьих, сформировать механизмы, препятствующие лоббированию чиновниками законодательной легализации коррупционных схем. На страницах научной и специальной литературы опыт Улья-

новской области приводится в качестве передовой практики [13, с. 44; 14, с. 13; 15, с. 59].

Практика правоприменения антикоррупционного законодательства выявила потребность в едином и четком регулировании и координации принимаемых мер по профилактике коррупции как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Все это является закономерным следствием развития и определенным результатом проводимой в России антикоррупционной политики. Но для перехода ее на качественно новый уровень необходимо воздействовать уже не столько на последствия коррупции, сколько на ее причины, что может быть достигнуто только профилактическими мерами, принимаемыми совместно с гражданским обществом, путем трансформации отдельных разрозненных практик в сфере профилактики коррупции в единый координируемый процесс.

Список литературы

1. Взятка с занесением // Российская газета. – 2012. – 28 сентября. – № 5897.

2. Кимлацкий О.А., Мачульская И.Г. О состоянии борьбы с коррупцией в Российской Федерации // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Актуальные проблемы противодействия коррупции». – 2008. – № 6 (351). – URL: http://www.council.gov.ru/files/analitical_bulletin/309.zip

3. Юсупов М.Р. Институты гражданского общества и предпринимательства в России как субъекты и фактор реализации и совершенствования антикоррупционного законодательства // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Противодействие коррупции: проблемы и перспективы законодательного обеспечения». – 2012. – № 10 (453). – URL: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/416/

4. Медведев провел заседание Открытого Правительства по борьбе с коррупцией. – URL: http://большоеправительство.рф/events/1265/?sphrase_id=16234

5. Борьба с коррупцией: проблема не в законах, а в их исполнении? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 1081. – URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10891

6. Качкина Т.Б., Качкин А.В. Коррупция и основные элементы стратегии противодействия ей: учеб. пособие. – Ульяновск: Областная типография «Печатный двор», 2010. – 80 с.

7. Григорова Т.В. Коррупция в России: история и современность // Сибирская финансовая школа. – 2009. – № 1. – С. 47–51.

8. Новая антикоррупционная кампания: народу понравилось. – URL: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/216048-pochemu-ne-stoit-radovatsya-gromkim-razoblacheniyam

9. Федотов Д. А. Коррупция как внутриполитическая угроза современной России // Вестник Читинского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 79–84.

10. Предрасположенность жителей Ульяновской области к совершению коррупционных поступков (материалы социологического исследования). – URL: http://anticorrupt-ul.ru/attfiles/predraspol_apr2010.pdf

11. Булгакова И.Г. Некоторые аспекты профилактики коррупции в органах государственной власти // Журнал российского права. – 2012. – № 8. – С. 75–80.

12. Литвинова Ю.И. Правовые формы институционализации антикоррупционной политики в российской государственности: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2006 – 27 с.

13. Смирнов Н.В. Региональная антикоррупционная политика // Антикоррупционер. – 2010. – № 5. – С. 40–46. – URL: http://anti-corruptioner.ru/2010/5/regional_policy

14. Хабриева Т.Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 7–14.

15. Рафалюк Е.Е., Власова Н.В. Юридическая наука в поиске правовых механизмов противодействия коррупции // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 43–68.

В редакцию материал поступил 16.11.12

Информация об авторах

Павлов Александр Федорович, уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области
Адрес: 432011, г. Ульяновск, ул. Радищева, 28, тел.: (8422) 44-00-35
E-mail: anticorrupt@mail.ru

Миронов Сергей Владимирович, начальник отдела обеспечения деятельности уполномоченного по противодействию коррупции в Ульяновской области
Адрес: 432011, г. Ульяновск, ул. Радищева, 28, тел.: (8422) 44-00-29
E-mail: anticorrupt@mail.ru

A.F. PAVLOV,

Assignee on corruption counteraction in Ulyanovsk oblast,

S.V. MIRONOV,

Head of the Department of activity provision,

Assignee on corruption counteraction in Ulyanovsk oblast,

ON THE ISSUE OF INSTITUTIONALIZATION OF CORRUPTION PREVENTION THROUGH CREATING THE SINGLE ANTI-CORRUPTION BODY

The article presents the issue of creating the single anti-corruption body in Russia. The authors characterize the organization of corruption prevention in Ulyanovsk oblast as the specific activity of the Assignee on corruption counteraction. They conclude that it is relevant to create a special federal body in the Russian Federation, which would be assigned with authorities to organize corruption prevention, including in the Russian Federation subjects and at municipal level.

Key words: corruption prevention; Assignee on corruption counteraction in Ulyanovsk oblast; single anti-corruption body.

References

1. Vzyatka s zaneseniem (Bribe on the record), *Rossiiskaya gazeta*, 2012, 28th September, No. 5897.

2. Kimlatskii O.A., Machul'skaya I.G. O sostoyanii bor'by s korruptsiei v Rossiiskoi Federatsii (On struggle with corruption in the Russian Federation), *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii "Aktual'nye problemy protivodeistviya korruptsii"*, 2008, No. 6 (351), available at: http://www.council.gov.ru/files/analitical_bulletin/309.zip

3. Yusupov M.R. Instituty grazhdanskogo obshchestva i predprinimatel'stva v Rossii kak sub"ekty i faktor realizatsii i sovershenstvovaniya antikorruptsionnogo zakonodatel'stva (Institutions of the civil society and entrepreneurship in Russia as subjects and factor of realization and improving of anti-corruption legislation), *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii "Protivodeistvie korruptsii: problemy i perspektivy zakonodatel'nogo obespecheniya"*, 2012, No. 10 (453), available at: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/416/

4. *Medvedev provel zasedanie Otkrytogo Pravitel'stva po bor'be s korruptsiei* (Medvedev held the meeting of the Open Government on corruption counteraction), available at: http://bol'shoepravitel'stvo.rf/events/1265/?sphrase_id=16234

5. Bor'ba s korruptsiei: problema ne v zakonakh, a v ikh ispolnenii? (Struggle with corruption: the problem is not in the laws but in executing them?), *Press-vypusk VTsIOM № 1081*, available at: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10891

6. Kachkina T.B., Kachkin A.V. *Korruptsiya i osnovnye elementy strategii protivodeistviya ei* (Corruption and main elements of the strategy of its counteraction). Ul'yanovsk: Oblastnaya tipografiya "Pechatnyi dvor", 2010, 80 p.

7. Grigorova, T.V. Korruptsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' (Corruption in Russia: history and modern state), *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2009, No.1, pp. 47–51.

8. *Novaya antikorruptsionnaya kampaniya: narodu ponravilos'* (New anti-corruption campaign: the people like it), available at: http://www.forbes.ru/sobytiya-column/216048-pochemu-ne-stoit-radovatsya-gromkim-razoblacheniyam

9. Fedotov D. A. Korruptsiya kak vnutripoliticheskaya ugroza sovremennoi Rossii (Corruption as internal threat of the modern Russia), *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, No. 2, pp. 79–84.

10. *Predraspolozhennost' zhitelei Ul'yanovskoi oblasti k sovershenyiu korruptsionnykh postupkov (materialy sotsiologicheskogo issledovaniya)* (Susceptibility of the Ulyanovsk oblast citizens to corruptive actions (materials of sociological poll)), available at: http://anticorrupt-ul.ru/attfiles/predraspol_apr2010.pdf

11. Bulgakova, I.G. Nekotorye aspekty profilaktiki korruptsii v organakh gosudarstvennoi vlasti (Some aspects of corruption prevention in the state authority bodies), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, No. 8, pp. 75–80.

12. Litvinova Yu.I. *Pravovye formy institutsionalizatsii antikorruptsionnoi politiki v rossiiskoi gosudarstvennosti* (Legal forms of institutionazilation of the anti-corruption policy in Russian statehood). Rostov on Don, 2006, 27 p.

13. Smirnov N.V. Regional'naya antikorruptsionnaya politika (Regional anti-corruption policy), *Antikorruptsioner*, 2010, No. 5, pp. 40–46, available at: http://anti-corruptioner.ru/2010/5/regional_policy

14. Khabrieva T.Ya. Nauchno-pravovye problemy protivodeistviya korruptsii (Scientific-legal problems of corruption counteraction), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, No. 7, pp. 7–14.

15. Rafalyuk, E.E., Vlasova, N.V. Yuridicheskaya nauka v poiske pravovykh mekhanizmov protivodeistviya korruptsii (Juridical science in serach of legal mechanisms of corruption counteraction), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2012, No. 7, pp. 43–68.

Information about the authors

Pavlov Aleksandr Fedorovich, Assignee on corruption counteraction in Ulyanovsk oblast
Address: 28 Radishcheva Str., 432011, Ulyanovsk, tel.: (8422) 44-00-35
E-mail: anticorrupt@mail.ru

Mironov Sergey Vladimirovich, Head of the Department of activity provision of the Assignee on corruption counteraction in Ulyanovsk oblast,
Address: 28 Radishcheva Str., 432011, Ulyanovsk, tel.: (8422) 44-00-29
E-mail: anticorrupt@mail.ru

УДК 343.9 (470.51))

С.Ф. РАХИМОВ,

кандидат юридических наук, главный советник организационного отдела

Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье анализируются принятые в Республике Татарстан нормативные правовые акты, направленные на профилактику и противодействие коррупции. Рассматривается деятельность Республиканской экспертной группы по вопросам противодействия коррупции, а также изучаются вопросы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества в деле предупреждения коррупционных рисков. Предлагаются конкретные меры по организации антикоррупционной работы на муниципальном уровне в целях повышения эффективности реализации мер по профилактике и противодействию коррупции.

Ключевые слова: органы местного самоуправления; антикоррупционная политика; профилактика коррупции; комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов; нормативные правовые акты.

Большинство населения понимает и разделяет мнение о том, что коррупция является одной из серьезных угроз безопасности страны и неслучайно борьба с ней определена в качестве одного из приоритетов государственной политики.

Благодаря четкой политической воле руководства страны, создана законодательная база противодействия коррупции, приняты организационные решения по ее предупреждению, активизирована деятельность правоохранительных органов. Однако уровень коррупции остается достаточно высоким. В реализации антикоррупционных мер, в том числе и на муниципальном уровне остаются определенные проблемные вопросы, и их обсуждение, выработка предложений по их разрешению в настоящее время как никогда актуальны.

Как известно, в Татарстане с 2005 г. действует Стратегия антикоррупционной политики[1], а в 2006 г. принят Закон «О противодействии коррупции»[2] и ряд других нормативных правовых актов, направленных на реализацию федерального и регионального законодательства в сфере борьбы с коррупцией.

Для обеспечения осуществления Президентом Республики Татарстан полномочий по организации антикоррупционной деятельности в структуре Аппарата Президента Республики Татарстан образован специальный государственный орган по реализации антикоррупционной политики, который действует уже шесть лет и в январе 2011 г. получил статус Управления.

В рамках противодействия коррупции в Республике Татарстан удалось решить ряд важных вопросов.

Во-первых, была сформирована единая система государственного финансового контроля за использованием бюджетных средств всех уровней. Координация осуществляется межведомственным советом под руководством Счетной палаты республики, что позволяет более эффективно использовать потенциал данных органов и вести четкий контроль за устранением выявляемых нарушений. В настоящее время специалисты Счетной палты ориентированы и на установление возможных коррупционных проявлений, а главное, причин и условий, способствующих им.

Во-вторых, с 2007 г. в практику работы государственных и муниципальных органов вошло обязательное проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов.

[1] «О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан»: Указ Президента Республики Татарстан от 08.04.2005 № УП-127 // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2005. – № 4. – Апрель (II часть). – Ст. 460.

[2] «О противодействии коррупции в Республике Татарстан»: Закон Республики Татарстан от 04.05.2006 № 34-ЗРТ // Республика Татарстан. – 2006. – № 93. – 7 мая.

В настоящий момент в Республике Татарстан аккредитацию Минюста России получили 46 независимых экспертов (среди регионов, входящих в ПФО, – это наибольшее количество). И здесь немаловажную роль играют независимые эксперты, чьи заключения позволяют своевременно выявлять коррупциогенные факторы.

В республике проведен ряд мероприятий, направленных на оказание помощи независимым экспертам: обучающие занятия по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы; в сети Интернет на портале правительства республики создан раздел, где размещаются все проекты нормативных правовых актов, что значительно упрощает доступ экспертов к документам.

В-третьих, для сокращения коррупционных рисков в рамках административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг практически завершена работа по переводу наиболее востребованных услуг в электронный вид. Эта деятельность является одним из направлений реализации таких принципов противодействия коррупции, как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Сегодня посредством сети Интернет оказывается 98 видов таких услуг: электронная очередь в детские сады, оплата административных штрафов, коммунальных платежей, заказа на получение паспорта и многое другое. После введения электронной записи на прием к врачу этой услугой воспользовались почти 2 млн граждан. Электронная очередь в детские сады позволила не только сократить проблему очереди на 30–35% для детей старше трех лет, но и сделать процесс продвижения в очереди прозрачным и понятным для всех. Все это оказывает серьезное профилактическое воздействие на бытовую коррупцию.

Сейчас новым этапом развития Портала госуслуг стало появление функции «Народный контроль», где любой желающий может сообщить о замеченных в регионе проблемах, в том числе о коррупционных проявлениях. Все обращения обрабатываются и пересылаются в профильные ведомства.

В рамках портала «Официальный Татарстан» (http://tatarstan.ru/) объединены такие разделы, как «Электронное Правительство Республики Татарстан», «Портал муниципальных образований» и другие, чем достигнута полная открытость в работе госаппарата и органов местного самоуправления. Причем в общественных местах размещены инфоматы, обеспечивающие этой услугой не только пользователей Интернета, но и другое население.

Более того, на персональных страницах госорганов и муниципалитетов созданы по единому образцу разделы «Противодействие коррупции», в которых сконцентрирована информация от деятельности специализированных комиссий до сведений о доходах. Любой посетитель сайта может оставить информацию (обращение) посредством «Интернет-приемной», которая обязательна к рассмотрению.

Однако хотелось бы заострить внимание на том, что исключительно технические решения не являются панацеей от такой болезни, как коррупция. Поэтому необходимо постоянное освещение вопроса повышения правосознания граждан, которое неразрывно связано с воспитанием уважения к закону. И такое воспитание должно начинаться с ранних лет, пока личность человека еще полностью не сформирована.

В республике разработана интерактивная антикоррупционная программа для школьников, которая в качестве пилотного проекта реализуется с 5 по 9 классы. В игровой форме, с применением компьютерных технологий до школьников доводятся основы права и экономики, прививается модель антикоррупционного поведения как нормы гражданского поведения.

Понятно, что оценить результат, а тем более ощутить его в ближайшем обозримом будущем нелегко, но формировать личность в духе неприятия коррупции необходимо уже с раннего возраста. Как показала практика, реализация антикоррупционной программы для школьников приносит положительные результаты: рисунки и сочинения школьников, участвующие в республиканском конкурсе к Международному дню противодействия коррупции, дают основания сделать вывод о том, что юные граждане проявляют нетерпимость к любым проявлениям коррупции в обществе.

Важную роль в формировании системы антикоррупционной политики играют общественные институты и организации, с которыми осуществляется сотрудничество, в том числе в рамках

Совета при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции[3].

Определенным ноу-хау для республики стало формирование в рамках указанного Совета экспертных групп для изучения состояния антикоррупционной работы на местах[4]. В органы местного самоуправления и государственной власти Республики Татарстан осуществлено 10 выездов. Данной работе предшествует кропотливое изучение поступивших за последние пять лет жалоб и обращений, сведений органов госстатистики и госфинконтроля.

В состав групп входят представители Управления Президента по вопросам антикоррупционной политики, силовых ведомств, профильных министерств и представители общественных организаций. Столь представительный состав групп позволяет фактически сделать так называемый «срез» состояния дел по различным направлениям.

Так, наряду с изучением выполнения требований антикоррупционного законодательства, специалисты рассматривают вопросы расходования бюджетных средств, а также эффективности управления государственной и муниципальной собственностью. И самое главное, работникам на местах оказывается практическая помощь в организации работы, ведущей к минимизации коррупционных рисков в этих направлениях. Это особо актуально в связи с тем, что имеются определенные кадровые проблемы, особенно в органах местного самоуправления.

В порядке эксперимента в состав данных групп включаются психологи, которые проводят комплексное исследование морально-психологического климата в коллективах, а также проводят добровольное тестирование лиц, состоящих в резерве на замещение руководящих должностей и действующих служащих. Необходимо отметить, что если вначале такая работа руководителями воспринималась довольно скептически, то после получения результатов с четкими рекомендациями и проведения тренингов с коллективами их мнения менялись кардинально. И такие перемены связаны, прежде всего, с тем, что руководители увидели реальное положение дел в своих коллективах и получили возможность проводить необходимые коррекционные мероприятия.

Результаты работы и рекомендации экспертных групп представляются Президенту республики, после чего направляются руководителям органов государственной власти, главам муниципальных районов для принятия мер. В настоящее время за допущенные нарушения некоторые руководители освобождены от занимаемой должности, 16 государственных и муниципальных служащих привлечены к дисциплинарной ответственности. Помимо кадровых решений устранены недостатки при осуществлении ремонтных работ, расторгнуты контракты, заключенные с нарушением законодательства, взысканы штрафы и пени, начисленные за срывы сроков исполнения государственных и муниципальных заказов.

Материалы о действиях руководителей, государственных и муниципальных служащих, в которых усматриваются коррупционные правонарушения, направляются в МВД и прокуратуру для процессуальной оценки фактов и принятия решений в соответствии с законодательством.

Однако деятельность Совета не ограничивается исключительно результатами работы экспертных групп. На его заседаниях были разработаны механизмы сокращения коррупционных проявлений в таких сферах, как:

– использование государственного и муниципального имущества;

– процедуры в делах о несостоятельности (банкротстве);

– привлечение и использование внебюджетных денежных средств общеобразовательными учреждениями.

Как известно, злейшим врагом коррупции является гласность, а непрерывное систематическое правовое просвещение граждан является мощным

---

[3] «О Совете при Президенте Республики Татарстан по противодействию коррупции»: Указ Президента Республики Татарстан от 21.02.2011 № УП-71 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 06.04.2011. – № 13 – Ст. 0420.

[4] «О Республиканской экспертной группе по вопросам противодействия коррупции»: Указ Президента Республики Татарстан от 02.06.2012 № УП-415 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти, 08.06.2012. – № 43. – Ст. 1457.

заслоном на пути коррупции, поэтому повышение уровня правовой образованности граждан станет сдерживающим фактором для коррупционеров, если гражданин будет знать не только свои права и обязанности, но и способы их защиты.

В рамках организации правового просвещения населения в республике активно используются средства массовой информации, имеющие наиболее широкую аудиторию.

С декабря 2011 г. на одном из республиканских телеканалов запущен и реализуется в прямом эфире цикл передач на темы, наиболее близкие гражданам – это коррупция в сферах здравоохранения, жилищно-коммунальном хозяйстве и образовании. Для участия в откровенном разговоре приглашаются руководители госорганов и общественных организаций. Сейчас готовится новый цикл передач, из которых жители могли бы получить четкое представление о тех «программах поддержки», которые реализуются в республике, механизмах участия в них и минимальных требованиях по оформлению документов.

В ближайшее время начинается журналистский конкурс на лучшее освещение антикоррупционной тематики, итоги которого будут подведены 9 декабря. Основной упор делается на работы, выполненные в стиле журналистского расследования.

В целом для оценки эффективности принимаемых мер принят перечень основных показателей для проведения мониторинга эффективности деятельности по реализации антикоррупционных мер[5]. Мониторинг по итогам 2011 г. был использован при разработке третьей по счету Комплексной республиканской антикоррупционной программы на 2012–2014 гг., а также ведомственных и муниципальных программ.

Еще одним направлением стала активизация работы должностных лиц кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а также комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. Для сведения: в республике действуют 40 комиссий по урегулированию конфликта интересов в республиканских органах государственной власти и 215 – в органах местного самоуправления.

Обучение ответственных лиц правовым и практическим вопросам организации их работы стало одним из направлений этой деятельности. В 2011 г. обучение прошли около 300 служащих.

Параллельно по результатам анализа наиболее проблемных и спорных вопросов были подготовлены методические пособия, в которых наряду с организационными рекомендациями вошли образцы документов, связанных с деятельностью комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, заполнением справок о доходах государственных и муниципальных служащих и членов их семей, запросов в правоохранительные и контрольные органы, связанных с проверкой полноты и достоверности представленных сведений о доходах [1].

Здесь серьезную помощь Управлению по вопросам антикоррупционной политики оказывает Научно-исследовательский институт противодействия коррупции Института экономики, управления и права. Сейчас совместно с НИИ подготовлены специальные учебные программы для ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений, которые будут проходить обучение в очно-заочной форме с получением соответствующих сертификатов.

Уже чувствуются определенные сдвиги в работе комиссий на местах. Например, в прошлом году комиссиями по урегулированию конфликта интересов вынесено более 500 решений по фактам нарушений требований антикоррупционного законодательства (в том числе по 429 нарушениям требований к достоверности и полноте сведений о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, 39 нарушениям требований к служебному поведению и по 14 случаям, требующим урегулирования конфликта интересов). Привлечено к дисциплинарной ответственности 26 государ-

---

[5] «О мерах по организации и проведению мониторинга эффективности деятельности органов исполнительной власти Республики Татарстан, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти по Республике Татарстан, органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан по реализации антикоррупционных мер на территории Республики Татарстан»: Указ Президента Республики Татарстан от 23.03.2011 № УП-148 // Ведомости Государственного Совета Татарстана». – 2011. – № 3. – Ст. 284.

ственных гражданских служащих и 242 муниципальных служащих. Три материала направлены в правоохранительные органы и двум лицам отказано в согласии на замещение должности в иной организации после их увольнения.

Вместе с тем практический опыт республики свидетельствует о наличии некоторых проблем, возникающих при реализации федерального законодательства о противодействии коррупции на муниципальном уровне. В связи с этим необходимо особо отметить как положительный фактор возможность проведения мониторинга правоприменения, предоставленную действующим законодательством региональным органам власти, что позволяет выявить пробелы в нормативной базе противодействия коррупции и выработать предложения по совершенствованию законодательства.

Анализ правоприменительной практики показал, что реализация некоторых положений действующего антикоррупционного законодательства связана со следующими проблемами.

Во-первых, формально по закону комиссии по урегулированию конфликта интересов должны создаваться в каждом из органов местного самоуправления, в том числе и в сельских поселениях. Однако практическое воплощение этого требования закона сопряжено с объективными трудностями. Ряд органов местного самоуправления, например, исполнительные комитеты сельских поселений, не имеют структурных подразделений, руководители которых должны входить в состав комиссий в обязательном порядке (подразделений кадровой службы, юридических или правовых подразделения).

Кроме того, на муниципальном, особенно на сельском уровне, затруднительно обеспечить включение в каждую комиссию представителя научных организаций и образовательных учреждений, деятельность которых связана с государственной или муниципальной службой, а также представителя общественной организации.

В республике эта ситуация на сегодняшний день решается путем создания в пределах муниципального района единой комиссии с делегированием ей полномочий по рассмотрению вопросов в отношении всех муниципальных служащих района. Для этого поселения, воспользовавшись предоставленным законодательством правом передавать муниципальным районам часть полномочий по решению вопросов местного значения, заключают соглашения о передаче части своих полномочий по осуществлению мер по противодействию коррупции в поселениях в соответствии с ч. 4 ст. 15 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

В связи с этим представляется целесообразным на федеральном уровне законодательно закрепить право на создание единой для муниципального района и входящих в его состав поселений комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов путем внесения дополнений в федеральные законы «О противодействии коррупции» и «О муниципальной службе в Российской Федерации».

В муниципальных образованиях, особенно в сельских поселениях, имеются объективные сложности с возложением функций по профилактике коррупционных и иных правонарушений на должностных лиц кадровых служб. В большинстве органов местного самоуправления решение кадровых вопросов возлагается на должностных лиц общих, организационных, либо юридических отделов, т.е. практическая реализация мер по противодействию коррупции осуществляется лицами, выполняющими функции кадровых сотрудников в качестве дополнительной нагрузки, что не может не отразиться на качестве реализуемых мероприятий.

В связи с этим в настоящее время началась практическая реализация идеи назначения на муниципальном уровне помощников глав муниципальных районов и городских округов, которые бы обеспечивали реализацию главой муниципального образования полномочий в области антикоррупционной политики, а также взаимодействовали с должностными лицами кадровой и юридической служб, контрольных органов местного самоуправления и иных подразделений, занимающихся в пределах вопросов местного значения профилактикой коррупционных и иных правонарушений. В частности, такими помощниками может оказываться организационно-методическая и консультационная помощь по вопросам противодействия коррупции в органах местного

самоуправления, а также координироваться их деятельность.

В связи с этим в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» целесообразно внести дополнения, предусматривающие назначение в установленном порядке должностного лица местного самоуправления, наделенного полномочиями по осуществлению мер по противодействию коррупции в муниципальном образовании. На наш взгляд, таким образом будут реализованы актуальные подходы к организации работы на муниципальном уровне, что позволит повысить эффективность реализации мер по противодействию коррупции и организовать соответствующую работу на профессиональном уровне.

Список литературы

1. Организация работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в органах местного самоуправления Республики Татарстан: метод. пособие / И.И. Бикеев, П.А. Кабанов, А.Н. Маклакова, А.Ю. Панкратов, С.Ф. Рахимов. – Казань, 2012. – 119 с.

В редакцию материал поступил 26.10.12

Информация об авторе

Рахимов Салават Фоатович, кандидат юридических наук, главный советник организационного отдела, Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики

Адрес: 420014, Казань, Кремль, Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, тел.: (843) 567 88 69

E-mail: Salavat.Rahimov@tatar.ru

S.F. RAKHIMOV,

PhD (Law), Chief Adviser of organizational Department

Bureau of the President of Tatarstan Republic on anti-corruption policy

ISSUES OF ANTICORRUPTION POLICY REALIZATION IN TATARSTAN REPUBLIC AT MUNICIPAL LEVEL

The article analyzes the normative legal acts enacted in Tatarstan Republic and aimed at corruption prevention and counteraction. The author views the activity of the Republican Expert Group on corruption counteraction, and investigates the issues of state bodies and local self-government interaction with the civil society institutions in the sphere of corruption risks prevention. The author proposes certain measures for anti-corruption work organization at municipal level in order to increase the efficiency of corruption prevention and counteraction measures.

Key words: local self-government bodies; anti-corruption policy; corruption prevention; Committee on keeping the requirements for official behavior and settling the interests' conflicts; normative legal acts.

References

1. *Organizatsiya raboty komissii po soblyudeniyu trebovanii k sluzhebnomu povedeniyu i uregulirovaniyu konflikta interesov v organakh mestnogo samoupravleniya Respubliki Tatarstan* (Organization of the activity of Committee on keeping the requirements for official behavior and settling the interests' conflicts in local self-government bodies of the Republic of Tatarstan), I.I. Bikeev, P.A. Kabanov, A.N. Maklakova, A.Yu. Pankratov, S.F. Rakhimov. Kazan, 2012, 119 p.

Information about the author

Rakhimov Salavat Foatovich, PhD (Law), Chief Adviser of organizational Department of Bureau of the President of Tatarstan Republic on anti-corruption policy

Address: Bureau of the President of Tatarstan Republic on anti-corruption policy, 420014, Kazan, Kremlin, tel.: (843) 567-88-69

E-mail: Salavat.Rahimov@tatar.ru

УДК 343.9(730)

А.В. САЛОВ,
аспирант
Российская правовая академия Министерства юстиции, г. Москва

ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА США В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В статье анализируется правовое регулирование ответственности юридических лиц за коррупционные практики в США. Оценивается эффективность законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: глобализация; коррупция; транснациональные корпорации.

Проблема противодействия глобальной (мировой) коррупции, одним из аспектов которой является предупреждение международных коррупционных практик в деятельности транснациональных корпораций, в настоящее время представляется чрезвычайно актуальной. К примеру, в 2008 г. почти трети из ста компаний с наибольшей капитализацией по расчетам Standard & Poor's требовался внутренний контроль затрат на политический лоббизм [1]. Из-за недостатка прозрачности деятельности различных компаний затруднительно установить, где они получают прибыль, платят налоги и участвуют в политических кампаниях. Так, исследования показывают: около половины рассмотренных компаний не раскрывают информацию об участии в политической деятельности [2], что позволяет сделать вывод о возможном коррупционном воздействии со стороны этих компаний на чиновников. Неслучайно в последнее десятилетие XX в. отмечается повышение всеобщего интереса к проблеме коррупции во всем мире. В 1982–1987 гг. слово «коррупция» встречалось в среднем 229 раз в год на страницах таких изданий, как «The Economist» и «Financial Times». В 1989–1992 гг. этот показатель поднялся до 502 раз в год. В 1993 г. слово «коррупция» 1076 раз упоминалось в этих двух влиятельнейших европейских финансово-политических изданиях. В 1994 г. коррупция упоминалась 1099 раз, в 1995-м – 1246. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время [3].

Приведенные выше данные свидетельствуют об активных систематических коррупционных практиках компаний при ведении бизнеса за границей, что обусловливает необходимость эффективного работающего механизма привлечения юридических лиц к ответственности за коррупционные преступления. Этому вопросу большое значение уделяется в отечественных научных исследованиях. Во многих из них ученые часто ссылаются на США, в которых существует уголовная ответственность юридических лиц за транснациональные коррупционные правонарушения. В частности, отмечается, что модель привлечения компаний к ответственности в США основывается на традиционной конструкции, при которой юрлицо наряду с физическим лицом рассматривается в качестве самостоятельного субъекта преступления. На компанию распространяются как уголовно-правовые запреты, предусмотренные для физических лиц, так и специальные нормы об уголовной ответственности исключительно для юридических лиц [4].

При этом к уголовной ответственности корпорации в США (как, впрочем, и в Англии) суды стали привлекать за неисполнение обязанностей, возложенных на них законом, а затем и за ненадлежащее совершение правомерных действий, результатом которых стало причинение вреда обществу еще с середины XIX в. [5]. Верховный суд страны признал конституционной уголовную ответственность компаний в 1909 г. [6].

По мере углубления международных экономических взаимосвязей возникла потребность в привлечении коммерческих коллективных субъектов за нарушения международно-правовых норм. По искам к американским корпорациям стали при-

ниматься судебные решения в федеральных судах США, базировавшиеся, прежде всего, на положениях Закона США 1789 г. «О правонарушениях в отношении иностранных граждан» (The Alien Tort Claims Act (ATCA)) [7].

США первыми в мире приняли закон о запрете подкупа иностранных должностных лиц в ходе коммерческой деятельности (так называемый Акт об иностранной коррупционной практике (Foreign Corrupt Practices Act), принятый в 1977 г. [8]). Он родился как результат расследования, проведенного специальной комиссией, в ходе которого было выяснено, что в середине 70-х гг. XX в. около 400 крупных компаний США допускали подозрительные или незаконные выплаты должностным лицам иностранных правительств, политикам и политическим партиям на сумму около 300 млн долларов [9].

Против принятия этого Акта возражали некоторые представители бизнеса и отдельные политики, поскольку во многих странах мира, где государство играет решающую роль в экономике, государственный аппарат настолько коррумпирован, что без взяток там невозможно заниматься бизнесом. Американские компании, не дающие взяток, неизбежно вытесняются из этих стран менее честными конкурентами [10]. По оценкам Департамента торговли США, потери компаний США за последние годы в результате запрета платить взятки за рубежом составляют приблизительно 35–45 млрд долларов [11]. Первоначально для компаний, работающих в коррупционных странах, даже делали исключение. Они должны были декларировать взятки, и их сумма вычиталась из налогооблагаемой базы как неизбежные расходы. В конце 80-х гг. XX в. руководство США решило прекратить конкуренцию между развитыми странами на мировом рынке взяток. В 1988 г. Конгресс поручил правительству США через Организацию экономического сотрудничества и развития провести переговоры с большинством развитых стран мира о принятии Конвенции, запрещающей компаниям стран-участниц давать взятки за рубежом. В 1997 г. страны подписали Конвенцию Организации экономического сотрудничества и развития «О борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц в международных коммерческих отношениях» (OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions) [12]. В 1998 г. она была ратифицирована в США и вступила в действие. В связи с этим США должны были внести поправки в свой Акт об иностранной коррупционной практике.

Сегодня действие названного Акта распространяется на компании и граждан США, где бы они ни совершали подкуп. Акт действует на иностранные компании и иностранных граждан, если они совершают подкуп на территории США. Не имеет значения, совершается ли подкуп прямо или через посредника. Ответственность действует не только за свершившийся акт передачи взятки, но и за предложение или обещание взятки в пользу должностного лица или третьего лица, на которое оно укажет. Наказуемыми являются только выплаты, направленные на то, чтобы должностное лицо совершило незаконные действия или бездействие. Оплата ускорения производства законных действий, так называемая «стимулирующая оплата» (facilitating payments) [13] преступлением не считается. Акт охватывает подкуп иностранного должностного лица, иностранной политической партии, партийного чиновника, кандидата на политическую должность за рубежом. Иностранным должностным лицом, в свою очередь, является любое должностное лицо или служащий иностранного правительства, а также публичной международной организации. Акт охватывает только деяния в области международного бизнеса. На подкуп в интересах государства (шпионаж, политический подкуп) он не распространяется.

За подкуп иностранных должностных лиц Акт об иностранной коррупционной практике предусматривает уголовное наказание в виде штрафа до 2 млн долларов, налагаемого на компанию. Одновременно лица, осуществляющие подкуп, наказываются штрафом до 100 тыс. долларов или лишением свободы до пяти лет. Штраф может быть и больше. Если взятка имеет крупные размеры, то в соответствии с Актом о выборе штрафа (Alternative Fines Act), суд может назначить штраф в сумме, вдвое превышающей выгоду, которую обвиняемый надеялся получить посредством дачи взятки. Штраф, налагаемый на физическое лицо, не может быть уплачен его фирмой. За иные нарушения Акта об иностранной коррупционной практике, не влекущие непосредственно подкупа, на компанию или ее должностное лицо может

быть наложен штраф до 10 тыс. долларов в гражданско-правовом порядке по иску Генерального атторнея США. Иск о возмещении вреда, причиненного конкурентом посредством подкупа иностранных должностных лиц, может быть подан в суд частной фирмой.

С.А. Денисов считает, что Акт об иностранной коррупционной практике является реально работающим. Уже несколько компаний и их служащих были привлечены к уголовной ответственности. Компании заплатили значительные штрафы и были лишены права заключения договоров на государственные поставки. Их служащие получили наказания в виде лишения свободы. Акт имеет огромное профилактическое воздействие на предпринимателей. Чтобы избежать ответственности за поведение своих сотрудников или партнеров, компании вынуждены были ввести у себя системы внутреннего контроля за служащими, с тем чтобы они не допускали коррупционной практики. От компании требуется тщательно проверять квалификацию и репутацию своих партнеров за рубежом, брать с них обязательство не осуществлять коррупционных актов [14]. Усиливающиеся требования иностранных инвесторов, акционеров, рейтинговых агентств и иных лиц в части соблюдения законодательства в области FCPA способствовали такому явлению как «комплаенс», суть которого сводится к обязанности соответствовать законодательству и международным нормам посредством разработки и соблюдения определенных внутренних политик и процедур [15]. Появление системы предотвращения неправомерных платежей при осуществлении банковских операций [16] усилило надзорные полномочия Комиссии по ценным бумагам и биржам США в сфере финансовой отчетности и контроль за соблюдением правил финансовой отчетности [17]. Начиная с 2005 г., число расследований в рамках FCPA, проводимых Министерством юстиции США (DOJ), Комиссией США по ценным бумагам и биржам (SEC) и Федеральным бюро расследований (FBI) значительно возросло. Наблюдается колоссальное увеличение размеров штрафов и других санкций [18]. Исходя из практики применения принятого в 1977 г. в США закона о борьбе с практикой коррупции за рубежом (Foreign corrupt practices act, или сокращенно FCPA), размеры финансовых санкций, которые могут быть наложены на предприятия, изобличенные в совершении коррупционных преступлений, могут достигать таких размеров, что их выплата может означать фактический финансовый крах бизнеса. Например, общий размер взысканий по FCPA на конец 2010 г. составил около 3 млрд долл. [19]. В России все чаще появляются заявления о необходимости учета мирового опыта противодействия коррупции, в том числе и антикоррупционного закона США [20].

Вместе с тем многочисленные мнения о реально работающем законе США разнятся с данными, которые ежегодно представляет ОЭСР [21]. Таким образом, существует противоречие между мнениями об эффективности законодательства и данными о количестве совершаемых ежегодно коррупционных давлений со стороны юридических лиц.

По результатам анализа представляется необходимым отметить следующие положительные моменты:

Наличие наработанной судебной практики. Привлечение к ответственности корпораций происходит каждый год по несколько раз, что способствует более продуманному и учитывающему прошлый опыт правоприменению.

Значительный размер штрафов имеет существенную превентивную функцию, так как руководство компаний понимает, что в случае коррупционного правонарушения юридическое лицо может стать банкротом. Некоторые фирмы даже вводят должность антикоррупционного директора [22].

Привлечение к ответственности корпорации путем лишения прав на заключение выгодных государственных контрактов, получение экспортных лицензий [23] лишает компанию выхода на глобальный рынок, к тому же понижается деловая репутация компаний.

Присутствует акцент на предупреждение порочной практики подкупа компаниями посредством таких мер, как обеспечение достоверной бухгалтерской отчетности, аудиторская проверка бухгалтерии, внутренний контроль. Санкции за нарушение контроля и внутренней отчетности для физических лиц для юридических лиц – до 25 млн долл. США и (или) двукратный размер суммы полученной выгоды.

Вместе с тем нельзя не отметить и отдельные «ямки», которые снижают эффективность закона, а также создают проблемы с оценкой эффективности FCPA:

В США, как и во многих других странах, отсутствует исчерпывающая статистика по коррупционным преступлениям [24]. Нет данных о коррупционных преступлениях за определенные периоды, в том числе и какое количество из них совершено юридическими лицами, какие санкции были к ним применены. Это создает существенные трудности при попытке объективного анализа существующей коррупционной преступности, и соответственно, при совершенствовании правового предупреждения преступности.

Учитывая вышеперечисленное, а также высокую латентность коррупции, можно с уверенностью утверждать, что сравнительно небольшое количество юридических лиц привлекается к ответственности. Это подтверждается отчетами ОЭСР, в которых отмечается транснациональная коррупционная корпоративная деятельность сотен компаний.

Штраф даже в указанных выше крупных размерах не имеет профилактического значения, так как прибыль от коррупции значительно выше штрафов. Необходимо выработать список условий, когда за коррупционные практики компании будут в 100% случаев караться двукратным размером прибыли от коррупции.

Очень часто американские транснациональные корпорации жалуются на тот факт, что они не могут выйти на рынки из-за коррупции, отсюда часты случаи применения санкций за коррупционные практики в случаях их изобличения в СМИ или подачи заявлений в суд на противоправные действия фирм [25]. Без этих составляющих ТНК США осуществляют систематическую коррупционную деятельность в определенных странах или даже регионах мира.

Проведенный анализ законодательства США об ответственности юрлиц за коррупционные практики показывает, что, несмотря на давность его принятия и практику применения, нормативно-правовая база США недостаточна систематизирована и эффективна для реализации поставленных задач снижения уровня таких коррупционных преступлений. Встает вопрос о необходимости разработки обязательных международных правил в этой сфере, а также дифференцированной системы наказаний за такие нарушения, вплоть до прекращения деятельности юридического лица[1].

Список литературы

1. Доклад Transparency International о коррупции в мире за 2009 г.: коррупция и частный сектор. – URL: www.transparency.org (дата обращения: 18.10.2012).

2. Половина мировых публичных компаний скрывает свое участие в политической деятельности. – URL: http://transparency.org.ru/drugie-issledovaniia/polovina-mirovykh-publichnykh-kompanii-skryvaet-svoe-uchastie-v-politicheskoi-deiatelnosti (дата обращения: 18.10.2012).

3. История создания Вашингтонского консенсуса по коррупции. США: опыт строительства империи. – URL: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/20884/ (дата обращения: 20.10.2012).

4. Смирнов Г. Уголовная ответственность юрлиц на подступах к России // Юрист. – 2011. – № 24. – С. 1, 3 (дата обращения: 21.10.2012).

5. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц / Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ. – СПб., 1998. (Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе»).

6. Додонов В. Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. – 2006. – № 4.

7. Абашидзе А.Х., Агейченко К.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в современном международном праве // Современное право. – 2010. – № 12. – С. 151–154.

8. Foreign Corrupt Practices Act. – URL: http://www.justice.gov/criminal/fraud/fcpa (дата обращения: 18.10.2012).

9. Foreign Corrupt Practices Act // URL: www.transparency.org/working_papers/country/us_paper.html (дата обращения: 18.10.2012).

10. Рейсмен В.М. Скрытая ложь. Взятки: «крестовый поход» и реформы. – М.: Прогресс, 1988. – С. 243.

11. Денисов С.А. Опыт Соединенных Штатов Америки в борьбе с коррупцией // Чиновник. – 2004. – № 4 (32).

12. URL: www.oecd.org/daf/nocorruption/instruments.htm (дата обращения: 18.10.2012).

13. URL: http://www.aebrus.ru/application/views/aebrus/files/legalcommittee_files/US_Foreign_Corrupt_Practices_Act_RUS_(Clifford_Chance)_file_update_2010_03_22_15_49_11.pdf (дата обращения: 18.10.2012).

14. Мухаметшин Р. Комплаенс: цели, задачи и построение системы // Финансовая газета. – 2011. – № 33. – С. 15.

15. Козырева Н.А. Контроль предотвращения неправомерных платежей // Внутренний контроль в кредитной организации. – 2011. – № 1. – С. 68–72.

16. Внедрение Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) в кредитной организации. – 2006. – № 4.

[1] Обоснованным представляется внесение такого пункта, как запрет на учреждение или управление юридическими лицами для лиц, входящих в органы управления корпорацией или государственную службу.

17. Александрова И.А. Взяточничество по законодательству Великобритании и России. Ст. № 2. Уголовная ответственность за взяточничество: поиск оптимального регламента // Российский следователь. – 2011. – № 22. – С. 36–40.

18. Альбион на лапу не дает // Российская Бизнес-газета. – 2011. – 20 дек.

19. Генпрокуратура требует ввести контроль над расходами // Независимая газета. – 2011. – 31 авг.

20. Соединенные Штаты Америки, которые положили начало борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности, приняв соответствующий закон (Foreign Corrupt Practices Act) еще в 1977 г., казалось бы, должны были возглавить рейтинг, однако, на самом деле, отстают от многих стран – членов ОЭСР // Индекс взяткодателей 2006. – URL: http://transparency.org.ru/indeks-vziatkodatelei/iv-2006. (дата обращения: 22.10.2012).

21. Walmart борется с коррупцией // «Expert Online». – 2012. – 26 апр.

22. Эти санкции предусмотрены директивой, принятой Офисом управления и бюджета США (OMB), который применяется в совокупности с антикоррупционным законом // Закон о внешней коррупции США. – URL: http://internationalcommentary.blogspot.com/2009/03/blog-post.html (дата обращения: 24.10.2012).

23. Лунеев В.В. Преступность XX в.: мировые, региональные и российские тенденции. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 515.

24. URL: http://www.foreign-corrupt-practices-act.org. (дата обращения: 25.10.2012).

25. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. – М., Альпина Бизнес Букс. – 2004. – С. 4

В редакцию материал поступил 29.10.12

Информация об авторе

Салов Андрей Владимирович, аспирант, Российская правовая академия Министерства юстиции
Адрес: 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1
E-mail: Red4880@yandex.ru

A.V. SALOV,

Post-graduate student

Russian Law Academy of the Ministry of Justice

ON THE EFFICIENCY OF THE USA LEGISLATION IN THE SPHERE OF LEGAL PERSONS' LIABILITY FOR CORRUPTION OFFENCES

The article analyzes the legal regulation of legal persons' liability for corruption practices in the USA. The efficiency of legislation in this sphere is estimated.

Key words: globalization; corruption; transnational corporations.

References

1. *Doklad Transparency International o korruptsii v mire za 2009 g.: korruptsiya i chastnyi sector* (Transparency International report on corruption in the world for 2009: corruption and private sector), available at: www.transparency.org (data obrashcheniya: 18.10.2012).

2. *Polovina mirovykh publichnykh kompanii skryvaet svoe uchastie v politicheskoi deyatel'nosti* (Half of the world public companies conceal their participation in political activity), available at: http://transparency.org.ru/drugie-issledovaniia/polovina-mirovykh-publichnykh-kompanii-skryvaet-svoe-uchastie-v-politicheskoi-deiatelnosti (data obrashcheniya: 18.10.2012).

3. Istoriya sozdaniya Vashingtonskogo konsensusa po korruptsii (History of creation of the Washington consensus on corruption), *SShA: opyt stroitel'stva imperii*. available at: http://www.warandpeace.ru/ru/analysis/view/20884/ (data obrashcheniya: 20.10.2012).

4. Smirnov G. Ugolovnaya otvetstvennost' yurlits na podstupakh k Rossii (Criminal responsibility of legal persons approaching Russia), *Yurist*, 2011, No. 24, pp. 1, 3 (data obrashcheniya: 21.10.2012).

5. Volzhenkin B.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (Criminal responsibility of legal persons). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut General'noi prokuratury RF, 1998.

6. Dodonov V. Otvetstvennost' yuridicheskikh lits v sovremennom ugolovnom prave (Responsibility of legal persons in the modern criminal law), *Zakonnost'*, 2006, No 4.

7. Abashidze A.Kh., Ageichenko K.V. Problemy ustanovleniya ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v sovremennom mezhdunarodnom prave (Problems of attributing of criminal responsibility of legal persons in the modern international law), *Sovremennoe pravo*, 2010, No. 12, pp. 151–154.

8. Foreign Corrupt Practices Act, available at: http://www.justice.gov/criminal/fraud/fcpa (data obrashcheniya: 18.10.2012).

9. Foreign Corrupt Practices Act, available at: www.transparency.org/working_papers/country/us_paper.html (data obrash-

cheniya: 18.10.2012).

10. Reismen V.M. *Skrytaya lozh'. Vzyatki: "krestovyi pokhod" i reformy* (Hidden lies. Bribery: "crusade" and reforms). Moscow: Progress, 1988, p. 243.

11. Denisov S.A. Opyt Soedinennykh Shtatov Ameriki v bor'be s korruptsiei (Experience of the United States of America in struggle with corruption), *Chinovnik*, 2004, No. 4 (32).

12. www.oecd.org/daf/nocorruption/instruments.htm (data obrashcheniya: 18.10.2012).

13. http://www.aebrus.ru/application/views/aebrus/files/legalcommittee_files/US_Foreign_Corrupt_Practices_Act_RUS_(Clifford_Chance)_file_update_2010_03_22_15_49_11.pdf (data obrashcheniya: 18.10.2012).

14. Mukhametshin R. Komplaens: tseli, zadachi i postroenie sistemy (Compliance: targets, objectives and system formation), *Finansovaya gazeta*, 2011, No. 33, p. 15.

15. Kozyreva N.A. Kontrol' predotvrashcheniya nepravomernykh platezhei (Control over preventing illegal payments), *Vnutrennii kontrol' v kreditnoi organizatsii*, 2011, No. 1, pp. 68–72.

16. *Vnedrenie Mezhdunarodnykh standartov finansovoi otchetnosti (MSFO) v kreditnoi organizatsii* (Introducing the International standards of financial reports in a credit organization), 2006, No. 4.

17. Aleksandrova I.A. Vzyatochnichestvo po zakonodatel'stvu Velikobritanii i Rossii. St. № 2. Ugolovnaya otvetstvennost' za vzyatochnichestvo: poisk optimal'nogo reglamenta (Bribery in the legislations of Great Britain and Russia. Article 2. Criminal responsibility for bribery: search for optimal regulation), *Rossiiskii sledovatel'*, 2011, No. 22, pp. 36–40.

18. Al'bion na lapu ne daet (Albion does not bribe), *Rossiiskaya Biznes-gazeta*, 2011, 20th February.

19. Genprokuratura trebuet vvesti kontrol' nad raskhodami (Prosecutor's General Office demands to introduce control over expenses), *Nezavisimaya gazeta*, 2011, 31th August.

20. http://transparency.org.ru/indeks-vziatkodatelei/iv-2006. (data obrashcheniya: 22.10.2012).

21. Walmart boretsya s korruptsiei (Walmart struggles against corruption), *"Expert Online»*, 2012, 26th April.

22. Zakon o vneshnei korruptsii SShA (). URL: http://internationalcommentary.blogspot.com/2009/03/blog-post.html (data obrashcheniya: 24.10.2012).

23. Luneev V.V. *Prestupnost' XX v.: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* (Crime in the 20th c: world, regional and Russian trends). Moscow: Volters Kluver, 2005, p. 515.

24. http://www.foreign-corrupt-practices-act.org. (data obrashcheniya: 25.10.2012).

25. Perkins Dzh. *Ispoved' ekonomicheskogo ubiitsy* (Confession of economy killer). Moscow, Al'pina Biznes Buks, 2004, p. 4

Information about the author

Salov Andrey Vladimirovich, post-graduate student, Russian Law Academy of the Ministry of Justice
Address: 2 Azovskaya Str., block 1, 117638, Moscow
E-mail: Red4880@yandex.ru

УДК 341:343.9

Н.Н. ТУРЕЦКИЙ,

доктор юридических наук, председатель Союза криминологов Казахстана им. Елегена Каиржанова, директор

НИИ государства и права им. Г. Сапаргалиева (г. Астана, Казахстан)

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается борьба с коррупцией в Республике Казахстан и опыт профилактики коррупционных правонарушений ее ближайших соседей-партнеров (Россия, Китай). Предлагаются общие правовые меры, направленные на сдерживание коррупции в Казахстане.

Ключевые слова: антикоррупционная политика; индекс коррумпированности; индекс противодействия; индекс восприятия коррупции.

В последние годы коррупция обрела международный характер и является проблемой как для развитых государств, так и для стран с низким уровнем развития экономики. Так, международные организации (ООН, ОБСЕ, Совета Европы и другие) разрабатывают и принимают программы по борьбе с коррупцией, Республикой Казахстан принят Закон от 4 мая 2008 г. № 31-IV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции».

Коррупция – это социальное зло – проблема одинаково актуальная как для развитых государств, так и для государств с более низким уровнем экономического развития. Не случайно авторитетные международные организации – ООН, ОБСЕ, Совет Европы и другие – озабочены разработкой и принятием эффективных программ борьбы с этим деструктивным явлением. Казахстан, ратифицировавший в 2008 г. Конвенцию ООН против коррупции, – не исключение. В своем нынешнем Послании народу Казахстана глава государства акцентировал внимание на необходимости выработки новой стратегии борьбы с коррупцией, поиска новых правовых механизмов и информационных возможностей, более широкого привлечения ресурсов общества для предупреждения и профилактики коррупционных нарушений. Значительная часть государств мира накопила достаточный опыт в этом направлении и достигла существенных результатов снижения уровня коррупционных проявлений.

Россия. По данным ученых России, 15% чиновников никогда и ни при каких обстоятельствах не возьмут взятку, 15% – вне зависимости от степени тяжести наказания все равно будут брать взятки и 70% чиновников – это колеблющаяся составляющая. Именно на данный круг субъектов должна быть направлена антикоррупционная политика.

Необходимо учитывать положительный российский опыт. Заместитель председателя комитета по безопасности и противодействию коррупции Государственной Думы РФ Э.А. Валеев обратил внимание на необходимость завершения внедрения бесконтактных технологий оказания публичных государственных услуг населению; подготовки законопроекта о контроле за расходами лиц, занимающих государственные должности, когда расходы не соответствуют доходам, пересмотра уголовного законодательства в части ответственности взяткодателя, исключив снисходительное отношение [1].

Китай. Оправдано ли применение репрессивных и карательных мер в борьбе с коррупцией? Наглядным примером может послужить опыт Китайской Народной Республики, где практикуются публичные казни. Так, за взятку или хищение на сумму более 1 млн долларов грозит высшая мера наказания. В Китае с 2000 г. за коррупцию были расстреляны около 10 тысяч чиновников, еще 120 тысяч получили по 10–20 лет заключения[1].

Четыре года тому назад (2008 г.) Верховный суд стал пересматривать все решения судов низших инстанций, приговоривших обвиняемых к высшей мере наказания. В результате казней

[1] Российская газета – Неделя. – 2009. – № 4939 (115). – 25 июня.

в стране стало меньше. Снижение количества смертных казней в 2007 г. в два с лишним раза связывают с нововведениями в законодательстве, оставившими право приговаривать к высшей мере наказания только за Верховным судом КНР.

Даже с учетом изложенного Китай остается одной из самых коррумпированных стран мира. Следовательно, карательные меры не являются эффективным механизмом и не могут принести реальных результатов в борьбе с коррупцией при отсутствии в стране комплекса мер по противодействию ей.

Казахстан. В республике было проведено эксклюзивное исследование профессора М.В. Сандрачука на предмет эффективности антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов (НПА). Анализ показал следующие результаты. Система мер по противодействию коррупции на 72% состоит из мер уголовного преследования и только на 28% – из мер по предупреждению и профилактике, в том числе такого сегмента, как антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов.

По данным исследования, эффективность антикоррупционной экспертизы, в расчете на каждый тенге, выделенный государством на проведение антикоррупционной экспертизы (для устранения дефектов в проектах НПА), – снижение возможного ущерба на 2,2 тенге.

При этом в расчет брались данные только официальной статистики по уголовным делам от причиненного ущерба, без учета уровня латентной коррупционной преступности и ущерба от административных коррупционных правонарушений. Таким образом, можно прийти к выводу, что реальная эффективность экспертизы еще выше.

Государством должна проводиться комплексная профилактическая работа, направленная на ликвидацию условий, порождающих, провоцирующих и поддерживающих коррупцию во всех ее проявлениях. Болезнь легче предупредить, чем лечить. Наряду с карательными мерами против коррупции необходимо вводить превентивные меры. Но без участия общества нельзя победить коррупцию. В сфере противодействия коррупции существенно активизирована деятельность различных НПО, партий, ученых-правоведов, всего общества.

Для эффективного противодействия этому злу необходима консолидация общества и институтов государственной власти во всех странах мира с новыми научными изысканиями и разработками; необходимо новое осмысление понятия преступности, включая и коррупцию. Прежние подходы к определению понятия преступления являются узкими, ограниченными.

В 2008 г. совместным приказом шести госорганов утверждена Инструкция по расчету рейтинга уровня коррупции в Казахстане, который проводится ежегодно по трем позициям:

– **индекс коррумпированности** (количество осужденных, количество привлеченных к административной и дисциплинарной ответственности; количество фактов нарушений законодательства о государственных закупках);

– **индекс противодействия коррупции** (меры противодействия коррупции, прозрачность и открытость);

– **индекс восприятия коррупции** (социологические опросы, мнение со стороны).

Инструкция находится в свободном доступе в Интернете. Однако результаты рейтинга признаются полузакрытой информацией для ознакомления, с грифом «ДСП». В чем тогда значение идеи широкого привлечения общественности? Необходимо придать гласность указанному документу, а также публиковать не только указанный рейтинг, но и результаты реагирования, однозначно закрепив в обществе, в чиновничьем аппарате принцип «коррупционные действия любого характера влекут наказание» и подкреплять его реальными примерами из практики.

Профессор Р. Подопригора отмечает: «С коррупцией невозможно реально бороться с помощью конференций, статей в газетах, заклинаний и прочих подобных акций, которых сейчас неимоверное количество с нулевым результатом. К сожалению, проблема коррупции уже давно перестала быть проблемой государственного аппарата. Каждый считает, что это плохо, пока возможность коррупционного решения не затронет его проблему. Так получилось, что в нашем обществе с коррупцией жить гораздо удобней, чем без нее» [2].

Призывы к взаимодействию СМИ и НПО с государственными структурами для решения проблем коррупции формальны и на практике не выходят за рамки очередной пиар-акции [3].

Вышеуказанное можно назвать бутафорией антикоррупционной политики. О бутафорности

некоторых направлений противодействия коррупции не раз в своих научных публикациях и выступлениях отмечали российские ученые [4].

Коррупция как социальное явление продолжает существовать на современном этапе развития человечества, эволюционно приспосабливаясь к развитию общества, и для эффективного противодействия этому злу необходима консолидация общества и институтов государственной власти во всех странах мира с новыми научными изысканиями и разработками.

Для полномасштабного противодействия коррупции требуется комплексная система национальной неподкупности, которая предполагает реальный гражданский контроль в установленных законом рамках, а нетерпимое отношение к коррупции со стороны общества создаст благоприятную среду для борьбы с этим социальным злом.

В связи с важностью антикоррупционной политики в государстве целесообразно принятие не отраслевой, а государственной программы по противодействию коррупции.

Президент в своем Послании к народу Казахстана (январь, 2012 г.) признал необходимость выработки новой стратегии борьбы с коррупцией. «Надо использовать новые правовые механизмы, информационные возможности, шире привлекать общество для предупреждения и профилактики коррупционных нарушений. Надо изучить и использовать опыт других стран. Необходимо переходить к декларированию не только доходов, но и расходов государственных служащих». По словам Президента Республики Казахстан, «мы продолжим начатую бескомпромиссную борьбу с коррупцией на всех уровнях, невзирая на лица и должности, усилим ответственность не только за получение, но и за дачу взятки, а также посредничество» [5].

Партия «Нур Отан» намерена вести в масштабах всей страны общереспубликанскую информационно-пропагандистскую кампанию по формированию антикоррупционного мировоззрения и принципиальной нетерпимости к фактам коррупционного характера. Повсеместное проведение наступательной просветительской работы по повышению политико-правовой грамотности населения позволит уже в ближайшее время создать атмосферу нетерпимости к коррупции.

В заключение отметим наиболее эффективные для Казахстана меры по противодействию коррупции на современно этапе.

Необходимо активное внедрение того или иного положительного международного опыта по борьбе с коррупцией в национальную систему, что так же должно дать свои плоды. Необходимо проанализировать опыт 5–10 стран (Сингапур, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Канада и т.д.) с низким уровнем коррупции, просмотреть вариации внедрения того или иного метода в систему национальной борьбы с данным злом, скорреспондировать и, главное, выявить сущность, причину его эффективности.

Необходима разработка нового закона «О противодействии коррупции».

Необходимо принять закон «Об общественном контроле».

Список литературы

1. Валеев Э.А. Об антикоррупционных мерах в Российской Федерации // Антикоррупционная политика Республики Казахстан на современном этапе: законодательство и практика его применения: материалы Международно-практической конф., Астана, 20 апреля 2012 г. – Астана, 2012. – С. 70–78.

2. Подопригора Р.А. У нас с коррупцией жить гораздо удобнее, чем без нее. – URL: http://www.zakon.kz/top_news/4472301-roman-podoprigora-u-nas-s-korrupciejj.html

3. Домагамбетов Н. Коррупция – специфика Казахстана. – URL: http://qwas.ru/kazakhstan/akzhol-party/id_57526/

4. Данилов А.П. Бутафорность в российской уголовной политике // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 3. – С. 24–28.

5. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана». – 2012. – Январь. – URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/addresses_of_the_president_of_kazakhstan/poslanie_prezidenta_respubliki_kazahstan_na_nazarbaev

В редакцию материал поступил 21.11.12

Информация об авторе

Турецкий Николай Николаевич, доктор юридических наук, директор НИИ государства и права им. Г. Сапаргалиева, председатель Союза криминологов Казахстана им. Елегена Каиржанова

Адрес: 01000, Республика Казахстан, г. Астана, мкр.Чубары, ул. Алпамыс батыра, 23/1, тел/факс: (7172) 24 39 45 (вн. 119)
E-mail: tureckii.n@saraptama.kz

N.N. TURETSKIY,

Doctor of Law, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after Elegen Kairzhanov, Director

Scientific-Research Institute of State and Law named after G. Sapargaliyev (Astana, Kazakhstan)

MODERN ANTI-CORRUPTION POLICY OF KAZAKHSTAN

The article views the struggle with corruption in Kazakhstan republic and the experience of prevention of corruption breaches in its closest neighbors (Russia, China). The author proposes general legal measures aimed at control over corruption in Kazakhstan.

Key words: anti-corruption policy; corruption index; counteraction index; corruption perception index.

References

1. Valeev E.A. Ob antikorruptsionnykh merakh v Rossiiskoi Federatsii (On anticorruption measures in Russian Federation) *Antikorruptsionnaya politika Respubliki Kazakhstan na sovremennom etape: zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya*. Astana, 2012, pp. 70–78.

2. Podoprigora R.A. *U nas s korruptsiei zhit' gorazdo udobnee, chem bez nee* (We live mmore comfortably with corruption than without it), available at: http://www.zakon.kz/top_news/4472301-roman-podoprigora-u-nas-s-korrupciejj.html

3. Domagambetov N. *Korruptsiya – spetsifika Kazakhstana* (Corruption is a peculiarity of Kazakhstan), available at http://qwas.ru/kazakhstan/akzhol-party/id_57526/

4. Danilov A.P. Butafornost' v rossiiskoi ugolovnoi politike (Fake character of the Russian criminal policy), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2011, No. 3, pp. 24–28.

5. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazakhstan – Lidera Natsii N.A. Nazarbaeva narodu Kazakhstana "Sotsial'no-ekonomicheskaya modernizatsiya – glavnyi vektor razvitiya Kazakhstana" (Message of Kazakhstan President, the Nation's Leader N.A. Nazarbayev to the people of Kazakhstan "Social-economic modernization – the main vector of Kazakhstan development"), 2012, January, available at: http://www.akorda.kz/ru/speeches/addresses_of_the_president_of_kazakhstan/poslanie_prezidenta_respubliki_kazahstan_na_nazarbaev

Information about the author

Turetskiy Nikolay Nikolayevich, Doctor of Law, Director of Scientific-Research Institute of State and Law named after G. Sapargaliyev, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after Elegen Kairzhanov

Address: 23/1 Alpamys Batyra Str., Chubary district, 01000, Kazakhstan Republic, *Astana,* tel./fax: (7172) 24 39 45 (ext. 119)

E-mail: tureckii.n@saraptama.kz

УДК 343.9:316

И.И. ФРОЛОВА,

кандидат социологических наук, доцент

Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

В статье представлены результаты экспертного опроса методом анкетирования среди руководителей предприятий и предпринимателей г. Набережные Челны. Представленные результаты конкретизируют проблемы и формы коррупции в различных органах власти города. По результатам представлены направления антикоррупционной работы.

Ключевые слова*:* коррупция в органах власти; формы коррупции в органах власти; коррупционные действия.

В современной экономической и общественно-политической ситуации в России развитие и активное распространение коррупции оказывает негативное влияние на авторитет органов государственной и муниципальной власти, затрудняет экономическое развитие страны и снижает эффективность государственного управления.

В идеальной модели государственного управления власть должна действовать в интересах всех групп и слоев общества и быть нейтральной по отношению ко всем участникам общественных отношений. Однако на практике стремление непосредственных носителей власти обладать материальными благами приводит к нарушению формальных норм поведения и создает основу для развития коррупции [1; 2].

Получение достоверных данных о коррупции или каких-либо фактах противоправного поведения чиновников является трудной задачей. В качестве результатов эмпирических исследований чаще используются косвенные свидетельства о коррупционных правонарушениях. В связи с этим взаимодействие всех органов власти и правоохранительных органов по профилактике коррупции должно стать основой для формирования антикоррупционной системы.

В период с января по апрель 2012 г. нами был проведен экспертный опрос методом анкетирования. В качестве экспертов были привлечены руководители предприятий различных организационно-правовых форм собственности, предприниматели г. Набережные Челны.

При обработке эмпирических данных применялись статистические методы, системный анализ, использовались приемы ранжирования, типологизации, группировки.

В исследовании приняли участие 20 экспертов в возрасте от 22 до 60 лет, из них 65% – мужчины.

Большая часть респондентов (65%) имеют высшее образование, 25% – среднее профессиональное, 10% – ученую степень кандидата наук.

Среди опрошенных экспертов 85% попадали в коррупционные ситуации.

Результаты ответов на вопрос о проявлении коррупционной инициативы показали, что чаще всего (в 55% случаев) инициатива получения вознаграждения исходит от чиновников; 35% полагают, что инициаторами дачи взяток являются сами граждане, 10% участников опроса затруднились ответить.

Эксперты отмечают сложность при решении каких-либо вопросов в органах власти, в том числе муниципальных. Так, 60% респондентов отметили, что в случае попадания в коррупционную ситуацию им приходилось договариваться неформально. Остальные 40% искали возможность формального решения проблемы.

Предпринимателям в 55% случаев приходилось договариваться о решении проблемы с чиновниками за денежное вознаграждение, в 15% – за услугу, в 10% – за подарок. Единичные ответы указали на бесплатное посещение мероприятия, процедуры, исследования и т.д., предоставление льгот и скидок, а также отсутствие решения проблемы вообще.

Коррупция преобладает в различных органах власти, учреждениях, организациях. Всеми без исключения экспертами было обозначено

преобладание коррупции в налоговых органах и организациях, оказывающих услуги в сфере ЖКХ. Значительная доля коррумпированности отмечена также в строительных организациях (95%), органах противопожарного надзора (90%), Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (80%), органах местного самоуправления (75%), а также в ГИБДД, Роспотребнадзоре, Санэпидемстанции (по 70%) и Ростехнадзоре (65%).

Более половины экспертов (60%) считают коррумпированным Набережночелнинский городской суд, 55% опрошенных указывают на коррупцию в органах внутренних дел (за исключением ГИБДД). Меньше всего, по мнению экспертов, коррупция отмечается в органах прокуратуры и в службе судебных приставов – 25% и 20% соответственно.

В ходе исследования были выявлены ситуации, при которых наиболее часто совершаются коррупционные правонарушения. Так, все респонденты считают, что коррупционная составляющая существует при согласовании разрешения на строительство, ремонте объектов недвижимости и дорог. Большинство опрошенных также обозначили такие ситуации возникновения коррупционных правонарушений при проверках пожарной инспекции, налоговых органов, Ростехнадзора, Санэпидемстанции, Роспотребнадзора; распределении государственных контрактов; оформлении документов различного назначения в государственных или муниципальных органах власти; регистрации права собственности на недвижимость.

Коррупция в органах власти может проявляться в различных формах. Все эксперты отметили, что чиновники пользуются льготами, скидками и т.д. от различных предприятий; активно содействуют, используя служебное положение, фирмам, в которых имеют долю прибыли (или фирма принадлежит родственнику). Подавляющее большинство респондентов считают, что чиновники принимают подарки (сотовые телефоны, фотоаппараты, компьютеры, планшеты и др.), имеют денежное вознаграждение за подпись (например, согласование на разрешение строительства) и проводят манипуляции с государственными заказами за откаты – 95%, 90% и 80% соответственно. 65% экспертов в качестве одной из форм коррупционных действий выделяют покупку чиновником на государственные деньги дорогих товаров для личного пользования, 60% обращают внимание на то, что в программах поддержки бизнеса чаще участвуют люди, близкие к окружению чиновников.

Почти половина экспертов (45%) отметили наличие скрытой формы коррупции (например, благодарность родственника чиновника). Единичные ответы указывали на такие формы коррупции, как получение бесплатного лечения в коммерческих клиниках, предоставление бесплатной туристической путевки.

Сложившая ситуация обусловлена несколькими причинами. Так, с точки зрения большинства респондентов (95%), коррупция процветает из-за несовершенства законов, которые содержат двусмысленные нормы, провоцирующие коррупцию; 75% отмечают безнаказанность взяточничества и коррумпированность руководителей всех уровней управления; 70% экспертов обозначили причиной коррупции отсутствие механизма контроля над расходованием бюджетных средств, а также низкую заработную плату чиновников; 45% опрошенных указали на круговую поруку взяточников.

Результаты оценки экспертами степени регламентации действий чиновников показали, что деятельность чиновников регламентирована настолько, насколько это необходимо. Так, было отмечено, что в основном сотрудники действуют самостоятельно (40%); 35% участников исследования полагают, что действия чиновников регламентированы, но регламент ими не соблюдается; 25% отметили регламентацию действий чиновников с несоблюдением по временным параметрам.

Экспертами была проведена оценка эффективности антикоррупционных мер в г. Набережные Челны. 50% опрошенных оценили эффективность мер ниже среднего уровня, 40% отметили средний уровень эффективности принимаемых мер.

Среди рекомендаций по снижению коррупции экспертами были предложены следующие меры:

– ужесточение наказания за коррупцию и полный запрет на занятие деятельностью в государственных и муниципальных органах власти при возникновении факта коррупционного правонарушения (100%);

– усиление контроля за расходами чиновников, членов их семей и родственников (85%);

– деперсонализация взаимодействия чиновников с гражданами (электронное правительство и т.д.) – 80%;

– создание независимого от руководства муниципального образования органа по борьбе с коррупцией (70%).

Эксперты считают, что внедрение в органах власти системы ротации должностных лиц и повышение вознаграждения и социальных гарантий чиновникам являются недостаточно эффективными мерами в борьбе с коррупцией.

Экспертами была дана субъективная характеристика чиновников. Только 15% респондентов отметили, что чиновники работают строго по закону, 10% опрошенных считают чиновников порядочными и честными людьми. Остальные участники опроса считают, что чиновники хотят получать деньги не за выполнение своих обязанностей, а за то, что поставлена нужная подпись, и постоянно ищут способы дополнительного обогащения.

Последствия коррупционных правонарушений очень серьезные. Власть должна обратить внимание на то, что в условиях существующей коррупционной составляющей 25% предпринимателей могут закрыть свой бизнес в России, что повлечет за собой уменьшение поступления налогов. 20% респондентов могут уйти в оппозицию (участие в митингах, пикетах, активные коммуникации в социальных сетях), что повлечет за собой рост социальной напряженности. Необходимо отметить, что 40% опрошенных попытаются «встроиться» в эту систему (примут правила игры, будут давать взятки). Это можно объяснить тем, что проявление коррупции является исторически сложившимся явлением: подкуп административного лица являлся традицией, менялись формы взяточничества, но злоупотребление властью сохранялось.

Таким образом, результаты экспертного опроса конкретизируют проблемы коррупции в различных органах власти г. Набережные Челны и могут послужить основой для коррекции программ по преодолению коррупции. Необходимо в рамках антикоррупционных программ выделить отдельное направление по взаимодействию государственных и муниципальных органов власти с правоохранительными органами. Перспективным направлением антикоррупционной работы является разработка ведомственных или отраслевых программ по противодействию коррупции, поскольку специфика коррупционных преступлений различна. Кроме этого, предлагается постоянно проводить мониторинг результатов исследования в динамике и обсуждать результаты с органами муниципальной власти. Следует обеспечить широкое и открытое обсуждение в обществе и, в частности, в сети Интернет проблемы коррупции, результатов опросов. Проведение информационной кампании может осуществляться путем проведения круглых столов, прямых линий с представителями органов власти, пресс-конференций, публикации научных результатов исследований в СМИ и т.д.

Список литературы

1. Claudio Ferraz, Frederico Fina: Electoral Accountability and Corruption in Local Governments: Evidence from Audit Reports, 2007.

2. Edgardo Buscaglia, Jan van Dijk: Controlling organized crime and Corruption in the public sector, 2003. – URL: http://www.unodc.org/pdf/crime/forum/forum3_Art1.pdf

В редакцию материал поступил 26.10.12

Информация об авторе

Фролова Ирина Ивановна, кандидат социологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой интегрированных систем менеджмента, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423822, г. Набережные Челны, Набережночелнинский пр-т, 31, тел.: (8552) 58-92-75, 58-92-91

E-mail: fii@mail.ru

I.I. FROLOVA,

PhD (Sociology), Associate Professor

Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

CORRUPTION IN AUTHORITIES BODIES: RESULTS OF EXPERT POLL

The article presents the results of a questionnaire poll among the heads of enterprises and entrepreneurs of Naberezhniye Chelny city. The presented results specify the problems and forms of corruption in different authority bodies of Naberezhniye Chelny city. Directions of anti-corruption work are described according to the presented results.

Key words: corruption in different authority bodies; forms of corruption in different authority bodies; corruption activities.

References

1. Claudio Ferraz, Frederico Fina: Electoral Accountability and Corruption in Local Governments: Evidence from Audit Reports, 2007.

2. Edgardo Buscaglia, Jan van Dijk: Controlling organized crime and Corruption in the public sector, 2003, available at: http://www.unodc.org/pdf/crime/forum/forum3_Art1.pdf

Information about the author

Frolova Irina Ivanovna, PhD (Sociology), Associate Professor, Vice Head of the Chair of Integrated Management Systems, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 31 Naberezhnochelninskiy Prospect, 423822, Naberezhniye Chelny, tel.: (8552) 58-92-75, 58-92-91

E-mail: fii@mail.ru

УДК 343.9:343.3

А.А. ХАЙДАРОВ,
кандидат юридических наук
Казанский юридический институт МВД России

УСЛОВИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СУДЕЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ПО ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

В статье речь идет о судейском произволе и субъективизме судей, допускаемых на стадии судебного следствия уголовного судопроизводства России. Рассматриваются вопросы ответственности судей за допускаемый при этом произвол; исследуются условия коррупционного поведения судей при производстве в суде первой инстанции.

Ключевые слова*:* судейский произвол; судейский субъективизм; коррупция.

Вопросы пределов судейского усмотрения и судейского произвола тесно связаны с проблемами коррупции в деятельности судей при рассмотрении уголовных дел. Соблюдаемые при производстве по уголовному делу пределы судейского усмотрения позволяют предупреждать судейский субъективизм и произвол, а также не оставляют условий для коррупционной деятельности судьи (судей).

В литературе подчеркивается, что уже сам выход за пределы разрешаемого законом судейского усмотрения (за сферу юридического воздействия права) есть судейский произвол [1]. Такую же точку зрения еще в начале прошлого века высказывал известный процессуалист П.И. Люблинский [2]. Необходимо обратить внимание на то, что возможность произвола заключается уже в самой норме права. Д.Ю. Шапсугов отмечает, что в общеобязательных правилах поведения, как показывает история нормативного регулирования общественных отношений, закрепляется не только право, но и обязанности, не только свобода, но и произвол, не только справедливость, но и безответственность [3]. Ю.В. Грачева [4] и Д.Б. Абушенко [5], вероятно, правы, утверждая, что судебный произвол может иметь место и в тех случаях, когда совершаемое судом процессуальное действие находится в формальных рамках закона, но вступает в противоречие с его смыслом. Пожалуй, и это утверждение тоже нуждается в уточнении.

Судейским произволом, по нашему мнению, могут быть названы только осознанные, т.е. умышленные действия или решения судьи, явно выходящие за пределы судейского усмотрения, причиной которых в основном является коррупционная заинтересованность судей.

В соответствии с процессуальным законом судья не только совершает определенные процессуальные действия по своему усмотрению, но и принимает соответствующие процессуальные решения. Эти действия и решения могут быть необоснованными, нецелесообразными, несправедливыми и противоречащими нормам общественной нравственности, что в таких случаях характеризует их как судейский произвол.

Судейским произволом, по нашему мнению, следует считать осознанно совершаемые процессуальные действия либо принимаемые процессуальные решения по усмотрению судей, которые ущемляют права и законные интересы участников уголовного процесса со стороны обвинения и (или) защиты, противоречат назначению уголовного судопроизводства, причиной которых чаще является их коррупционная заинтересованность.

Одной из причин судейского произвола иногда является личная заинтересованность судьи в быстрейшем рассмотрении уголовного дела в ущерб предусмотренным в уголовном процессе гарантиям.

В целях пресечения и устранения случаев произвола процессуальная деятельность судьи (суда) контролируется вышестоящими судебными инстанциями. Решение судьи в случаях нарушения им закона может быть отменено или изменено в апелляционном, кассационном либо надзорном порядке.

Судья, допустивший судейский произвол, может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Так, согласно ст. 12.1 Федераль-

ного закона «О статусе судей» от 26 июня 1992 г. № 3132-1 за совершение дисциплинарного проступка на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание: предупреждение; досрочное прекращение полномочий судьи.

Под дисциплинарным проступком понимаются грубые и систематические нарушения норм УПК и норм Кодекса судейской этики, повлекшие волокиту при рассмотрении судебных дел, ущемление прав и законных интересов граждан, причинение ущерба авторитету судебной власти и званию судьи, а также дисциплинарные проступки, не связанные с рассмотрением судебных дел, с отправлением правосудия.

При решении вопроса о досрочном прекращении полномочий судьи факт наличия судейского произвола должен быть подтвержден вступившим в законную силу обвинительным приговором суда в отношении судьи, действия которого были квалифицированы по ст. ст. 286, 290, ч.ч. 2 и 3 ст. ст. 301, 304, 305 УК РФ.

О наличии в судебной практике фактов судейского произвола свидетельствует то, что только в 2006 г. к дисциплинарной ответственности было привлечено 356 судей и руководителей судов общей юрисдикции, в 2007 г. – 409, в 2008 г. – 301. По названным выше статьям УК РФ в 2006 г. осуждены 5 человек, ранее занимавших судейские должности, в 2008 г. – 2[1].

Важным средством предупреждения судейского произвола и коррупционной деятельности судейского корпуса является коллегиальное рассмотрение уголовных дел [7]. А.А. Тарасов убедительно показал, что расширение коллегиальных начал в отечественном уголовном процессе, в частности, привлечение народных заседателей, рассмотрение большего количества дел судом присяжных и коллегией судей профессионалов создаст действенные гарантии от единоличного произвола судьи [8]. Тот же автор обращает внимание на необходимость закрепления в УПК коллегиальных начал при рассмотрении уголовных дел, что вытекает из потребности в повышенной правовой защите государственных, общественных и частных интересов, в создании особых гарантий от принятия неверных юридически значимых решений, в том числе и от единоличного властного произвола.

Привлечение к участию в правосудии представителей общества позволяет преодолеть корпоративную замкнутость судейского корпуса. Как известно, корпоративность является плодотворной почвой для взяточничества и «кумовства» в судебной системе [8, с. 18]. Участие народного элемента в суде в случае эффективного функционирования соответствующих правовых институтов – это ощутимый сдерживающий фактор от коррумпирования правосудия [8, с. 255].

Положения о привлечении народных заседателей к отправлению правосудия по уголовным делам в судах общей юрисдикции в первоначальной редакции УПК РФ 2001 г. были сохранены. Однако Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ указанные положения были из УПК РФ исключены. Существенное расширение оснований для единоличного правосудия и прекращение действия института народных заседателей привели к тому, что вопросы влияния на результаты деятельности судьи нравственных принципов и норм приобретают особое значение.

Таким образом, в современных условиях можно говорить о проблеме нейтрализации отрицательных последствий профессионализма судьи, его коррупционной деятельности в условиях состязательного процесса. Если вопрос о сужении сферы обвинительного уклона при коллегиальном рассмотрении уголовного дела в литературе уже исследовался [9], то вопросы ответственности за допущенные нарушения в ходе судебного следствия рассматривались недостаточно подробно.

Основная масса уголовных дел по первой инстанции в федеральных районных судах и судах областного звена рассматривается единолично судьей.

Судами общей юрисдикции по первой инстанции в стране в 2007 г. рассмотрено 1 млн 185 тыс. уголовных дел в отношении 1 млн 300 тыс. подсудимых. С участием присяжных заседателей рассмотрено в 2007 г. только 606 дел (меньше на 100 дел по сравнению с 2006 г.). В 2007 г. в федеральных районных судах тремя профессиональными судьями, т.е. коллегиально, рассмотрено только 812 дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, что составляет 0,1% от общего

[1] Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2009. – № 2(20).

числа уголовных дел, оконченных производством. В судах областного звена – 2,9% (127 дел) от общего числа дел, оконченных производством. Доля дел, рассмотренных судами общей юрисдикции по первой инстанции коллегиально, составляет всего 0,05%, а судами общей юрисдикции областного звена – 14% к числу рассмотренных дел по первой инстанции.

В 2008 г. судами общей юрисдикции по первой инстанции рассмотрено 1 млн 166 тыс. уголовных дел в отношении 1 млн 809 тыс. лиц. В федеральных районных судах в названном году коллегиально рассмотрено только 818 дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, что составляет 0,1% от общего числа дел, оконченных производством, а в судах областного звена коллегиально рассмотрено лишь 62 дела (1,7%) от общего числа дел, оконченных производством. С участием присяжных заседателей в 2008 г. рассмотрено 536 дел.

В 2009 г. в суды общей юрисдикции по первой инстанции поступило 1 млн 102 тыс. дел. С участием присяжных заседателей рассмотрено 607 дел. В федеральных районных судах в данном году коллегиально рассмотрено 713 дел, что составляет 0,1% от общего числа дел, оконченных производством. В судах областного звена только 64 дела рассмотрены коллегией из трех федеральных судей.

В 2010 г. судами общей юрисдикции по существу рассмотрено 1 млн. 34 тыс. уголовных дел и всего 581 уголовных дел с участием присяжных заседателей. В федеральных районных судах в 2010 г. рассмотрено коллегиально 731 дело. В судах областного звена только 70 дел рассмотрены коллегией из трех федеральных судей. В первом полугодии 2011 г. в суды общей юрисдикции поступило 510, 5 тыс. уголовных дел. Из них только 256 уголовных дел рассмотрены по существу с участием присяжных заседателей.

Единоличное рассмотрение дела, безусловно, более мобильно и скоротечно, нежели рассмотрение уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей.

Однако при этом существует опасность субъективизма, произвола и коррупции со стороны судей, единолично рассматривающих уголовные дела, судей что, в свою очередь, угрожает национальной безопасности.

Таким образом, можно выделить следующие условия коррупционного поведения судьи: бесконтрольность процессуальной деятельности суда (судьи) в рамках судебного заседания, отсутствие возможности обжалования многих процессуальных решений, принимаемых в ходе судебного следствия, расширяющиеся пределы судейского усмотрения при принятии процессуальных решений и производстве судебных действий на этапе судебного следствия, законом предусмотрена возможность принятия окончательного процессуального решения без проведения исследования обстоятельств дела и т.д.

Список литературы

1. Берг Л.Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 111.

2. Люблинский П.И. Основания судейского усмотрения в уголовных делах: доклад для Киевского съезда Русской группы Международного союза криминалистов // Журнал Министерства юстиции. – 1904. – С. 3.

3. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. – М.: Юрист, 2003. – С. 485.

4. Грачева Ю.В. Судейское усмотрение в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 28.

5. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском процессе: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 139–155.

6. Хайдаров А.А. Особенности судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 2 (22). – С. 237–243.

7. Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. – С. 5, 18, 252, 255, 262.

8. Багаутдинов Ф.Н. Производство в суде присяжных: учеб. пособие. – Казань: Изд-во «Познание» ИУЭП, 2006. – С. 28.

В редакцию материал поступил 02.08.12

Информация об авторе

Хайдаров Альберт Анварович, кандидат юридических наук, старший преподаватель, Казанский юридический институт МВД России

Адрес: 420108, г. Казань, ул. Магистральная, 35, тел.: (843) 278-72-71

E-mail: skywriter_al@mail.ru

A.A. KHAIDAROV,

PhD (Law)

Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Home Affairs

CONDITIONS OF JUDGES' CORRUPT BEHAVIOR AT ORIGINAL JURISDICTION OF CRIMINAL CASES

The article deals with judges' arbitrary rule and subjectivism, which occur at the stage of court investigation in the Russian criminal court procedure. The issues of the judges' responsibility for arbitrary rule are discussed; the conditions of the judges' corrupt behavior are investigated at original jurisdiction.

Key words: judges' arbitrary rule; judges' subjectivism; corruption.

References

1. Berg L.N. *Sudebnoe usmotrenie i ego predely (obshcheteoreticheskii aspekt)* (Judicial discretion and its limits (general theoretical aspect)). Ekaterinburg, 2008, p. 111.

2. Lyublinskii P.I. Osnovaniya sudeiskogo usmotreniya v ugolovnykh delakh: doklad dlya Kievskogo s"ezda Russkoi gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov (Bases for judicial discretion in criminal cases: report for the Kiev Assembly of the Russian group of the International Union of Criminologists), *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1904, p. 3.

3. Shapsugov D.Yu. *Problemy teorii i istorii vlasti, prava i gosudarstva* (Issues of theory and history of power, law and state). Moscow: Yurist, 2003, p. 485.

4. Gracheva Yu.V. *Sudeiskoe usmotrenie v ugolovnom prave* (Judicial discretion in criminal law). Moscow, 2002, p. 28.

5. Abushenko D.B. *Sudebnoe usmotrenie v grazhdanskom protsesse* (Judicial discretion in civil procedure). Moscow, 2002, pp. 139–155.

6. Khaidarov A.A. Osobennosti sudebnogo sledstviya v sude s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei (Features of judicial investigation in jury trial), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, No. 2 (22), pp. 237–243.

7. Tarasov A.A. *Edinolichnoe i kollegial'noe v ugolovnom protsesse: pravovye i sotsial'no-psikhologicheskie problem* (Sole and collegiate in criminal procedure: legal and social-psychological issues). Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2001, pp. 5, 18, 252, 255, 262.

8. Bagautdinov F.N. *Proizvodstvo v sude prisyazhnykh* (Procedure in jury trial). Kazan: Izd-vo "Poznanie" IUEP, 2006, p. 28.

Information about the author

Khaidarov Albert Anvarovich, PhD (Law), Senior Lecturer, Kazan Juridical Institute of the Russian Ministry of Home Affairs
Address: 35 Magistral'naya Str., 420108, Kazan, tel.: (843) 278-72-71
E-mail: skywriter_al@mail.ru

УДК 343.9

Д.К. ЧИРКОВ,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва,

Л.В. ОЛЕЙНИК,
советник
Правовое управление Департамента земельных ресурсов г. Москвы

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются вопросы коррупционной составляющей в сфере земельного законодательства. Анализируются основные схемы совершения правонарушений в данной сфере на конкретных примерах. Подробно рассматриваются основные проблемные участки в земельном секторе не только на территории России, но и зарубежных стран. Также предлагаются пути решения для искоренения коррупции в земельном секторе.

Ключевые слова: земельный участок; объект гражданского оборота; коррупция; получение взятки; административная коррупция; политическая коррупция.

Земельный участок относится к одним из самых высоколиквидных объектов недвижимого имущества, который, при комплексном и грамотном подходе, дает возможность усилить позиции на рынке и заложить основу под будущие проекты. В тоже время земельные участки являются «лакомым куском» для разного рода мошенников, а также представителей органов государственной власти, местного самоуправления, способствующих реализации коррупционных схем.

К наиболее характерным теневым схемам совершения правонарушений в сфере земельных отношений относится взяточничество и превышение служебных полномочий при формировании и последующем распоряжении земельными участками, которое заключается в следующем:

– предоставление земельных участков в нарушение норм действующего законодательства (например, на бесконкурсной основе, в случае если процедура торгов является обязательной);

– перевод земель из одной категории в другую, не предусмотренную для данных целей с последующим предоставлением в собственность соответствующих лиц (например, перевод земель сельскохозяйственного назначения в категорию земель населенных пунктов);

– покровительство лиц, а также «закрытие глаз» на их действия по незаконному использованию земельных участков (например, нецелевое использование или самовольное занятие земельных участков).

Вышеперечисленные действия соответствующих лиц являются основными при реализации схем с коррупционной составляющей.

Коррупция в земельном секторе сравнима с клещом, который впивается глубоко под кожу и поражает ближайшие слои эпидермиса, и в случае неконтролируемого упущения может привести к печальному исходу. Но если вовремя принять меры по предотвращению «укуса», пагубных последствий не возникнет, либо они, по крайней мере, будут сведены к минимуму.

Коррупцию можно рассматривать через призму двух основных форм: административную коррупцию [1] и политическую [2] на уровне представителей органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Административная коррупция выражается в форме взяточничества за предоставление различных услуг в земельной сфере, таких как:

– регистрация права собственности объектов, не относящихся к объектам недвижимого имущества (объектов некапитального строительства), с целью последующей приватизации земельного участка в соответствии со ст. 36 Земельного кодекса Российской Федерации;

– кадастровый учет земельного участка в «нужных границах»;

– изменение разрешенного и целевого использования земельного участка для последующего извлечения прибыли и т.д.

Данный вид коррупции зачастую процветает в регионах страны, где открытость и контроль за действиями чиновников минимизированы по сравнению со столицей.

Типичным примером является арест 17 апреля 2012 г. главы администрации Конаковского района Тверской области Виктора Крысова, задержанного в Москве по обвинению в получении взятки. По версии следствия, чиновник запросил у одного из московских бизнесменов 1,5 млн долларов за возможность получить участок в 8 га земли у Иваньковского водохранилища в Тверской области, рядом с президентской резиденцией «Русь» (Завидово). Еще осенью 2010 г. столичный предприниматель заявил, что в 2008 г. оформил в долгосрочную аренду у тверской предпринимательницы участок размером 8 га, начав строить там дом отдыха. Через два года, решив выкупить участок, обратился к местным чиновникам с соответствующим волеизъявлением. Однако местные чиновники якобы заявили бизнесмену о невозможности оформления участка в собственность, в связи с ошибочным изначально оформлением земли на тверскую предпринимательницу, указав, что земельный участок принадлежит администрации. А значит, возведенные постройки на участке являются незаконными, впрочем, как и непосредственное его использование. В ходе разговора чиновники якобы заявили, что могут решить все проблемы с землей за взятку в 2,8 млн долларов, впоследствии снизив размер до 1,5 млн долларов.

Благодаря бдительности бизнесмена данная коррупционная деятельность чиновников была успешно пресечена оперативниками ГУ МВД по ЦФО [3].

Политическая коррупция направлена на извлечение выгоды от использования земельных участков в выгодном варианте для того или иного чиновника или группы лиц с учетом предоставленных им должностных полномочий.

Наглядно признаки политической коррупции прослеживаются в широко известном деле «Интеко». Согласно межправительственным соглашениям между СССР, Индией, КНР и Республикой Куба от 1977–1984 гг., участки земли площадью 16 га, расположенные в нынешнем Западном округе Москвы, предназначались под застройку дипломатических миссий. Однако по каким-то причинам участки не использовались по прямому назначению, а находились в распоряжении подмосковного совхоза «Матвеевское». Право собственности «Матвеевского» на участки в 2003 г. было зарегистрировано с нарушением. Глава администрации Одинцовского района выдал свидетельство о праве собственности, но представленные на оформление собственности документы не были проверены должным образом.

Впоследствии эти земли приобрело ООО «Территориальная дирекция «Сетуньская», которое принадлежит главе «Интеко». Другое ООО «Территориальная дирекция «Волынская», также принадлежащее Батуриной, приобрело соседние участки. Таким образом, они получили в собственность около 58 га земли. А в 2009 г. «Интеко» объявило, что эти земли проданы в счет погашения долга, но покупателя не называло. За счет этих средств компания погасила долги перед кредиторами. При этом, как установили проверяющие, фактическим хозяином уже проданной земли, застройщиком и выгодоприобретателем при реализации проектов на ней осталось «Интеко».

Примечательно в части проявления политической коррупции, что главой «Интеко» является Елена Батурина, супруга экс-мэра Юрия Лужкова. Распоряжение Правительства Москвы о проектировании и строительстве на вышеупомянутых земельных участках многофункционального комплекса «Сетунь-Хиллс» было подписано в 2008 г. Юрием Лужковым.

В свою очередь, на региональном уровне ярким примером политической коррупции является дело о выделении участков под дачи на Бородинском поле. 24.09.2012 Можайским городским судом бывшая глава поселения Бородинское Майя Склюева приговорена к 5 годам лишения свободы за незаконное выделение земельных участков под дачное строительство на Бородинском поле. По данным следствия, М. Склюева подделала свидетельства о регистрации собственности на четыре участка, оформив их на своих ближайших родственников: мать и мужа. Кроме того, глава поселения незаконно приняла решения об изменении разрешенного вида использования десяти участков, в результате чего 38 га предназначались под дачное строительство [4].

При проверке следователями более ста похозяйственных книг был выявлен круг лиц – жителей Можайского района, владеющих земельными

участками с 1993 г. По результатам проведенной почерковедческой экспертизы было выявлено, что М. Склюева сфальсифицировала подписи главы Бородинского сельсовета в свидетельствах о праве собственности на упомянутые участки.

Вышеперечисленные схемы – это только единичные примеры происходящей действительности в стране. Россия не единственная страна, в которой земельный удел является соблазном для некоторых представителей властей.

В Мексике, например, взятки чиновникам, в чьем ведении находится распоряжение земельными участками, оказались в числе 10 наиболее распространенных проявлений коррупции. В Бангладеш ситуация оказалось еще плачевнее. Там они оказались в числе трех самых распространенных проявлений коррупции. При этом размеры взяток, которые отплачивают чиновникам, оказались самыми большими. Министерство земельных ресурсов Кении оказалось в четверке наиболее коррумпированных правительственных учреждений этой страны. Согласно высказываниям председателя антикоррупционного комитета Казахстана, Алматинская земельная инспекция признана самой коррупционной после сферы госзакупок. Таких примеров можно привести множество. Это повсеместная проблема стран в основном с переходным периодом развития.

Как недавно было отмечено президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, главной причиной коррупции является закрытость и непрозрачность. По заявлению президента, действующая система землепользования устарела, необходимо создать «прозрачную и удобную для бизнеса и граждан модель». «Должно быть четкое понимание того, где и что можно строить, какие есть ограничения по использованию того или иного участка» [5], – пояснил Путин и предложил сформировать единый открытый информационный ресурс о земельных участках.

Безусловно, создание открытого доступа к информационному ресурсу поспособствует в преодолении искоренения коррупции в земельном секторе. Обладание сведениями о том или ином земельном участке, а также открытость действий по предоставлению услуг в данной сфере позволит сократить возможность применения различных теневых схем ввиду публичности данного процесса. Начало уже положено, с недавних пор на сайте Управления Росреестра по Москве мы можем наблюдать публичные кадастровые карты земельных участков, где в свободном доступе можно получить некоторые основные сведения о земельных участках, такие как: кадастровый номер, площадь, сведения о зарегистрированных правах на участок. На сайте Департамента земельных ресурсов города Москвы предусмотрена возможность самостоятельного контроля за готовностью испрашиваемого выпуска документа по предоставлению установленной регламентом услуги.

Отсутствие даже самой элементарной информации о земельном участке как объекте гражданского оборота в открытом доступе, низкий уровень информированности населения, неконтролируемое использование, неэффективное распоряжение, перераспределение земельных участков региональными органами власти приводит в итоге к подрыву социальной стабильности, падению экономического роста страны в целом.

В свою очередь развитие, усовершенствование существующих начал публичности влечет за собой необходимость выработки единого подхода с утвержденными нормативами по формированию и предоставлению земельных участков различных категорий с целью исключения принятия «творческого» решения чиновническим аппаратом по реализации того или иного земельного участка для «избранных» лиц, в том числе устранения существующих противоречий норм законодательства субъектов Российской Федерации по отношению к федеральному для отсутствия соблазна использовать данную «лазейку» в реализации прав на земельные участки.

Список литературы

1. Что стоит за «загребущей рукой» правительства в переходном периоде // «Трансформация» (Издание ЕБРР/ Всемирного банка и Института Уильяма Дэвидсона). – Киев, 2000. – № 2–3.

2. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков. – М., 2008.

3. URL: http://www.mvd.ru/news/show_92259

4. К 5 годам заключения приговорена экс-чиновник по делу о незаконном выделении участков под дачи на Бородинском поле. – URL: http://www.ntv.ru/novosti/339957/#ixzz29X8uKkHa

5. URL: http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=E7enQ8zprdt0%3D+ZcRkX1jFlck%3D

В редакцию материал поступил 18.10.12

Информация об авторах

Чирков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва

Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 256-15-65

E-mail: Dk8888@mail.ru

Олейник Людмила Васильевна, советник, Правовое управление Департамента земельных ресурсов г. Москвы

Адрес: 115054, Москва, ул. Бахрушина, 20, тел.: (495) 959-19-55

E-mail: oleynik_lv@mail.ru

D.K. CHIRKOV,

PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher

Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow,

L.V. OLEYNIK,

Counselor of the Law Office of the Department of land resources, Moscow

CORRUPTION COUNTERACTION IN THE SPHERE OF LAND RELATIONS

The article views the issues of corruption constituent in the sphere of land legislation. The basic patterns of committing crimes in this sphere are analyzed on certain examples. The main problem zones in the land managing sector in Russia and abroad are viewed in detail. Certain ways of solving problems with corruption in land sector are suggested.

Key words: ground area; object of civil circulation; corruption; bribery; administrative corruption; political corruption.

References

1. Chto stoit za "zagrebushchei rukoi" pravitel'stva v perekhodnom periode (What is standing behind the "greedy paw" of the government in transition period), *"Transoformatsiya"* (Izdanie EBRR/Vsemirnogo banka i Instituta Uil'yama Devidsona), Kiev, 2000, No. 2–3.

2. Kabanov P.A., Raikov G.I., Chirkov D.K. *Politicheskaya korruptsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti na rubezhe vekov* (Political corruption under reforming the Russian statehood at the verge of centuries). Moscow, 2008.

3. http://www.mvd.ru/news/show_92259

4. *K 5 godam zaklyucheniya prigovorena eks-chinovnik po delu o nezakonnom vydelenii uchastkov pod dachi na Borodinskom pole* (Ex-official is sentences to 5 years of prison for illegal allocating land for summer houses on Borodinskoye Pole), available at http://www.ntv.ru/novosti/339957/#ixzz29X8uKkHa

5. http://www.newsfiber.com/p/s/h?v=E7enQ8zprdt0%3D+ZcRkX1jFlck%3D

Information about the authors

Chirkov Dmitriy Konstantinovich,, PhD (Law), Senior Researcher, Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow

Address: 15 2nd Zvenigorodskaya Str.,123022, Moscow, tel.: (499) 256-15-65

E-mail: Dk8888@mail.ru

Oleynik Lyudmila Vasilyevna, Counselor of the Law Office of the Department of land resources, Moscow

Address: 20 Bakhrushina Str., 115054, Moscow, tel.: (495) 959-19-55

E-mail: oleynik_lv@mail.ru

УДК 343.9

А.М. ШЕВЦОВ,
кандидат психологических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИЧИН КОРРУПЦИОННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОШИБКАМИ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

В статье рассматривается опосредованное влияние ошибок управления человеческими ресурсами на уровень коррупционного риска. В качестве опосредующего фактора рассматривается уровень субъективной оценки уровня коррупционной активности и несправедливости системы распределения благ. Дается системный анализ человеческих ресурсов, связанных с ощущением эмоционального благополучия и, следовательно, влияющих на коррупционное поведение в организации.

Ключевые слова: человеческие ресурсы; коррупционный риск; мотивация деятельности; ценностная сфера личности.

В соответствии с классическим определением человеческие ресурсы представляют собой сочетание человеческого потенциала (врожденные свойства) и человеческого капитала (приобретенные качества и навыки) [1]. В человеческий капитал входят особенности личности, профессиональные знания, умения и навыки, а равно и инструменты, и средства их усовершенствования.

Фактически, если представить человеческие ресурсы в виде системы, то можно разделить их на четыре основных группы:

1) собственно люди с их индивидуально-психологическими особенностями;

2) профессионально важные способности и навыки людей;

3) мотивы к деятельности и уровень их выраженности у людей;

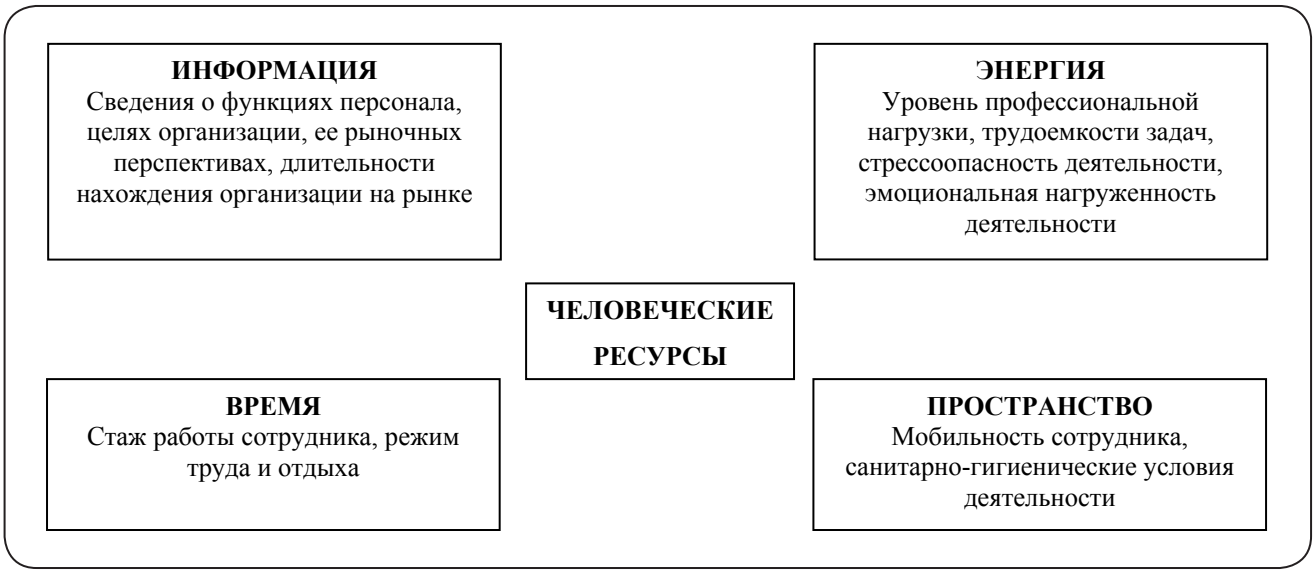
4) временные и пространственные характеристики деятельности (скорость и безошибочность выполнения производственных операций).

Эти компоненты взаимосвязаны: в частности, человек достигший потолка самореализации (лишенный перспективы служебного или квалификационного роста), будет постепенно терять мотивацию (если нет перспективы, то нет стремления становиться лучше), что будет ухудшать характеристики деятельности. С другой стороны, если для описания человеческих ресурсов применить системную модель В.А. Ганзена [2], то она примет следующий вид (см. рис.).

Информационный компонент данной модели предполагает осведомленность сотрудника в ряде вопросов, имеющих отношение к деятельности организации и собственной профессиональной деятельности, и осведомленность руководителя об осведомленности работника в данных вопросах. Данный компонент допускает и рекурсивное толкование: осведомленность работника об осведомленности руководителя в плане осведомленности работника и т.д. В целом информационный компонент в оптимуме должен обеспечивать адекватное понимание как работником, так и руководителем целей и мотивов друг друга, перспектив организации и личных перспектив каждого из них. По сути, речь идет об организации эффективной системы обратной связи между руководящим и исполняющим составом.

Энергетический компонент описывает трудозатраты каждого работника на его рабочем месте. Предполагается, что деятельность, связанная с высокой эмоциональной нагрузкой, будет предъявлять большие требования к личности работника и в большей степени будет способствовать эмоциональному истощению и личностной деформации. Следовательно, такая деятельность требует более тщательного внимания к распределению профессиональной нагрузки и разделению времени труда и отдыха.

Очевидно, что данный компонент связан с информационным, так как наличие информации о неравномерном распределении нагрузки, наличии «избранных» сотрудников, несоответствии вознаграждения трудозатратам будет иметь выраженный эффект снижения трудовой мотивации и лояльности к организации.



Системная модель человеческих ресурсов организации

Временной компонент рассматриваемой модели включает в себя особенности деятельности в организации, связанные с длительностью воздействия факторов профессиональной среды на работника и руководителя как на тактическом (рабочий день / рабочая неделя / отпуск без сохранения заработной платы / очередной оплачиваемый отпуск), так и на стратегическом уровне (стаж работы, и следовательно, уровень адаптированности к условиям труда и профессионального опыта). Очевидно и не требует доказательств утверждение о том, что чем больший процент времени отводится на рекреационные процессы, тем медленнее расходуется человеческий ресурс.

Данный компонент связан с двумя предыдущими. Связь с информационным компонентом выражается в том, что время как ресурс затрачивается в обмен на получение информации как ресурса. Если обмен происходит равноценный, то потери человеческого ресурса можно считать приемлемыми. Если же затрачивается большое количество времени, а полезной (ценной) информации субъект не получает, то КПД системы снижается и человеческий ресурс растрачивается впустую. Осознание этого факта будет снижать мотивацию деятельности, понижая затраты временных ресурсов на осуществление профессиональной деятельности в рамках должностного регламента. С другой стороны, связь с энергетическими ресурсами заключается в том, что неоптимальное соотношение времени осуществления деятельности и времени, отводимого на восстановление (отдых), приводит к ускоренному расходованию человеческого ресурса – утомлению, стрессу и иным негативным явлениям. Позитивный момент связи энергетических и временных компонентов человеческого ресурса заключается в повышении уровня адаптированности к условиям деятельности с увеличением стажа работы вследствие накопления опыта.

Пространственный компонент модели описывает объективные условия, на фоне которых осуществляется профессиональная деятельность работника, а также требования к перемещениям работника в пространстве. Чем большая мобильность требуется при решении профессиональных задач, тем выше уровень расходования человеческого ресурса. Собственно, именно этим объясняется предпочтение современными молодыми людьми малозатратных видов деятельности. Кроме того, пространственный компонент модели предусматривает влияние на человеческие ресурсы свойств среды, в которой осуществляется деятельность. Комфортная среда способствует сохранению человеческих ресурсов, в то время как дискомфортная или даже вредоносная среда приводит к необходимости подключения дополнительных адаптационных механизмов, и, следовательно, ускоренному расходованию человеческого ресурса.

Говоря о взаимосвязях элементов человеческого ресурса, описываемых в рамках данного компонента, необходимо отметить следующее.

Субъект труда, воспринимая условия деятельности и связанные с ними дополнительные затраты энергии (информационный компонент), соотносит эти затраты с получаемым вознаграждением и корректирует как интенсивность деятельности (энергетический компонент), так и продолжительность временного отрезка, посвящаемого непосредственно выполнению профессиональных задач (временной компонент).

Таким образом, человеческий ресурс представляет собой сложное системное образование. При этом, с одной стороны, снижение удовлетворенности деятельностью по одному показателю может быть компенсировано повышением удовлетворенности по другим, а с другой – снижение в области одного компонента может повлечь за собой «обрушение» всей системы при отсутствии вменяемого контроля.

Одним из вариантов системных дисфункций является коррупционное поведение. Собственно коррупционное поведение в широком смысле слова сводится к совершению действий, направленных к достижению личной выгоды в ущерб интересам коллектива или более широкой общности.

Следует отметить, что коррупция является объективно неуничтожимым явлением. Многовековая история борьбы «за чистоту рядов» только подтверждает это. Следовательно, говорить о «победе над коррупцией» в значении ее полного уничтожения означает всего лишь озвучивать не имеющий под собой реальной основы лозунг. Гораздо более взвешенной является позиция, предполагающая минимизацию коррупционных действий в обществе. На уровне индивида, единичного гражданина следует в таком случае пользоваться термином «коррупционный риск». Коррупционный риск представляет собой меру вероятности, с которой данный конкретный индивид совершит акт коррупционного деяния, оказавшись в определенных обстоятельствах. Предоставляя правоведам определение содержания возможных коррупционных действий, подвергнем анализу психологические составляющие коррупционных рисков.

Среди наиболее явных факторов, повышающих коррупционный риск, необходимо указать следующие:

1. Отсутствие у индивида четких моральных и этических ориентиров.

2. Ощущение собственной недооцененности вследствие неграмотной политики в сфере управления человеческими ресурсами.

3. Наличие возможности принятия решений в пользу или в ущерб отдельным лицам или группам лиц.

4. Наличие дефицита (нехватки) ресурса, решение о распределении которого принимает субъект.

Заметим, что первые два из перечисленных факторов носят психологический, субъективный характер, а последние два являются объективными, относящимися к условиям деятельности. Коррупционный риск перерастает в коррупционное поведение в случае, если присутствуют как минимум два первых из указанных факторов.

Следует обратить особое внимание на то, что первый из перечисленных факторов обычно формируется в детском и подростковом возрасте. Следовательно, на этапе вступления человека в профессиональную деятельность можно только диагностировать степень сформированности и содержание ценностно-мотивационной сферы работника. В то же время политика организации в области управления человеческими ресурсами сравнительно легко поддается корректировке, для этого достаточно желания руководства и его готовность пойти на непривычные для нашей страны меры.

Представляется возможным выделить признаки управления человеческими ресурсами, влияющие на уровень коррупционных рисков.

1. Персонал имеет положительную мотивацию на выполнение профессиональных задач и функций. Тут важно понимать, что официально объявленная положительная мотивация часто не совпадает с реально имеющейся. Руководство заинтересовано в высокой положительной мотивации работников по очевидной причине – положительно мотивированный работник более продуктивен в деятельности. Часто в таком случае низко мотивированный работник является не поводом к выяснению причин этого явления, а поводом для увольнения. В результате работникам выгодно становится имитировать высокий уровень мотивации и профессиональной деятельности при отсутствии реальной положительной динамики производительности труда. Данный факт чаще всего имеет место в коммерческих организациях с жесткой вертикальной структурой. В таких случаях, когда

руководство не заинтересовано в реальной и объективной оценке уровня мотивации работников, работники будут стремиться создать себе положительную трудовую мотивацию самостоятельно. Классическим способом такого подхода будет являться поиск возможности извлечения дополнительного, скрытого дохода из собственной профессиональной деятельности. Другими способами разрешения конфликта между низкой мотивацией и трудоемкостью является самоутверждение за счет имеющихся хотя бы минимальных властных полномочий (в качестве примера можно привести неуставные отношения в армии) или смена места работы в случае, если климат на рабочем месте и поведение коллег не совместимы с представлениями работника о профессиональной этике.

2. Равномерное распределение профессиональных обязанностей. Уровень трудоемкости и ответственности соответствует должности и вознаграждению. Классической ошибкой, зачастую преподносимой как инновация в управлении человеческими ресурсами, является концентрация ответственности как за качество выполнения трудовых операций, так и за эффективность принимаемых управленческих решений на исполнительском звене. Как результат, управляющий персонал полностью устраняется от ответственности за любые негативные явления в организации, что, в свою очередь, способствует возникновению социального напряжения в коллективе. В случае отсутствия возможности реально повлиять на управляющий персонал исполнители начинают изыскивать способы обхода требований руководства и правил профессионального поведения. Поскольку такое поведение заведомо скрыто от руководства, оно часто оказывается незамеченным и безнаказанным даже в том случае, если организации наносится явный вред. Доведение информации о таком поведении работников до руководства затруднено, так как реальной опоры в коллективе руководство не имеет и авторитетом не пользуется. Это становится тем более заметным, когда при равной нагрузке отдельные сотрудники получают заметно большее вознаграждение за труд. В таком случае раскол в коллективе возникает не только по вертикали, но и по горизонтали. К аналогичным последствиям приводит неочевидность причин для продвижения отдельных работников по службе.

3. Персонал не испытывает дискомфорта, не изнашивается. Данное условие является следствием предыдущего. Как правило, такое положение дел обусловлено разумным соотношением труда и отдыха: сверхурочные работы (и переработки) вознаграждаются по желанию сотрудника дополнительными выходными днями или оплачиваются выше обычного. В тех случаях, когда персонал работает «на износ», а единственным основанием для самоотверженного труда является лояльность к организации, единственным способом поддерживать устойчивое состояние системы является равная вовлеченность всех уровней иерархии в деятельность и незначительное различие в уровнях вознаграждения за труд. Если же имеет место обратная картина, когда для работников исполнительского звена преимущественным, если не единственным мотиватором является чувство сопричастности или лояльность, профессиональный долг, а управляющее звено мотивируется преимущественно материально, вполне вероятно возникновение поведения, направленного против интересов руководства и, в конечном итоге, и интересов организации. Хорошему руководителю следует помнить, что в современных условиях самый устойчивый патриотизм – это хорошо оплаченный патриотизм. Если рассмотреть в качестве примера «образцовых патриотов» – граждан США, то следует отметить, что в этом государстве существует стабильная и развитая система социальной поддержки граждан [3]. Кроме того, мерами социальной поддержки работающие граждане обеспечиваются со стороны работодателей [4]. Хорошо это или плохо, но нематериальные методы стимулирования трудовой мотивации в настоящее время потеряли свою эффективность в связи с внедрением системы капиталистических, основанных на материальных благах, отношений.

4. Не требуется выполнение невыполнимых и взаимоисключающих требований. Данный пункт подразумевает, что при грамотном распределении задач в организации работники получают задачи в соответствии со своими прямыми обязанностями и реальными способностями. То есть не требуется, чтобы, например, системный администратор занимался укладкой кафельной плитки с качеством профессионального плиточника в свое основное рабочее время при наличии прямых профессиональных задач в очереди. Часто

данное условие взаимосвязано двумя предыдущими. Работник, оказывающийся в подобной ситуации, будет осознавать, что за выполнение не свойственных ему задач он получит похвалу руководителя, но при этом одновременно будет наказан за неисполнение прямых обязанностей. Как результат, вырабатывается негативное отношение к руководителю, снижается его авторитет в глазах подчиненного, и возникают ситуации выборочного игнорирования указаний, которое, даже будучи обоснованным, приводит к конфликтам по линии руководитель-работник, которые, будучи осознаваемыми обеими сторонами, приводят к дополнительной эмоциональной напряженности, снижают эффективность деятельности и провоцируют на поиск компенсирующего поведения.

5. Персонал осведомлен об истинных целях и задачах организации. Нет «информационной завесы», когда декларируется одна цель, а на деле реализуется другая. Данное явление часто можно наблюдать в торговых организациях. В «миссии компании» может быть сформулировано, что «приоритетным направлением является обеспечение всех людей здоровым питанием», в то время как на деле реализуется продукция сомнительного качества по завышенной цене. Это происходит потому, что действительной целью компании является получение не просто прибыли, а высокой прибыли, что невозможно при высокой себестоимости качественных товаров. Расхождение декларируемой и реальной цели формирует у сотрудника пренебрежительное отношение ко всему набору организационных норм и, как результат, отказу от их соблюдения. Кроме того, работник может начать действовать в направлении получения личной пользы в ущерб организации, оправдывая свои действия тем, что сама организация совершает аналогичные действия в отношении клиентов. Стоит обратить внимание на то, насколько в данном случае эффективно нивелируется чувство вины.

Рассмотрим пример неэффективного управления человеческими ресурсами и последствия такого подхода в случае государства. Допустим, высшие управленческие функции берет на себя государственный аппарат, управлению среднего звена соответствует класс предпринимателей-собственников, исполнителями являются наемные управленцы и рабочий персонал. Управление является неэффективным, если изымаемая у предпринимателей в виде налогов доля доходов расходуется на реализацию непрозрачных проектов, если из числа работников государственного аппарата выполнением профессиональных обязанностей в произвольный момент рабочего дня занимается от 25 до 50%, если представители высшего и среднего управляющего звена ведут вызывающе роскошный образ жизни на фоне финансового неблагополучия исполнительского звена. При этом исполнителям постоянно внушается мысль о том, что «надо больше работать», «надо стремиться к богатству», чтобы «больше потреблять». Именно на это направлены такие инструменты воздействия, как коммерческая реклама, прямая и косвенная пропаганда. Однако очевидно, что упорным честным трудом на протяжении всей жизни рядовой исполнитель (а таких в популяции не менее 80%) никогда не войдет в ряды «среднего звена». Осознание этого факта в значительной степени провоцирует и коррупционное поведение, так как теневой оборот материальных ценностей представляется людям как способ быстрого изменения своего материального благополучия в лучшую сторону. Напомним, что получение взятки (наиболее часто упоминаемое коррупционное деяние) начинается с дачи взятки просителем. Коммерческая структура в схожей ситуации подвержена тем же самым рискам.

Таким образом, управление человеческими ресурсами является достаточно эффективным методом оптимизации коррупционных рисков и при квалифицированном управлении в сочетании с научно обоснованным психологическим отбором вполне возможно приведение коррупционных рисков к разумному минимуму.

Список литературы

1. Большой энциклопедический экономико-юридический словарь / авт.-сост. Н.В. Федоров, Л.П. Кураков, В.Л. Кураков; под ред. В.Г. Тимирясова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2006. – 1268 с.

2. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 176 с.

3. История социального обеспечения в США. – URL: http://www.nyc4all.com/ru/social/115-prog/441-2009-08-17-12-37-48

4. Лебедева Л.Ф. Социальные программы на предприятиях США // Российское предпринимательство. – 2000. – № 5 (5). – С. 16–20.

В редакцию материал поступил 15.11.12

Информация об авторе

Шевцов Алексей Маркович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, заместитель декана по научной работе, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: aldarkwing@mail.ru

A.M. SHEVTSOV,

PhD (Psychology), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE CAUSES OF CORRUPTION ACTIONS CONNECTED WITH THE MISTAKES IN HUMAN RESOURCES MANAGEMENT

The article views the indirect influence of mistakes in human resources management on the level of corruption risk. The mediating factor is the level of corruption activity and injustice in wealth distribution. The systemic analysis of human resources is given, connected with the feeling of emotional welfare and, consequently, influences the corruption behavior in an organization.

Key words: human resources; corruption risk; activity motivation; value sphere of personality.

References

1. *Bol'shoi entsiklopedicheskii ekonomiko-yuridicheskii slovar'* (Comprehensive Encyclopedic Dictionary on Economics and Law). Kazan: Izd-vo “Poznanie” Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2006, 1268 p.

2. Ganzen V.A. *Sistemnye opisaniya v psikhologii* (Systemic descriptions in psychology). Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984, 176 p.

3. *Istoriya sotsial'nogo obespecheniya v SShA* (History of social provision in the USA), available at: http://www.nyc4all.com/ru/social/115-prog/441-2009-08-17-12-37-48

4. Lebedeva L.F. Sotsial'nye programmy na predpriyatiyakh SShA (Social programs at the USA enterprises), *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 2000, No. 5 (5), pp. 16–20.

Information about the author

Shevtsov Aleksey Markovich, PhD (Psychology), Associate Professor of General Psychology Chair, Vice Dean on Academic Work, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel. (843) 231-92-90

E-mail: aldarkwing@mail.ru

УДК 343.98

А.И. ШИЛО,
соискатель
Национальная академия прокуратуры Украины

АЛГОРИТМ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В статье с использованием ситуационного подхода выделены типичные следственные ситуации, которые возникают при выявлении и расследовании взяточничества. Выявление следственных действий, которые необходимо проводить в определенной ситуации, приведение их в структуру позволило разработать схему алгоритма расследования взяточничества, который может быть использован для его планирования и организации.

Ключевые слова: взяточничество; следственная ситуация; организация расследования преступления; планирование расследования преступления; алгоритмизация расследования преступления.

Взяточничество является одним из наиболее сложных для расследования преступлений. Этому есть, на наш взгляд, две основных причины. Первая – «бедная» следовая картина: сам механизм преступления происходит в большинстве случаев при отсутствии очевидцев, ведь все участники преступления – взяткодатель, взяткополучатель и посредники – заинтересованы в успехе преступления и применяют все возможные меры, чтобы избежать появления случайных свидетелей и других следов их деятельности; в случаях взяточничества, связанных с осуществлением законных служебных или властных действий, иногда вообще исключается наличие следов преступления и усложняется установление факта дачи-получения взятки. Второй причиной является мощное противодействие преступников, потому что все участники взяточничества несут уголовную ответственность, кроме того, часто факт взяточничества связан с другими преступлениями, раскрытие которых также не выгодно их участникам.

Следовательно, возрастает значение исследования теоретических и практических проблем борьбы с взяточничеством, криминалистикой как наукой, призванной повысить эффективность деятельности по расследованию преступлений. Комплексным практическим продуктом таких исследований является методика расследования данной группы преступлений, стержнем которой является организация и планирование.

В юриспруденции проблемам методики расследования взяточничества всегда уделялось большое внимание. Весомый вклад в научное решение данных вопросов внесли Т.В. Аверьянова, О.Я. Баев, В.П. Бахин, Р.С. Белкин, В.К. Гавло, В.И. Гончаренко, А.В. Дулов, В.П. Корж, В.С. Кузьмичев, В.К. Лисиченко, В.Г. Лукашевич, Г.А. Матусовский, М.В. Салтевский, Н.А. Селиванов, В.В. Степанов, В.В. Тищенко, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблоков и другие ученые. В Украине диссертационные исследования проведены В. М. Лищенко, М. Я. Мышковым, В. Н. Трепаком [1–3].

Значение трудов указанных ученых нельзя переоценить, однако не снижающееся количество фактов взяточничества, а также большой уровень его латентности позволяют сделать вывод о недостаточной эффективности разработанных методик. Одной из причин этого является несовершенство методов организации и планирования расследования взяточничества.

Целью данной статьи является разработка эффективного метода организации и планирования расследования взяточничества.

Практика показывает, что если взяточники задержаны на месте преступления или с поличным, то успех расследования гарантирован, поэтому существенное значение при раскрытии взяточничества имеет документирование преступной деятельности взяточников с помощью негласных мероприятий.

Под «негласными мероприятиями» мы будем понимать не только оперативно-розыскные мероприятия, но и следственные (розыскные) действия, поскольку новый Уголовный процессуальный кодекс Украины [4] предусматривает возможность в ходе досудебного расследования по решению следователя, прокурора, следственного судьи производить негласные следственные (розыскные) действия (Гл. 21), которые по природе сходны с оперативно-розыскными мероприятиями

и могут проводиться самим следователем, либо по его поручению оперативными подразделениями.

Очевидно, что возможность документирования преступной деятельности взяточников с помощью негласных мероприятий появляется, если получена информация о передаче взятки в будущем. С этой точки зрения, в основу деления следственных ситуаций при расследовании взяточничества нужно положить момент передачи взятки относительно времени поступления информации о ней в правоохранительные органы. В зависимости от двух противоположных значений времени можно выделить две соответствующие ситуации:

1. Передача взятки состоится в будущем (например, подано заявление о вымогательстве взятки; согласно явки с повинной взяткодателя, после передачи части взятки планируется передача следующей части; получена информация о систематическом взяточничестве).

2. Взятка уже была передана и этот факт является единичным.

В случае, когда в полученной информации есть признаки систематичности взяточничества, необходимо использовать возможность негласного документирования преступной деятельности взяточников для выявления: повторных фактов получения и предоставления взятки; сопутствующих преступлений; субъектов, соучастников и форм соучастия; действий (бездеятельности), выполненных за взятки; фактов обращения полученных предметов взятки в пользу служебного лица; используемых способов передачи взятки, преобладающих видов предмета взятки, частых мест и времени передачи; других обстоятельств, которые важны для изобличения и пресечения преступной деятельности всех участников преступления.

Далее ситуации первой группы разделяются в зависимости от источника получения информации о взяточничестве:

1.1. Получено заявление от участника события: потерпевшего (в случае вымогательства), от взяткодателя или посредника (явка с повинной – после дачи взятки или добровольного отказа от преступления).

1.2. Сообщение о преступлении получено от лица, которое не имеет отношения к взяточничеству, или из другого источника.

Значение такого разделения состоит в возможности использовать лицо в негласном мероприятии, которая, очевидно, появляется только в случае, если лицо причастно к содеянному или подготавливаемому взяточничеству, а также в необходимости получения дополнительной информации, которая отпадает, потому что у причастного лица часто есть документы, аудио-, видеозаписи, другие доказательства, подтверждающие его слова.

С использованием информации о передаче взятки в будущем проводятся гласные и негласные мероприятия в следующей комбинации:

1. Негласные мероприятия, направленные на получение дополнительной информации (при необходимости).

2. Контроль за преступлением (специальный следственный эксперимент, имитация обстановки преступления), который в случае выявления признаков преступления заканчивается задержанием лиц, причастных к взяточничеству.

3. Осмотр места происшествия (места передачи, места задержания), в ходе которого – осмотр предмета взятки, освидетельствование взяточников (если уголовное производство начато).

4. Допрос подозреваемых.

5. Выемка и осмотр документов.

6. Обыски (групповые – одновременно во всех местах, которые имеют отношение к лицам, причастным к взяточничеству).

7. Предъявление для опознания.

8. Назначение экспертиз.

Ситуация, когда после передачи взятки уже прошло определенное время, является крайне неблагоприятной, особенно, если промежуток времени значительный. В этих случаях следы-признаки передачи взятки сохраняются в небольшом количестве. Поэтому большое значение в этой группе ситуаций приобретает установление соответствия совершенных за взятку действий закону и другим установленным требованиям, обычному порядку их совершения, и в зависимости от этого можно выделить также две ситуации в рамках ситуации 2:

2.1. Взятка получена за поведение служебного лица, которое целиком соответствует установленным требованиям.

2.2. Взятка получена за поведение служебного лица, которое противоречит закону, другим требованиям.

Ситуация 2.1 является наиболее неблагоприятной, поскольку содержит мизерные возможности

доказывания факта взяточничества, однако даже их можно использовать. Наряду с исследованием документов нужно выявлять другие косвенные доказательства «особого отношения» служебного лица при выполнении определенных действий к предполагаемому взяткодателю. То есть в этой ситуации ключевыми будут следы-отображения различия обычного порядка исполнения служебных обязанностей и их порядка в расследованном случае.

Такие следы будут указывать на волокиту в осуществлении служебных полномочий до того, как взятка была получена, и противоположные проявления – после этого: ускорение обычного порядка выполнения служебного действия; нарушение действующего порядка поступления и прохождения документов; несоблюдение очередности решения конкретного вопроса; нарушение существующих правил оформления документов; нарушение порядка подготовки материалов, их рассмотрения; нарушение или упрощение порядка рассмотрения вопроса; несоблюдение действующих требований о полноте материалов, которые предоставляются и необходимы для принятия решения.

Например, в одном случае служащий не принимал меры по подготовке документа и преднамеренно затягивал его передачу для подписания руководителю, а в дальнейшем, после его подписания, удерживал у себя и не передавал дальше в соответствующие органы; получив же вознаграждение, сразу дал распоряжения о движении этого документа[1], в другом – главный государственный исполнитель, узнав, что у его коллеги находится на исполнении решение суда, которое его «интересовало», договорился с последним о затягивании исполнения этого решения, после передачи взятки в присутствии взяткодателя позвонил по телефону этому лицу и «позволил» его исполнить[2].

В ситуации 2.2 есть возможность в ходе расследования преступления, состав которого содержится в действиях или бездеятельности, содеянных за взятку, найти доказательства получения взятки. В этой ситуации ключевыми доказательствами взяточничества должны стать следы-отображения контраста между профессионализмом, квалификацией, добросовестностью исполнения обязанностей служебным лицом и нарушением закона, которое оно допустило в расследованном случае (нужно ответить на вопрос: могло ли служебное лицо, имея определенный опыт и квалификацию, допустить такое нарушение по небрежности или случайно?), а также контраста между тяжестью такого нарушения и выгодой, которую от него получили взяткодатель или третье лицо.

Например, в одном из изученных уголовных дел служебное лицо, пользуясь своим положением, давало распоряжения, которые не отвечают установленному порядку, совершало лично действия, которые относятся к непосредственным обязанностям подчиненных лиц (то есть фактически совершало преступление – превышение служебных полномочий (ст. 365 УК Украины)), хотя имело положительную характеристику с места работы, которая свидетельствовала о достаточно высоком профессиональном уровне и опыте; решаемый же при этом вопрос был «не из дешевых» – выделение в аренду нескольких гектаров земли[3].

Во втором случае взятка предоставлена начальнику смены охраны за выпуск транспорта с похищенным металлоломом с КПП завода, при этом установлено, что без его ведома ни одно транспортное средство с территории не выпускалось[4], в третьем – систематические взятки были получены служебным лицом банка за предоставление кредитов при нарушении установленных требований, что было разоблачено после их невозвращения[5]. Очевидно, что бескорыстно эти служебные лица действовать не могли, поскольку в случае выявления этих фактов причастность к ним именно этих лиц была бы очевидна, этот риск должен был чем-то подкрепляться.

---

[1] Уголовное дело № 1-121/09 (ч. 2 ст. 368; ч. 5 ст. 27, ч. 2 ст. 368 УК Украины) // Архив Днепровского районного суда г. Киева.

[2] Уголовное дело № 1-53/09 (ч. 2 ст. 368 УК Украины) // Архив Голосеевского районного суда г. Киева.

[3] Уголовное дело № 1-83/10 (ч. 2 ст. 368 УК Украины) // Архив Нововолынского городского суда Волынской области.

[4] Уголовное дело № 1-225/10 (ч. 5 ст. 185; ч. 3 ст. 289; ч. 3 ст. 28, ч.3 ст. 364; ч.3 ст. 28, ч.1 ст. 369; ч. 3 ст. 15, ч. 3 ст. 28, ч. 2 ст. 369; ч. 1 ст. 368 УК Украины) // Архив Сумского районного суд Сумской области.

5 Уголовное дело № 1-25/11 (ч. 1, ч. 3 ст. 358, ч. 1 ст. 357, ч. 2 ст. 190, ч. 1 ст. 369, ч. 4 ст. 27, ч. 1 ст. 366; ч. 1 ст. 366, ч. 1 ст. 368 УК Украины) // Архив Каменец-Подольского горрайонного суда Хмельницкой области.

Таким образом, для ситуаций, когда получена информация об уже переданной взятке, последовательность проведения начальных следственных (розыскных) действий такая:

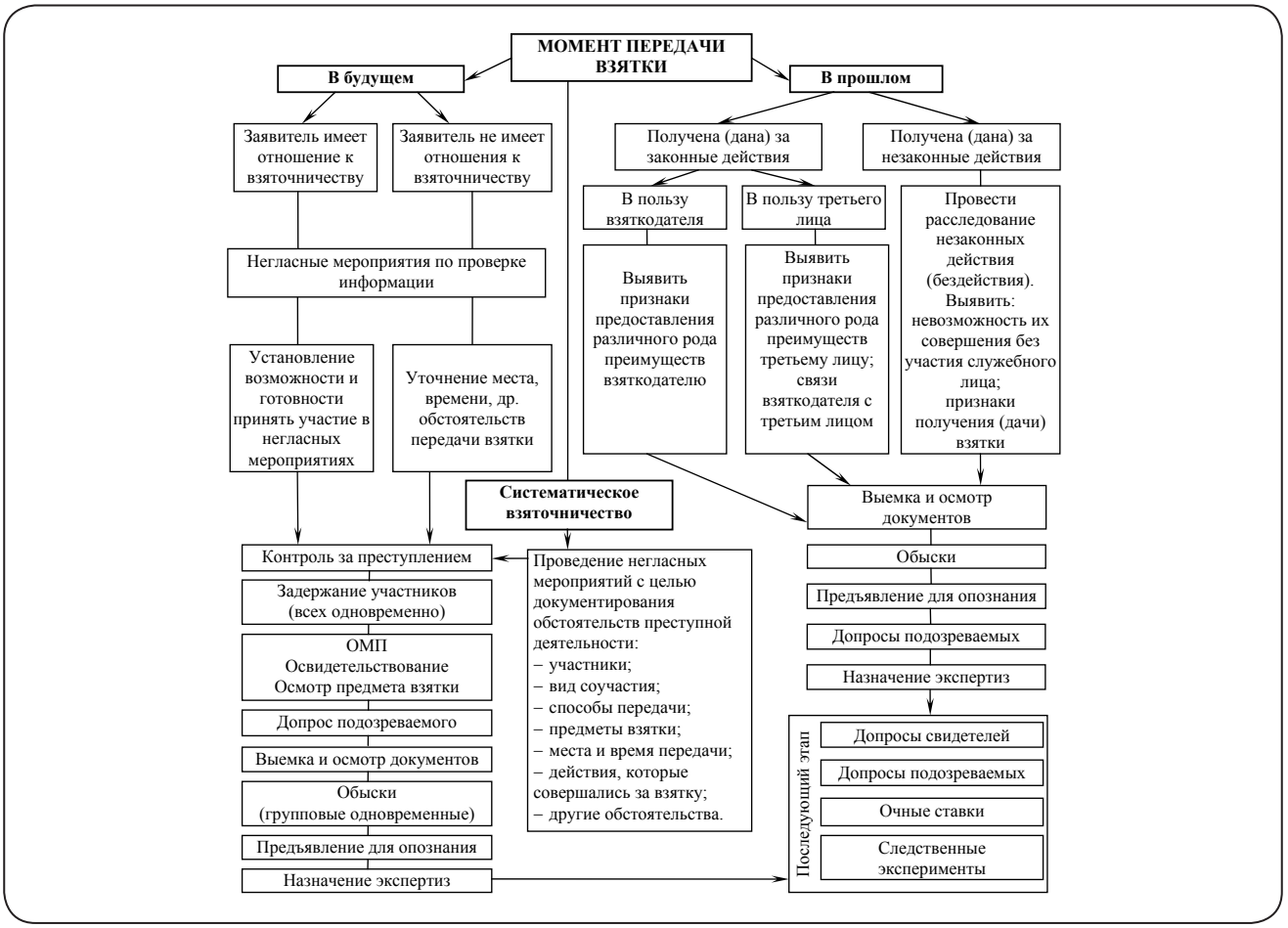
1. Негласные мероприятия, направленные на получение дополнительной информации.
2. Выемка и осмотр документов.
3. Обыски.
4. Предъявление для опознания.
5. Допрос подозреваемых.
6. Назначение экспертиз.

Дальнейший этап расследования включает одинаковые для всех ситуаций следственные действия:

1. Допрос свидетелей.
2. Допрос подозреваемых.
3. Очные ставки.
4. Следственные эксперименты.

Мы поддерживаем выводы ученых, что из всех действий, обусловленных особенностями конкретного преступления и ситуацией расследования, оптимальным является только определенный перечень, который варьируется в узких границах. Соответственно, любой следователь должен в конкретном случае выполнить необходимые действия, набор которых от него не зависит. В их выборе должен быть минимум субъективного, поскольку он обусловлен объективными предпосылками – обстоятельствами совершения конкретного преступления и следственной ситуацией. Именно поэтому и возможна криминалистическая алгоритмизация [5], которую можно положить в основу организации расследования взяточничества.

На основе последовательного выделения разных видов ситуаций в зависимости от важных обстоятельств расследования возникает возможность представить процесс эффективного расследования взяточничества в виде алгоритма (см. рис.), который может стать основой для составления плана расследования и его организации.



Алгоритм расследования взяточничества в зависимости от ситуации на момент получения информации о преступлении

Список литературы

1. Ліщенко В.М. Доказування на досудових стадіях кримінального процесу у справах про одержання хабара: автореф. дис. на здобуття наук. Ступеня канд. юрид. наук: 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза; оперативно-розшукова діяльність» / Нац. Акад. Внутр. справ. – Киев, 2011. – 20 с.
2. Мишков Я.Є. Методика розслідування хабарництва: автореф. дис. на здобуття наук. Ступеня канд. юрид. наук: 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза» / Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого. – Харьков, 2005. – 20 с.
3. Трепак В.М. Розслідування хабарництва, що вчиняється суддями: монографія. – Киев: Атіка-Н, 2012. – 200 с.
4. Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 р. № 4651-VI / Верховна Рада України: Законодавство. – URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17
5. Ищенко Е.П., Сливинский К.О.Криминалистическая алгоритмизация: теоретические предпосылки // Академический юридический журнал. – 2001. – № 4. – С. 45–51.

В редакцию материал поступил 20.11.12

Информация об авторе

Шило Андрей Иванович, соискатель, Национальная академия прокуратуры Украины, прокурор г. Ирпень (Украина)
Адрес: 08200, Украина, г. Ирпень, ул. Нежинская, 11, тел.: +380 (4597) 6-34-49
E-mail: nachcab@rambler.ru

A.I. SHILO,

applicant

National Academy of Prosecutor's Office of the Ukraine

ALGORYTHM OF BRIBERY INVESTIGATION

Implementing the situational approach, the article defines the typical investigation situations occurring when revealing and investigating bribery. Definingthe investigation activities which should be carried out in a certain situation, and classifying them, enabled the author to elaborate the pattern of bribery investigation, which can be used for its planning and organization.

Key words: bribery; investigation situation; organization of crime investigation; planning of crime investigation; algorythmization of crime investigation.

References

1. Lishchenko V.M. Dokazuvannya na dosudovikh stadiyakh kriminal'nogo protsessu spravakh pro oderzhannya khabara. Kiev, 2011, 20 p.
2. Mishkov Ya.E. Metodika rozsliduvannya khabarnitstva. Khar'kov, 2005, 20 p.
3. Trepak V.M. Rozsliduvannya khabarnitstva, shcho vchinyaєt'sya suddyami. Kiev: Atika-N, 2012, 200 p.
4. Kriminal'nii protsesual'nii kodeks Ukraïni vid 13.04.2012 r. № 4651-VI, *Verkhovna Rada Ukraïni: Zakonodavstvo*, available at: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17
5. Ishchenko E.P., Slivinskii K.O.Kriminalisticheskaya algoritmizatsiya: teoreticheskie predposylki (Criminalistic algorythmization: theoretical prerequisites), *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, 2001, No. 4, pp. 45–51.

Information about the author

Shilo Andrey Ivanovich, competitor, National academy of prosecutor's office of Ukraine, prosecutor of Irpen (Ukraine)
Address: 08200, Ukraine, Irpen, Nezhinskaya St., 11, tel.: +380 (4597) 6-34-49
E-mail: nachcab@rambler.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 331:316.3

О.М. СУСЛОВА,

кандидат экономических наук, доцент

Чистопольский филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В статье изложены теоретические вопросы исследования социального неравенства в постиндустриальном обществе; обоснован критерий социального неравенства – человеческий капитал субъектов. Выделены социальные группы субъектов существования и субъектов развития. Проанализирован характер социальных связей, социальной мобильности каждой социальной группы.

Ключевые слова: человеческий капитал; социальное неравенство; социальные связи; социальная мобильность; социальная группа.

С давних времен проблема социального неравенства является объектом исследования многих ученых. Сегодня в условиях становления постиндустриального общества и инновационной экономики внимание к вопросам социального неравенства еще более усиливается. Ведь «постиндустриальное общество, утверждая принципы свободы, не утверждает принципов равенства» [1, с. 172]. Несомненно, новое общество сохранит в себе социальное неравенство как необходимое свойство развивающегося общества. Но очевидно и то, что социальная дифференциация и определенная ею социальная стратификация будут находить другое выражение, иметь объективно новые основы.

Напряженность проблем социального неравенства современного общества, с одной стороны, трансформация экономических отношений и, как следствие, изменение социальной иерархии в формирующемся обществе, с другой стороны, обостряют значимость понимания проблемы социального неравенства постиндустриального общества, усиливают важность изучения процессов его социальной интеграции и дезинтеграции. В свою очередь, это обусловливает необходимость формирования новой системы взглядов на сущность социальных различий субъектов, на критерии социальной дифференциации, определяющие положение субъектов в социальном пространстве. Актуальность изучения вопросов социального неравенства постиндустриального общества послужила толчком для нового исследования этой проблемы.

В рамках данной статьи изложена попытка анализа вопросов социального неравенства постиндустриального общества сквозь призму авторской концепции человеческого капитала [2; 3]. Последнее определяет некоторое отступление в данном исследовании для тезисного изложения главных основ этой концепции, которые необходимы для понимания дальнейшего повествования.

Используя политэкономический подход в исследовании человеческого капитала, мы даем следующее его определение. Человеческий капитал – это особая форма капитала, представленная системой взаимодействующих потребностей и способностей субъекта в процессе его деятельности. Взаимодействие потребностей и способностей субъекта в процессе его деятельности приводит к приращению системы потребностей

и способностей субъекта человеческого капитала и к приращению внешней среды продуктом труда субъекта.

Объективные отличия в содержании человеческих потребностей и способностей устанавливают разграничение субъектов по качеству человеческого капитала. Субъект человеческого капитала может быть либо субъектом существования, либо субъектом развития.

Для субъекта существования человеческий капитал определяется взаимодействием одноуровневых потребностей существования и способностей существования. Его потребности существования через деятельность субъекта человеческого капитала формируют не только основу, условия его жизнедеятельности, но и ее содержание, качество. Способности существования позволяют достичь результата деятельности, обеспечивающего оптимальные условия жизнедеятельности.

В отличие от субъекта существования, система качеств субъекта развития включает две подсистемы: 1) подсистему одноуровневых потребностей и способностей существования и 2) подсистему одноуровневых потребностей и способностей развития. Потребности существования субъекта развития через деятельность субъекта человеческого капитала формируют лишь основу, условия его жизнедеятельности, а содержание и качество его жизни определяют потребности развития. Соответственно, если способности существования обусловливают качество результата деятельности субъекта, необходимые для обеспечения оптимальных условий его жизнедеятельности, то способности развития определяют возможность внутреннего развития, совершенствование субъекта.

Различия в содержании человеческого капитала субъекта устанавливают его возможность осуществления определенного вида деятельности. Субъектом репродуктивного труда является субъект существования, субъект развития выступает субъектом продуктивной деятельности (в том числе его высшей формы – творчества).

Отличия в структуре и содержании личностных характеристик субъектов, характере их взаимодействия позволяют нам рассматривать человеческие качества как основу социальных различий. Объективная разница в степени развития одноуровневых потребностей и способностей субъектов, эффективность их применения в деятельности определяют неравное положение субъектов общества в социальном пространстве, дают объективное преимущество одному субъекту перед другим. И это позволяет нам рассматривать категорию человеческого капитала как основу ранжирования членов общества по указанным параметрам социального неравенства.

Стоит отметить, что идея социального неравенства, в основе которой лежат человеческие качества, не нова. Концепции сильных, энергичных и способных развивались в русле элитаристских теорий (теорий меритократии). Но эти учения рассматривали качества человека как самостоятельные критерии социальной дифференциации. Мы же указываем на то, что человеческий капитал является главной переменной характеристик членов общества, которые позволяют разделять членов общества на социальные слои по уровню доходов, образованию, профессии и образу жизни. Но, более того, человеческий капитал как главный атрибут личности в постиндустриальном обществе становится тем знаковым признаком, на основе которого будет происходить особая дифференциация субъектов – выделение отдельных социальных групп внутри основанных на общепринятых критериях социального неравенства слоев (страт). Картина социального неравенства постиндустриального общества приобретает новый облик, отражая качественные характеристики групп, специфику взаимосвязей и взаимовлияния субъектов внутри каждой группы, особенности межгруппового взаимодействия в пределах одного слоя (страты), взаимодействия групп различных страт общества, особенности социальной мобильности субъектов постиндустриального общества.

Для достижения целей анализа особенностей социальной структуры нового общества воспользуемся стратификационным подходом, позволяющим описать структуру общества с точки зрения его иерархичности, исходя из положения о целостности общества. Опорой в исследовании вопросов социального неравенства постиндустриального общества послужит существующая в современной социологической науке модель стратификации, основанная на теории социально-экономического разделения труда. Согласно этой теории, «социально-экономическое разделение труда выражается в расщеплении последнего на <…> сложный и простой, <…> самоорганизован-

ный и регламентированный, творческий и стереотипный. Закрепленность различных групп людей за соответствующими родами деятельности <…> есть основа социального неравенства» [4, с. 33]. Отмечая существенную разницу между рутинным и продуктивным трудом с высокой долей творчества в нем, определим теорию разделения труда как теорию социально-экономического разделения видов деятельности без причинения ущерба ее содержанию.

Социально-экономическое разделение видов человеческой деятельности в условиях постиндустриального общества обнаруживается в процессе отчетливого разобщения рутинного и творческого труда. И именно человеческий капитал служит основной причиной возможности или невозможности осуществления определенного типа деятельности, выступает критерием дифференциации субъектов.

Поскольку оба вида деятельности экономически и социально необходимы и значимы для нового общества (хотя и в неравной степени), а каждый индивид общества выступает субъектом либо рутинного, либо продуктивного труда (творчества), вне зависимости от принадлежности к определенной страте в социальном пространстве разграничение рутинного и продуктивного труда определяет проявление двух социальных групп: субъектов существования и субъектов развития.

Единство целей, форм, характера и содержания деятельности индивида есть лишь признак группы, отражающий ее целостность как социальной общности. Сущностным же свойством представителя группы будет являться обладание имманентными каждому виду деятельности одноуровневыми потребностями и способностями – человеческим капиталом. Именно единые особенности человеческого капитала субъектов каждой социальной группы, обусловливающие схожесть мировоззрений, интересов, норм и ценностей, определяя цель и содержание обогащения жизнедеятельности субъекта человеческого капитала, явятся главным объединяющим атрибутом группы.

Указанные социальные группы субъектов постиндустриального общества, как уже было отмечено, представлены в любой страте общества, выделенной на основе известных критериев стратификации.

Низшие слои стратификационного профиля общества отличаются значительным преобладанием субъектов существования. Несомненна взаимообусловленность ограниченности потенциала субъекта развивать и реализовывать свои потребности и способности в рутинной трудовой деятельности (или в условиях полной отсутствии таковой) и невозможности осуществлять расширенное воспроизводство человеческого капитала вследствие низкого уровня дохода, невысокой квалификации, узости содержания, условий деятельности субъекта. Для субъектов существования в пределах низшего класса характерны своя система ценностей, взглядов на жизнь, норм поведения, стереотипов восприятия и особая психология, находящие свое отражение в образе и стиле жизни, воспроизводящиеся в рамках жизни самого субъекта, а также передающиеся новым поколениям.

Однако в низших слоях общества имеются и субъекты развития. Им не присущ фатализм и вера в непоколебимую силу внешних обстоятельств. Они обладают твердой уверенностью в своих возможностях – умении и желании достигать своих жизненных целей. У них иное, оптимистичное мировосприятие, благожелательное отношение к обществу. Даже в условиях низкой материальной обеспеченности субъекты развития находят смысл в саморазвитии и самосовершенствовании, стремятся к творчеству, обогащают свой внутренний мир и внешнее окружение результатами своей деятельности.

При переходе из каждой страты к наиболее высшей, с ростом доходов, определяющих уровень благосостояния индивида, с улучшением условий и качества жизни происходит изменение соотношения социальных групп, выделенных на основе человеческого капитала. Доля субъектов развития постепенно увеличивается, получая свое явное доминирование в более высоких стратах общества.

Однако надо заметить, что даже самая высшая страта общества представлена двумя социальными группами. Социальная группа субъектов существования здесь, несомненно, в меньшинстве, но ее присутствие объективно, ведь рост благосостояния индивида не всегда определяет совершенствование системы потребностей и способностей субъекта существования. Удовлетворение потребностей существования для отдельных индивидов может быть самоцелью на протяжении

всей жизни; смыслом обогащения жизнедеятельности такого субъекта человеческого капитала является обеспечение высокого материального достатка при безвозвратной утрате возможностей развития его внутреннего мира.

Социальная группа субъектов развития в высших слоях общества представлена индивидами, основной целью жизнедеятельности которых является совершенствование собственной личности. Они свободны от материальной зависимости, и потому имеют практически неограниченные возможности для развития своих способностей и их применения в деятельности. Для них характерно преобладание высоких нематериальных потребностей, реализация которых в свободной творческой деятельности позволяет осуществлять производство уникальных благ, создавать то, что приносит удовлетворение им самим и другим членам общества.

Таким образом, субъекты развития постиндустриального общества независимо от уровня материального благосостояния, профессионального статуса и престижа, на основе качества своего человеческого капитала формируют костяк, стержень общества. И чем многочисленнее представители этой социальной группы, тем крепче и мощнее этот стержень, тем больше общество имеет возможностей на пути достижения социально-экономического прогресса.

Необходимо заметить, что представленная композиция социальных групп в целом характерна для общества любого типа. При этом уровень развития общества определяет соотношение социальных групп субъектов существования и развития в пределах социальных слоев общества. И чем выше уровень развития общества, тем значительнее доля тех, кто устремлен к развитию самого себя и окружающего мира. Но лишь инновационная экономика постиндустриального общества, создавая условия достижения приемлемого уровня материального достатка для каждого своего субъекта как объективную предпосылку его развития, столь четко определяет представленную социальную структуру общества.

Постиндустриальное общество как любая социальная система, выражающая деление общества на социальные группы как элементы, определяется системой связей, взаимодействия и отношений между индивидами, составляющих эти социальные общности. Социальные связи между субъектами внутри выделенных социальных групп обладают рядом особенностей, причем набор специфических черт у каждой группы субъектов общества различен. Для субъектов существования, как и для субъектов развития, установление социальных связей происходит в процессе совместной деятельности. Поскольку первым соответствует рутинный труд, а вторым – продуктивный (творчество), то возможность установления связей между субъектами соответствующих групп кажется очевидной. Однако в действительности картина складывается несколько иначе.

Несмотря на схожесть человеческого капитала субъектов существования, установление социальных связей, взаимодействие и стабильные отношения между ними происходят в пределах одной страты и возможно с субъектами соседних страт. Социальные связи между представителями полярных страт практически невозможны. В основе этой особенности заложена соответствующая субъектам существования система потребностей, порождающая психологию разделения и принятия в свой круг общения (связей) других субъектов по уровню их материального достатка.

Дифференциация труда по уровню затрат энергии человека, требуемой квалификации, престижу профессии и прочим характеристикам естественным образом определяет соответствующее различие в материальном вознаграждении исполнителя. Разница в доходах субъектов труда, отсутствие или наличие в них творческой ренты как раз и служат тем рубежом, препятствующим установлению связей между субъектами существования в рамках всего общества. Чем больше различия в материальном благосостоянии, тем ничтожнее вероятность осуществления совместной деятельности субъектов различного вида труда, а, значит, установления связей в деятельности, что, в свою очередь, исключает социальное взаимодействие и социальные отношения.

Социальное взаимодействие субъектов развития внутри своей социальной группы общества видится как принципиально иное, нежели в группе субъектов существования. И дело здесь в основных объективных характеристиках творчества и субъективных качествах его творца, которые по своей сути таковы, что смысл стратификации общества по уровню дохода, престижу и власти

теряет всякий смысл. Субъекты творчества объединяются друг с другом единством цели, мотивов общей деятельности. Различия, кроющиеся в специфике сфер деятельности субъектов, служат основой появления и объединения интересов, создания общих проектов, направленных на развитие общества. В своей творческой деятельности субъекты развития не просто упрочивают связи, но и устанавливают тесное взаимодействие, перерастающее в устойчивые социальные отношения между индивидами данной социальной группы. Тем самым субъекты развития становятся той доминантой общества, которая позволяет стать обществу целостной системой. И в постиндустриальном обществе как в целостной системе устанавливаются интегративные связи для субъектов человеческого капитала. Таковыми являются связи координации и субординации субъектов общества.

Связи координации субъектов общества выражаются в объективной необходимости устанавливать и согласовывать действия субъектов вне зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе в целях обеспечения общественного воспроизводства. В достижении некоторых целей субъекты существования и развития выступают как взаимозависимые субъекты и работают по принципам партнерства. Но при этом более высокий статус творчества в постиндустриальном обществе, его большой вклад в экономику, следовательно, приобретение субъектами творчества – субъектами развития большей значимости по сравнению с субъектами существования определяют субординацию указанных социальных групп по типу их человеческого капитала, формируя тем самым картину социальной стратификации постиндустриального общества.

Постиндустриальное общество как общество больших возможностей для каждого своего субъекта определяет особенность социальной мобильности – ее индивидуальный характер. Воспроизводство человеческого капитала, подчиненное диалектическим законам развития его качеств, определяет перемещение субъекта в социальном пространстве. Но вектор этого движения (вертикальная – восходящая или нисходящая – и горизонтальная направленности) находится в прямой зависимости от качества человеческого капитала субъекта.

Особенность вертикальной мобильности субъектов кроется в специфике основного ресурса инновационной экономики – знаний. Обладание способностью генерировать и использовать этот ресурс определяет для творческой личности – субъекта развития восходящий переход из одного социального слоя в другой. Для субъектов развития как социальной общности восходящая мобильность выражается двояко: через субъективное восприятие самого субъекта, других членов общества и посредством объективного повышения благосостояния субъекта развития как результата высокой ценности и значительного спроса на продукт его деятельности.

Для самого субъекта развития – это осознание достижения качественно новых результатов своей жизнедеятельности как результата непрерывного самосовершенствования. Обогащение жизнедеятельности субъекта развития приводит к его восхождению над самим собой, которое необходимо рассматривать как субъективный феномен сознания. Для других членов общества возвышение субъекта развития определяется степенью их обогащения посредством потребления результатов его деятельности и выражается в уважении, признании творца.

По мере развития качеств субъекта человеческого капитала и их реализации в творческой деятельности ценность результатов его активности возрастает, способствуя значительному росту его доходов, повышению качества его жизнедеятельности. Это и определяет вертикальное перемещение субъекта развития из одного слоя общества в другой, более высокий.

Для субъектов существования, которые становятся все более «отчужденными от процесса наукоемкого производства» [1, с. 196], социальная мобильность будет иметь совсем иной, однонаправленный характер. Невозможность достижения высокого качества жизни посредством трудовой деятельности определит нисходящую мобильность субъекта существования, все больше обостряя конфликт его стремления к материальному обогащению и невозможности достижения вещного богатства в силу отсутствия необходимых для творчества потребностей и способностей развития.

Надо заметить, что нисходящее перемещение возможно и для субъекта развития. Это может

произойти вследствие негативного влияния внешних (материальных, организационных) условий его жизнедеятельности, при этом выхолащивания его качеств – регресса его потребностей и способностей не происходит. Отрицательное воздействие внешней среды служат для субъекта развития лишь новым толчком к поиску нового пространства приложения своих сил, что способствует дальнейшему воспроизводству его человеческого капитала.

Горизонтальное перемещение индивидов из группы существования в группу субъектов развития происходит по мере объективного перехода всей системы потребностей и способностей субъекта человеческого капитала на новый качественный уровень. Это возможно при сознательном самоограничении субъектом развития потребностей существования на фоне роста потребностей развития. Неизбежным следствием этого является духовный разрыв индивида с субкультурой своей группы, наступление противоречия между системой ценностей субъекта и нормами той общности, к которой он некогда принадлежал. Чем больше дистанция между прежней группой и субъектом, тем быстрее происходит его адаптация в новой социальной общности субъектов развития.

Таким образом, социальная мобильность субъектов постиндустриального общества обусловливается, прежде всего, качествами самого человека. Именно человеческий капитал субъекта определяет особенности и направление его перемещений в социальном пространстве, помогая сохранить характер социальной мобильности на протяжении всей жизни субъекта, воспроизводя его в последующих своих поколениях. Социальную мобильность субъекта можно рассматривать как стремление к преодолению противоречия в собственной системе потребностей и способностей, как качественный сдвиг в характере воспроизводственного процесса его человеческого капитала, обусловленного взаимовлиянием результата развития субъективных качеств индивида и изменения социально-экономической внешней среды.

Место каждой выделенной на основе человеческого капитала субъекта социальной группы в системе общественного воспроизводства экономики постиндустриального общества, их отношение к средствам производства (знанию) и умение им (знанием) воспользоваться, различия в способах получения богатства, его размерах и использовании более чем очевидны. Социальная группа субъектов существования по мере развертывания технических и технологических преобразований, становления инновационной экономики все больше будет отдаляться от производства знаниеемких продуктов, все более закрепляться за рутинным трудом, чья роль и значимость в новых экономических условиях подлежит неуклонному снижению. Объективное повышение статусной роли каждого субъекта развития в постиндустриальном обществе определяет группу субъектов развития как основу развития общества и экономики, во многом определяющую ход этого процесса.

Подведем итог нашего исследования. На наш взгляд, человеческий капитал может вполне обоснованно служить тем критерием, на основе которого в постиндустриальном обществе будет происходить особая дифференциация его субъектов – выделение внутри основанных на общепринятых критериях социального неравенства слоев социальных групп субъектов существования и субъектов развития. Каждой социальной группе будет присущ свой характер социальных связей и социальной мобильности.

Внесение в категориальный аппарат исследований вопросов социального неравенства категории «человеческий капитал» позволит обнаружить сложность и глубину характера взаимоотношений субъектов будущего общества. Но это одновременно позволит лучше понять сложные проблемы социального неравенства, решить многие экономические и социальные вопросы на практике.

Список литературы

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. – 304 с.

2. Суслова О.М. Теоретико-методологические вопросы исследования человеческого капитала // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 1 (52). – С. 72–82.

3. Суслова О.М. Воспроизводство человеческого капитала: политэкономический аспект // Журнал экономической теории. – 2010. – № 3. – С. 171–174.

4. Радаев В.В. Социальная стратификация. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.

В редакцию материал поступил 29.06.12

Информация об авторе

Суслова Ольга Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н.Туполева – КАИ» (КНИТУ – КАИ), Чистопольский филиал «Восток»

Адрес: 422980, г. Чистополь, ул. Энгельса, 127а, тел.: (84342) 5-69-42

E-mail: suslova_om_vostok@hotbox.ru

O.M. SUSLOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Chistopol branch of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

HUMAN CAPITAL AS A CRITERION OF SOCIAL INEQUALITY OF THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY

The article presents the theoretical issues of investigating the social ineqauality in post-industrial society; grounds the criterion of the social inequality, that is, the human capital of the subjects. The social groups of existence subjects and development subjects are defined. The character of social links and social mobility of each social group is analyzed.

Key words: human capital; social inequality; social links; social mobility; social group.

References

1. Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* (Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects). Moscow: Logos, 2000, 304 p.

2. Suslova O.M. Teoretiko-metodologicheskie voprosy issledovaniya chelovecheskogo kapitala (Theoretical-methodological issues of human capital investigation), *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii*, 2011, No. 1 (52), pp. 72–82.

3. Suslova O.M. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala: politeko-nomicheskii aspect (Reproduction of human capital: political-economical aspect), *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 2010, No. 3, pp. 171–174.

4. Radaev V.V. *Sotsial'naya stratifikatsiya* (Social stratification). Moscow: Aspekt Press, 1996, 318 p.

Information about the author

Suslova Olga Mikhailovna, PhD (Economics), Associate Professor of Economics and Management Chair, Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI (KNITU – KAI), Chistopol branch “Vostok”

Address: 127a Engel’sa Srr., 422980, Chistopol, tel.: (84342) 5-69-42

E-mail: suslova_om_vostok@hotbox.ru

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 338.48(470.51)

А.А. АДЕЛЬШИН,

аспирант

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

ТУРИСТСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В статье освещается состояние сферы туризма Республики Татарстан в настоящее время. Представлены основные направления, позволяющие усовершенствовать инфраструктуру туризма в республике, создать новый конкурентоспособный республиканский туристский продукт, увеличить туристический поток, а также существенно повысить вклад туризма в экономику Татарстана.

Ключевые слова: туризм; инфраструктура; статистика; занятость населения.

Туризм как одна из высокодоходных отраслей экономики за быстрые темпы своего развития признан экономическим феноменом столетия.

Во многих странах туризм играет значительную роль в формировании валового внутреннего продукта, активизации внешнеторгового баланса, обеспечении занятости населения и создании дополнительных рабочих мест, оказывает положительное влияние на такие ключевые отрасли экономики, как транспорт и связь, строительство, сельское хозяйство, культура, искусство, производство товаров народного потребления и другие, выступая катализатором социально-экономического развития.

Туристским потенциалом именуется совокупность природных и рукотворных тел и явлений, а также условий, возможностей и средств, пригодных для формирования туристского продукта и осуществления соответствующих туров, экскурсий, программ. Под потенциалом понимаются, в основном, памятники культуры, достопримечательности, которые могут включать как этнокультурные особенности региона, так и заповедные зоны [1].

В толковых и энциклопедических словарях термин «потенциал» (от латинского «potentia» – сила) понимается как «возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи» [2].

Республика Татарстан располагает богатыми историческими и культурными ценностями, природно-рекреационными ресурсами и потенциалом, способствующими всестороннему развитию внутреннего туризма. Несмотря на то, что «туризм» довольно новое понятие для Татарстана, туристская индустрия в республике по динамике развития занимает одну из ведущих позиций в России и ведущие роли в Поволжском федеральном округе. За последние пять лет среднегодовые темпы роста внутреннего туристического потока составили 12%. В кризисный период внутренний туризм оказался востребованным и вырос более чем на 5% [3].

Таким показателям способствует быстрое развитие инфраструктуры республики, которое, в свою очередь, обусловлено предстоящей Всемирной летней универсиадой 2013 г., Чемпионатом мира по футболу 2018 г. и Чемпионатом мира по водным видам спорта 2015 г. Летом 2011 и 2012 гг. были проведены этапы чемпионата мира «Формула 1» на воде. Такое обилие международных спортивных соревнований – огромный успех республики и большая заслуга спортивных чиновников. Но также этому предшествовало и

то, что Казань признана спортивной столицей России, и это признание мы заслужили не только в нашей стране, но и по всему миру. Татарстан всегда славился крепкими спортивными командами, которые в последнее десятилетие входят в гранды отечественного спорта. Именно за счет всех этих качеств мы и удостоились чести принимать и организовывать такие серьезные международные соревнования.

Все это, несомненно, уже начало сказываться на развитии туризма в целом. В городе появляются множество гостиниц, качественных предприятий сферы услуг. Только за последний год в Казани введены в эксплуатацию гостиницы Luciano, Park Inn, Courtyard гостиничной цени Marriott и др. К городу проявляют интерес такие мировые бренды, как Shangri La, Kempinski и Hilton. Недавно был утвержден совместный проект УК Казанская Ривьера и известной сети отелей Swissotel, занимающих только верхний сегмент и предъявляющих стандартам самые высокие требования. Появившаяся потребность в местах для расселения гостей республики положительно сказалась не только в столице, но и в других городах и туристских центрах Татарстана. Конкуренция растет, а значит и требования к сервису и качеству обслуживания тоже. Конкуренция благотворно влияет на развитие не только гостиничных предприятий, но и туристических фирм. Их количество с каждым годом растет, но что-то необычное и интересное, а главное надлежащего качества, могут предложить лишь единицы. Но и эта ситуация меняется к лучшему.

Ситуация в гостиничной сфере такова: строится много отелей, гостиниц, и в большинстве своем они относятся к премиум-классу, нежели к эконом-варианту. При этом в ближайшие пять лет намечается подорожание гостиничных услуг [4]. Это является большой проблемой. Пройдут мировые первенства и ввиду вновь надвигающегося кризиса будут востребованы гостиницы эконом-класса. В недавнее время появились так называемые апарт-отели. Данный тип размещения предусматривается как жилой и гостиничный комплекс премиум-класса, что дает возможность приобрести апартаменты как физическим, так и юридическим лицам, а также использовать их для размещения гостей города. Но, как правило, площадь одного номера гораздо больше стандартного номера в обычной гостинице и весь вопрос заключается в том, сможет ли отельер сдавать его дешево. Соответственно, кто будет потом жить в таких номерах длительного проживания, много ли желающих у нас в России есть на такую форму проживания?

Данный подход застройки столицы республики не совсем понятен, так как было ясно, что такое количество дорогого номерного фонда будет просто не востребовано после проведения Универсиады.

Наряду с отелями имеет место развитие транспортной инфраструктуры, сети объектов общественного питания, появляются новые спортивные, культурные объекты, развлекательные комплексы. Знаковым событием стало открытие Экскурсионного центра в Казани в составе Туристско-информационного центра [4].

Около года назад было принято решение по возрождению одних из ценнейших мест современной республики, которое способно вывести развитие туристической сферы на новый уровень, – «Культурное наследие: древний город Булгар и остров-град Свияжск». Его цель – сохранить, возродить и передать будущим поколениям ценнейшие памятники истории, уникального зодчества и духовности.

Министерство по делам молодежи, спорту и туризму Республики Татарстан разработало проекты программ развития сферы туризма в Болгарах и Спасском районе, на острове-граде Свияжске и в Зеленодольском районе. Проекты обоснованы оценками российских и зарубежных экспертов по туризму, а также мероприятиями республиканской целевой программы «Развитие сферы туризма в Республике Татарстан на 2009–2011 гг.» [5].

Сейчас благодаря деятельности фонда «Возрождение», реализации программы «Культурное наследие Республики Татарстан: древний город Булгар и остров-град Свияжск», личному участию первого президента Татарстана М.Ш. Шаймиева ведутся масштабные работы, направленные на реконструкцию культурно-исторического наследия, формирование зон сервисного обслуживания, создание новых объектов показа, туристской инфраструктуры. На сегодняшний день уже открыта богадельня с размещением на 7 номеров и кафе, купеческий дом на 8 комнат и пунктом питания,

сувенирная лавка. Планируется открытие нового речного вокзала, что значительно увеличит поток туристов в Свияжск.

Идет строительство речного вокзала и в Болгарах, где будет расположен Музей болгарской цивилизации, совмещенного с автостанцией для приема туристов. Началось строительство комплекса мечети в Болгаре. Здесь предусмотрены медресе и резиденции для официальных встреч с духовными лицами и приема гостей, памятный знак, посвященный принятию волжскими болгарами в 922 г. ислама. В Болгарах же строится Музей хлеба. В этом туристическом сезоне был построен палаточный город со всеми удобствами для размещения и пребывания в нем. Сравнительно недавно была построена и введена в эксплуатацию гостиница «Регина». Планируется строительство и других гостиничных объектов.

Возрождение народных святынь, привлекательных для въездного туризма, – не единственный проект. В Татарстане активно разрабатываются инвестиционные проекты, которые позволят существенно изменить инфраструктуру туризма в республике, создать новый конкурентоспособный республиканский турпродукт, увеличить туристский поток, а также существенно повысить вклад туризма в экономику.

16 ноября 2011 г. президент Республики Татарстан Р. Минниханов встретился с региональным директором CNN International по Европе Сильваном Роже (Sylvain Roger). Обсуждалось партнерство с CNN для продвижения РТ на международной арене, для обеспечения большей узнаваемости республики (ключевые факты о бизнес-среде в РТ, о сфере туризма, информация о ближайших спортивных событиях мирового уровня). Сегодня круглосуточная служба новостей CNN, доступная в 212 странах, занимает одну из лидирующих позиций в мире.

Роже предложил разработать для РТ коммуникационную кампанию для освещения на CNN ключевых событий, происходящих в республике. Привлечение интереса мировой аудитории к Татарстану позволит увеличить количество потенциальных инвесторов, обеспечит приток туристов, позиционировать Татарстан как регион с развитой спортивной инфраструктурой [4].

В целом же, в связи с развитием новых туристских направлений внутри республики, появлением новых предприятий питания, туристских организаций, гостиниц и других организаций, число рабочих мест и, соответственно, занятых в этой сфере кадров значительно увеличилось.

На 1.11.2011 в республике насчитывалось 190 гостиничных предприятий, включая микропредприятия и индивидуальных предпринимателей. Число действующих коллективных средств размещения гостиничного типа по состоянию на 1.11.2011 в разрезе типов гостиничных предприятий представлено ниже.

Действующие организации гостиничного типа [6]

	Число гостиничных предприятий	В том числе:					
		гостиниц	мотелей	меблированных комнат	пансионатов	общежитий для приезжих	других организаций гостиничного типа
Всего по республике	190	165	7	4	1	8	5

За январь–сентябрь 2011 г. услугами гостиничных предприятий воспользовались 617,9 тыс. человек (за I полугодие 2010 г. – 587,8 тыс. человек). Общее число предоставленных за I полугодие 2011 г. ночевок составило 963 тыс. единиц, что меньше данных соответствующего периода 2010 г. на 23 тыс. единиц.

Численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет в среднем за сентябрь–ноябрь 2011 г. составила по итогам выборочного обследования населения по проблемам занятости 2 045,8 тыс. человек (54% от общей численности населения республики).

Наиболее высока доля совместителей и лиц, работавших по гражданско-правовым договорам, в организациях осуществляющих финансовую деятельность (16,9%); деятельность рыболовства, рыбоводства (15,4%); в образовании (7%); деятельность по предоставлению прочих коммунальных, социальных и персональных услуг (5,9%); в организациях, осуществляющих операции с недвижимым имуществом, арендой и представлением услуг (5,4%); в здравоохранении и предоставлении социальных услуг (5,2%); в деятельности гостиниц и ресторанов (4,8%).

Согласно данным комплексного информационно-аналитического доклада, всего в замещенных рабочих местах в гостиницах и ресторанах республики задействовано 16 742 человека по состоянию на ноябрь 2011 г. На тот же период 2010 г. прирост людей составил в 127,1%[1].

Все это говорит о колоссальном развитии туризма в республике. В связи с этим идет качественная подготовка кадров, основанная на опыте зарубежных коллег: проводятся мастер-классы, студентов отправляют на стажировки за рубеж, все чаще проходят выставки и конференции, посвященные гостиничному хозяйству и туризму в целом, и многое др. В Татарстане много делается для развития туризма, но многое еще предстоит для того, чтобы республика стала туристически притягательным центром.

Для того чтобы достойно представлять Республику Татарстан на мировом туристском рынке, необходимо перенимать опыт зарубежных коллег и совершенствовать систему образования. Было бы неплохо открыть некую бизнес-школу по подготовке кадров в туристической сфере, в программу которой входило бы обучение на экскурсовода и управленца по углубленной программе. Желание со стороны частных компаний есть, но для этого нужна поддержка Министерства туризма РТ. Таким образом, можно готовить кадры и для регионов, так как заинтересованность в такой идее есть не только в Татарстане.

Республика Татарстан имеет уникальные возможности для привлечения туристов. Кто-то придумывает идею, бренд, чтобы ее продвигать. Здесь же не нужно ничего выдумывать, в Татарстане есть все: и история, и возможности.

Список литературы

1. Искакова В.С. Проблема понятия туристско-рекреационного потенциала в аспекте современного образования // Современные наукоемкие технологии. – 2005. – № 1. – С. 54–55.

2. Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 1058.

3. Журнал «Туристический бизнес для профессионалов». – 2011. – № 13. – 86 с.

4. Деловая электронная газета Татарстана. – URL: http://www.business-gazeta.ru/cgi-bin/search.pl5. Действующие лица и исполнители: турист, турфирма и другие: материалы четвертой международной научно-практической конференции. – Казань: Юниверсум, 2011. – 144 с.

В редакцию материал поступил 26.03.12

Информация об авторе

Адельшин Адил Азатович, аспирант кафедры экономической теории, Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес: 420043, г. Казань, ул. Калинина, 19, тел.: (843) 510-47-74

E-mail: aadelshin@rambler.r

A.A. ADEL'SHIN,

Post-graduate student

Kazan State University for Architecture and Construction

TOURIST POTENTIAL OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

The article covers the issue of the current condition of the tourist sphere in the Republic of Tatarstan. The author describes the main directions which can help improve the tourism infrastructure in the Republic, create the new competitive tourist product, increase the tourist flow and significantly increase the share of tourism in the Tatarstan economy.

Key words: tourism; infrastructure; statistics; population employment.

[1] Социально-экономическое положение Республики Татарстан: комплексный информационно-аналитический доклад. ТАТАРСТАНСТАТ. – 2011. – № 11.

References

1. Iskakova V.S. Problema ponyatiya turistsko-rekreatsionnogo potentsiala v aspekte sovremennogo obrazovaniya (The issue of tourist-recreational potential in the aspect of modern education), *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, 2005, No. 1, pp. 54–55.
2. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* (Soviet Encyclopedic Dictionary). Moscow, 1989, p. 1058.
3. Zhurnal "Turisticheskii biznes dlya professionalov" ("Tourist business for professionals" Journal), 2011, No. 13, 86 p.
4. http://www.business-gazeta.ru/cgi-bin/search.pl
5. *Deistvuyushchie litsa i ispolniteli: turist, turfirma i drugie: materialy chetvertoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Actors and performers: tourist, tourist agency and others: materials of th 4th International scientific-practical conference). Kazan: Yuniversum, 2011, 144 p.

Information about the author

Adel'shin Adil Azatovich, Post-graduate student of the Chair of the Theory of Economics, Kazan State University for Architecture and Construction

Address: 19 Kalinina Str., 420043, Kazan, tel.: (843) 510-47-74

E-mail: aadelshin@rambler.r

УДК 330.35

С.И. ГРУДИНА,
кандидат экономических наук, доцент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

СИНЕРГИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье исследуются проблемы синергии количественных и качественных показателей экономического роста. Обосновывается актуальность формирования моделей устойчивого развития. Рассматривается современный подход к синергии показателей экономического роста, а также трансформация системы оценки качества экономического развития.

Ключевые слова*:* экономический рост; экономическое развитие; количественные и качественные показатели экономического роста; цикличность.

В последнее время ведется активная научная дискуссия относительно потенциала экономического роста России, измеримого с количественным и качественным методом. Качественный подход уступает количественному в точности, а количественный уступает качественному методу в глубине исследования, комплексности. Рекомендуется создать условия, модель синергетического рассмотрения количественных и качественных показателей экономического роста. Экономическая наука имеет широкую палитру описаний факторов экономического роста: внешних переменных, внутренних переменных. Накопленный опыт становится одновременно и качественным ограничением возможностей преодоления границ устоявшихся моделей и «шаблонов развития». В чем заключается потенциал роста? Или про экономику России все «просчитано» на десятки лет вперед в качестве «сырьевой базы» и неизменного человеческого ресурса? В статье представлена авторская позиция решения поставленных вопросов.

Цель данной статьи – исследовать синергию количественных и качественных показателей экономического роста.

Задачи исследования:

– анализ противоречий современной парадигмы эффективности использования количественных и качественных показателей экономического роста;

– анализ синергетического эффекта тренда экономической активности;

– описание мультипликативного процесса макроэкономических преобразований.

Новизна данного исследования заключается в том, что синтезирован и обоснован подход к использованию количественных и качественных показателей экономического роста (развития) России.

Для начала ответим на вопрос: «Можно ли исследовать потенциал России, кроме базиса нефти, газа и других природных ресурсов?». В теории и практике основной упор делается то на количественные, то на качественные факторы экономического роста [1]. В последнее время увеличилось осознание роли качественных показателей с упором на социальный потенциал страны, который, однако, до сих пор не является его стратегическим потенциалом.

Исследуем события последних лет. Экономическая политика анализировалась с точки зрения ее стабилизационных возможностей в связи с кризисом, вызвавшим отклонения экономики от равновесных состояний, сопровождавшихся шоками спроса и предложения и циклическими диспропорциями. Если рассматривать количественные показатели, то становится очевидным, что краткосрочные колебания объема выпуска, уровня занятости, цен происходят вокруг тренда, заданного общим поступательным движением экономики, т.е. экономическим ростом. Анализ закономерностей, формирующих качество экономического роста, остается одним из центральных вопросов в макроэкономической теории. В качестве причин, сдерживающих экономический рост, часто приводят широкий спектр социальных издержек, определяемых неэффективной экономической политикой правительства. Могут ли социальные издержки служить фактором роста? Как и любые модели, модели роста обладают недостатком, т.е. абстрагированы от реальной ситуации,

упрощены либо экстраполированы. Целый ряд допущений, предопределяющих каждую модель, отодвигает результат от реальных процессов. Анализу поддаются лишь отдельные стороны, части, закономерности такого многоуровневого явления, как экономический рост. Назрела необходимость синергии моделей количественного и качественного роста, включающих издержки, в том числе социальные, как фактора устойчивого развития.

«Золотое правило» модели Солоу позволяет проанализировать долгосрочный экономический рост в условиях полной занятости факторов производства и равновесного состояния. Она выделяет технический прогресс как единственную основу устойчивого роста благосостояния, определяет оптимальный вариант роста, обеспечивающий максимум потребления. Мы получаем модель экономики, ориентированную на количественные показатели научно-технического прогресса и общество потребления. Среди недостатков данной модели можно выделить тот факт, что модель реализуется в длительной перспективе и использование ее для анализа краткосрочной динамики производства и уровня жизни является затруднительным. Кроме того, анализируются состояния устойчивого развития и равновесия, показатели которого весьма неопределенны. Большинство экзогенных переменных модели Солоу, на наш взгляд, желательно рассматривать как внутренние, поскольку они трансформируют совокупный итог. А социальные, экологические и ресурсные факторы в модели не учтены. Имеющиеся в современной научно-экономической литературе теории эндогенного роста начали учитывать синергию количественных и качественных факторов, т.е. ресурсных и институциональных. Предпринимаются попытки определить устойчивый темп роста в рамках модели [2].

В современной экономике серьезной проблемой макроэкономического регулирования является достижение внутреннего и внешнего равновесия. Ее решение требует учета синергии как внутренних, так и внешних переменных. Проблема осложняется существованием обратного воздействия переменных друг на друга, а также тем, что единичное воздействие сопровождается целой цепочкой следствий как непосредственных, так и пролонгированных в долгосрочном периоде.

Объективный анализ требует оценки закономерностей долгосрочного развития России, как минимум, в течение двадцати лет. За этот период, с точки зрения количественных показателей, отставание России от развитых стран существенно возросло, но сформировалась качественно иная экономическая среда (позитивная тенденция). И дело не только в том, что мы перешли к обществу потребления и избавились от дефицита. Принципиально изменились требования к соблюдению правил ведения бизнеса на микроэкономическом уровне и макроэкономические приоритеты со стороны государства. Однако необходимо учитывать синергетический эффект количественных и качественных изменений в экономике. В связи с этим требует пересмотра система формирования макроэкономических показателей с точки зрения эффективности и адекватности приращений качества экономического роста. В качестве количественной составляющей можно проанализировать десятилетний спад производства в конце 1980-х и начале 1990-х гг. Далее последовала восстановительная волна, прервавшаяся кризисными явлениями 2008–2009 гг. [3]. Большинство ученых склонно объяснять эти колебания цикличностью экономических процессов. С нашей точки зрения, в литературе недостаточное внимание уделено качественным (внутренним) факторам экономического роста (развития). Прокомментируем данную точку зрения.

Первое. Технологический прогресс и развитие рынка неизбежно привели к повышению технологического уровня и стандартизации продукции.

Второе. Измененилась структура производства. Сфера услуг определила совокупную продуктивность.

Описанные обстоятельства объясняют сдвиг в развитии российской экономики. В течение 2010–2011 гг. объем промышленного производства практически полностью восстановился [4], размер инвестиций в конце 2011 г. достиг предкризисного периода. Возникает вопрос, будет ли новая волна роста сопровождаться основным кризисным явлением. В экономической науке распространена пессимистическая точка зрения. Включенность в глобальное экономическое пространство усложняет прогнозы с учетом внешнеэкономических факторов. Следующим источником

неблагоприятного прогноза является качество современных российских институтов. Однако существуют и неблагоприятные оценки роста мирового продукта. Импульсом к ускоренному развитию России может послужить синергия количественного и качественного роста.

Можем ли мы связать увеличение роли качественных показателей производственного процесса с соответствующим развитием социального государства? Если социально-экономическое развитие России описать через систему пространственно-временных координат, мы увидим, что государство обеспечивает выполнение всех функций, связанных с инвестициями в будущее. К ним относятся, в первую очередь, наука и культура. Разрыв в эволюционном становлении государства приводит к дестабилизации ее структурных частей: экономики и общества. Если мы будем ориентироваться на выявление функций макросистем и макроподсистем, конкретный анализ позволит выявить осложненную взаимозаменяемость «игроков». Ни один из игроков не может быть заменен другим. В задачу исследователя входит анализ пересечений интересов. Положительный синергетический эффект развития экономики зависит от соприкосновения интересов макроигроков. Причем количественные показатели развития играют второстепенную роль, поскольку в процессе реализации стратегий уровень выравнивается. Здесь важными являются объем влияния общества на государство, влияние экономики на обеспечение и развитие общества. Насколько же государство способно скоординировать эффективное взаимодействие трех главенствующих элементов?

Распределение ответственности между каждым из макроигроков должно в последующем гармонизировать интересы, ответственность должна быть сбалансирована. Это описывает верхний уровень экономики. Далее рассмотрим последствия внутреннего устройства. Главной задачей государства на этом уровне является координация разнонаправленных интересов каждого из макроигроков, балансировка и согласование интересов в пространстве и времени. Пространство и время предполагается рассматривать как качественные показатели, на основании которых анализируется эффективность деятельности государства. И в первую очередь это касается равномерности распределения доходов и ресурсов во времени и пространстве без допущений чрезмерных социальных диспропорций и резкого социального расслоения общества.

Таким образом, для повышения эффективного взаимодействия макроигроков необходима гармонизация, синергия количественных и качественных элементов роста. Главное, что создает импульс к развитию России, – это наличие пространств для количественного и качественного роста. Пространство – это не территория и не узкое географическое понятие. По концепции насыщения, ресурсы пространства создают поток инвестиций, поддерживаемых нарастающим внешним спросом. В связи с этим мы считаем ресурсную обеспеченность России основой для стремительного перехода к инновационному пути через синергетическое соединение количественных и качественных стимулирующих факторов развития. Разрывы и отставания в уровне жизни велики, но преодолимы за счет активизации качественных факторов при разумной синергии с количественными факторами роста.

Список литературы

1. Клейнер Г.Б. Экономика России как социального государства // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Политические и экономические проблемы. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2012.

2. Злупко С.М. История экономической теории: уч. пособие. – Киев: Знание, 2005. – С. 595–605.

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru

4. Министерство экономического развития. Официальный сайт. – URL: http://www.economy.gov.ru/

В редакцию материал поступил 13.11.12

Информация об авторе

Грудина Светлана Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Рахматуллина, 1, тел.: (843) 292-48-40

E-mail: switki@yandex.ru

S.I. GRUDINA,

PhD (Economics), Associate Professor

Kazan (Volga) Federal University

SYNERGY OF QUANTITATIVE AND QUALITATIVE INDICATORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

The article researches the issues of synergy of quantitative and qualitative indicators of economic development. The topicality of forming the stable development models is proved. The modern approach to synergy of economic growth indicators is viewed, as well as the transformation of the system of evaluation of economic growth quality.

Key words: economic growth; economic development; qualitative and quantitative indicators of economic growth; cyclicity.

References

1. Kleiner G.B. Ekonomika Rossii kak sotsial'nogo gosudarstva (Economy of Russia as a social state), *Rossiya i mir: vchera, segodnya, zavtra. Politicheskie i ekonomicheskie problemy*. Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoi, 2012.

2. Zlupko S.M. *Istoriya ekonomicheskoi teorii* (History of economic theory). Kiev: Znanie, 2005, pp. 595–605.

3. http://www.gks.ru

4. http://www.economy.gov.ru/

Information about the author

Grudina Svetlana Igorevna, PhD (Economics), Associate Professor of Strategic andFinanciial Management Chair, Kazan (Volga) Federal University

Address: 1 Rakhmatulllina Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 292-48-40

E-mail: switki@yandex.ru

УДК 658.1

Г.И. ГУМЕРОВА,

доктор экономических наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Э.Ш. ШАЙМИЕВА,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

АНАЛИЗ УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМИ ИННОВАЦИЯМИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ: ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ, ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ

В статье осуществлен анализ управления технологическими инновациями на промышленных российских предприятиях на основе исследования источников финансирования инновационно-технологической деятельности промышленных предприятий, определения типа инновационной стратегии промышленных секторов на низко-, средне- и высокотехнологичных уровнях промышленности; сформированы рекомендации по созданию условий для реализации модернизации промышленности.

Ключевые слова: технологические инновации; управление технологическими инновациями; продуктовые инновации; процессные инновации; модернизация промышленности регионов.

(*Продолжение*)

Рассмотрим вопрос «прочих источников финансирования ТИ» (табл. 9).

Согласно «Порядку заполнения и представления формы федерального государственного статистического наблюдения № 4-инновация» (раздел 5), к «прочим источникам финансирования ТИ» относятся средства, полученные за счет «…привлечения кредитов и займов, в том числе на льготных условиях, а также средства венчурных фондов…»[1].

В работе Г.И. Гумеровой, Й. Яспер, Э.Ш. Шаймиевой проанализирована категория «прочих инвестиций» применительно к иностранному инвестированию в Республике Татарстан как промышленно-развитому российскому региону, где наряду с прямыми иностранными инвестициями, портфельными инвестициями выделяется графа «прочие иностранные инвестиции» [18]. По мнению авторов, понятие «прочих инвестиций» в исследуемом случае (согласно табл. 9) возможно раскрыть следующим содержанием: «…к этой категории относятся товарные кредиты и прочие кредиты, в том числе кредиты с отсрочкой платежа до 180 дней и более, кредиты Международных финансовых организаций (в том числе кредиты Европейского Банка Реконструкции и Развития), также как кредиты правительств иностранных государств против гарантий правительства Российской Федерации. Представляется, что под «прочими инвестициями» понимается также венчурный капитал и передача кредитов партнерам по проекту в рамках совместного предприятия…» [18, с. 157–159].

Следовательно, можно предположить, что финансирование инновационно-технологической деятельности промышленных предприятий в РФ за период 2000–2010 гг. осуществляется по схеме «собственные средства + (торговые) кредиты с длительными отсрочками платежа». Примечательными здесь являются значительные масштабы кредитования ТИ со стороны зарубежных партнеров в сравнении с иностранным инвестированием ТИ, что подчеркивает отсутствие заинтересованности иностранных инвесторов к (прямому) финансированию инновационно-технологической деятельности (инновационных проектов) российских промышленных предприятий.

[1] Порядок заполнения и представления формы федерального государственного статистического наблюдения № 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организаций»: Постановление Росстата от 20.11.2006 № 68.

В табл. 9 показатель «затраты на ТИ в промышленности РФ» представлен в разрезе его составляющих. Согласно исследованию ОЭСР, доминирование категории «приобретение машин и оборудования является наиболее распространенным видом инновационной деятельности…» среди инновационно-активных предприятий во всех других странах, в том числе стран-членов ЕС [5, с. 139].

Российские промышленные предприятия следуют данной тенденции, не разрушая сложившиеся (в определенной степени, реликтовые) представления о модернизации, охватывающей, в первую очередь, модернизацию материального капитала при значительном отставании модернизации нематериального капитала (т.е. обучение персонала, приобретение программных средств и т.д.). В табл. 10 показано, что наиболее ярко тенденция в модернизации машин и оборудования представлена в среднетехнологичных отраслях промышленности: 60% от общих затрат на ТИ приходится на приобретение машин и оборудования (по состоянию на 2010 г.). Затраты на исследования и разработки в среднетехнологичных отраслях находятся на втором месте по своей значимости. Из данных табл. 10 видно, что наиболее активными в области затрат на исследования и разработки являются в 2010 г. высокотехнологичные производства (44% от общих затрат на ТИ) и низкотехнологичные производства (31%).

В табл. 11 представлены типы инновационных стратегий, характерных для российской промышленности в период 2002–2010 гг., сформированные авторами на основе методики A. Kogler [10, с. 120–128]. В рамках данной методики рассчитывается индекс инновационной стратегии отрасли. В случае, если значение индекса инновационной стратегии составляет более 1, можно говорить о продукт-ориентированной стратегии отрасли; если менее 1 – то о процесс-ориентированной стратегии. Согласно данным табл. 11, в секторах «добыча полезных ископаемых», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды» реализуется процесс-ориентированная стратегия: здесь индекс инновационной стратегии составляет 0,2 и 0,4 соответственно. В секторе «обрабатывающие производства» отмечается продукт-ориентированная стратегия с индексом инновационной стратегии 1,09 (табл. 11).

Таблица 9

Объем и структура затрат на ТИ в промышленности РФ за период 2000–2010 гг. (млн руб., %)

Год	Всего затрат на ТИ	В том числе								
		Исследования и разработки	Приобретение машин и оборудования	Приобретение новых технологий	Приобретение программных средств	Производственное проектирование	Другие виды подготовки производства	Обучение и подготовка персонала	Маркетинговые исследования	Прочие затраты
Объем затрат на ТИ, млн руб.										
2000	49953,1	7201,2	28652,7	1786,6	1032,8	5151,4	–	640,6	820,9	(4666,9)
2002	87947,2	15858,8	47324,6	9490,8	1745,6	12110,4	–	505,5	380,8	(530,7)
2004	125162,1	21728,9	68 706,6	3380,2	1942,6	8756,0	–	658,2	668,2	(19321,4)
2006	188492,2	35014,7	102991,8	3364,4	3885,1	17540,7	9079,7	850,6	649,5	15115,7
2008	276262,3	41485,7	162 900,5	6817,5	4970,3	19921,0	15664,9	4109,2	1265,7	19127,6
2010	349763,3	72040,9	190553,1	4637,5	4273,3	25755,4	25367,0	844,0	1930,4	24361,7
Удельный вес, %										
2000	100	14	58	4	2	10	0	1	2	9
2002	100	18	53	11	2	14	0	1	0	1
2004	100	17	54	3	2	7	0	1	1	15
2006	100	19	55	2	2	9	5	0	0	8
2008	100	15	60	2	2	7	6	1	0	7
2010	100	21	55	1	1	7	7	0	1	7

Примечание: (…) – в скобках указаны данные, не учтенные официальной статистикой и включенные авторами в «прочие затраты»[2].

**Источник:* [7, с. 426; 15, с. 565; 9, с. 563].

[2] Суммарный итог составляющих не равен указанному официальной статистикой значению.

Таблица 10

Анализ и объем структуры затрат на ТИ в секторальном разрезе по промышленности РФ, в 2010 г.

Всего затрат на ТИ секторов промышленности		В том числе								
		Исследования и разработки	Приобретение машин и оборудования	Приобретение новых технологий	Приобретение программных средств	Производственное проектирование	Другие виды подготовки производства	Обучение и подготовка персонала	Маркетинговые исследования	Прочие затраты
		А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И
Высокотехнологичные производства										
млн руб.	23155,6	9970,5	7324,9	197,9	224,9	3067,0	766,6	98,4	18,5	1486,7
%	100	44	32	3	1	13	3	0	0	6
Среднетехнологичные производства										
млн руб.	222859,9	29519,3	138736,4	2087	2151	18634,8	20060,8	252,6	882,1	10535,9
%	100	13	63	1	1	8	9	0	0	5
Низкотехнологичные производства										
млн руб.	103747,8	32550,9	44492	2352,5	1897,5	4053,6	4539,5	492,9	1029,8	12339,3
%	100	31	44	2	2	4	4	0	1	12

**Источник:* составлено на основе: [9, с. 567].

Таблица 11

Определение типа инновационной стратегии применительно к продуктовым и процессным инновациям в секторах промышленности РФ, 2002–2010 гг., на основе затрат на технологические инновации[3]

Затраты на ТИ всего, среднее значение 2002–2010 гг., млн руб., из них:				231358,6
1) Добыча полезных ископаемых, среднее значение 2002–2010 гг., млн руб.				
Продукт	Процесс	Продукт[4]	Процесс	Индекс инновационной стратегии
5669,02	30892,1	4%	13,35	0,2
2) Обрабатывающие производства, среднее значение 2002–2010 гг., млн руб.				
94143,7	86259,7	40,7%	37,28%	1,09
3) Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, среднее значение 2002 – 2010 гг., млн руб.				
4142,5	9841,7	1,8%	4,2%	0,4

**Источник:* [20, с. 372; 9, с. 567].

Использование современного инструмента ОЭСР «измерения» уровня технологичности отраслей (имеется ввиду распределение отраслей по степени промышленного развития) дает нам более точную картину в области определения инновационной стратегии промышленных отраслей применительно к 2009 г. На основе данных табл. 12 выявлено, что продукт-ориентированная стратегия есть характеристика высокотехнологичных производств; здесь индекс инновационной стратегии составляет 3,57. Для средне- и низкотехнологичных производств характерна процесс-ориентированная стратегия (0,9 и 0,26 – значения индекса инновационной стратегии) (табл. 12).

[3] Необходимо отметить, что в более ранних статистических сборниках авторами не найдены данные по, в частности, сектору «производство и распределение электроэнергии, газа и воды», поэтому анализируется период 2002–2010 г. [7, с. 426].

[4] Соотношение среднего значения по отрасли к средним значениям по промышленности, в процентах.

Таблица 12

Определение типа инновационной стратегии применительно к низко-, средне- и высокотехнологичным отраслям РФ в 2009 г.

Затраты на ТИ всего, в 2009 г., в промышленных секторах, млн руб., из них:				**358861,1**
1) Высокотехнологичные производства				
Продукт	Процесс	Продукт[5]	Процесс	Индекс инновационной стратегии
14018,9	3929,1	3,9%	1,09%	3,57
2) Среднетехнологичные производства				
97889,4	108506,8	27,3%	30,2%	0,9
3) Низкотехнологичные производства				
28264,5	106252,3	8%	30,3%	0,26

**Источник:* [20, с. 377].

Анализ табл. 11 и 12 подтверждает тезис A. Kogler о доминировании в высокотехнологичных отраслях продукт-ориентированной стратегии, в низкотехнологичных отраслях – процесс-ориентированной стратегии, в среднетехнологичных отраслях возможна реализация двух типов инновационных стратегий[6].

В табл. 13 представлены данные по численности и удельному весу малых, средних и крупных предприятий промышленности, осуществлявших ТИ в высоко-, средне- и низкотехнологичных производствах РФ, осуществлявших ТИ. Из анализа данных табл. 13 очевидно, что малые, средние и крупные предприятия промышленности достаточно равномерно распределены в различных секторах промышленности РФ за период 2003–2007 гг.[7] Необходимо отметить рост числа малых предприятий за период 2003–2007 гг.: число малых предприятий в высокотехнологичных отраслях увеличилось на ≅42%, в среднетехнологичных отраслях – на ≅33%, в низкотехнологичных отраслях – на ≅16% (в то время как увеличение числа крупных и средних промышленных предприятий осуществлялось в следующем соотношении: в высокотехнологичных отраслях увеличение на ≅15%, среднетехнологичных отраслях на ≅20%.

На рис. 2 проиллюстрированы данные удельного веса промышленных предприятий в соответствующих производствах, осуществлявших ТИ (согласно данным табл. 13). При этом создается объемная картина роста малых частных предприятий в высокотехнологичных производствах за период 2003–2007 г., сокращения малых предприятий в низкотехнологичных отраслях; отмечается определенная стагнация в среднетехнологичном производстве, где число малых предприятий, осуществлявших ТИ, стабильно за анализируемый период. Удельный вес инновационно-активных крупных и средних частных предприятий сокращается во всех промышленных отраслях, однако наиболее значительно сокращение крупных и средних предприятий в низко- и среднетехнологичных отраслях.

Таким образом, продукт-ориентированное развитие высокотехнологичных производств обеспечивается значительным ростом малых (частных) предприятий, менее масштабным, но все же увеличением числа крупных и средних (частных) предприятий, осуществлявших ТИ. Доля последних в любом случае значительна в высокотехнологичных отраслях, в сравнении с числом малых предприятий. Процесс-ориентированное развитие в низко- и среднетехнологичных отраслях за период 2003–2007 гг. обеспечивается также крупными и средними (частными) предприятиями на фоне, в целом, уменьшения крупных, средних, малых предприятий, осуществляющих ТИ.

---

[5] Соотношение среднего значения по отрасли к средним значениям по промышленности, в процентах.

[6] Промышленность России. 2010. – М.: Росстат, 2010; Малое предпринимательство в России. 2008. – М.: Росстат, 2008.

[7] В связи с тем, что в 2009 г. в статистическом справочнике указан уже «удельный вес малых предприятий, осуществлявших ТИ, в общем числе обследованных предприятий, в процентах», т.е. без указания точных данных по числу МП, актуализировать данную таблицу к 2009 г. и далее не представляется возможным. Отсюда авторами исследуется период 2003–2007 гг. ввиду доступности статистических данных в необходимом разрезе (т.е. на низко-, средне- и высокотехнологичном уровнях) только за этот период.

Таблица 13

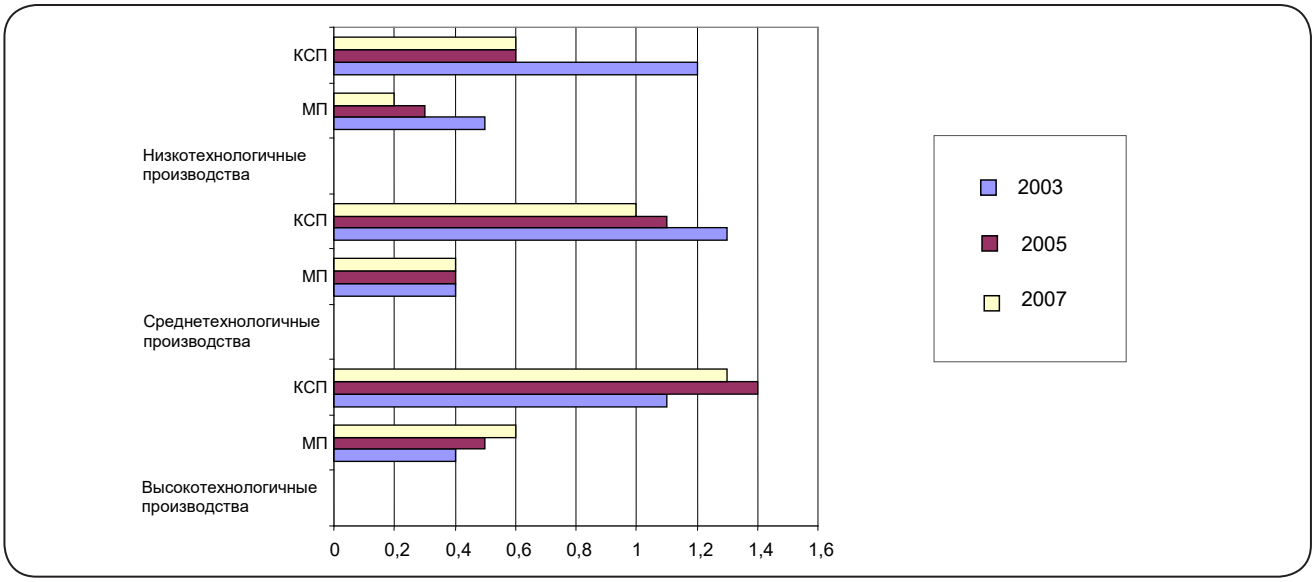
Анализ численности и удельный вес малых, крупных и средних предприятий, осуществлявших ТИ, в 2003–2007 гг. в промышленности РФ

Годы	2003	2005	2007	2003	2005	2007
Высокотехнологичные производства						
Всего действующих ПП	В ед.			В %		
	32165*	32165*	32165*	100	100	100
Малые предприятия в промышленности, осуществлявшие ТИ	121[8]	141	173	0,4	0,4	0,5
Крупные и средние предприятия, осуществлявшие ТИ (всего)	373	427	430	1,1	1,3	1,3
Среднетехнологичные производства						
Всего действующих ПП	83005	101450	117373	100	100	100
Малые предприятия, осуществлявшие ТИ	321	368	429	0,4	0,4	0,4
Крупные и средние предприятия, осуществлявшие ТИ (всего)	1054	1094	1138	1,3	1,1	1,0
Низкотехнологичные производства						
Всего действующих ПП	61995	157310	160465	100	100	100
Малые предприятия, осуществлявшие ТИ	337	410	394	0,5	0,3	0,2
Крупные и средние предприятия, осуществлявшие ТИ (всего)	764	881	917	1,2	0,6	0,6

**Примечание:* здесь используются данные за 2008 г. ввиду того, что за анализируемый период 2003–2007 гг. данный показатель авторами не выявлен.

ПП – промышленные предприятия.

**Источники*: таблица составлена по: [11, с. 116–117; 15; 7, с. 626].



КСП – крупные и средние инновационно-активные промышленные предприятия.

МП – малые инновационно-активные промышленные предприятия.

Рис. 2. Инновационно-технологическая активность малых, средних и крупных предприятий промышленности в низко-, средне- и высокотехнологичных производствах РФ за период 2003–2007 гг. на основе данных удельного веса предприятий в общем числе действующих промышленных предприятий в соответствующем промышленном производстве

[8] Суммарное число малых предприятий в обрабатывающих предприятиях выявило недостаток в 2003 г. 54 малых предприятий, в 2005 г. – 51 малое предприятие, в 2007 г . – 63 малых предприятий. Этот недостаток в численности предприятий был разнесен авторами по трем категориям [11; 15].

В завершение исследования можно сформировать следующие научно-теоретические результаты:

1. Выявлено, что за период 2000–2010 гг. происходит значительное увеличение затрат на ТИ предприятий промышленного производства при сохранении на достаточном низком уровне числа инновационно-активных предприятий промышленности РФ, объема отгруженной инновационной продукции этих предприятий.

2. Определено, что около 90% собственных средств частных промышленных предприятий за период 2000–2010 гг. в рамках затрат на ТИ направляется на обновление устаревшего оборудовании. Показано, что в целом модернизация на промышленных российских предприятиях реализуется в направлении модернизации материального капитала, модернизации нематериального капитала придается незначительно внимание.

3. Установлено, что продукт-ориентированная стратегия высокотехнологичных отраслей за период 2003–2007 гг. обеспечивается значительным ростом малых, средних и крупных частных предприятий, осуществлявших ТИ.

Для процесс-ориентированной стратегии низкотехнологичных отраслей характерно сокращения числа всех типов предприятий.

Стратегия, близкая к продуктовой, в среднетехнологичных отраслях реализуется при определенной стагнации числа малых частных инновационных предприятий, сокращения числа крупных и средних инновационных частных предприятий.

Основной движущей силой, реализующей ТИ в промышленности в низко-, средне- и высокотехнологичных отраслях, являются крупные и средние инновационно-активные предприятия.

В качестве формирования благоприятных условий для реализации модернизации промышленности сформированы следующие рекомендации:

1. Необходимо трактовать понятие «модернизация» как обновление материального и нематериального капитала, с достижением минимального временного интервала между двумя этими процессами.

2. Необходимо уделить большее внимание человеческому потенциалу в процессе модернизации промышленности, что заключается (применительно к теме работы) в активной деятельности в области «импорта исследований и разработок», т.е. означает включение в научно-исследовательский процесс сотрудничества с зарубежными учеными, компаниями; обучение персонала промышленных предприятий в процессе обновления оборудования.

3. Необходимо расширять источники финансирования инновационно-технологической деятельности промышленных предприятий, отказываясь от (малоэффективной) современной схемы финансирования ТИ «собственные средства + (торговые) кредиты с длительными отсрочками платежа» в пользу современных форм финансирования инновационно-технологической деятельности, в целях повышения уровня коммерциализации производимой инновационной продукции. Это достигается, по мнению авторов, благодаря использованию принципов «открытых инноваций», т.е. открытию инновационного процесса промышленных предприятий и активному стратегическому использованию внешнего мира для усиления собственного инновационного потенциала [19, с. 86–104].

4. Необходимо акцентировать внимание на «прочих категориях технологического баланса, не имеющих технического содержания, но связанных с реализацией конкретного соглашения по обмену технологиями маркетинговые, рекламные, финансовые, страховые, транспортные и другие услуги», указав конкретно услуги по продвижению, финансовому сопровождению и логистике.

5. Необходимо эффективное управление инновационным процессом на этапах «новация-инновация», что достигается использованием принципов «открытых инноваций», эффективным стратегическим управлением разработок, коммерциализацией ТИ на каждом этапе инновационного процесса.

6. Необходимо совершенствование методологии управления ТИ на промышленных предприятиях для обеспечения эффективной модернизации промышленности с учетом требований V, VI технологических укладов.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного прогноза научно-технологического развития Российской Федерации до 2025 г. – М., 2006. – 18 с.
2. Шаймиева Э.Ш. Инновации для реализации технологической модернизации регионов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. – 210 с.
3. Индикаторы инновационной деятельности: 2009. Статистический сборник. – М.: ГУ ВШЭ, 2009.
4. Обзоры ОЭСР по инновационной политике Российской Федерации. – М.: OECD, 2011. – 319 с.
5. Промышленность России. 2010. – М.: Росстат, 2010.
6. Постановление от 8.11.2006 № 64 об утверждении порядка заполнения и представления формы Федерального государственного статистического наблюдения № 1-лицензия «Сведения о коммерческом обмене технологиями с зарубежными странами (партнерами)». – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=64991
7. Официальный сайт Росстат. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_13/IssWWW.exe/Stg/d02/12-01.htm
8. Нижнекамскнефтехим. Инвестиционная фирма «Олма». – URL: http://www.olma.ru/files/analytic/nknc_rus.pdf
9. Гумерова Г.И., Яспер Й., Шаймиева Э.Ш. Прямые иностранные инвестиции в химическом и нефтехимическом комплексе Республики Татарстан. – Казань, 2005. – 251 с.
10. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Исследование вопросов инновационно-технологического развития промышленного региона на основе технологических инноваций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2010. – 355 с.
11. Промышленность России. 2008. – М.: Росстат, 2008.

В редакцию материал поступил 10.05.12

Информация об авторах

Гумерова Гюзель Исаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновационными проектами факультета инновационно-технологического бизнеса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Адрес: 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82, тел.: (495) 228-30-45

E-mail: ggumerova@mail.ru

Шаймиева Эльмира Шамилевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: kaz03@yandex.ru

G.I. GUMEROVA,

Doctor of Economics, Professor

Russian Academy of Economy and State Service of the President of the Russian Federation (Moscow),

E.SH. SHAIMIYEVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

ANALYSIS OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS MANAGEMENT AT RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES: SOURCES OF FINANCING, INNOVATIVE STRATEGY

The article analyzes technological innovations management at Russian industrial enterprises, basing on the study of financial sources of the innovative-technological activity of industrial enterprises, determining the type of innovative strategy of industrial sectors at low-, middle- and high-technology levels of industry; formulates recommendations for creating conditions for industry modernization.

Key words: technological innovations; management of technological innovations; product innovations; process innovations; modernization of regional industry.

References

1. *Kontseptsiya dolgosrochnogo prognoza nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii do 2025 g. Moscow* (Conception of long-term predicting of scientific-technological development of the Russian Federation till 2025), 2006, 18 p.
2. Shaimieva E.Sh. *Innovatsii dlya realizatsii tekhnologicheskoi modernizatsii regionov* (Innovations for technological modernization of regions). Kazan': Izd-vo Instituta ekonomiki, upravleniya i prava “Poznanie”, 2011, 210 p.
3. *Indikatory innovatsionnoi deyatel'nosti: 2009.* (Indicators of innovative activity. 2009.). Moscow: GU VShE, 2009.
4. *Obzory OESR po innovatsionnoi politike Rossiiskoi Federatsii* (OESR Reviews on innovative policy of the Russian Federation). Moscow: OECD, 2011, 319 p.

5. Promyshlennost' Rossii. 2010. (Russian industry. 2010) Moscow: Rosstat, 2010.
6. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=64991
7. http://www.gks.ru/bgd/regl/b06_13/IssWWW.exe/Stg/d02/12-01.htm
8. http://www.olma.ru/files/analytic/nknc_rus.pdf
9. Gumerova G.I., Yasper I., Shaimieva E.Sh. *Pryamye inostrannye investitsii v khimicheskom i neftekhimicheskom komplekse Respubliki Tatarstan* (Direct foreign investment into chemical and petrochemical complex of the Republic of Tatarstan). Kazan', 2005, 251 p.
10. Gumerova G.I., Shaimieva E.Sh. *Issledovanie voprosov innovatsionno-tekhnologicheskogo razvitiya promyshlennogo regiona na osnove tekhnologicheskikh innovatsii* (Research of the issues of innovative-technological development of an industrial region based on technological innovations). Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2010, 355 p.
11. *Promyshlennost' Rossii. 2008.* (Russian industry. 2008.) Moscow: Rosstat, 2008.

Information about the authors

Gumerova Gyuzel Isayevna, Doctor of Economics, Professor of Chair of control of innovative projects of faculty of innovative and technological business, Russian academy of national economy and public service in case of the President of the Russian Federation, Moscow

Address: 119571, Moscow, Vernadsky Avenue, 82, tel.: (495) 228-30-45

E-mail: ggumerova@mail.ru

Shaymieva Elmira Shamilevna, PhD (Economics), Associate professor of management, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 420111, Kazan, Moskovskaya St., 42, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: kaz03@yandex.ru

УДК 331.5

И.В. ГУСЬКОВА,
доктор экономических наук, профессор,
В.А. КОЖИН,
доктор экономических наук, профессор
Нижегородский институт менеджмента и бизнеса,
А.Г. САКСИН,
доктор экономических наук, доцент
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

ТЕНДЕНЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

Статья посвящена анализу факторов рынка труда в Нижегородской области в период кризиса 2008–2010 гг. и посткризисный период 2011–2012 гг. Приведен ряд показателей, связанных с занятостью населения и демографической ситуацией в регионе. Сделаны выводы о тенденциях развития рынка труда в Нижегородской области.

Ключевые слова: рынок труда; прогноз развития; экономический кризис; Нижегородская область.

Нижегородская область – один из крупнейших регионов европейской части РФ, обладающий мощным производственным потенциалом. На территории области зарегистрировано 90,1 тыс. предприятий и организаций различных видов экономической деятельности и форм собственности. По численности населения наш регион находится на 3-м месте в округе после республик Башкортостан и Татарстан.

Сначала рассмотрим демографическую ситуацию в посткризисный период (табл. 1).

Анализируя данные табл. 1, можно сделать следующие выводы:

Население Нижегородской области продолжает убывать, несмотря на все антикризисные меры, предпринимаемые правительством области. За период с 2007 по 2011 гг. население сократилось на 2,5%.

Структура городского и сельского населения не менялась, примерно 79% проживает в городе и 21% – в селах.

Городское население за этот период сократилось на 2%, а сельское население на 4,35%.

Налицо негативная демографическая ситуация, особенно ярко она выражена в сельской местности.

Таблица 1

Численность населения Нижегородской области[1]

Годы	Все население, чел.	В том числе		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2007	3 381 328	2 658 788	722 540	78,6	21,4
2008	3 359 816	2 646 537	713 279	78,8	21,2
2009	3 340 684	2 635 979	704 705	78,9	21,1
2010	3 326 885	2 622 772	704 113	78,8	21,2
2011	3 307 648	2 611 272	696 376	78,9	21,1
2012	3 296 947	2 605 394	691 553	79,0	21,0

[1] Нижегородская область в цифрах. 2012: краткий стат. сб. – Н. Новгород: Нижегородстат, 2012. – 434 с.

Распределение населения по возрастным группам представлено в табл. 2.

Как видно из табл. 2, происходит явная депопуляция населения, доля населения старше трудоспособного возраста увеличивается, и составляла в 2011 г. 25%, но есть и положительная тенденция роста удельного веса населения моложе трудоспособного до 14,5%.

Наибольший удельный вес занимают лица, находящиеся в возрасте от 50 до 54 лет, т.е. в предпенсионном возрасте.

В чем же причины сложившейся ситуации? Во-первых, сохраняется высокая естественная убыль населения, если в 2007 г. коэффициент естественной убыли равнялся 8,4, то в 2011 г. – 5,4. На каждую 1000 жителей области пришлось 11,4 рождений и 16,2 смертей в начале 2012 г. (в 1 полугодии 2011 г. соответственно 10,4 рождений и 17,0 смертей).

Высокая смертность вызвана заболеваниями системы кровообращения, новообразованиями и внешними причинами смерти (травмы, ДТП, убийства, самоубийства и т.д.).

В целом по области уровень смертности превышает уровень рождаемости в 1,4 раза, в городских поселениях – в 1,4 раза, а в сельской местности – в 1,7 раза.

Если сравнивать Нижегородскую область и регионы ПФО, то по основным показателям воспроизводства населения за январь–июнь 2011 г. наша область находилась:

– по показателям рождаемости на 9 месте (11,4 промилле). Самый высокий уровень рождаемости в Удмуртской Республике 14,9 промилле;

– по показателям смертности среди 14 регионов имеет максимальное значение – 16,2 промилле. Самый низкий уровень смертности в Республике Татарстан – 12,2 промилле.

Таблица 2

Распределение населения по возрастным группам (на начало года)[2]

Группы населения	Тыс. человек			В % к итогу			На 1000 мужчин соответствующего возраста приходится женщин		
	2009	2010	2011	2009	2010	2011	2009	2010	2011
Все население	3340,7	3310,6	3307,7	100	100	100	1221	1221	1212
В том числе в возрасте, лет: 0–4	160,5	163,3	164,9	4,8	4,9	5,0	946	942	944
5–9	138,8	144,6	144,9	4,2	4,4	4,4	949	944	944
10–14	146,3	137,8	137,5	4,4	4,2	4,2	948	953	952
15–19	200,2	184,2	180,5	6,0	5,6	5,5	981	937	940
20–24	283,7	277,3	276,6	8,5	8,4	8,4	993	953	949
25–29	270,8	267,4	268,0	8,1	8,1	8,1	942	977	977
30–34	243,9	244,2	244,5	7,3	7,4	7,4	1032	1017	1014
35–39	225,8	227,7	228,4	6,8	6,9	6,9	1059	1062	1063
40–44	214,5	209,2	209,3	6,4	6,3	6,3	1097	1085	1085
45–49	273,2	242,2	238,9	8,2	7,3	7,2	1155	1142	1142
50–54	278,1	280,1	279,9	8,3	8,4	8,5	1237	1216	1214
55–59	238,4	246,8	247,7	7,1	7,4	7,5	1370	1355	1353
60–64	146,8	196,4	199,8	4,4	5,9	6,0	1515	1487	1493
65–69	136,4	99,9	98,2	4,1	3,0	3,0	1934	1854	1841
70 и более	382,9	389,3	388,4	11,5	11,8	11,7	2693	2714	2724
Из общей численности население в возрасте:									
моложе трудоспособного	476,7	477,1	477,9	14,2	14,4	14,5	948	946	947
трудоспособном	2060,1	2005,9	2000,8	61,7	60,6	60,5	961	943	941
старше трудоспособного	804,0	827,6	828,9	24,1	25,0	25,1	2855	2783	2784

[2] Россия 2012: стат. справочник. – М.: Росстат, 2012. – 59 с.

– что касается сравнения с общероссийскими показателями, то Нижегородская область находится в незавидном положении, естественная убыль населения в Нижегородской области в 6 раз выше, чем по России в среднем.

На наш взгляд, правительству области следует обратить больше внимания на систему здравоохранения и на эффективность ее работы, ведь несмотря на огромные расходы в данной отрасли, демографическая ситуация не улучшается.

Миграционный прирост невелик, в 2010 г. он составил 34 тыс. человек, в основном – это население из государств Закавказья и Средней Азии (60% международной миграции). Миграция внутри региона составляет 64,8% от всего миграционного прироста [1].

Миграционный прирост за январь–июнь 2012 г. на 46,9% компенсировал естественную убыль, в результате абсолютные потери в численности населения за январь–июнь 2012 г. составили 4,2 тыс. человек.

Анализ показывает, что в основном мигранты представляют собой низкоквалифицированную рабочую силу. Нижегородская область являлась и до сих пор остается научным и образовательным центром как в России, так и в Поволжье, поэтому необходимо разработать программу, позволяющую привлекать более квалифицированные кадры из других регионов России, и стран СНГ, которые могли бы реализовать здесь свои профессиональные амбиции, но для этого необходимо решить проблему доступного жилья и ипотеки.

На рынке труда ситуация в области к концу 2011 г. – началу 2012 г. несколько улучшилась. Как показывает анализ структуры экономически активного населения (табл. 3), число занятых увеличилось на 15,7 тыс. человек в 2011 г. по сравнению с 2010 г., а число фактических безработных сократилось на 10,1 тыс. человек, но показатель уровня безработицы еще не достиг докризисного уровня 2007–2008 гг. [2].

Таблица 3

Численность экономически активного населения[3]

Группы населения	Годы				
	2007	2008	2009	2010	2011
	Тысяч человек				
Экономически активное население, всего	1818,1	1804,3	1823,8	1800,0	1805,7
В том числе:					
занятые в экономике	1735,6	1702,5	1688,2	1660,3	1676,0
безработные	82,5	101,8	135,6	139,8	129,7
Мужчины	908,7	914,0	904,5	903,2	904,4
В том числе:					
занятые в экономике	859,0	858,7	822,9	818,8	831,5
безработные	49,7	55,3	81,6	84,4	72,9
Женщины	909,4	890,3	919,3	896,9	901,3
В том числе:					
занятые в экономике	876,6	843,8	865,3	841,5	844,5
безработные	32,8	46,5	54,0	55,4	56,8
	В % к итогу				
Экономически активное население, всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
занятые в экономике	95,5	94,4	92,6	92,2	92,8
безработные	4,5	5,6	7,4	7,8	7,2
Мужчины	100	100	100	100	100
В том числе:					
занятые в экономике	94,5	93,9	91,0	90,7	91,9
безработные	5,5	6,1	9,0	9,3	8,1
Женщины	100	100	100	100	100
В том числе:					
занятые в экономике	96,4	94,8	94,1	93,8	93,7
безработные	3,6	5,2	5,9	6,2	6,3

[3] Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 795 с.

Однако стоит отметить высокий уровень фактической безработицы по сравнению с официально зарегистрированной. К концу июня 2012 г., по сравнению с той же датой предыдущего года, число официально зарегистрированных в службе занятости безработных сократилось на 5,5 тыс. человек (с 18,5 до 13,0 тыс.).

Уровень официально зарегистрированной безработицы на 1 июля 2012 г. составил в Нижегородской области 0,72% – самый низкий среди регионов ПФО (самый высокий уровень безработицы отмечен в Пермском крае – 1,59%).

Если же сравнивать показатель уровня фактической безработицы по сравнению с общероссийским уровнем то, он выше на 0,8%: в Нижегородской области уровень безработицы составляет 7,2%, а в Российской Федерации 6,4%. Это можно объяснить наличием в области таких моногородов, как Заволжье, Павлово, Выкса и других, ухудшением ситуации на ОАО «ГАЗ». Данные обстоятельства естественно увеличивают напряженность на рынке труда Нижегородской области, обостряют многие социально-экономические проблемы.

Интересным является тот факт, что уровень женской безработицы в Нижегородской области гораздо ниже, чем уровень мужской, что требует более детального исследования причин этого явления. Чем это вызвано? То ли у мужчин более высокие зарплатные ожидания, то ли на рынке труда предлагается больше женских профессий, чем мужских. Хотя в последние годы в научной литературе все чаще поднимается проблема дефицита рабочих кадров, среди которых востребованы в основном мужские профессии. Почему же возникает такой парадокс?

Что касается структуры занятых по формам собственности, то государство и муниципалитет остаются одним из крупнейших работодателей на рынке труда Нижегородской области. Около 29% занятого населения работает в организациях государственной и муниципальной форм собственности, по России же этот показатель составляет 30,4%.

Анализ распределения занятых по видам экономической деятельности показывает, что область трансформируется из промышленно-аграрной области в регион, где в основном преобладает сфера услуг. Так, в промышленности в 2011 г. было занято всего 21,6% занятого населения. В то время как удельный вес занятых только в торговле составляет 21,3%. Данные тенденции практически полностью совпадают с общероссийскими реалиями. Экономика региона, так же, как и экономика страны, нуждается в продуманной производственной политике, стимулирующей развитие промышленности, строительства, внедрении новых технологий.

Согласно опросу, проведенному нами в 2008–2012 гг., среди наиболее значимых трудностей в развитии бизнеса большинство респондентов отметили постоянный неконтролируемый рост цен на энергоресурсы, высокий уровень бюрократизма и коррупции в органах власти, а также сокращение платежеспособного спроса внутри России.

Как уже отмечалось, для роста экономики нужна хорошая покупательная способность населения, а значит и приличный уровень жизни населения.

Говоря об уровне жизни населения области, необходимо отметить, что за 1 полугодие 2012 г. по сравнению с соответствующим периодом 2011 г. на 10,9% выросли среднедушевые денежные доходы и составили 18 376 руб. По данному показателю Нижегородская область занимает 4 место среди регионов округа после Самарской области, Республики Татарстан и Пермского края. В России данный показатель составил 20 702 руб., что на 12,7% больше, чем в нашей области.

При этом реальные денежные доходы населения, т.е. доходы за минусом обязательных платежей и взносов, скорректированные на индекс потребительских цен, увеличились на 6,4%.

Средняя номинальная начисленная заработная плата работающих на предприятиях к началу 2012 г. составила 19 614 руб., что выше по сравнению с прошлогодней зарплатой на 15%. Среди регионов ПФО самая высокая начисленная заработная плата в Республике Татарстан – (21 433 руб.), наименьшая – в Республике Мордовия (12 924 руб.). В России значение средней номинальной начисленной заработной платы составляет 23 693 руб., что на 20,8% выше, чем в Нижегородской области. В конечном итоге, несмотря на очевидную прогрессию в уровне доходов населения в области, показатели уровня жизни населения гораздо ниже, чем по России в целом, что приводит к оттоку квалифицирован-

ных, наиболее мобильных специалистов в более развитые регионы, в том числе в Москву и Санкт-Петербург. В результате сужается и рынок сбыта продукции Нижегородских производителей.

По состоянию на 1 июля 2012 г. в Нижегородской области задолженность по заработной плате в сумме 80 млн руб. имеют 23 предприятия (не относящиеся к субъектам малого предпринимательства).

Среди регионов ПФО наибольшая суммарная задолженность по заработной плате отмечалась в Кировской области (108,6 млн руб.), наименьшая – в Республике Мордовия (3,2 млн руб.).

При этом доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составляет 12,8%, рост которой составил 2,1%. В России этот показатель равен 12,8%, однако наблюдается его снижение.

Официальная статистика показывает, что более 70% доходов граждан как в России, так и в области составляет заработная плата, однако ее низкое значение не только не обеспечивает платежеспособный спрос в области, но и приводит к низкой производительности труда, отсутствию заинтересованности в достижении результатов, перемещению рабочей силы по горизонтали, снижению конкуренции на рынке труда. Наша страна, да и наша область в течение долгих лет остается регионом с дешевой рабочей силой. В результате остается нерешенной проблема неэффективной и скрытой занятости и др.

Благоприятным для области обстоятельством является то, что коэффициент фондов равен 13,4, в то время как в России – 16,5, что свидетельствует о более равномерном распределении доходов между разными группами населения и снижении социальной напряженности в области. Поскольку в официальной статистике не учитываются теневые доходы, в данной статье мы на них ориентироваться не будем.

Анализируя программу содействия занятости населения Нижегородской области, можно прийти к выводу, что большая часть средств уходит на выплату пособий по безработице и организацию общественных работ. В настоящее время для развития экономики области необходимы серьезные вливания в улучшение ее инфраструктуры: качества дорог, коммуникаций и т.д. Как показывает опыт США и ряда стран Западной Европы, инвестиции в инфраструктуру региона в конечном итоге являются доходными за счет роста ВРП, увеличения налогов, доходов субъектов экономики и увеличения мобильности всех ресурсов. Привлечение безработных к таким проектам позволило бы решить многие социально-экономические проблемы.

Подводя итог основных социально-экономических тенденций на рынке труда, хотелось бы отметить как положительные, так и негативные сдвиги:

В посткризисный период в Нижегородской области несколько улучшилась ситуация на рынке труда: сократилась безработица, выросло число занятых, наблюдается рост доходов населения и заработной платы. Однако, сравнивая данные социально-экономические показатели с общероссийскими, можно сделать вывод об отставании области. Необходимо срочно решить проблему неэффективной занятости, основной причиной которой является дешевая рабочая сила, немотивированная на повышение результативности и эффективности.

Не стабилизируется и демографическая ситуация в области, а показатель естественной убыли населения в 6 раз превышает общероссийский. Правительству области следует уделять больше внимания социальным сферам, прежде всего, здравоохранению, физкультуре и спорту.

Настораживает факт превышения числа безработных мужчин в условиях дефицита рабочих специальностей. Мужчина теряет свой социальный статус «добытчика» для своей семьи.

Нижегородская область теряет свою промышленно-аграрную специализацию (особенно это касается наукоемких технологий), в основном развивается сектор услуг, который не может стать базообразующим для экономического роста в области. Необходима разработка новой соответствующей настоящим реалиям производственной политики, стимулирующей развитие промышленности, строительства и инновационных отраслей.

Остается высокой доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, причем наблюдается ее рост, что усилит социально-экономическую напряженность на рынке труда, но не увеличит производительность труда, будучи негативным фактором для экономического роста области.

Список литературы

1. Трансформация рынка труда России / под ред. И.В. Гуськовой. – Н. Новгород: НИМБ, 2010. – 288 с.

2. Кризис и управление предприятием / под ред. А.П. Егоршина. – Н. Новгород: НИМБ, 2011. – 416 с.

В редакцию материал поступил 28.08.12

Информация об авторах

Гуськова Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

Адрес: 603062, г. Н. Новгород, ул. Горная, 13, тел.: (831) 465-66-60

E-mail: Guskova545@yandex.ru

Кожин Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и бухучета, Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

Адрес: 603062, г. Н. Новгород, ул. Горная, 13, тел.: (831) 465-66-60

E-mail: fin@nimb.nnov.ru

Саксин Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и статистики, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Адрес: 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65, тел.: (831) 430-54-97

E-mail: a.g.saksin@mail.ru

I.V. GUS'KOVA,

Doctor of Economics, Professor,

V.A. KOZHIN,

Doctor of Economics, Professor

Nizhniy Novgorod Institute for Management and Business,

A.G. SAKSIN,

Doctor of Economics, Associate Professor

Nizhniy Novgorod State University for Architecture and Construction

TRENDS ON THE LABOR MARKET OF NIZHNIY NOVGOROD OBLAST IN THE POST-CRISIS PERIOD

The article is devoted to the analysis of labor market factors in Nizhniy Novgorod oblast during the crisis of 2008–2010 and post-crisis period of 2011–2012. The authors give a number of indicators connected with employment and demographic situation in the region, and make conclusions about the trends of labor market development in Nizhniy Novgorod oblast.

Key words: labor market; development prediction; economic crisis; Nizhniy Novgorod oblast.

References

1. *Transformatsiya rynka truda Rossii* (Transformation of labor market in Russia). Nizhnii Novgorod: NIMB, 2010, 288 p.

2. *Krizis i upravlenie predpriyatiem* (Crisis and enterprise management). Nizhnii Novgorod: NIMB, 2011, 416 p.

Information about the authors

Gus'kova Irina Vladimirovna, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economics, Nizhniy Novgorod Institute for Management and Business

Address: 13 Gornaya Str., 603062 Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 465-66-60

E-mail: Guskova545@yandex.ru

Kozhin Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Finance and Accounting, Nizhniy Novgorod Institute for Management and Business

Address: 13 Gornaya Str., 603062 Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 465-66-60

E-mail: fin@nimb.nnov.ru

Saksin Alexey Gennadievich, Doctor of Economics, Associate Professor of the Chair of Economics, Finance and Statistics, Nizhniy Novgorod State University for Architecture and Construction

Address: 65 Il'inskaya Str., 603950 Nizhniy Novgorod, Russia, tel.: (831) 430-54-97

E-mail: a.g.saksin@mail.ru

УДК 338.24:330.1

Т.В. КРАМИН,
доктор экономических наук, профессор,
Н.В. КОЧЕТКОВА,
старший преподаватель
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ТРАНСАКЦИОННОГО ПОДХОДА[1]

В статье рассмотрена иерархическая структура интеллектуального капитала, выделены основные виды трансакционных издержек, свойственных интеллектуальному капиталу негосударственных вузов, приведена модель управления интеллектуальным капиталом на основе снижения трансакционных издержек.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; трансакционные издержки; риски.

В условиях современного постиндустриального общества в центре внимания государственных организаций и ученых страны становится проблема развития национальной инновационной системы.

Высокий уровень рентабельности интеллектуального капитала по сравнению с капиталом физическим в условиях становления постиндустриальной экономики и развития рыночных отношений существенно преобразовали условия функционирования системы высшего образования [1].

Сфера образовательных услуг уникальна, так как основной деятельностью образовательных учреждений является передача знаний, позволяющих увеличить стоимость интеллектуального капитала не только предприятий других отраслей, но и страны в целом. При этом основным «инструментом» деятельности организаций, работающих в сфере образовательных услуг, является интеллектуальный капитал. В связи с отсутствием единого мнения о содержании и структуре интеллектуального капитала образовательных учреждений, необходимо сформировать структуру, которая позволит связать между собой процессы управления развитием интеллектуального капитала и организовать внутреннюю структуру таким образом, чтобы стимулировать и поддерживать процессы самоорганизации учреждений сферы образования.

Анализ научных трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых-экономистов, посвященных управлению интеллектуальным капиталом, позволяет сделать заключение о том, что в экономической литературе до сих пор не выработан единый теоретический подход к данному понятию.

В работе интеллектуальный капитал определен как *нефинансовый ресурс, дающий конкурентные преимущества и обладающий способностью добавлять ценность организации.*

В результате проведения сравнительного анализа характеристик интеллектуального капитала в существующих подходах, а также на основе проведенных исследований цепочки создания стоимости выявлены три последовательных взаимосвязанных крупных элемента, которые определяют иерархическую структуру создания стоимости, позволяющие выявить возможные пути оптимизации сквозных бизнес-процессов (рис. 1).

Активы I уровня включают в себя человеческий капитал. Начало работы любой организации начинается с формирования именно этого актива. Говоря о сфере образовательных услуг, к активам I уровня отнесем: руководство, или административно-управленческий аппарат, профессорско-преподавательский состав (ППС), учебно-вспомогательный персонал и других сотрудников, в той или иной мере обеспечивающих учебно-воспитательный процесс и научно-исследовательскую деятельность.

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-02-00427а.

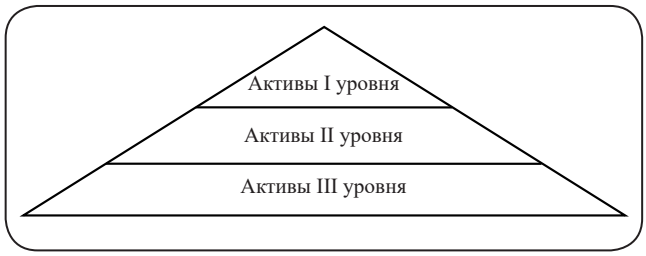


Рис. 1. Структура интеллектуального капитала

Активы II уровня – это то, что остается у компании, когда люди покидают рабочие места. Формирование этого актива начинается с создания оригинального имени и логотипа компании, которые являются инструментом для защиты активов компании. После изучения рынка, на который планирует свой выход компания, происходит формирование, генерация идей, разработка научно-технических изобретений, в результате чего начинает строиться корпоративная культура, управленческие процессы, информационные технологии, технологии производства, компьютерные и административные системы, системы сетевого взаимодействия. С точки зрения основной деятельности вуза и классической теории маркетинга, продуктом является образовательная программа. Следующей составляющей активов второго уровня является организационно-управленческая структура вуза, которая влияет на такие составляющие, как бренд, репутация, имидж, а они, в свою очередь, увеличивают стоимость интеллектуального капитала.

Активы III уровня включают клиентский капитал, технологии по привлечению, удержанию и расширению клиентской сети. На данном уровне происходит трансформация активов первого и второго уровня в финансовые активы. Так как основной доход учреждений сферы образовательных услуг формируется из поступлений от платы за обучение, то к активам данного уровня относятся потребители образовательных услуг: студенты; предприятия и организации, нанимающие выпускников; другие образовательные учреждения как потребители учебников, учебных пособий и программ повышения квалификации своих сотрудников; персонал учебного заведения и работники разных отраслей; родители и учащиеся, выбирающие учебное заведение в зависимости от целого ряда условий и параметров; компания, посылающая своих работников на переподготовку; правительство, заказывающее определенную программу подготовки руководителей-менеджеров; иные контактные аудитории, прямо или косвенно заинтересованные в деятельности вуза.

Специфичность активов учреждений сферы образовательных услуг высока, следовательно, согласно теории Уильямсона, высоки трансакционные издержки по управлению данными активами.

К трансакционным издержкам учреждений сферы образовательных услуг относятся:

1) *издержки, связанные с неопределенностью квалификации рабочей силы*. По современным методикам стоимость компании оценивается с учетом уровня подготовленности и потенциала персонала, поэтому объемные показатели уровня образования напрямую влияют на оценку стоимости компании;

2) *издержки оппортунистического поведения*. Оппортунистическое поведение может проявляться как со стороны сотрудников, образовательного учреждения, так и со стороны обучающихся;

3) *издержки измерения.* Издержки измерения связаны с информационной асимметрией, которую устранить полностью невозможно. Например, невозможно измерить качество принимаемого сотрудника, единственное подтверждение его квалификации это – диплом и характеристики с предыдущих мест работы; для оценки качества преподаваемой дисциплины можно судить либо по успеваемости студентов (их ставит сам преподаватель), либо по оценке коллег (что также является субъективной оценкой);

4) *издержки поиска информации*. Издержки такого рода складываются из затрат времени и ресурсов, необходимых для ведения поиска, а также из потерь, связанных с неполнотой и несовершенством приобретаемой информации. В условиях растущей скорости изменения демографической, политической, экономической и другой информации принципиально меняется содержание образования, его объем, направление и цели, что требует постоянного, систематического анализа информации не только о потребностях рынка труда, но и направлении развития государственного регулирования в целом. Например, на количество студентов помимо демографической ситуации влияет уровень подготовки абитуриентов, а сле-

довательно, вузам необходимо ориентироваться и на уровень полученного ими образования. Принятие в вуз абитуриентов с низким уровнем подготовки негативно скажется на дальнейшем процессе обучения.

К факторам, влияющим на количество студентов негосударственных вузов, можно отнести уровень жизни населения, от которого зависит, какую цену люди готовы платить за оказание образовательных услуг;

5) *издержки выхода с рынка*. К данному виду издержек отнесем затраты которые несут предприятия и организации для того, чтобы укрепить свое положение на рынке. При выходе на рынок образовательных услуг вузам недостаточно иметь только качественно проработанные образовательные программы, так как помимо предоставления образовательных услуг, они предоставляют и другие виды товаров и услуг, выполняющие вспомогательные функции: услуги гостеприимства и туризма (например, услуги по предоставлению общежитий); услуги конференц-туризма (например, услуги, предоставляемые при проведении конференций и других мероприятий); товары, сопровождающие и обеспечивающие процесс обучения (например, учебники и учебные пособия, подготовленные преподавателями вуза; монографии, сборники статей; журналы и другие периодические издания);

6) *издержки спецификации и защиты прав собственности.* В эту категорию входят расходы времени и ресурсов, необходимых для восстановления нарушенных прав, а также потери от плохой их спецификации и ненадежной защиты;

7) *издержки ведения переговоров и заключения контрактов.* Данный вид издержек складывается из-за неудачно заключенной или плохо оформленной сделки. Основным инструментом экономии этих затрат представляются типовые договоры. Для составления грамотных договоров необходимо ориентироваться в действующем законодательстве. Предоставление платных образовательных услуг является типичным источником внебюджетных доходов, в связи с чем они занимают значимое место в системе, приносящей доход от деятельности по реализации товаров, выполнению работ и оказанию услуг.

К издержкам ведения переговоров и заключения контрактов так же можно отнести затраты, связанные с заключением договоров с потенциальными работодателями.

Конкурентоспособность организаций, работающих в сфере образовательных услуг, зависит от эффективного управления главной составляющей всего капитала такого рода организаций – интеллектуальным капиталом. В настоящее время большинство работ посвящено оценке интеллектуального капитала промышленных предприятий. Данные методики оценки недостаточно отражают особенности функционирования организаций сферы образовательных услуг. Так как на стоимость интеллектуального капитала образовательных учреждений влияют трансакционные издержки, актуальной можно считать проблему увеличения стоимости интеллектуального капитала отрасли образования за счет сокращения трансакционных издержек, поэтому целесообразна модель управления интеллектуальным капиталом вуза на основе снижения трансакционных издержек (рис. 1).

Для эффективного управления интеллектуальным капиталом вуза необходимо определить цели развития организации, к которым можно отнести: улучшение качества образовательного процесса; увеличение целевой аудитории; укрупнение конкурентных позиций на рынке труда; увеличение источников дохода и т.д. Для достижения поставленных целей необходимо определить, какой вид актива в структуре интеллектуального капитала в наибольшей степени влияет на решение поставленной цели и какие трансакционные издержки характерны для данного вида активов. Необходимо провести анализ выявленных издержек, а также разработать мероприятия по их снижению. После оценки предложенных мероприятий в случае положительного решения возможна корректировка мероприятий при реализации намеченных действий.

Одной из целей образовательных учреждений в условиях перехода к рынку является увеличение доходов. Так как финансирование вузов происходит за счет поступлений от физических и юридических лиц за образовательные услуги, а также от иной деятельности, то основная доля поступлений приходится на платную образовательную деятельность. В качестве примера в работе рассмотрено мероприятие (введение института кураторства) по снижению трансакционных издержек активов третьего уровня.

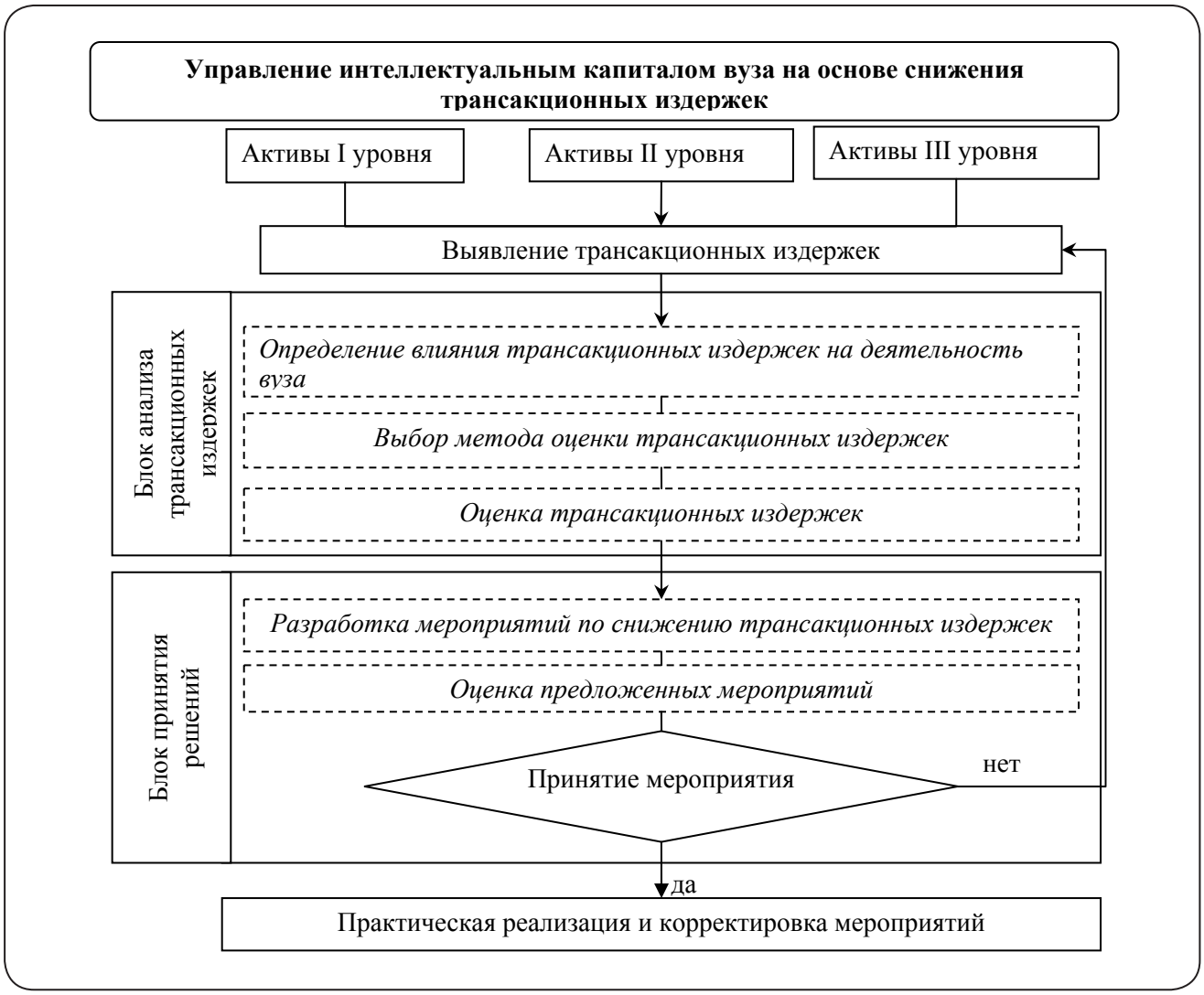


Рис. 2. Модель управления интеллектуальным капиталом на основе снижения трансакционных издержек

Для оценки эффективности мероприятий, направленных на увеличение интеллектуального капитала, использован метод дисконтированных денежных потоков, который позволяет рассчитать стоимость объекта на основе ожидаемой прибыли от инвестиций в будущем. Так как в работе рассматривается деятельность вуза, срок обучения в котором составляет в среднем 5 лет, то после окончания института инвестиционные мероприятия можно считать завершенными. Прием студентов на первый курс будем считать новым инвестиционным мероприятием, в котором могут измениться срок обучения, количество учащихся, а следовательно, количество кураторов. Поэтому при оценке интеллектуального капитала вуза прогнозный период примем равным 5 годам.

Для определения денежного потока рассчитаем[2]:

1) потери вуза, связанные с отчислением студентов очного и заочного обучения (табл. 1):

– до проведения мероприятий:

$$P_{i0} = \overline{S} \cdot Q_i \cdot t\,,$$

где P_{i0} – сумма, недополученная вузом в результате отчисления студентов соответствующего курса до проведения мероприятий; $\overline{S}$ – средняя стоимость обучения в институте за год; Q_i – количество отчисленных студентов соответствующего курса;

[2] Используемые в расчетах данные соответствуют документам внутренней отчетности.

t – количество лет, недоученных студентами в результате отчисления;

– после проведения мероприятий:

$$P_{i1} = P_{i0} \cdot 0{,}89,$$

так как институт кураторства позволяет снизить потери в среднем на 11%, где P_{i1} – сумма, недополученная вузом в результате отчисления студентов соответствующего курса после проведения мероприятий.

Таблица 1

Расчет суммы, недополученной вузом в результате отчисления студентов до и после проведения мероприятий

Потери за каждый год обучения до проведения мероприятий (тыс. руб.)				
2010/11	**2011/12**	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**
773	510	450	443	68
Потери за каждый год обучения после проведения мероприятий (тыс. руб.)				
2010/11	**2011/12**	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**
688	454	401	394	61

2) расходы (инвестиции), связанные с деятельностью института кураторства (табл. 2). Так как при создании института кураторства основные расходы связаны с выплатой заработной платы, то инвестиции могут быть рассчитаны по формуле:

$$I_i = \overline{Z} \cdot T_i \cdot K_i,$$

где I_i – инвестиции за соответствующий год; $\overline{Z}$ – средняя стоимость нормо-часа ППС; T_i – количество часов отведенных на кураторскую деятельность на соответствующем курсе; K_i – количество кураторов на соответствующем курсе.

Таблица 2

Расчет инвестиций

Инвестиции за каждый год обучения (тыс. руб.)				
2010/11	**2011/12**	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**
30	24	18	12	4,5

Денежный поток будет исчисляться как разница между суммами потерь, связанных с отчислением студентов до и после проведения мероприятий с учетом инвестиций (табл. 3). Например, за 2010/11 денежный поток будет равен: 773 – 688 – 30 = 55 тыс. руб.

Таблица 3

Влияние инвестиций на потери, связанные с отчислением неуспевающих студентов (тыс. руб.)

Учебный год	**Годы**				
	2010/11	**2011/12**	**2012/13**	**2013/14**	**2014/15**
Потери из-за отчисления студентов до проведения мероприятий	773	510	450	443	68
Потери из-за отчисления студентов после проведения мероприятий	688	454	401	394	61
Инвестиции	30	24	18	12	5
Денежный поток	**55**	**32**	**32**	**37**	**3**

Использование метода дисконтированных денежных потоков позволило вычислить, что введение института кураторства позволит вузу уменьшить число отчисленных студентов, следовательно, поступления от платы за обучение возрастут.

Сами мероприятия по снижению трансакционных издержек связаны с определенными рисками.

Под риском будем понимать возможность получения незапланированного результата под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Существуют различные методы идентификации рисков, например, статистические, аналитические, экспертные. Наиболее подходящим методом в рассматриваемой области являются экспертные методы, так как отсутствие необходимой накопленной информационной базы не позволяет использовать другие методы.

Для выявления и оценки факторов риска была сформирована экспертная группа из пяти человек, напрямую связанных с организацией учебной и внеучебной деятельности и осуществляющих непосредственный прием абитуриентов и слушателей курсов, и сотрудник бухгалтерской службы института (декан факультета, заместитель декана по воспитательной работе, заместитель декана по научной работе, менеджер приемной комиссии, заместитель главного бухгалтера).

Для учета риска, связанного с введением института кураторства, отразим его уровень в ставке дисконтирования. Наиболее подходящим для этих целей является кумулятивный метод расчета, позволяющий выявить различные факторы риска экспертным путем.

В результате получена общая ставка дисконтирования составила 10,17%.

Расчет показателя эффективности мероприятия по введению кураторства проводится по формуле: $NPV = NCF_0 + \sum_{k=1}^{4} PV_k$ (табл. 4).

Таблица 4

Расчет приведенного денежного потока (тыс. руб.)

Период проекта	Годы				
	2010/2011	2011/2012	2012/2013	2013/2014	2014/2015
Денежный поток нулевого периода	55				
Приведенная стоимость денежного потока (*PV*)		29	26	27	2
Накопленный приведенный денежный поток	55	84	110	137	**139**

В рассмотренном примере значение приведенного денежного потока положительно (139 тыс. руб.), следовательно, денежные потоки проекта за рассматриваемый срок при установленной ставке дисконтирования покрывают своими поступлениями инвестиции и текущие затраты.

Следовательно, институт кураторства является инструментом снижения трансакционных издержек активов третьего уровня.

Список литературы

1. Кочеткова Н.В. Особенности предприятий, работающих в сфере образовательных услуг // Проблемы и перспективы развития торговли индустрии гостеприимства, сервиса и услуг в России и за рубежом: материалы докладов Международной науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011.

2. Крамин Т.В., Кочеткова Н.В. Интеллектуальный капитал в сфере образовательных услуг // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 1. – С. 71–80.

3. Крамин Т.В. Роль и значение трансакционных издержек и агентских отношений в процессе функционирования системы управления стоимостью компании // Экономические науки. – 2007. – № 30. – С. 100–104.

4. Крамин Т.В. Управление трансакционными издержками в системе управления стоимостью компании // Экономические науки. – 2007. – № 31. – С. 140–146.

5. Акмаева Р.И., Жуков В.М. Возможности и проблемы реализации компетентностного подхода в высшем профессиональном образовании // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. – 2010. – № 1. – С. 123–130.

6. Скоблева Э.И. Высшее профессиональное образование как институциональная система // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 28–35.

В редакцию материал поступил 01.10.12

Информация об авторах

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, директор НИИ, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел. (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

Кочеткова Наталья Владимировна, аспирант, старший преподаватель кафедры высшей математики, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел. (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

T.V. KRAMIN,
Doctor of Economics, Professor,
N.V. KOCHETKOVA,
Senior Lecturer
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

MODEL OF INTELLECTUAL CAPITAL MANAGEMENT AT UNIVERSITIES BASED ON TRANSACTIONAL APPROACH[3]

The article views the hierarchical structure of intellectual capital, defines the main types of transactional costs inherent to intellectual capital of non-state universities, and presents a model of intellectual capital management based on transactional costs reduction.

Key words: intellectual capital; transactional costs; risks.

References

1. Kochetkova N.V. Osobennosti predpriyatii, rabotayushchikh v sfere obrazovatel'nykh uslug (Features of enterprises working in the sphere of educational services), *Problemy i perspektivy razvitiya torgovli industrii gostepriimstva, servisa i uslug v Rossii i za rubezhom*. Kazan: Izd-vo "Poznanie" Instituta ekonomiki, upravleniya i prava, 2011.

2. Kramin T.V., Kochetkova N.V. Intellektual'nyi kapital v sfere obrazovatel'nykh uslug (Intellectual capital in the sphere of educational services), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, No. 1, pp. 71–80.

3. Kramin T.V. Rol' i znachenie transaktsionnykh izderzhek i agentskikh otnoshenii v protsesse funktsionirovaniya sistemy upravleniya stoimost'yu kompanii (Role and significance of transactional costs and agencies in functioning of the system of the company cost management), *Ekonomicheskie nauki*, 2007, No. 30, pp. 100–104.

4. Kramin T.V. Upravlenie transaktsionnymi izderzhkami v sisteme upravleniya stoimost'yu kompanii (Transactional costs management in the system of company cost management), *Ekonomicheskie nauki,* 2007, No. 31, pp. 140–146.

5. Akmaeva R.I., Zhukov V.M. Vozmozhnosti i problemy realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v vysshem professional'nom obrazovanii (Possibilities and problems of realization of competence approach in higher professional education), *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, No.1, pp. 123–130.

6. Skobleva E.I. Vysshee professional'noe obrazovanie kak institutsional'naya sistema (Higher professional education as institutional system), *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2010, No. 2, pp. 28–35.

Information about the authors

Kramin Timur Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Director of Scientific-Research Institute, Head of Financial Management Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: kramint@mail.ru

Kochetkova Natalya Vladimirovna, post-graduate student, Senior Lecturer of Higher Mathematics Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: kramint@mail.ru

[3] The article is prepared with the support of RSSF, project # 11-02-00427a.

УДК 338

А.В. ОСИПОВ,
кандидат экономических наук, доцент
Казанский институт (филиал)
Российского государственного торгово-экономического университета

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ДИНАМИКА СФЕРЫ ДОЛГОВЫХ УСЛУГ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД[1]

В статье рассмотрена динамика институциональных изменений сферы долговых услуг в РФ. Указана роль потребительского кредитования в механизме распространения проблемной задолженности в посткризисной экономике. Установлены слабости институциональной среды, регламентирующей долговые отношения. Выявлены российские особенности развития коллекторской деятельности и ее потенциал в решении проблемы неплатежей домохозяйств.

Ключевые слова: потребительский кредит; просроченная задолженность; взыскание долгов; коллекторские услуги; институциональные изменения.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. высветил долговой характер функционирования современной экономики: как в целом, так и отдельных секторов. В России лидирующие позиции в сфере финансовых услуг традиционно занимает банковское кредитование. Именно оно выступает основным генератором долговых проблем. Поскольку институты и инфраструктура долговых отношений в РФ находятся на этапе становления, просроченная задолженность базовых макросубъектов грозит оказаться избыточной, лишив хозяйственную систему стабильности и замедлив ее развитие.

В посткризисный период отечественный корпоративный сектор стал более осторожен в своей политике заимствований. Теперь локомотивом роста портфеля банковских ссуд выступают домашние хозяйства. Доля кредитов населению продолжает устанавливать новые рекорды. Высокий интерес к потребительскому кредитованию выражается в стремительном росте задолженности по ссудам наличными и банковским картам. Портфель необеспеченных розничных кредитов населению показал за год (на июль 2012 г.) прирост на 65%, до 4,1 трлн руб., что сопоставимо с портфелем кредитов малому и среднему бизнесу (4,2 трлн руб.) [1]. Темпы потребительского кредитования вдвое выше, чем у привлечения вкладов. Крупные коммерческие банки (прежде всего, государственные) часто используют краткосрочное финансирование Центробанка, провоцируя риск ликвидности вследствие разрыва в сроках погашения активов и пассивов.

Просроченная задолженность характеризует качество кредитного портфеля банков и одновременно выступает индикатором институциональной развитости экономической системы. По данным Центрального банка РФ, за три последних года (по состоянию на 1 июля 2012 г.) суммарный объем средств, размещенных отечественными коммерческими банками, увеличился с 19,88 трлн руб. до 31,11 трлн руб. Совокупная просроченная задолженность возросла с 0,83 трлн руб. до 1,25 трлн руб., а проблемные долги населения перед банками с 211,37 млрд руб. до 304,32 млрд руб.

Невозврат долгов имеет очевидную тенденцию к нарастанию объемов в 2013 г. на фоне увеличения масштабов розничного кредитования и замедления темпов роста реальных доходов домашних хозяйств. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, реальные располагаемые денежные доходы населения увеличились за январь–август 2012 г. только на 3,6% (в докризисный период прирост составлял около 12% в год). Дисбаланс в динамике объемов кредитования и доходов российских домохозяйств ведет к неизбежному росту числа невозвращенных займов.

[1] Статья подготовлена в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 12-02-00049.

Задолженность по кредитам в стадии исполнительного производства, согласно данным Федеральной службы судебных приставов (ФССП), в первом полугодии 2012 г. составила 983 млрд руб. по 1,8 млн дел (из них на физических лиц приходилось 691 млрд руб. и 1,76 млн дел). За этот период судебные приставы взыскали по кредитам с должников-физических лиц 26,2 млрд. руб. (4% от суммы, подлежащей взысканию). В 2011 г. в работе ФССП кредитных задолженностей было на сумму 1,3 трлн руб. по 2,4 млн дел (физических лиц касалось 2,3 млн дел на 892,1 млрд руб.). Взыскано с граждан-должников 54,3 млрд руб. (6% от суммы взыскания). В 2010 г. на исполнении в ФССП находилось 986,6 млрд руб. по 2,3 млн дел (задолженность физических лиц составила 631,3 млрд руб. по 2,2 млн дел). Взыскано с физических лиц 38 млрд руб. (6% от суммы взыскания).

С точки зрения регионального распределения проблемных кредитов, больше всего некачественной задолженности по банковским ссудам накопили Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Краснодарский, Красноярский и Пермский края. Среди федеральных округов проблемные долги распределены следующим образом: Центральный (28,1%), Приволжский (22,1%), Сибирский (12,8%), Северо-западный (12,7%), Южный (8,7%), Дальневосточный (7,4%), Уральский (4,9%), Северо-Кавказский (3,2%) [2].

Статистика ФССП подтверждает, что качество накопленной задолженности постепенно ухудшается. Следовательно, кредиторам целесообразно активнее использовать инструментарий досудебного взыскания долгов. Текущая макроэкономическая ситуация создает мощный импульс к институциональным преобразованиям складывающихся форм и методов долговых отношений [3].

Усиление конкуренции на розничном банковском рынке, появление новых финансовых продуктов и упрощение процедур одобрения ссуд влекут за собой дополнительную просроченную задолженность. Это заставляет коммерческие банки внимательнее относиться к своим кредитным портфелям и вынуждает привлекать к обработке задолженности сторонние организации, которые позволяют минимизировать потери от невозвратов и сократить резервы под обеспечение сомнительных ссуд.

Проблема неплатежей по потребительским кредитам имеет институциональное решение. Речь идет о комплексном реформировании и совершенствовании сферы долговых услуг. При этом под «долговыми» будем подразумевать услуги по возврату кредитору проблемной задолженности. Как правило, вышеуказанные услуги оказывают коллекторские агентства, которые специализируются на взыскании просроченных дебиторских и проблемных долгов. Коллектор выступает посредником между кредитором и заемщиком, он берет на себя обязательство проводить работу по возврату задолженности за вознаграждение (по аутсорсингу). Также коллекторские агентства могут сами выступать кредитором, когда первоначальный кредитор переуступает право долгового требования по договору цессии.

Коллекторский бизнес в России начал формироваться стихийно под влиянием новых экономических реалий и с учетом известного зарубежного опыта. Первые коллекторские фирмы создавались как дочерние компании банков и работали исключительно с их задолженностями. Например, при банке «Русский стандарт» в 2001 г. зарегистрировано Агентство по сбору долгов. Профессиональные коллекторы стали активно выходить на открытый рынок во втором полугодии 2004 г.

В первом полугодии 2012 г. суммарный объем задолженностей, обработанных коллекторскими агентствами, увеличился с 2011 г. на 6,7%, а с 2010 г. – на 10%. Структуру коллекторского портфеля в секторе банковского кредитования населения составляют долги: по кредитным картам с долей 38% (в 2011 г. – 26%, в 2010 г. – 27%), по потребительским кредитам – 27% (в 2011 г. – 30%, в 2010 г. – 27%), по кредитам наличными – 23% (в 2011 г. – 25%, в 2010 г. – 29%), по автокредитам – 6% (в 2011 г. – 9%, в 2010 г. – 6%), по ипотеке – 3% (в 2011 г. – 2%, в 2010 г. – 1%) [2].

В 2012 г. наблюдается стабильный рост рынка цессии по банковской задолженности домохозяйств. Ежегодный портфель коллекторских агентств на 30% состоит из уступки прав требования и с учетом ранее приобретенных прав составляет сейчас половину совокупного портфеля. В 2011 г. этот рынок вырос по сравнению с 2010 г. почти на 31% (с 60,2 млрд руб. до 78,7 млрд руб.), а к июню 2012 г. превысил 86 млрд рублей. В связи с ухудшением качества уступаемых по цессии

портфелей присутствует тренд к снижению цены их приобретения. С 2011 г. средняя цена переуступаемого портфеля находится в диапазоне 2–5% от номинала (в 2010 г. – 5–7%). Один из факторов, влияющих на цену, – неоднородность портфеля. Цена может снижаться на треть, если в нем попадаются нетипичные должники (умершие, заключенные и пропавшие без вести). В структуре задолженности объем основного долга составляет порядка 50%, начисленных процентов – 26%, штрафов – 24%. Среди регионов по количеству должников по цессии лидируют Москва (6,45%), Нижегородская область (6,29%) и Республика Татарстан (5,78%) [4].

Стихийно организованный рынок просроченных долгов в нынешнем виде не вполне соответствует потребностям банковской системы и национального хозяйства, поскольку слабо соблюдаются права и обязанности сторон долговых отношений. Взаимодействие государства и коллекторского бизнеса складывается непросто. Негативную оценку деятельности взыскателей задолженности дала Генеральная прокуратура РФ: в своем докладе ведомство отметило 3,5 тыс. нарушений, выявленных в ходе проверки. Так, представители Генпрокуратуры ссылаются на неверно рассчитанный размер общей задолженности и на изменение в одностороннем порядке величины процентной ставки. Часть агентств служат для сброса «токсичных» активов: банки неофициально создают такие структуры, переводя на них проблемную задолженность, расчищая свои балансы и улучшая отчетность. Однако в этих случаях претензии касаются, прежде всего, качества банковской, а не коллекторской деятельности [5].

Институциональной характеристикой сферы долговых услуг в РФ можно признать социальную напряженность. В процессе взыскания коллекторы сталкиваются с угрозами и грубостью со стороны должников. Нередко в СМИ освещаются негативные ситуации, когда отдельные недобросовестные сотрудники агентств и участники рынка превышают свои полномочия, что способствует формированию недоверия к коллекторскому бизнесу в целом. Также противником продажи просроченных долгов выступает Роспотребнадзор, глава которого неоднократно заявлял о незаконности договоров цессии, ущемлении прав потребителей, нарушении банковской тайны в связи с передачей сведения о финансовом состоянии граждан третьим лицам. Однако в 2011 г. на сторону коллекторов встал Высший арбитражный суд РФ, апеллировав к ст. 382 ГК РФ, где закреплена возможность передачи третьей стороне права, принадлежащего кредитору.

В июне 2012 г. Верховный суд РФ признал законной цессию (уступку прав требования), скорректировав свое прежнее постановление. Ключевую роль в этом решении сыграла поддержка, оказанная коллекторскому сообществу со стороны Российского союза промышленников и предпринимателей. Теперь легализована передача кредитными организациями долгов неплательщиков третьим лицам, не имеющим банковской лицензии, но только, если условие о цессии содержалось в кредитном договоре.

Институционально оформить существование коллекторской деятельности в России призван Закон «О деятельности по взысканию просроченной задолженности», проект которого подготовило Минэкономразвития (соисполнители: ФАС, Центробанк, Минфин), дополненный принятием Закона «О потребительском кредите». Важным институциональным новшеством должна стать саморегулируемая организация коллекторов, вытесняющая с рынка недобросовестных участников и компенсирующая потери заемщика, пострадавшего от некорректных действий. Ее прототипом сейчас выступает Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств (НАПКА).

Отсутствие серьезных ограничений в способах взимания долгов подталкивает некоторую часть коллекторов к злоупотреблению несовершенством законодательства. С аналогичными проблемами сталкивались и за рубежом. С целью упорядочения деятельности взыскателей долгов и борьбы с незаконными методами сбора американскими властями был принят закон «О добросовестной практике взимания долгов» (*Fair Debt Collection Practices Act*, 1978), в котором четко прописаны следующие цели: а) устранение методов недобросовестного взыскания долгов; б) создание для коллекторов условий, при которых воздержавшиеся от недобросовестной практики сбора задолженности не теряли бы конкурентоспособности; в) обеспечение со стороны государ-

ства защиты потребителей от недобросовестных действий коллекторов.

Для России актуальны основные институциональные ограничения, накладываемые на коллекторские агентства вышеназванным законом: 1) запрет на введение должника в заблуждение относительно того, кто проводит взыскание. Коллекторы обязаны четко обозначить себя и взыскателя; 2) недопустимость обмана относительно юридических последствий неплатежа, суммы долга и процентов; 3) запрет на «втягивание» в процесс взыскания долга окружения должника (например, семьи или работодателя); 4) существенные ограничения на информирование кого-либо о том, что в отношении данного лица осуществляется процесс взыскания, если не было согласия должника или вынесенного судебного решения; 5) запрет на совершение в отношении должника некорректных действий (например, ночные звонки, оскорбления и угрозы); 6) недопустимость публикации списка потребителей, которым инкриминируется отказ погасить долги; 7) запрет на объявления о продаже долга с целью принудить заемщика к его погашению (форма репутационного давления) [6].

Появление регламентируемых государством стандартов взыскания долгов повысит инвестиционную привлекательность коллекторского бизнеса для зарубежных партнеров. Первыми российскими агентствами, чьи акции приобрели иностранные инвесторы, стали: «Секвойя Кредит Консолидейшн» (средства вложил Goldman Sachs), «Пристав» (Greater Europe Deep Value), Morgan & Stout (East Capital) и «Столичное коллекторское агентство» (Mint Capital). Кроме вхождения в капитал, коллекторы способны предложить инвесторам и другие формы сотрудничества, например, создание фондов в рамках стратегического партнерства.

Грамотное использование информации о заемщике, которая уже есть на рынке, снижает стоимость коллекторской деятельности и сохраняет кредитную организацию клиента. Поскольку необходимость использования долговых услуг возникает при невозможности связаться с заемщиком для урегулирования долга, интеграция информационных служб при дистанционной работе позволяет сосредоточить активные действия в отношении злостных неплательщиков (мошенников), поддерживая высокий уровень доверия потребителей к финансовым организациям.

Бюро кредитных историй (БКИ) частично снимает указанные выше проблемы. Это коммерческая организация, оказывающая услуги по формированию, обработке и хранению кредитных историй, а также по предоставлению кредитных отчетов и сопутствующих услуг. Федеральная служба по финансовым рынкам России выступает уполномоченным госорганом, регистрирующим БКИ, контролирующим и надзирающим за их деятельностью. В июле 2012 г. в России насчитывалось 26 БКИ. Однако в национальном масштабе отсутствует единая база данных для всех БКИ, поэтому участникам сферы долговых услуг требуется самостоятельный мониторинг отдельных клиентских баз. Это усложняет построение эффективной системы оценки рисков для банков, готовых выйти на рынок необеспеченной розницы.

Системе межбанковского обмена информацией и БКИ затруднительно выявить риск социального дефолта заемщиков, при котором из-за внешних обстоятельств у клиентов снижается уровень дохода. Риск-менеджмент многих банков игнорирует вероятность таких потерь по потребительским кредитам, недооценивая возможные изменения расходов потенциальных заемщиков в будущем. Критическим обстоятельством выступает исчерпание дальнейшего роста банковской розницы за счет первоклассных заемщиков. Для сохранения прибыли банки начинают смягчать требования, переходя в сегмент высокорискованных заемщиков, которыми в основном занимаются микрофинансовые организации [1].

Отечественный долговой механизм не способен справиться с новым уровнем кредитной нагрузки по следующим институциональным причинам: а) отсутствие программ по поднятию кредитной культуры заемщиков (как по планированию затрат и использованию кредитных ресурсов, так и в плане защиты своих прав), недостаток квалифицированных и независимых консультантов по проблемам долговых обязательств; б) наличие лишь негативной информации по кредитным историям. Регистрация просрочек по платежам и количеству кредитов не дает возможности всесторонне взглянуть на потенциал и стоимость клиента для кредитного института; в)

трудности налаживания равноправного диалога между заемщиком и кредитором в силу отсутствия «обратных» процедур (например, апелляция должника к невозможности другого графика погашения или к неправильному отражению данных по приобретенным кредитам) [7].

Уровень финансовой грамотности россиян невысок. Подобная неграмотность населения отрицательно сказывается не только на личном благосостоянии, но и на финансовых рынках. Если неподготовленных клиентов много, то рынки начинают вести себя неадекватно. Некомпетентные заемщики перестают обслуживать свои долги. После мирового экономического кризиса национальные программы повышения уровня финансовой грамотности населения стали реализовывать в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Германии, Польше и других странах [8].

Сфера долговых услуг чутко воспринимает противоречия государственной монетарной политики. Центробанк стремится укрепить банковскую систему так, чтобы расширение кредитного предложения не приводило к банкротствам. Он требует формировать резервы для исполнения обязательств перед вкладчиками в случае просрочки или невозврата заемщиками полученных кредитов. Рост обязательных резервов стимулирует банки к большей ответственности и требовательности к клиентам, но одновременно это ведет к удорожанию для клиентов стоимости обслуживания долгов и риску кредитного неплатежа. Отечественным монетарным властям следует бороться с инфляцией не через повышение ставки рефинансирования, а посредством целенаправленного контроля за институциональной средой долговых отношений. Инфляционные риски связаны с ускорением темпов роста кредитования населения, которое только усугубляет проблему нехватки «длинных денег» в экономике.

Российскому рынку коллекторских услуг крайне необходима четкая регламентация и внедрение современных отраслевых стандартов по осуществлению коммуникаций с должниками. Отсутствие до сих пор института личного банкротства лишает россиян цивилизованных способов реструктуризации долгов. В интересах национальной экономической безопасности следует заимствовать эффективные принципы работы рынков кредитных и долговых услуг в ведущих странах (прежде всего, США и Великобритании), где институциональная развитость и подчинение всех элементов системы единой цели (обеспечению интересов потребителя) позволяют избежать хозяйственной разбалансированности.

Список литературы

1. Береговая Г., Доронкин М. Опасная гонка // Эксперт. – 2012. – № 37.

2. «Секвойя Кредит Консолидейшн» представляет обзор рынка проблемной задолженности по банковским кредитам. – URL: http://sequoia.ru/info/publication/641/

3. Осипов А.В., Шаландин В.А. Долговые отношения в транзитивной экономике. – Казань: КГАСА, 2004. – 170 с.

4. «Секвойя Кредит Консолидейшн» представляет обзор рынка цессии. – URL: http://sequoia.ru/info/publication/575/

5. Яковенко Д. Вышибалы: игра по правилам // Эксперт. – 2012. – № 18.

6. Иванов Н. Злоупотребления на рынке взыскания долгов и закон о коллекторстве. – URL: http://klerk.ru/boss/articles/104227/

7. Гусев Д.Н. Коллекторские агентства в Великобритании: история и опыт регулирования // Регламентация банковских операций. Документы и комментарии. – 2007. – № 5.

8. Кузина О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит. – 2012. – № 1.

В редакцию материал поступил 26.09.12

Информация об авторе

Осипов Андрей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 25/22

E-mail: osipov_av@bk.ru

A.V. OSIPOV,

PhD (Economics), Associate Professor

Kazan Institute (branch) of Russian State University for Trade and Economics

INSTITUTIONAL-STRUCTURAL DYNAMICS OF THE SPHERE OF DEBT SERVICES IN POST-CRISIS PERIOD[1]

The article is devoted to the dynamics of institutional changes in the sphere of debt services in the Russian Federation. The role of consumer crediting in the mechanism of problem debts distribution in post-crisis economy. The weaknesses of institutional environment regulating the debt relations are stated. The author describes the Russian features of collectors' activity and its potential for solving the problem of households' non-payments.

Key words: consumer credit; delayed debts; collection of debts; collectors' services; institutional changes.

References

1. Beregovaya G., Doronkin M. Opasnaya gonka (Dangerous races), *Ekspert*, 2012, No. 37.

2. *"Sekvoiya Kredit Konsolideishn" predstavlyaet obzor rynka problemnoi zadolzhennosti po bankovskim kreditam* (*"Sekvoiya Kredit Konsolideishn"* presents the survey of the market of problem debts on bank credits), available at: http://sequoia.ru/info/publication/641/

3. Osipov A.V., Shalandin V.A. *Dolgovye otnosheniya v tranzitivnoi ekonomike* (Debt relations in transitive economy). Kazan: KGASA, 2004, 170 p.

4. "Sekvoiya Kredit Konsolideishn" predstavlyaet obzor rynka tsessii (*"Sekvoiya Kredit Konsolideishn"* presents the survey of the market of cession), available at: http://sequoia.ru/info/publication/575/

5. Yakovenko D. Vyshibaly: igra po pravilam (Bouncers: game of rules), *Ekspert*, 2012, No. 18.

6. Ivanov N. *Zloupotrebleniya na rynke vzyskaniya dolgov i zakon o kollektorstve* (Malusage in the market of debt collecting and the law on collecting debts), available at: http://klerk.ru/boss/articles/104227/

7. Gusev D.N. Kollektorskie agentstva v Velikobritanii: istoriya i opyt regulirovaniya (Collecting agencies in Great Britain: history and experience of regulation), *Reglamentatsiya bankovskikh operatsii. Dokumenty i kommentarii*, 2007, No. 5.

8. Kuzina O.E. Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy) (Financial literacy of the Russians (dynamics and prospects)), *Den'gi i kredit*, 2012, No. 1.

Information about the author

Osipov Andrey Vladimirovich, PhD (Economics), Associate Professor of the Chair of World Economy, Kazan Institute (branch) of Russian State University for Trade and Economics

Address: 25/22 Kremlyovskaya Str., 420111, Kazan

E-mail: osipov_av@bk.ru

[1] The article is prepared within the grant of the Russian Humanitarian Research Fund. Project # 12-02-00049.

УДК 338.24

А.И. ПОДГОРНАЯ,

кандидат экономических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИНСТРУМЕНТЫ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье исследуются проблемы применения современных инструментов антикризисного управления предприятием. Обоснован подход к задачам современного антикризисного управления, как к ключевому фактору формирования саморазвивающихся предприятий. Рассматривается трансформация системы антикризисного управления с точки зрения системного подхода к устойчивости предприятия.

Ключевые слова*:* предприятие; системный подход; устойчивость; антикризисное управление.

Проблема исследования связана с актуальной на сегодняшний день темой – управление эффективностью деятельности предприятия в условиях неопределенности. По неформальным критериям более 2/3 российских предприятий находятся в кризисном состоянии и являются потенциальными банкротами. Лишь небольшой процент предприятий (менее 10%) являются инвестиционно активными [1]. Половина действующих предприятий нуждаются в модернизации оборудования, 1/3 руководителей предприятий не понимают политики государства [2]. Предприятия для России – основное звено организации экономики. На уровне предприятия взаимодействуют и реализуются и материально-технологические, и социально-политические, и культурно-нравственные составляющие. Одновременно растет понимание, что, несмотря на все трудности развития реального сектора экономики, очень многое зависит от внутренней среды самого предприятия, собственников и менеджеров, стратегии развития, управления, способных противостоять влиянию негативных факторов внешней и внутренней среды.

Цель данной статьи – исследовать основные инструменты антикризисного управления с точки зрения системного подхода к предприятию в условиях неопределенности.

Задачи исследования:

– анализ современных инструментов антикризисного управления;

– исследование системного подхода к саморегулируемым системам;

– синтез системного подхода и основных подходов к формированию саморазвивающегося предприятия для экономики России.

Новизна исследования в том, что в ней синтезирован и обоснован подход к задачам современного антикризисного управления как к ключевому фактору формирования саморазвивающихся предприятий.

Основное отличие инструментов современного антикризисного управления от других способов преодоления кризиса заключается в том, что управление преодолевающими убыточность предприятиями реализуется посредством разработки и осуществления системного подхода к функционированию предприятия. Более того, на сегодняшний день подход к управлению вообще носит тенденцию антикризисного. Существует множество теорий, определяющих тем или иным образом финансовую устойчивость предприятия. Предсказательная способность как требование к любой из теорий имеет тенденцию к снижению. Это объясняется тем, что предприятие представляет собой единственную социально-экономическую систему, интегрирующую материальные, финансовые, трудовые и когнитивные ресурсы. Деятельность и структура предприятия тесно связаны с функциями и структурой государства в целом. Все основные изменения, происходящие в обществе или экономике, имеют проекцию на предприятиях и наоборот. Предприятия служат инкубатором, аккумулятором, а иногда и генератором институциональных изменений. Предприятие может способствовать развитию потенциала работников или разрушать и угнетать его. Поэтому модернизация предприятий важна не только с точки зрения функционального экономического роста, но и с точки зрения институционального развития экономики и общества [3].

Понятие «антикризисное управление» закрепилось в начале 1990-х гг. в результате резкого обострения проблем неплатежей, несостоятельности предприятий в условиях формирования рыночной системы. С одной стороны, антикризисное управление означает достаточно новое направление управленческой науки, связанное с изучением приемов и методов, позволяющих предотвратить банкротство, с другой – оно трактуется как микроэкономический процесс, представляющий собой совокупность форм и методов реализации антикризисных процедур применительно к конкретному предприятию. На сегодняшний день различают «антикризисное регулирование», относящееся к государственным мерам в масштабах всей экономики; «кризисное управление» как вывод предприятия из состояния кризиса, с использованием или без процедур банкротства и «антикризисное управление» – более широкое понятие – от выработки мер преодоления убыточности до внедрения в процесс управления индикаторов (финансовых и нефинансовых) для предотвращения кризиса отдельного предприятия в хаотической среде. Существующее программно-целевое антикризисное управление представляет собой четко выраженное единство задач и способов достижения заданных показателей, увязку желаемых результатов с предполагаемыми ресурсами. В любом случае цель антикризисной программы – устойчивость работы предприятия, что проявляется и в поддержании уровня основных финансовых показателей для предотвращения повторного кризиса.

Современный подход к антикризисному управлению, имеющий, на наш взгляд, наиболее высокую предсказательную способность, предполагает принцип системности, применение новых инструментов, выстраивание предприятия в балансе с требованиями внешней и внутренней среды, создание саморазвивающейся системы. Поскольку руководители предприятий по возможности предпочитают не использовать антикризисные процедуры, предусмотренные законодательством о банкротстве, рассмотрим подход к антикризисному управлению с позиции модернизации предприятия, что может служить как мерой преодоления, так и предотвращения кризиса. В данном случае речь не идет об устаревших, гиперболизированных и продемонстрировавших свою неадекватность теоретических подходах к модернизации, основанных на устаревших и не отражающих специфику России посылках. Речь идет о системной модернизации предприятия с точки зрения антикризисного управления. Например, предприятие производит ликвидную продукцию в объемах, недостаточных для поддержания самоокупаемости. Сохранение и модернизации производства возможно либо путем введения внешнего управления, либо на стадии досудебной санации. Эффективная мера, с точки зрения антикризисного управления, – создание с согласия кредиторов дочернего хозяйствующего субъекта, к которому переходит часть имущества без перехода обязательств. Производственная деятельность ведется через новое юридическое лицо, старое предприятие проходит процедуру конкурсного производства, формируется конкурсная масса за счет реализации которой удовлетворяются требования кредиторов, либо задолженность перед кредиторами погашается путем передачи им имущества или доли в уставном капитале дочернего предприятия. Наиболее устойчивым будет предприятие, в уставный капитал которого войдут еще и взносы кредиторов, которые кредиторов обычно формируют путем конвертации части задолженности в вексель и оплаты векселем доли уставного капитала. Данная схема логична, и при благоприятных условиях платежеспособность предприятия можно восстановить. Сложность в определении подхода к модернизации вновь созданного предприятия состоит в том, чтобы предотвратить возможность повторения предыдущего сценария. В условиях неопределенности это возможно только путем построения саморазвивающегося предприятия.

Выбор инструмента модернизации как средства решения задач развития предприятия вовсе не является безальтернативным. Модернизация с точки зрения антикризисного управления – это не просто обновление, улучшение, развитие, а приведение предприятия как хозяйствующего субъекта к требованиям современной внешней среды, т.е. трансформация его в целях придания черт, присущих более продвинутым предприятиям-конкурентам. В этом смысле модернизация находится в русле идеологии бенчмаркинга – сравнения с другими объектам, в том числе с предприятиями-лидерами в данной сфере и за-

имствованием их наиболее прогрессивных черт, внедрения наиболее современных в том или ином аспекте достижений. Такое понимание модернизации предполагает, что на рынке существует некоторое множество по тем или иным критериям аналогичных предприятий и наличие признаков прогрессивности, позволяющих упорядочивать предприятия-аналоги по степени соответствия тем или иным характеристикам модернизации. Следовательно, если предприятие во всех отношениях уникально, и сравнение его с другими некорректно, говорить о его модернизации бессмысленно. То есть, если нет четких критериев прогрессивности тех или иных черт, говорить о модернизации невозможно. В этом случае более релевантным, хотя и менее определенным, является более общий, чем «модернизация», термин «развитие предприятия».

Рассмотрим варианты, альтернативные модернизации.

В первом случае – это стратегия сохранения существующего устойчивого положения или стратегия следования за лидером. С точки зрения изменчивости внешней среды и условий неопределенности данный подход выглядит как консервация или сдача управляющей, субъектной позиции.

Во втором случае – руководство отказывается от бенчмаркинга и сравнения с конкурентами в пользу концентрации на сравнении с историей и желаемым будущим данного предприятия, поскольку экономика, по своей сути, циклична в развитии, прошлое предприятия влияет на будущее в результате преемственности и последовательного движения. Данный вариант предполагает эволюционное развитие, стремление к созданию предприятия как саморазвивающейся системы.

Очевидно, что первый вариант непригоден в условиях неопределенности и в настоящее время не может претендовать на выбор в качестве желательной траектории развития. Сложность применения второго варианта зависит от размеров предприятия, наличия филиалов, дочерних обществ, так как стратегия развития предполагает принцип системности, учет особенностей внешней среды. То, что подходит одному региону, может показать отрицательную тенденцию в другом и т.д.

Отсюда рождаются такие концепции, как теория «неопределенности (хаоса)» и «создание саморазвивающейся (фрактальной) системы». Теория неопределенности свидетельствует о том, что если руководители предприятий не научатся воспринимать и работать с «тонкими сигналами» внешней среды, не выработают навыка принимать верные решения в условиях неопределенности, не научатся в новом контексте контролировать состояние предприятия как системы, то предприятие обречено на риск потери платежеспособности и банкротства.

Дело в том, что наиболее устойчивой, с точки зрения кризиса, является предприятие, представляющее из себя автономную систему в балансе между внутренней и внешней средой. Популярный в последнее время подход с точки зрения инноваций эффективен, только если он гармонично вписывается в систему предприятия. В противном случае мы сталкиваемся с фикцией, не дающей желаемой отдачи на вложенный капитал.

Если все же рассматривать развитие предприятия в его многообразии, то инструмент модернизации теряет свою однозначность и требует конкретизации каждого предприятия, отрасли, страны. Сведение траектории развития предприятия к однолинейному может быть оправдано только на кратком промежутке времени или в рамках узкого аспекта рассмотрения. Только в этом случае корректно говорить о комплексном сравнении крупных предприятий с помощью универсальной шкалы. Учет таких общеизвестных факторов, как целевая и функциональная неопределенность, многомерность, неравномерность, альтернативность развития, отраслевые и региональные аспекты, проявляющиеся в специфике антикризисных мер применительно к различным предприятиям и разным регионам их расположения и т.п., требует для каждого предприятия постановки и решения особой исследовательской задачи определения закономерностей формирования собственной траектории в стратегии развития. В условиях неопределенности единого пути и единой шкалы развития предприятий не существует. Вопрос о прогрессивности развития предприятия, на наш взгляд, должен решаться в связи с проблемой реализации миссии предприятия.

Рассмотрим основные проблемы, которые необходимо решить с точки зрения антикризисного управления.

Наиболее актуальное направление – *технологическая модернизация предприятий*. Основное условие успеха для предприятия состоит в том, что модернизация должна носить системосохраняющий характер. Ключевыми моментами антикризисного управления являются обновление производственных фондов, реформирование структуры управления, трансформация внутрифирменной культуры. Устойчивое функционирование предприятия возможно, только если подойти к решению задач антикризисного управления с позиций системности и сбалансированности. Это означает, что необходимо охватить все стороны деятельности предприятия, решения должны носить стратегический характер и включать механизмы перехода к формированию саморазвивающегося предприятия и при этом должно обеспечиваться сохранение целостности, внутренней интегрированности предприятия как системы. Сложность системы предполагает множество переменных, управление которыми достаточно сложно отслеживать без современных технологий. В настоящий момент особое значение имеет восстановление и поддержание целостности предприятия. Большинство реальных предприятий в России имеют несистемную, фрагментированную и нестабильную внутреннюю структуру, компоненты которой работают разнонаправлено, вследствие чего происходит утрата внешней устойчивости и внутренней целостности предприятий, снижается восприимчивость к любым формам инноваций.

Еще одна проблема антикризисного управления – *повышение уровня субъектности предприятия*. Предприятие должно стать целостным, автономным, саморазвивающимся, а это возможно путем создания сбалансированной системы управления предприятием. Здесь основная трудность заключается в том, что менеджмент относительно консервативен, первоначально почти не допускает существования новых факторов. А хаос – это отсутствие параметров, определяющих состояние как внутренней, так и внешней среды. И если раньше человеческий фактор рассматривался как потенциальная угроза неопределенности, это устранялось посредством автоматизации. В современных условиях для создания субъектности предприятия человеческий фактор приобретает значение отправной точки: для достижения общих результатов необходимо повышение степени индивидуальной ответственности работников за конечный результат. В антикризисном управлении это решается путем создания центров ответственности и определения критериев их эффективности. Основными качественными показателями работы становятся творчество, нестандартность мышления, отношение к работе, качество выпускаемого продукта, ответственность, надежность, которые сложно объективно измерить, к тому же ими еще необходимо управлять. Поэтому в критерии эффективности работы центров ответственности включены и нефинансовые факторы.

Данный подход помогает решить проблему «разрастания» предприятия, которая приводит к нарушению баланса между потенциалом роста и размерами системы, что в итоге ведет к нестабильности и разрушению предприятия и приводит к выходу на эффект самоорганизации. Возможность самоорганизации предполагает наличие гибкости управленческой структуры предприятия. Речь идет о малоисследованных мягких системах, где идет ослабление формальной организованности за счет усиления неформальной организованности, психологических контрактов. По мере развития и усложнения системы протяженность ее границ увеличивается. Это важный фактор, так как любой обмен системы с внешней средой осуществляется через ее пограничную область. Пограничная область может располагаться в любом месте системы, а ее назначение – быть интерфейсом между системой и внешней средой. Другой важный компонент – проницаемость. В процессе жизнедеятельности система часто испытывает давление со стороны систем-конкурентов, информация проникает в защитный механизм, активизированный в системе. Жесткая система управления (даже классический менеджмент) не достигает целей двух параллельно действующих каналов иерархического управления. Эффект самоорганизации придает системе особое качество – способность быстро реагировать на тонкие сигналы хаотичной внешней среды без потери целостности и устойчивости.

Исследование самоорганизации системы – междисциплинарное направление. Ключевыми терминами теории самоорганизации на сегодняшний день являются целостность, естественность, спонтанность, самоприменимость, амбивалент-

ность. Она тесно связана с теорией мироздания, выходом в многомерную зону, не управляемую обычными количественными и формально-логическими методами. Это приводит, по концепции С. Хайниша, к онтогенезу новых организационных структур и разрушению существующих жестких структур. Жесткие структуры разрушаются по причине внутренних «дефектов» системы, так как (1) основаны на неспособных к адаптации регламентах формализации или (2) границы системы становятся хрупкими из-за внешних условий. А так как жесткая система не имеет свойств самоорганизации, она разрушается. Разрушение – процесс внутренней сложной перестройки системы предприятия под воздействием внешней среды. Нельзя сказать, что система организации более виртуальна, чем другие системы и не претерпит дополнительных изменений. Поэтому в антикризисное управление из менеджмента хаотических систем входят понятия времени и меры – ощущения момента и достаточности воздействия. Ключевые понятия «время», «место» и «люди» имеют направленность на предотвращение сбоев и структурирование кризисных ситуаций на предприятии.

Таким образом, изменение акцента во внешней бизнес-среде с порядка, логичности на неопределенность и хаос влечет изменение к подходам построения системы организации, трансформации задач антикризисного управления, меняются ценности знаний и опыта на ценности навыков и потенциала работников.

Список литературы

1. Российский экономический барометр (Russian Economic Barometer). – URL: http://ecsocman.hse.ru/text/21840744/

2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: http://www. gks.ru

3. Клейнер Г.Б. Системная модернизация экономики России // Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции: материалы международной науч.-практ. конф., посвящ. 80-летнему юбилею ВЗФЭИ. – М.: ВЗФЭИ, 2011.

В редакцию материал поступил 13.11.12

Информация об авторе

Подгорная Алла Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического и финансового менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Рахматуллина, 1, тел.: (843) 292-48-40

E-mail: Oreola77@mail.ru

A.I. PODGORNAYA,

PhD (Economics), Associate Professor

Kazan (Volga) Federal University

TOOLS OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT AT AN ENTERPRISE UNDER UNCERTAINTY

The article investigates the issues of implementation of the modern tools of anti-crisis management of an enterprise. The author grounds the approach to the tasks of modern anti-crisis management as a key factor of forming of self-developing enterprises. Thearticle views the transformation of anti-crisis management system from the point of view of systemic approach to an enterprise stability.

Key words: enterprise; systemic approach; stability; anticrisis management.

References

1. *Rossiiskii ekonomicheskii barometr* (Russian Economic Barometer), available at: http://ecsocman.hse.ru/text/21840744/

2. http://www.gks.ru

3. Kleiner G.B. Sistemnaya modernizatsiya ekonomiki Rossii (Systemic modernization of Russian economy), *Ekonomika, nauka, obrazovanie: problemy i puti integratsii*. Moscow: VZFEI, 2011.

Information about the author

Podgornaya Alla Igorevna, PhD (Economics), Associate Professor of Strategic and Financial Management Chair, Kazan (Volga) Federal University

Address: 1 Rakhmatullina Str., 420008 Kazan', tel.: 292-48-40

E-mail: Oreola77@mail.ru

УДК 336.71

А.В. РАМАЗАНОВ,
кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ОПЕРАЦИЙ БАНКОВ

Последние годы характеризуются увеличением активности банков на рынке ценных бумаг. В работе обобщены взгляды автора относительно инвестиционных операций коммерческих банков, проведен анализ деятельности банков при выполнении ими различных операций на фондовом рынке. Представлены направления развития инвестиционной деятельности отечественных банков.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность банков; ценные бумаги; инвестиции.

Инвестиционные институты в России преимущественно представлены коммерческими банками, при этом последние десятилетия характеризуются усилением их участия на рынке ценных бумаг, что связано в том числе с поиском альтернативных вариантов инвестиционных вложений при снижении доходности традиционных активных банковских операций (кредитные, расчетно-кассовые).

Рассмотрим точки зрения отечественных исследователей относительно оценки ими особенностей инвестиционной деятельности банков в настоящее время.

Со слов В.В. Геращенко, «в последние годы инвестиционные банки убедительно доказывают свою роль в качестве наиболее эффективных финансовых институтов по привлечению капитала и реструктуризации бизнеса. Острая потребность экономики России в инвестициях делает актуальным развитие таких институтов и в нашей стране» [1, с. 24–28].

Позиция Г.Н. Белоглазовой схожа с мнением В.В. Геращенко, но отличается уточнением инвестиционной деятельности банков. Г.Н. Белоглазова отмечает: «Организуя выпуски и размещения акций и облигаций промышленных предприятий, банки способствуют трансформации сбережений в инвестиции, чем расширяют возможности экономического роста» [2, с. 202].

Л.Л. Игонина также связывает успешное развитие экономики с инвестиционной деятельностью банков, при этом она выделяет следующие направления участия банков в инвестиционном процессе [3, с. 207]:

– мобилизация банками средств на инвестиционные цели;

– предоставление кредитов инвестиционного характера;

– вложения средств в ценные бумаги, паи, долевые участия (как за счет банка, так и по поручению клиента).

Как справедливо отмечает В.И. Мазняк, «ключевым моментом, обеспечивающим особую роль банков на фондовом рынке, является их контроль над безналичными денежными потоками» [4].

Значимой представляется точка зрения Я.М. Миркина, который отмечает, что «коммерческие банки всего мира видят в операциях с ценными бумагами более прибыльный рынок (в сравнении с традиционным коммерческим банковским делом), возможности диверсификации бизнеса, рост своего влияния и, наконец, следуют международной тенденции к секьюритизации финансовых активов (превращение нестандартных финансовых продуктов, выпускаемых на индивидуальных условиях, в серийные, стандартные и обращаемые финансовые инструменты)» [5, с. 58].

Логичным дополнением к позиции Я.М. Миркина является мнение О.В. Ломтатидзе, отмечающими, что «банковский бизнес даже в кризисный период является наиболее прибыльным, а в условиях выпуска и обращения ценных бумаг, жестко регламентируемых Банком России, позволяет банкам по надежности (статусу) занимать второе место после государственных ценных бумаг» [6, с. 93].

Е.Ф. Жуков [7, с. 84] и В.Д. Никифорова [8] утверждают, что коммерческие банки являются одними из основных участников торгов на рынке ценных бумаг России.

Примечательным является высказывание О.А. Демчук, что «именно присутствие россий-

ских коммерческих банков на рынке ценных бумаг позволило не допустить полного господства на нем иностранных глобальных инвестиционных банков и сохранить национальную независимость финансового рынка» [9].

Г.Н. Белоглазова справедливо отмечает, что «дерегулирование банковской сферы выражается в ликвидации институциональных разграничений между различными видами банковской и – в более широком смысле – финансовой деятельности: коммерческой, инвестиционной, страховой и т.п. [2, с. 207]. В результате банки вынуждены конкурировать одновременно на многих сегментах финансового рынка, причем не только друг с другом, но и с другими финансовыми организациями: страховыми, финансовыми компаниями, инвестиционными фондами и др.».

Сочетая коммерческую и инвестиционную деятельность, универсальные банки являются более устойчивыми, чем специализированные [2, с. 212]. Они могут в полной мере использовать преимущества диверсификации своих операций. Очевидно, что и клиентам удобнее иметь дело с одним банком, чем с несколькими специализированными посредниками. Во всех высокоразвитых странах крупные банки, как правило, являются универсальными.

Схожесть вышеизложенных мнений состоит в том, что авторы относят российские коммерческие банки к основным участникам фондового рынка, при этом благодаря разнообразной активности банков на рынке ценных бумаг обеспечивается устойчивое развитие отечественной экономики.

Традиционно отечественные коммерческие банки, осуществляющие операции на фондовом рынке, выступают в роли эмитентов, инвесторов, профессиональных участников рынка и андеррайтеров.

Согласно сведениям журнала РБК [10], деятельность банков в качестве инвесторов характеризуется следующим: до 2006 г. вложения банков в государственные ценные бумаги преобладали по сравнению с инвестициями в корпоративные ценные бумаги, но, начиная с 2007 г., ситуация изменилась в противоположную сторону, что можно объяснить определенными факторами:

– преобладанием сектора государственных ценных бумаг, общей неразвитостью сектора корпоративных ценных бумаг и фондового рынка в целом;

– с меньшими рисками и соответственно более высокой надежностью государственных ценных бумаг;

– с постепенным увеличением надежности и качества корпоративных ценных бумаг, снижением рисков по ним, что мы связываем с преобладанием в портфеле банков ценных бумаг компаний растущего нефтегазохимического сектора, обращающихся преимущественно на ММВБ, и прошедших, соответственно, жесткую процедуру листинга.

Согласно данным информационного агентства Cbonds [11], наиболее активными участниками рынка ценных бумаг по итогам 2010 г. явились ВТБ Капитал, ИК Тройка Диалог, Газпромбанк, Сбербанк России и др. Согласно иным сведениям [12], активность на отечественном фондовом рынке проявляют и иностранные инвестиционные банки, такие как JPMorgan, Goldman Sachs, Morgan Stanley, UBS и др. В представленных сведениях об инвестиционной активности перечисленных банков видно, что ранжирование производилось, исходя из их деятельности в качестве андеррайтеров при осуществлении эмиссий корпоративными клиентами, т.е. основными клиентами банков явились крупные компании – юридические лица.

Деятельность инвестиционно-банковских компаний на отечественном фондовом рынке различна, в частности, отдельные институты преимущественно ориентированы на корпоративных клиентов, иные взаимодействуют, в том числе и с розничным сегментом. Присутствие в России иностранных финансовых компаний порождает конкурентную борьбу за клиентов. В то же время нельзя не отметить, что близкое нахождение в рэнкингах отечественных и зарубежных компаний свидетельствует о развитости первых и полноценной функциональности, определенной самостоятельности и финансовой устойчивости, позволяющей конкурировать с ведущими западными инвестиционными компаниями.

Необходимо наметить направления развития деятельности отечественных банков на фондовом рынке.

И.И. Токаренко, А.С. Попова в целях изменения ситуации, повышения инвестиционной ориентации банковской системы предлагают государственное регулирование для совершен-

ствования инвестиционных отношений в региональной экономике и, прежде всего, посредством изменения структуры субъектов [13, с. 34–35]. Одним из направлений совершенствования субъектной структуры банковской системы является создание региональных инвестиционных банков (в условиях переходной экономики России преобладают кредитные учреждения универсального характера), а также государственного инвестиционного банка или банка развития.

Отметим, что многие отечественные банки с государственным участием (Сбербанк, Росселхозбанк) фактически выполняют функции государственного инвестиционного банка, осуществляя капитальные и инвестиционные вложения в промышленный и сельскохозяйственный сектора экономики.

Для расширения участия банков в проектах кредитования О.И. Лаврушин предлагает законодательно определить программу стимулирования инвестиций в российскую экономику [14, с. 34].

Н.Н. Симонянц считает необходимым «всем региональным банкам разрабатывать инвестиционную стратегию, органично встроенную в комплексную стратегию развития региона для формирования непротиворечивости интересов развития регионов и банков» [15, с. 17].

По мнению А.В. Беликовой, «при выработке инвестиционной политики коммерческие банки всегда должны исходить из реальных оценок риска, экономической эффективности, финансовой привлекательности инвестиционных проектов, оптимального сочетания кратко-, средне- и долгосрочных вложений» [16].

В целях создания благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности российских банков и повышения уровня их конкурентоспособности О.А. Демчук предлагает [9]:

– активизировать на государственном уровне работу по укреплению национального финансового рынка в целях противостояния негативному влиянию глобальных финансовых кризисов;

– создавать барьеры для притока на национальный рынок спекулятивных иностранных капиталов;

– работать над увеличением капитализации финансовых посредников (базовая задача совершенствования инвестиционно-банковского бизнеса в России, укрепления его позиций).

Предлагаемые отдельными авторами рекомендации по развитию инвестиционной деятельности банков преимущественно нацелены на активизацию деятельности макрорегулятора. Помимо государственного регулирования инвестиционной деятельности банков очень важны внутренние преобразования в банке.

По нашему мнению, разработка и внедрение в инвестиционную деятельность новых финансовых инструментов либо активизация существующих позволит повысить эффективность банковских инвестиционных операций.

В качестве рекомендации считаем необходимым внедрить в обширную практику кредитования банками корпоративных клиентов инструменты фондового рынка. Приемлемыми финансовыми инструментами в данном случае могут явиться облигации и опционы-колл. В предлагаемом механизме банк выступает в роли финансового консультанта и основного инвестора будущего выпуска ценных бумаг. Заемщик, обратившийся в банк за получением кредита, становится эмитентом.

Представим особенности предлагаемых мероприятий и очевидные преимущества использования ценных бумаг при кредитовании банками корпоративных клиентов. В случае использования облигаций положительные аспекты для банков в части ликвидности (табл.) подразумевают возможность переуступки права требования по корпоративным облигациям посредством перепродажи банком ценных бумаг, держателем которых он является, другим кредиторам-инвесторам. Ликвидность данных корпоративных облигаций обеспечивается тем, что банк с целью минимизации возможных финансовых рисков прилагает усилия для обеспечения надежности и качества выпускаемых ценных бумаг. Аналогом предлагаемого механизма за рубежом являются евроноты.

Целесообразно установить денежный лимит, после которого будут применяться ценные бумаги, например, при поступлении в банк заявки от компании на сумму свыше 100 млн руб.

При эмиссии опционов-колл первичный покупатель опционов (банк) за уплаченную опционную премию (фактически сумма запрошенного заемщиком кредита) приобретает право на получение периодических платежей от эмитента опционов (первичного продавца опционов) до даты

Использование ценных бумаг в корпоративном кредитовании банками

№ п/п	Вид используемого инструмента	Возможные затраты заемщика (эмитента)	Положительные аспекты для банка
1	Кредит	1. Процентные платежи по кредиту. 2. Затраты на оценку обеспечения. 3. Страхование обеспечения по кредиту	1. Стандартный доход в виде процентов по кредиту, а также части страхового взноса
2	Эмиссия корпоративных облигаций	1. Налог на эмиссию ценных бумаг. 2. Процентные платежи по облигационным займам. 3. Оплата услуг профессионального участника	1. Ликвидность. 2. Обеспечением являются сами ценные бумаги. 3. Банк выступает в качестве финансового консультанта и получает дополнительное вознаграждение

экспирации опционов. Периодические платежи по опциону аналогичны ежемесячным платежам по кредиту. Основное преимущество опционов как ценных бумаг состоит в возможности перепродажи банком имеющихся опционов другому инвестору, который приобретает право на получение периодических платежей от эмитента.

Как известно, весомую часть ресурсной базы отечественных банков составляют депозиты физических и юридических лиц, различные по срокам и доходности. По указанным депозитам банки несут определенные издержки, связанные с выплатой процентов по вкладам, обслуживанием депозитных счетов. Считаем необходимым активизацию коммерческих банков в сфере продажи паевых инвестиционных фондов своим вкладчикам. В данном случае у банка возникают дополнительные доходы в виде наценки при продаже паев, в виде процента в случае доверительного управления данными фондами, при этом клиенты получают возможность приумножения своих вложений. Необходимо обеспечить хеджирование ПИФов посредством включения в наценку инвестиционного пая части суммы страхового взноса.

Другой из проблем, на наш взгляд, является слабое развитие либо отсутствие в банках дилинговых комнат, в которых финансовый консультант – сотрудник банка может наглядно проинформировать практически каждого клиента о возможностях фондового рынка, способах торговли на нем через специализированные программно-технические средства.

Таким образом, пути развития инвестиционной деятельности банков различны и требуют более детальной проработки и последующей практической апробации.

Список литературы

1. Геращенко В.В. Инвестиционно-банковский бизнес: зарубежный опыт и Россия // Деньги и кредит. – 2007. – № 5. – С. 24–28.

2. Деньги. Кредит. Банки: учебник / под ред. Г.Н. Белоглазовой. – М.: Высшее образование, 2009.

3. Игонина Л.Л. Инвестиции: учеб. пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. В.А. Слепова. – М.: Экономистъ, 2005.

4. Мазняк В.М. Особенности организации и регулирования деятельности банков на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. экон. наук. – Ростов н/Д, 1999. – 182 с.

5. Миркин Я.М. Рынок ценных бумаг: учеб. пособие. – М.: Финансовая Академия, 2002.

6. Базовый курс по рынку ценных бумаг: учеб. пособие / О.В. Ломтатидзе, М.И. Львова, А.В. Болотин и др. – М.: КНОРУС, 2010.

7. Рынок ценных бумаг: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим спец-стям / под ред. Е.Ф. Жукова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.

8. Никифорова В.Д. Рынок ценных бумаг: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010.

9. Демчук О.А. Развитие инвестиционной деятельности российских банков на современном этапе: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2010. – 196 с.

10. URL: http://magazine.rbc.ru/2010/04/01/finance/562949980167454.shtml

11. URL: http://www.cbonds.info/rus/ib/ib-rating_2010-4.phtml

12. URL: http://www.offerings.ru/market/member/reiting/underwriter2010.html

13. Токаренко И.И., Попова А.С. Инвестиционное обеспечение устойчивого развития региона. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009.

14. Лаврушин О.И. Банковское дело: современная система кредитования: учеб. пособие. – 3-е изд., доп. – М.: КНОРУС, 2007.

15. Симонянц Н.Н. Развитие инвестиционной деятельности региональных коммерческих банков: автореф. дис. канд. экон. наук. – Краснодар, 2011. – С. 17.

16. Беликова А.В. Необходимость активизации участия банков в инвестиционном процессе вытекает из взаимозависимости успешного развития банковской системы и экономики в целом // Инвестиционный банкинг. – 2006. – № 3(3). – URL: http://bankir.ru/publikacii/s/problemi-ychastiya-bankov-v-investicionnom-processe-1373641/

В редакцию материал поступил 15.05.12

Информация об авторе

Рамазанов Альберт Вильданович, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: rav_2009@mail.ru

A.V. RAMAZANOV,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

FEATURES OF BANKS' INVESTMEMT OPERATIONS

The recent years are characterized by the increase of banks' activity in the securities market. The article summarizes the author's views on the commercial banks' investment operations, and presents an analysis of banks' activity during various operations at stock markets. The directions of investment activity development of the banks in Russia are shown.

Key words: banks' investmemt activity; securities; investments.

References

1. Gerashchenko V.V. Investitsionno-bankovskii biznes: zarubezhnyi opyt i Rossiya (Investment-banking business: foreign experience and Russia), *Den'gi i kredit*, 2007, No. 5, pp. 24–28.

2. *Den'gi. Kredit. Banki* (Money. Credit. Banks.). Moscow: Vysshee obrazovanie, 2009.

3. Igonina L.L. *Investitsii* (Investments). Moscow: Ekonomist, 2005.

4. Maznyak V.M. *Osobennosti organizatsii i regulirovaniya deyatel'nosti bankov na rynke tsennykh bumag* (Features of organization and reglation of banks' activities in the securities market). Rostov on Don, 1999, 182 p.

5. Mirkin Ya.M. *Rynok tsennykh bumag* (Securities market). Moscow: Finansovaya Akademiya, 2002.

6. *Bazovyi kurs po rynku tsennykh bumag* (Basic course in securities market), O.V. Lomtatidze, M.I. L'vova, A.V. Bolotin i dr. Moscow: KNORUS, 2010.

7. *Rynok tsennykh bumag* (Securities market). Moscow: YuNITI-DANA, 2009.

8. Nikiforova V.D. *Rynok tsennykh bumag* (Securities market). Saint Petersburg: Izd-vo SPbGUEF, 2010.

9. Demchuk O.A. *Razvitie investitsionnoi deyatel'nosti rossiiskikh bankov na sovremennom etape* (Developingthe investment activities of Russian banks in the modern period). Moscow, 2010, 196 p.

10. URL: http://magazine.rbc.ru/2010/04/01/finance/562949980167454.shtml

11. URL: http://www.cbonds.info/rus/ib/ib-rating_2010-4.phtml

12. URL: http://www.offerings.ru/market/member/reiting/underwriter2010.html

13. Tokarenko I.I., Popova A.S. *Investitsionnoe obespechenie ustoichivogo razvitiya regiona* (Investment provision of the region's stable development). Stavropol': Izd-vo SGPI, 2009.

14. Lavrushin O.I. *Bankovskoe delo: sovremennaya sistema kreditovaniya* (Banking: modern crediting system). Moscow: KNORUS, 2007.

15. Simonyants N.N. *Razvitie investitsionnoi deyatel'nosti regional'nykh kommercheskikh bankov* (Devellopment of investment activity of the regional commercial banks). Krasnodar, 2011, p. 17.

16. Belikova A.V. Neobkhodimost' aktivizatsii uchastiya bankov v investitsionnom protsesse vytekaet iz vzaimozavisimosti uspeshnogo razvitiya bankovskoi sistemy i ekonomiki v tselom (Neccesity to activate the banks' participation in the investment process results from the interdependence of the successful development of the banking system and economy as a whole), *Investitsionnyi banking*, 2006, No. 3(3), available at: http://bankir.ru/publikacii/s/problemi-ychastiya-bankov-v-investicionnom-processe-1373641/

Information about the author

Ramazanov Albert Vil'danovich, PhD (Economics), Associate Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: rav_2009@mail.ru

УДК 338.3:001

Л.О. СЕРДЮКОВА,
кандидат экономических наук, доцент
Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ НА МЕЗОУРОВНЕ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Статья посвящена актуальной проблеме оценки состояния и опыта формирования инновационных систем на мезоуровне. Сделаны выводы об особенностях и объективном характере индивидуальной специализации региональных инновационных систем относительно этапов инновационного цикла на мезоуровне, выявлены проблемы и направления их развития, которые существенно повлияют на формирование и использование интеллектуального капитала.

Ключевые слова: инновационная система; интеллектуальный капитал; формирование; развитие; использование.

Задачи модернизации российской экономики носят объективный характер. Они диктуются прогрессирующей глобализацией и переходом к информационному обществу и «экономике, основанной на знаниях», что повлечет за собой структурный сдвиг в пользу инновационных отраслей. Процесс активного построения инновационной экономики в России, где ключевые позиции в достижении лидерства на мировом рынке зависят от лидерства страны в использовании интеллектуального капитала (ИК), требует использования сильных сторон инновационных систем (ИС) различных регионов, округов и отдельных территорий страны в формировании и использовании ИК.

В данной статье проводится анализ развития ИС регионов и округов как субъектов инновационных систем мезоуровня с целью выявления региональных особенностей, которые следует учитывать в процессе формирования и использования ИК инновационных систем, в конкретных условиях которых происходит его реализация.

По исследованию автора, около 30-и российских регионов объявили о намерениях развивать инновационный сектор экономики. По исследованиям Е.А. Лурье [1] сегодня в России 19 регионов (в 2001–2005 гг. их было всего 5) выделяются по динамике инновационных процессов, осваиваемым новшествам и влиянию на показатели развития территорий. Однако они неравномерно представлены в федеральных округах – больше в Центральном, Приволжском, Сибирском, Северо-Западном и Южном.

Все регионы формируют инновационную среду с учетом местных особенностей, сильных и слабых сторон, развивают инфраструктуру своих ИС, реализуют положения региональной научно-технической политики, программы содействия фундаментальным и прикладным исследованиям и разработкам по приоритетным для региона направлениям, а также по развитию кадрового потенциала научно-технической и инновационной сфер. Каждый регион идет по своему пути, но опыт формирования различных региональных инновационных систем (РИС) полезен для формирования национальной ИС.

Первым примером формирования РИС в России по европейским методикам является формирование РИС Томской области на основе программно-целевых методов (2001–2005 гг.) при совместном сотрудничестве местных, национальных и европейских консультантов.

Приоритетными были выбраны следующие направления:

– стимулирование существующих региональных компаний к использованию инноваций;

– стимулирование создания малых инновационных предприятий;

– привлечение внешних инвестиций (преимущественно в высокотехнологическую сферу);

– создание эффективной инфраструктуры для поддержки инноваций;

– повышение уровня инновационной культуры в регионе [2].

Опыт Новосибирска, Сарова, Архангельска, Томска, Республики Бурятия и других регионов

показывает возможность обеспечения непрерывности инновационного образования на основе частно-государственного партнерства между образовательными учреждениями и предприятиями в РИС. Для формирования и развития РИС, с этой точки зрении, важно создание и функционирование научно-образовательно-инновационных комплексов, что позволяет повысить не только уровень формирования и развития ИК (особенно человеческого), но и эффективность его использования, что в свою очередь обеспечит непрерывность цикла «формирование – использование» ИК.

По данным Росстата [3], инновационная активность после некоторого улучшения в 2001–2004 гг. в 2005 г. стала одной из самых низких среди развитых стран, связана лишь с некоторыми видами технологического обмена, с совершенствованием существующих производственных процессов и с высокой долей импорта технологий и оборудования. Инновационная активность организаций с 2007 по 2010 гг. сократилась с 10 до 9,5 %. Это значительно ниже, чем в Румынии и Венгрии (21,7%) и Польше (22%), отличающихся минимальными показателями инновационной активности среди стран ЕС. В 2011 г. этот показатель увеличился лишь до 10,4%.

В условиях финансового кризиса наблюдалось свертывание научной деятельности: в целом по России сократились с 2007 по 2010 гг. число организаций (с 3957 до 3492), выполняющих ИР; число персонала (с 801 135 до 736 540), занятого НИОКР; разрушались научно-производственные объединения и НИИ, их перепрофилирование происходило без включения науки в структуру предприятий.

Старение научных кадров и отсутствие преемников, уменьшение в структуре ИР доминирования прикладных исследований (ПИ) и разработок (Р), износ и сокращение основных фондов отрасли «наука и научное обслуживание» обусловили ее удаление от потребностей развития производств, снижение качества результатов ИР и невозможность масштабного создания инноваций мирового уровня.

Некоторые инновационно-активные регионы удержали свертывание инновационных процессов в период кризиса.

Например, в Республике Татарстан объемы выпускаемой наукоемкой продукции в 2009 г. возросли на 15,6% – до 151,9 млрд рублей. Несмотря на негативные последствия мирового экономического кризиса, внутренние расходы на исследования и разработки не сократились и остались на отметке 5,6 млрд рублей [4].

РИС сегодня демонстрируют слабую способность к саморазвитию и самоорганизации. Сохраняющиеся дисбалансы в их структуре препятствуют трансферту и коммерциализации научных результатов и технологий.

Большинство РИС России ориентированы в большей степени на научно-исследовательские разработки и в меньшей степени на внедрение и коммерциализацию инноваций. С этих позиций они не отвечают современным требованиям развития инновационной экономики, к которым относятся:

– обеспечение результативности научных исследований (создание объектов интеллектуальной собственности или регистрация результатов научных исследований и разработок как объекта интеллектуальной собственности);

– наличие развитой инновационной инфраструктуры;

– доминирование успешных инновационных проектов в их общем числе;

– наличие развитой опытно-экспериментальной базы, включающей лаборатории, конструкторские бюро и опытные производства.

При определении влияния развития РИС на формирование и использование ИК, по мнению автора, важно обратить внимание на региональный анализ ИС по федеральным округам, поскольку географическое положение существенно влияет на ресурсное обеспечение и экономический потенциал ИС. С этой точки зрения интерес представляют исследования округов по уровню относительной наукоемкости [5] и кластерный анализ регионов по индикаторам оценки инновационного потенциала.

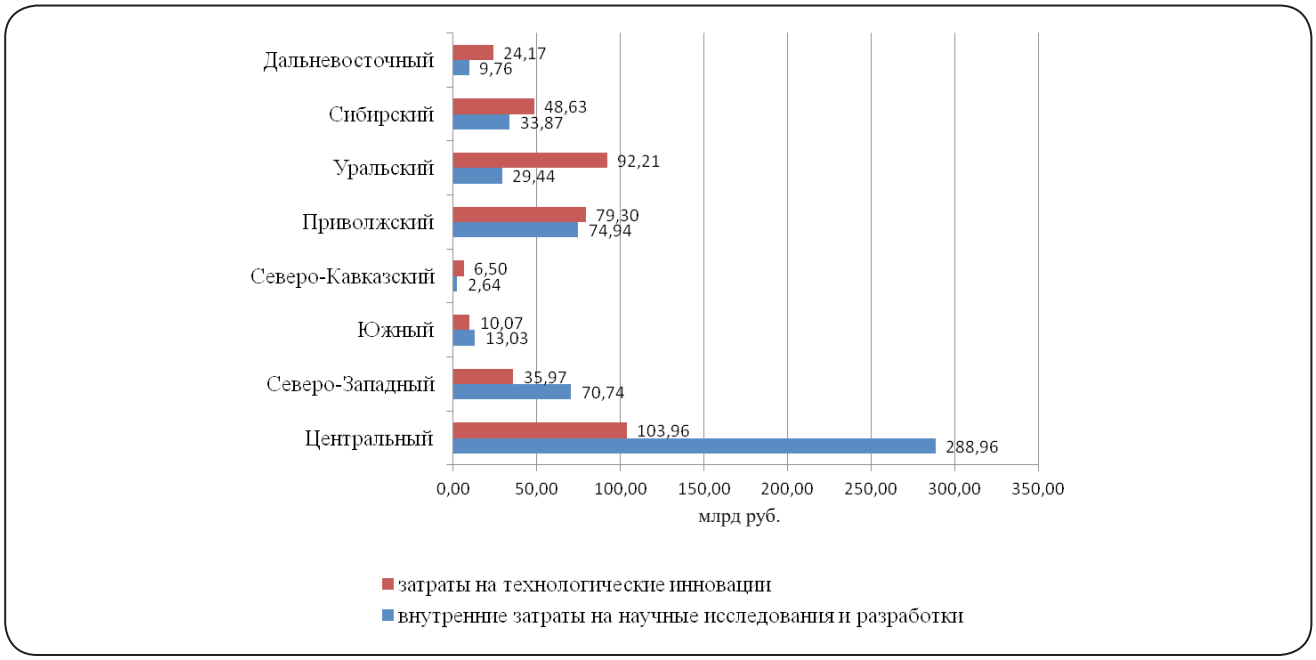
Анализ исследований групп регионов по уровню относительной наукоемкости – «лидеры», «ядро» и «аутсайдеры» (в группу «ядро» входят промышленно развитые Владимирская, Воронежская, Тверская, Тульская, Ярославская, Ленинградская, Ростовская, Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Свердловская, Челябинская, Омская и Томская области, а также Республика Татарстан. К «лидерам» относятся субъекты РФ, сосредоточившие объекты

«большой науки»: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Калужская, Нижегородская и Новосибирская области [4]), позволил выделить ряд существенных черт, влияющих на их специализацию в инновационном развитии.

В группах «ядро» и «аутсайдеров» доминируют отрасли материального производства, причем в промышленности «аутсайдеров» превалируют низкотехнологичные. В группе «ядро» очевидна ориентация на нужды промышленности. «Аутсайдеры» отличаются относительно высокой долей фундаментальных и прикладных исследований в общих расходах на ИР. Наименьшую изобретательскую активность проявляют наиболее наукоемкие Центральный и Северо-Западный округа, а наивысшую – наименее наукоемкий Южный округ. По числу созданных передовых производственных технологий и по отношению затрат на технологические инновации к внутренним затратам на ИР лидируют индустриальные Урал и Поволжье [6, с. 77].

По отношению затрат на технологические инновации к внутренним затратам на ИР с большим отрывом в 2005 г. лидировал Уральский федеральный округ, где на долю низконаукоемких топливной и металлургической промышленности приходилось 73,5% общего объема промышленной продукции. За ним следовал Приволжский округ, в котором превалировали наукоемкие химия и машиностроение (42,3% промышленной продукции) [6, с. 78]. К 2010 г. Уральский округ сохранил лидирующее положение по соотношению затрат на технологические инновации к внутренним затратам на ИР (313%), второе место Приволжский округ (105,8%) уступил Дальневосточному (246,7%), переместившись на 5 место.

Наиболее наукоемкие Центральный и Северо-Западный округа занимали по уровню спроса на результаты ИР последние места, а по уровню затрат на технологические инновации и внутренних затрат на ИР в 2010 г. лидировали наряду с Приволжским и Уральским округами. В 2010 г. по затратам на технологические инновации 1 место занимает Центральный федеральный округ (103 963 млн руб.) и лидирует по числу созданных передовых производственных технологий; 2 место по затратам у Уральского ФО (92 205,6 млн руб.), однако по числу созданных технологий он занимает лишь 4 место, 3 место по затратам и по числу созданных технологий у Приволжского ФО (79 303,3 млн руб.). Северо-Западный ФО, занимая по затратам на технологические инновации лишь 5 место, достиг 2-го места по созданным технологиям (см. рисунок) [7].



Затраты на технологические инновации и внутренние затраты на научные исследования по округам в 2010 г.*

*Составлено автором по данным Росстата.

Региональный анализ по федеральным округам обнаруживает несоответствие между продуктивностью ИР и инновационной активностью, с одной стороны, и ресурсным обеспечением РИС – с другой. Это соотношение носит долговременный и устойчивый характер, наблюдается как на уровне макро-регионов (федеральных округов), так и на уровне субъектов РФ и влияет на специализацию РИС в инновационном развитии.

Отдельного внимания с этой точки зрения, заслуживает кластерный анализ регионов РФ, проведенный Центром стратегических разработок «Северо-Запад» [8] по 4 группам индикаторов оценки инновационного потенциала: наличие человеческих ресурсов для инновационных разработок; создание новых знаний; распространение и применение новых полученных знаний; вывод инновационной продукции на рынок.

Кластеры первого и второго типа имеют близкий уровень инновационности. Кластер первого типа (Москва и Санкт-Петербург) с высоким уровнем развития человеческого капитала производит больше новых знаний. Второй кластер – ведущие по «рыночной» составляющей инновационности регионы с высоким уровнем коммерциализации разработок, передовых технологий и инновационной продукции.

В регионах третьего кластера, с низким индексом инновационности, уровень показателей качества человеческих ресурсов и рыночной составляющей инновационности примерно одинаков.

Регионы четвертого кластера, уступающие третьему по индексу человеческих ресурсов и индексу создания новых знаний и равные ему по индексу вывода инновационной продукции на рынок, являются процессинговыми центрами для наукоемкого производства, но отличаются нехваткой специалистов для создания новых технологий и знаний.

В пятом кластере собраны отстающие регионы, имеющие потенциал в случае масштабной модернизации системы образования и производства. В шестом кластере – регионы, отстающие по всем показателям.

Экспертами выявлены особенности распределения регионов по кластерам в зависимости от их территориального расположения [8], которые важно учесть при выявлении особенностей ИС с точки зрения их специализации, влияющих на формирование и использование ИК:

– значение индекса инновационности региона убывает с его удаленностью от значимого в масштабах страны промышленно-технологического центра, с удалением от центральной части РФ и зависит от масштаба центра региона;

– существует взаимосвязь между распределением регионов по индексу инновационности и распределением технологичных отраслей по регионам. Чем выше индекс субъекта, тем по большему количеству высокотехнологичных отраслей позиции региона значимы для наиболее технологичных отраслей РФ.

Не только достигнутый уровень, но и перспективы развития ИС регионов и округов (субъектов ИС мезоуровня) определяют развитие процессов формирования и использования ИК, поэтому важно выделить основные проблемы и направления формирования ИС.

Анализ формирования и развития ИС различных регионов, проведенный автором [9] позволил выделить ряд общих проблем:

– слабая связь и наличие административных барьеров и ограничений на пути интеграции образования, науки и бизнеса;

– недостаточность или отсутствие масштабных источников финансирования ИР за рамками госбюджета;

– отсутствие единой развитой информационной среды РИС;

– разобщенность в работе существующих элементов инновационной инфраструктуры;

– отсутствие целевой ориентации в расходовании государственных средств на инновационные проекты;

– фрагментарность, незавершенность и нарушение непрерывности инновационного цикла;

– несовершенство механизмов и регламентов в сфере науки и высоких технологий, организационных структур и системы управления инновационными процессами;

– недостаточно развитый менеджмент крупных инновационных проектов, программ и технологических кластеров;

– невысокая технологическая и инновационная культура;

– отсутствие масштабной интеграции крупного и малого бизнеса;

– недостаточный уровень поддержки малого бизнеса при наличии административных барьеров и рисков инновационной деятельности;

– несоответствие системы подготовки кадров потребностям развития ИС, отсутствие квалифицированных кадров в сфере инновационного менеджмента и критической массы инноваторов.

Формирование ИС сегодня в регионах РФ происходит по направлениям, которые оказывают влияние и на процессы формирования и использования ИК:

– выработка форм регулирования инновационной активности на основе воспроизведения «лучших практик» отдельных территорий;

– развитие производственно-технологической, финансовой и информационной инфраструктуры ИС;

– создание в РИС системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров инновационной сферы, включая специалистов по коммерциализации результатов ИР;

– проведение конкурсов на лучший инновационный проект;

– принятие документов, регулирующих инновационное развитие на территориальном уровне.

Формирование РИС в условиях низкой конкуренции внутри России и острой внешней конкуренции за эффективное использование инноваций целесообразно осуществлять за счет:

– перераспределения ресурсов в пользу наиболее конкурентоспособных предприятий, способных стать точками роста экономики и инновационных кластеров региона;

– снижения прямых издержек и рисков инновационного регионального развития путем создания системы страхования инновационных инвестиций;

– содействия массовому созданию малых стартовых инновационных фирм путем предоставления им стартового капитала и налоговых льгот, правовой, информационной и кадровой поддержки;

– создания правовых и экономических условий и стимулов для активного участия научных организаций и компаний в международных и региональных технологических альянсах и проектах на равноправных финансовых началах (устранения существующих здесь правовых, организационных, налоговых, таможенных и прочих барьеров и ограничений);

– создания особых экономических зон (промышленно-производственных, технико-внедренческих), технопарков, наукоградов для развития кооперации образования, науки, и бизнеса в высокотехнологическом секторе экономики региона;

– государственного регулирования проблем формирования и развития ИК в регионе.

Таким образом, в силу выявленной специфики развития ИС регионов и округов они имеют на мезоуровне индивидуальную специализацию относительно этапов инновационного цикла. Одни из них могут быть донорами человеческого капитала, новых знаний, другие имеют лучшие условия и возможности по использованию ИК для производства и коммерциализации инноваций. Как следствие, регионы могут предъявлять различные требования к состоянию и уровню формирования и использования ИК в рамках собственной ИС и даже иметь объективные ограничения в возможностях его формирования, и использования. Следовательно, с точки зрения автора, по характеру специализации/универсальности можно выделить:

– ИС, специализирующиеся на формировании ИК (их отличает высокий уровень выбытия работников, занятых интеллектуальным трудом, и продуктов интеллектуальной деятельности из региона – экспорт ИК);

– ИС, специализирующиеся на использовании ИК, как следствие, развитии ИК (их отличает высокий уровень прибытия работников, занятых интеллектуальным трудом, и продуктов интеллектуальной деятельности – импорт ИК);

– ИС универсальные с точки зрения формирования и использования ИК, то есть реализующие весь цикл «формирование-использование» ИК в пределах региона. Их отличает низкий уровень прибытия и выбытия работников, занятых интеллектуальным трудом, и продуктов интеллектуальной деятельности;

– ИС универсальные с преимущественной специализацией на формировании ИК. Они реализуют цикл «формирование-использование» ИК в пределах инновационной системы высоко развитого региона на фоне высокого уровня выбытия работников, занятых интеллектуальным трудом, и продуктов интеллектуальной деятельности из региона, являясь донором интеллектуальных ресурсов на мезоуровне.

В контексте представленной выше типизации ИС, выравнивание уровня развития ИС регионов, должно рассматриваться наряду с альтернативой – формирование инновационных ИС мезоуровня, оптимально сочетающих уникальные возможности различных регионов и округов по формированию и использованию ИК в рамках единой стратегии развития ИС мезоуровня.

Список литературы

1. Лурье Е.А. Территории инновационного развития: опыт регионов // Инновации. – 2009. – № 2(124). – С. 96–109.

2. Егорова М.В., Авилова В.В. Модель региональной инновационной системы: теоретико-методологический аспект // Инновации. – 2007. – № 6. – С. 68.

3. Россия и страны-члены Европейского Союза. 2011. – URL: http://www.gks.ru

4. Шагиахметов М.Р. Амбициозные задачи инновационного Татарстана. – URL: http: //www.rt-online.ru/aticles/rubric-71/100783/

5. Движение регионов России к инновационной экономике / под ред. А.Г. Гранберга, С.Д. Валентен; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2006. – С. 171–186.

6. Сердюкова Л.О. Анализ инновационно-активных регионов Россиийской Федерации // Инновационная деятельность. – 2010. – № 4(13). – С. 54–60.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2011 г. / Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru /bgd/regl/b10_14p/issWWW. exe/Stg/d03/22-01.html

8. Кластерный анализ регионов РФ. Центр стратегических разработок «Северо-Запад». – URL: http://csr-nw.ru/development/92/94 /137/284/290.html

9. Сердюкова Л.О. Интеллектуальный капитал и оценка его формирования, развития и использования в инновационной системе / под ред. д-ра экон. наук, проф. С.А. Андрющенко. – Саратов: ИЦ «Наука», 2012. – 139 с.

В редакцию материал поступил 23.10.12

Информация об авторе

Сердюкова Лариса Олеговна, кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной экономики и управления инновациями, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина

Адрес: 410008, г. Саратов, ул. Политехническая, 77, тел.: (8452) 99-85-40

E-mail: komserd@mail.ru

L.O. SERDYUKOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

DEVELOPMENT OF INNOVATIVE SYSTEMS AT MESO-LEVEL AS A KEY FACTOR OF FORMING AND UTILIZATION OF INTELLECTUAL CAPITAL

The article is devoted to the topical problem of evaluating the condition and experience of innovative systems forming at meso-level. Conclusions are made about the features and objective character of the individual specialization of regional innovative systems in regard to the innovative cycle stages at meso-level, problems and directions of their development are revealed, which will significantly influence the formation and utilization of intellectual capital.

Key words: innovative systems; intellectual capital; formation; development; utilization.

References

1. Lur'e E.A. Territorii innovatsionnogo razvitiya: opyt regionov (Territories of innovative development: experience of the regions), *Innovatsii*, 2009, No. 2(124), pp. 96–109.

2. Egorova M.V., Avilova V.V. Model' regional'noi innovatsionnoi sistemy: teoretiko-metodologicheskii aspect (Model of regional innovative system: theoretical-methodological aspect), *Innovatsii*, 2007, No. 6, p. 68.

3. *Rossiya i strany-chleny Evropeiskogo Soyuza. 2011.* (Russia ans members of European Union. 2011), available at: http://www.gks.ru

4. Shagiakhmetov M.R. *Ambitsioznye zadachi innovatsionnogo Tatarstana* (Ambitious tasks of innovative Tatarstan), available at: http: //www.rt-online.ru/aticles/rubric-71/100783/

5. *Dvizhenie regionov Rossii k innovatsionnoi ekonomike* (Regions moving to innovative economy). Moscow: Nauka, 2006, pp. 171–186.

6. Serdyukova L.O. Analiz innovatsionno-aktivnykh regionov Rossiiiskoi Federatsii (Analysis of innovative-active regions of the Russian Federation), *Innovatsionnaya deyatel'nost'*, 2010, No. 4(13), pp. 54–60.

7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli – 2011 g.* (Regions of Russia. Social-economic indicators - 2011), available at: http://www.gks.ru /bgd/regl/b10_14p/is. exe/Stg/d03/22-01.html

8. *Klasternyi analiz regionov RF. Tsentr strategicheskikh razrabotok "Severo-Zapad"* (Cluster analysis of the Russian Federation regions. Centre of strategic studies "North-West"), available at: http://csr-nw.ru/development/92/94 /137/284/290.html

9. Serdyukova L.O. *Intellektual'nyi kapital i otsenka ego formirovaniya, razvitiya i ispol'zovaniya v innovatsionnoi sisteme* (Intellectual capital and estimation of it forming and utilization in innovative systems). Saratov: ITs "Nauka", 2012, 139 p.

Information about the author

Serdyukova Larisa Olegovna, PhD (Economics), Associate Professor of Applied Economics and Innovations Management Chair, Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin

Address: 77 Politekhnicheskaya Str., 410008, Saratov, tel.: (8452) 99-85-40

E-mail: komserd@mail.ru

УДК 338.2

В. А. СЛАВИН,

кандидат физико-математических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет, филиал в г. Чебоксары,

И.Н. УРУСОВА,

кандидат экономических наук, доцент

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

РЫНОЧНАЯ ДИНАМИКА ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

II. Переходы между производственными состояниями. Элементы теории рисков

Методами теоретической микроэкономики изучено явление спонтанных переходов между производственными состояниями предприятия, находящегося в режиме рентабельной реализации товара. Рассмотрены экономические механизмы возникновения спонтанных переходов, введены некоторые характеристики переходов и найдены выражения для их вероятностей. Показано, что в рассматриваемых условиях наиболее вероятны переходы с потерей средств оборотного капитала, соответствующие технологическим и предпринимательским рискам и, в частности, рискам разорения предприятия. Найден средний коэффициент потерь оборотных средств как функция времени эволюции системы, объема предложения и периода цеховых процессов. Обсужден экономический смысл полученных результатов.

Ключевые слова: экономическое состояние производственной системы; спонтанные переходы между производственными состояниями; кванты предпринимательской способности; амплитуды и вероятности переходов между производственными состояниями; средний коэффициент потери оборотных средств; вероятности технологических рисков и рисков разорения предприятия.

1. В первой части [1] данного цикла работ изучались корреляционные свойства компонент вектора решений $\vec{S} = \left(\vec{X}; \vec{B}\right)$, формирующих оптимальные состояния производственно-экономических систем в режиме рентабельной реализации товарного продукта. Здесь

$$\begin{aligned} \vec{X} &= (X_\mu) = (\Sigma_l \gamma_{\mu l} x_l), \\ \vec{B} &= (B_\mu) = (\Sigma_l \gamma_{\mu l} b_l) \end{aligned} \qquad (1)$$

обобщенные фазовые переменные системы, описывающие взаимодействие исходных ресурсов предприятия $\vec{x} = (x_l)$, $\vec{b} = (b_i)$, в ходе бинарных операций на участках цехов $\mu = (i,k); \gamma_{\mu l}$ – элементы матрицы амплитуд взаимодействия [2; 3].

Закон распределения фазовых переменных, определяющий корреляционные свойства компонент решения, описывается функциями состояния производственной системы

$$\left\langle \vec{X} \middle| \Psi, t \right\rangle = \prod_\mu \left\langle X_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle, \ \left\langle \vec{B} \middle| \Psi, t \right\rangle = \prod_\mu \left\langle B_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle, \qquad (2)$$

удовлетворяющими дифференциальному уравнению [4]

$$i\lambda \frac{\partial}{\partial t} \left| \Psi, t \right\rangle = \hat{P}(t) \left| \Psi, t \right\rangle, \qquad (3)$$

где λ – рыночный параметр; $\hat{P}(t)$ – оператор Гамильтона

$$\hat{P}(t) = \sum_\mu \left[\frac{\beta_\mu \hat{B}_\mu^2}{2} + v_e\left(\hat{X}_\mu, t\right) \right] \equiv \sum_\mu \hat{P}_\mu(t), \qquad (4)$$

$\hat{X}_\mu = X_{\mu_\sigma}$, $\hat{B}_\mu = -i\lambda \partial / \partial X_\mu$ – операторы обобщенных фазовых переменных; β_μ – скалярный коэффициент, характеризующий качество продукции бинарного процесса;

$$v_e\left(X_\mu, t\right) = \omega_\mu^2 X_\mu^2 \left(1 + \varepsilon_\mu \mathrm{Cos} 2\omega'_\mu t\right) / 2\beta_\mu \ -$$

эффективная технологическая функция участка цеха μ; $\omega'_\mu = \omega + \delta_\mu / 2$; δ_μ – расстройка частот цехового процесса ω_μ и его нестационарного возмущения ω'_μ ($\delta_\mu << \omega$); ε_μ – интенсивность

возмущения, которая в условиях рентабельной реализации товара удовлетворяет неравенству [5]

$$\varepsilon_\mu \omega_\mu >> 2\left|\delta_\mu\right|. \qquad (5)$$

Оператор Гамильтона (4) характеризует способность предприятия к принятию оптимального решения. Среднее значение этого оператора – так называемая функция Гамильтона

$$P(t) = \sum_\mu \left[\frac{\beta_\mu B_\mu^2}{2} + v_e\left(X_\mu, t\right)\right] \equiv \sum_\mu P_\mu(t) - \qquad (6)$$

описывает плановое (регулярное) движение производственной системы вдоль фазовой траектории $S(t)$ в пространстве обобщенных решений (1). Динамика предприятия, обусловленная плановыми решениями в условиях стационарного производства и рентабельной реализации товара, изложена в работах [5, 6].

С функцией Гамильтона (6) связан важный показатель производственной деятельности предприятия – функция оборотных средств

$$K_{\vec{a}}(t) = \sum_\mu \frac{2\pi}{\omega_\mu} P_\mu(t), \qquad (7)$$

формулирующая критерий оптимальности цеховой структуры системы [6].

Собственные значения оператора (4) (независящего явно от времени) образуют дискретный (счетный) спектр и называются квантами предпринимательской способности [2; 4]. В условиях рыночной динамики кванты способности выступают в роли «катализатора» процесса выбора оптимальных решений, распределенных в фазовом пространстве по закону, определяемому основным уравнением (3).

В работе [1] получено решение дифференциального уравнения (3) и найдены функции состояния участков цехов $\left\langle X_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle$ и $\left\langle B_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle$, которые удобно представить в безразмерном виде:

$$\left\langle X_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle \equiv \left\langle \xi \middle| \alpha_\mu; \tau \right\rangle =$$

$$= \left(\pi\gamma^2(\tau)\right)^{-1/4} \exp\left\{\frac{i\ddot{\gamma}}{2\gamma}\left(\xi - i\frac{\sqrt{2}\alpha_\mu}{\dot{\gamma}}\right)^2 - \frac{1}{2}\left(\frac{\ddot{\gamma}^*}{\dot{\gamma}}\alpha_\mu^2 + \left|\alpha_\mu\right|^2\right)\right\}. \qquad (8)$$

Для получения функции в формуле (8) достаточно совершить простые преобразования

$$\xi \to \zeta;\ \gamma \to \dot{\gamma};\ \dot{\gamma} \to -\gamma.$$

Здесь $\xi = \sqrt{\frac{\omega_\mu}{\lambda\beta_\mu}} X_\mu;\ \zeta = \sqrt{\frac{\beta_\mu}{\lambda\omega_\mu}} B_\mu;\ \tau = \omega_\mu t;$ величина $\alpha_\mu = \xi(0) + i\zeta(0)$ описывает положение точки на фазовой траектории обобщенных решений в начальный момент вре мени.

Квадраты модулей функций $\left\langle X_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle$ и $\left\langle B_\mu \middle| \Psi, t \right\rangle$ определяют нормальный закон распределения фазовых переменных (1), математические ожидания которых описывают плановую (оптимальную) эволюцию системы вдоль фазовой траектории $\xi(\tau),\ \zeta(\tau)$ [5]. При этом средние квадратичные отклонения характеризуют область определения функций состояния, которая представляет собой эллипс с центром в точке $\xi(\tau),\ \zeta(\tau)$ и площадью, удовлетворяющей соотношению неопределенностей

$$\sigma_\xi \cdot \sigma_\zeta = \frac{1}{2}\sqrt{1 + Sh^2 2s_\mu \tau \mathrm{Cos}^2 2\mathrm{r}_\mu \tau} \geq \frac{1}{2}, \qquad (9)$$

где

$$s_\mu = \sqrt{\varepsilon_\mu^2 - \left(2\delta_\mu/\omega_\mu\right)^2}\ \Big/ 4;\ r_\mu = 1 + \delta_\mu/2\omega_\mu.$$

С течением времени эллипс неопределенностей вращается с частотой r_μ, одновременно деформируясь вдоль своих главных осей; при этом кванты способности, перераспределяясь в фазовом пространстве, выстраиваются вдоль «средней линии» эллипса – прямой регрессии, обуславливая появление корреляционной связи между компонентами обобщенного решения. В работе [1] получено уравнение линейной регрессии и исследована осцилляционная зависимость коэффициента корреляции от времени для рентабельного режима предложения товара.

2. Рассмотрим теперь два производственных состояния $\left|\alpha_\mu, \tau\right\rangle$ и $\left|\beta_\mu, \tau\right\rangle$ с достаточно близким расположением начальных фазовых точек α_μ и β_μ, для которых существует конечная область пересечения эллипсов неопределенностей решений $(\xi, \zeta)_{\alpha_\mu\beta_\mu}$. В этом случае система, находясь в одном из таких состояний, в результате принятия решения $(\xi, \zeta)_{\alpha_\mu\beta_\mu}$ из области пересечения может спонтанно перейти в другое состояние с иными экономическими характеристиками.

С математической точки зрения, существование переходов между производственными состояниями вытекает из неортогональности функций $\left|\alpha_\mu,\tau\right\rangle$ и $\left|\beta_\mu,\tau\right\rangle$, выражаемой отличным от нуля «интегралом перекрытия» (амплитудой перехода)

$$\left\langle\beta_\mu,\tau\middle|\alpha_\mu,\tau\right\rangle=\int_{-\infty}^{\infty}\left\langle\beta_\mu,\tau\middle|\xi\right\rangle\left\langle\xi\middle|\alpha_\mu,\tau\right\rangle d\xi, \qquad (10)$$

при этом вероятность перехода определяется квадратом модуля амплитуды:

$$W_{\alpha_\mu\to\beta_\mu}=\left|\left\langle\beta_\mu,\tau\middle|\alpha_\mu,\tau\right\rangle\right|^2. \qquad (11)$$

В настоящей статье получены амплитуды и вероятности переходов между различными производственными состояниями и связанные с этими переходами потери средств оборотного капитала в расчете на участок цеха μ, находящегося в условиях нестационарного параметрического возмущения (5). Нами рассмотрена наиболее интересная экономическая ситуация, в которой система, первоначально находившаяся в стационарном состоянии $\left|\alpha_{\mu e},\tau\right\rangle$, переходит в другое стационарное состояние $\left|\beta_{\mu e},\tau\right\rangle$, минуя возбужденное состояние $\left|\alpha_\mu,\tau\right\rangle$.

Вероятности переходов между производственными состояниями

3. Используя выражение (8) для функций состояния $\left|\alpha_\mu,\tau\right\rangle$ и $\left|\beta_{\mu e},\tau\right\rangle$, запишем интересующую нас амплитуду (10) и вероятность перехода (11) в виде (ниже индекс μ опускаем)

$$\left\langle\beta_e,\tau\middle|\alpha,\tau\right\rangle=$$

$$\frac{e^{-\frac{i}{2}\theta(\tau)}}{\sqrt{u(\tau)}}\exp\left\{-\frac{|\alpha|^2}{2}-\frac{|\beta|^2}{2}+\right.$$

$$\left.+\alpha^*\beta\frac{e^{i\theta(\tau)}}{u(\tau)}+\alpha^2\frac{v^*(\tau)}{2u(\tau)}-\beta^{*^2}e^{2i\theta(\tau)}\frac{v(\tau)}{2u(\tau)}\right\}, \qquad (12)$$

$$W_{\alpha\to\beta_e}(\tau)=\left|\left\langle\beta_e,\tau\middle|\alpha,\tau\right\rangle\right|^2=$$

$$=e^{-|\alpha-\beta|^2}\frac{1}{|u(\tau)|}\exp\left(-\frac{1}{|u(\tau)|^2}F(\tau)\right), \qquad (13)$$

где

$$\theta_\mu(\tau)=r_\mu\tau+\frac{\pi}{4};\ u(\tau)=\frac{1}{2}(\gamma_\alpha-i\dot\gamma_\alpha)=Chs\tau\,e^{i\theta(\tau)};$$

$$v(\tau)=-\frac{1}{2}(\gamma_\alpha+i\dot\gamma_\alpha)=Shs\tau\,e^{-i\theta(\tau)}. \qquad (14)$$

$$F(\tau)=\mathrm{Re}\left[\beta^{*2}e^{2i\theta i\theta(\tau)}uv-\alpha^2uv-2\alpha\cdot\beta\left(e^{i\theta(\tau)}u-|u|^2\right)\right].$$

Введем модуль и фазу начальных точек α, β ($\alpha=|\alpha|e^{i\psi_\alpha};\ \beta=|\beta|e^{i\psi_\beta}$) и учтем, что в рассматриваемом нами переходе фаза точки α не меняется: $\psi_\beta\approx\psi_\alpha+2k\pi$. Благодаря этому, выражение (13) может быть преобразовано к виду

$$W_{\alpha\to\beta}(z)=$$

$$e^{-|\alpha-\beta|^2}\sqrt{\frac{2}{z+1}}\exp\left\{-\sqrt{\frac{z-1}{z+1}}G(\alpha,\beta)-\right.$$

$$\left.-2|\alpha||\beta|\left(1-\sqrt{\frac{2}{z+1}}\right)\right\}, \qquad (15)$$

где $z=Ch2s\tau;\ G(\alpha,\beta)=\cos2\psi_\alpha(|\alpha|^2-|\beta|^2)$.

Нетрудно видеть, что при $G(\alpha,\beta)>0$ функция (15) на всей области определения не превосходит вероятности перехода между стационарными состояниями ($W_{\alpha_e\to\beta_e}(z=1)$) и поэтому не представляет особого интереса. Напротив, в случае $G(\alpha,\beta)<0$ вероятность (15), испытав корневой рост при малых z достигает максимального значения $W_{\alpha\to\beta_e}(z_m)$, превышающего стационарное значение $W_{\alpha_e\to\beta_e}(z=1)$ (см. рис. 1). Такая ситуация возможна в двух случаях: либо при $|\alpha|>|\beta|$ и фазе $\psi_\alpha=\frac{\pi}{2}+k\pi$, либо при $|\alpha|<|\beta|$, когда $\psi_\alpha=k\pi$.

На практике реализуется первый случай, соответствующий квазипериодическому режиму сбыта товара с последующей компенсацией издержек и формированием прибыли за счет полученного дохода [5]. Основной характеристикой процесса в этом случае является экспоненциально слабо растущая функция оборотного капитала $K(\tau;|\alpha|)$, приходящаяся на участок цеха в состоянии $\left|\alpha,\tau\right\rangle$ [6]:

$$K(\tau;|\alpha|)=K_\alpha Ch2s\tau\equiv K_\alpha z(\tau). \qquad (16)$$

Здесь $K_\alpha=K(0;|\alpha|)$ начальное значение оборотных средств, определяемое соотношением [2]

$$K_\alpha = \frac{\lambda\pi}{2}|\alpha|^2 . \qquad (17)$$

где λ – рыночный параметр, характеризующий свободу проявления деловой способности субъекта в ходе производственной деятельности системы; в задачах рыночной динамики типичной является оценка $\lambda \approx 100$ руб. [2]; поэтому, полагая $K_\alpha > 1000$ руб., получаем $|\alpha|^2 >> 1$.

В результате спонтанных переходов $|\alpha, \tau\rangle \to |\beta_e, \tau\rangle$ (при $G(\alpha, \beta) < 0$) производственная система испытывает потери средств оборотного капитала, которые будем характеризовать коэффициентом потерь χ, равным отношению флуктуаций $\delta K = K_\alpha - K_\beta$ к величине оборотных средств $K(z; |\alpha|)$ (16), набираемых системой в ходе параметрического возмущения начального состояния $|\alpha_e, \tau\rangle$:

$$\chi = \frac{K_\alpha - K_\beta}{K(z;|\alpha|)} = \frac{1-\eta^2}{z} = \chi(z;\eta,|\alpha|). \qquad (18)$$

Здесь $\eta = \frac{|\beta|}{|\alpha|}$ – параметр перехода.

Рассмотрим сначала вероятности потерь (15) при переходах в заданный интервал параметра η на всем спектре изменения переменной z (в течение всего времени эволюции системы). Затем получим закон распределения непрерывной случайной величины η и найдем средние значения коэффициента потерь оборотных средств $\bar{\chi}(z)$ в каждый момент времени.

4. Преобразуем вероятность (15) (при $G(\alpha, \beta) < 0$) к виду (см. рис. 1)

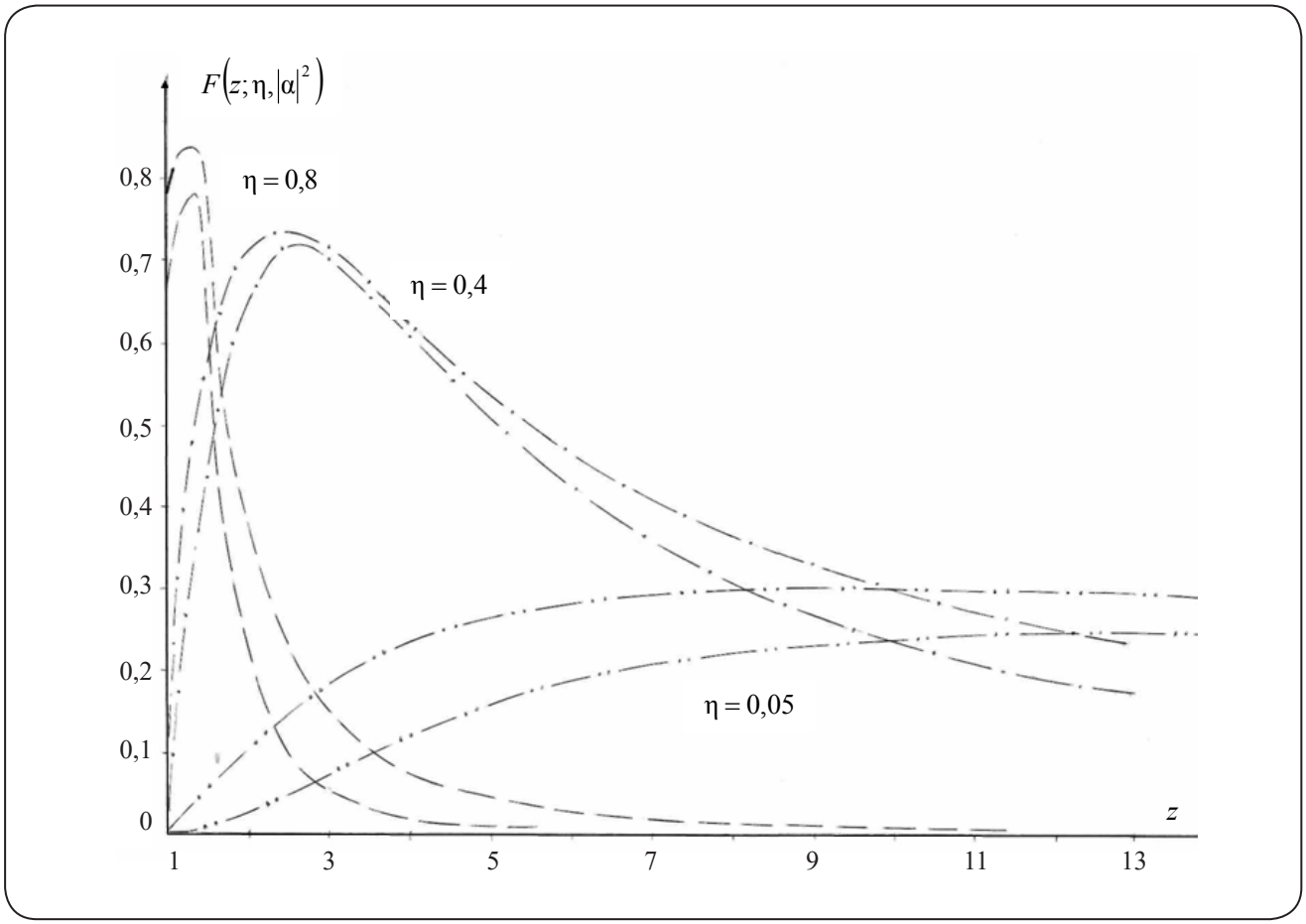


Рис. 1. Зависимость вероятности потерь (28) **оборотных средств** K_α **от переменной** z **при различных значениях параметров** $|\alpha|^2$ **и** η**. Верхняя кривая потерь (для каждого значения** η**) соответствует параметру** $|\alpha|^2 = 6$**, нижняя кривая – параметру** $|\alpha|^2 = 10$**.**

$$W_{\alpha\to\beta_e} \equiv F(z;\eta,|\alpha|) =$$

$$= \sqrt{\frac{2}{z+1}}\exp\left\{-|\alpha|^2\left[\eta\left(1+\sqrt{\frac{z-1}{z+1}}\right)^{\frac{1}{2}}-\left(1-\sqrt{\frac{z-1}{z+1}}\right)^{\frac{1}{2}}\right]^2\right\}. \quad (19)$$

При условии $1-\eta^2 << 1$ основной вклад в область определения (19) вносит малый интервал $1 < z < 1+\frac{4}{|\alpha|^2-2}$, на котором функция принимает максимальное значение, сравнимое с вероятностью стационарных переходов $F(1;\ \eta,\ |\alpha|) \approx 1$. Это позволяет характеризовать риски потерь в течение всего производственного цикла мелкими и частыми флуктуациями оборотного капитала, относительная величина которых $\chi(z;\ \eta,\ |\alpha|) << 1$.

С уменьшением параметра η область определения функции (19) увеличивается с одновременным превышением максимального значения $F(z_m;\ \eta,\ |\alpha|)$ над стационарной вероятностью $F(1;\ \eta,\ |\alpha|)$ (рис. 1). Здесь $z_m = z_m(\eta,\ |\alpha|)$– координата максимума функции (19), удовлетворяющая уравнению

$$2\eta+\sqrt{\frac{2}{z-1}}\left(1-\eta^2\right)=\sqrt{\frac{z+1}{2}}\frac{1}{|\alpha|^2}. \quad (20)$$

Рост вероятности (19) при $z < z_m$ обусловлен увеличением концентрации квантов способности, ответственных за принятие рисковых решений (ξ, ζ) в области перекрытия эллипсов $|\alpha,\tau\rangle$ и $|\beta_e,\tau\rangle$. Снижение же этой вероятности при $z > z_m$ вызывается увеличением средств оборотного капитала $K_{\mu\alpha}$ (благодаря прибыли предприятия), выступающего мерой способности системы к сохранению рентабельного режима предложения и, следовательно, к уменьшению риска потерь.

Механизм снижения вероятности (19) с ростом оборотного капитала $K_{\mu\alpha}$ можно понять, если, в соответствии с [2], заметить, что величина $\frac{K_{\mu\alpha}}{\lambda\pi}=\frac{|\alpha|^2}{2}=\bar{n}$ равна среднему числу квантов предпринимательской способности субъекта в начальном состоянии $|\alpha,\tau\rangle$. С другой стороны, увеличение числа $\bar{n}$ приводит к уменьшению эффективного уширения распределения квантов $\frac{n-\bar{n}}{\bar{n}} \approx \frac{1}{\sqrt{\bar{n}}}$ относительно фазовых траекторий. Отсюда следует, что увеличение оборотных средств вызывает рост концентрации квантов способности вблизи фазовых траекторий за счет оттока их из области перекрытия состояний $|\alpha,\tau\rangle$ и $|\beta_e,\tau\rangle$, что приводит к уменьшению вероятности перехода между ними.

5. Наиболее интересным является анализ риска разорения фирмы, то есть опасности перехода системы в основное состояние $|\alpha\rangle \to |0_e\rangle$ с нулевым оборотным капиталом. Вероятность разорения можно найти, положив в (19) $\eta \to 0$ (рис. 1)

$$W(z;\alpha,0)=e^{-|\alpha|^2}\sqrt{\frac{2}{z+1}}\exp\left\{\sqrt{\frac{z-1}{z+1}}|\alpha|^2\right\}. \quad (21)$$

Максимум такой вероятности достигается в точке z_m, определяемой уравнением (20):

$$z_m=\sqrt{1+4|\alpha|^4}\approx 2|\alpha|^2=\frac{4K_\alpha}{\lambda\pi}>>1 \quad (22)$$

и равен

$$W(z_m;\alpha,0)\approx\sqrt{\frac{2}{z_m e}}=\sqrt{\frac{\pi\lambda}{2K_\alpha e}}>>W(1;\alpha_e,0). \quad (23)$$

Значительное превышение вероятности разорения фирмы в условиях параметрического возмущения над вероятностью разорения в стационарном состоянии $W(1;\ \alpha_e,\ 0)$ объясняется упомянутой выше раскачкой возмущенных состояний, при которой возможно пересечение областей неопределенностей функций $|\alpha\rangle$ и $|0_e\rangle$.

Время действия возмущения τ_m, обеспечивающего максимум вероятности разорения, легко найти из соотношения (22), записав его в виде $z_m = Ch2s\tau_m = \frac{4K_0}{\lambda\pi}$:

$$\tau_m=\frac{1}{2s}arch\frac{4K_\alpha}{\lambda\pi}, \quad (24)$$

где $s=\sqrt{\varepsilon^2-(2\delta/\omega)^2}\,/4$.

Сравнивая (23) и (24), замечаем, что рост вероятности разорения (вызванный снижением величины $\frac{K_\alpha}{\lambda\pi}$) связан с уменьшением критического времени раскачки τ_m; последнее возможно

при повышении интенсивности возмущения ε и частоты технологического цикла ω, а также уменьшения параметра частотного рассогласования δ процессов производства и реализации товара. Отметим, что указанные факторы на практике часто используется как искусственное средство повышения рентабельности продаж, поэтому полученный результат согласуется с положением о том, что необоснованное повышение рентабельности предприятия выступает одним из факторов риска.

Коэффициент потерь оборотного капитала

6. Найдем коэффициент средних потерь оборотных средств $\bar{\chi}(z;|\alpha|)$, получаемый усреднением относительных флуктуаций (18) по распределению непрерывной случайной величины η:

$$\bar{\chi}(z;|\alpha|)=\frac{K_\alpha-\overline{K_\beta}}{K(z;|\alpha|)}=\frac{1-\overline{\eta^2}}{z}. \qquad (25)$$

Для этого введем плотность распределения $f(z;\eta,|\alpha|)$, равную вероятности (19) перехода в единичный интервал равномерно распределенного параметра η:

$$f(z;\eta,|\alpha|)=F(z;\eta,|\alpha|)\frac{1}{A(z;|\alpha|)}. \qquad (26)$$

Определяя нормировочную константу $A(z;|\alpha|)$ из условия нормировки, представим функцию $f(z;\eta,|\alpha|)$ в виде

$$f(z;\eta,|\alpha|)=\frac{2}{\sqrt{\pi}}\frac{\sqrt{a}}{erfc\left(-b/\sqrt{a}\right)}\exp\left[-a\left(\eta-\frac{b}{a}\right)^2\right], \qquad (27)$$

описывающему нормальное распределение величины η на луче $0\le\eta<\infty$. Математическое ожидание $\bar{\eta}$ и дисперсия σ_η^2 такого распределения равны

$$\bar{\eta}[z(\tau);|\alpha|]=\frac{b}{a}+\frac{1}{\sqrt{\pi a}}\frac{\exp\left(-b^2/a\right)}{erfc\left(-b/\sqrt{a}\right)} \qquad (28)$$

$$\sigma_\eta^2=\frac{1}{2a}+\frac{1}{\sqrt{\pi a}}\frac{b}{a}\frac{\exp\left(-b^2/a\right)}{erfc\left(-b/\sqrt{a}\right)}-\frac{1}{\pi a}\frac{\exp\left(-2b^2/a\right)}{erfc^2\left(-b/\sqrt{a}\right)} \qquad (29)$$

Слагаемые в (28) и (29), содержащие экспоненциальные множители, имеют порядки величин $e^{-|\alpha|^2}/|\alpha|$ и $\left[e^{-|\alpha|^2}/|\alpha|\right]^2$, соответственно, и при принятом выше предположении $|\alpha|^2>>1$, могут быть опущены как бесконечно малые высокого порядка.

Теперь уже нетрудно найти средний квадрат распределения $\overline{\eta^2}=\bar{\eta}^2+\sigma_\eta^2=\frac{b^2}{a^2}+\frac{1}{2a}$ и средний коэффициент потерь оборотного капитала:

$$\bar{\chi}(\tau;|\alpha|)=\frac{1-\exp(-2s\tau)}{Ch2s\tau}\left(1-\frac{1}{4|\alpha|^2}Ths\tau\right)\approx\frac{1-\exp(-2s\tau)}{Ch2s\tau}. \qquad (30)$$

Заметим, что средние потери $\bar{\chi}$ практически не зависят от начального значения оборотных средств K_a и определяются лишь временем эволюции системы τ.

Немонотонная зависимость $\bar{\chi}(\tau)$, изображенная на рис. 2, имеет ту же природу, что и рассмотренные выше функции (19): рост $\bar{\chi}(\tau)$ связан с деформацией эллипсов неопределенности состояния $|\alpha,\tau\rangle$, а ее снижение – с оттоком квантов активности субъекта от периферических областей эллипсов к центру – точкам на фазовой траектории $|\alpha,\tau\rangle$. Максимум функции $\bar{\chi}(\tau)$ приходится на момент времени

$$\tau_1=\frac{Arsh\,1}{2s}\approx\frac{0{,}44}{s} \qquad (31)$$

и равен

$$\bar{\chi}_m=\bar{\chi}(\tau_1)\approx 0{,}41. \qquad (32)$$

7. В заключении отметим, что обсуждаемые выше переходы между производственными состояниями $|\alpha_\mu,\tau\rangle\to|\beta_{\mu e},\tau\rangle$ и связанные с ними потери оборотных средств относились к отдельным участкам цехов μ предприятия. Для описания рисков потерь во всей производственной системе необходимо найти амплитуды и вероятности переходов между состояниями $|\vec{\alpha},\tau\rangle\to|\vec{\beta},\tau\rangle$, представленными через характеристики переходов $|\alpha_\mu,\tau\rangle\to|\beta_{\mu e},\tau\rangle$ в мультипликативном виде по индексу μ (см. (2)), и воспользоваться полученными выше результатами.

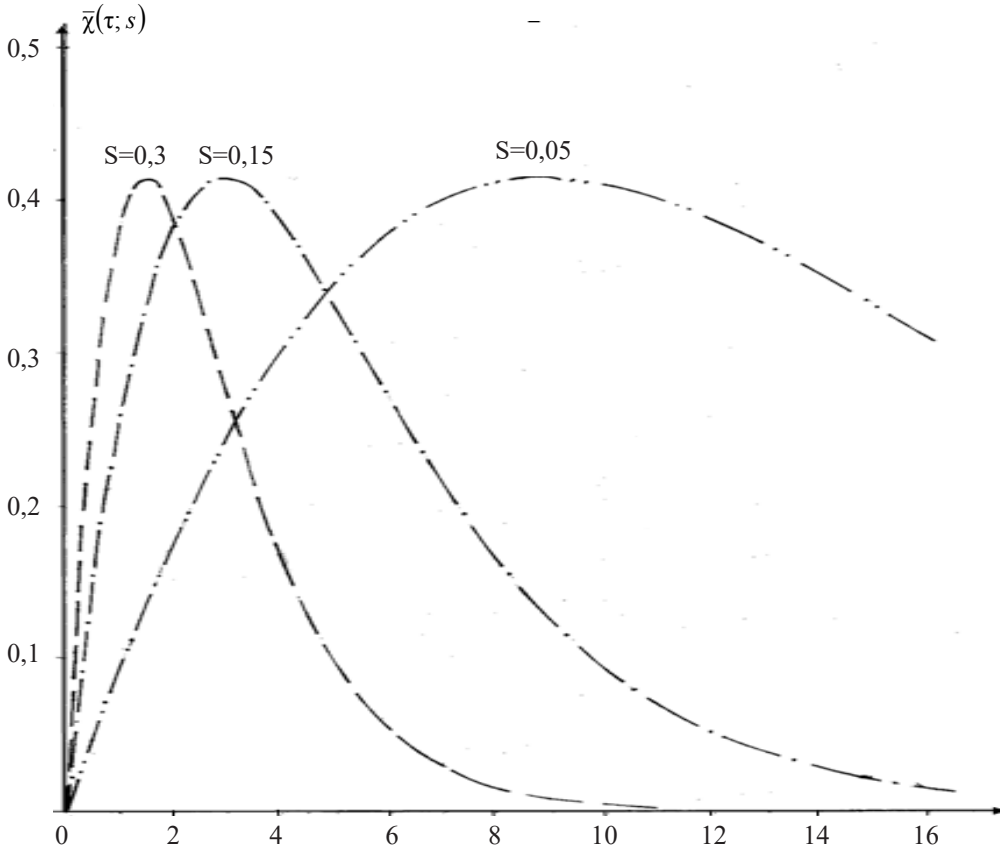


Рис. 2 . Зависимость среднего коэффициента потерь оборотных средств (43) от времени эволюции τ при различных значениях параметра рентабельности s

Список литературы

1. Славин В.А. Рыночная динамика производственно-экономических систем. Корреляционные свойства нестационарных производственных состояний // Вестник ИНЖЭКОНа. – 2012. – № 2. – С. 13–21.

2. Кукушкин В.А. Введение в математическую микроэкономику. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2007. – 344 с.

3. Кукушкин В.А. Принципы описания производственно-экономических систем // Вестник ЧГПУ. – 2011. – № 3 (71). – Ч. 2. – С. 132–140.

4. Иванов А.Г., Кукушкин В.А. О вероятностно-динамическом методе в задачах микроэкономики // Вестник ННГУ. – 2010. – № 1. – С 179–189.

5. Кукушкин В.А., Медведева Е.В. Плановая динамика производственно-экономических систем в рентабельном режиме предложения товара // Международный технико-экономический журнал. – 2011. – № 4. – С. 43–48.

6. Кукушкин В.А. Плановая динамика производственно-экономических систем в режиме стационарного производства // Вестник ИНЖЭКОНа. – 2011. – № 5. – С. 209–219.

В редакцию материал поступил 05.07.12

Информация об авторах

Славин Вячеслав Александрович, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационных систем и математики, Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (филиал в г. Чебоксары)

Адрес: 428000, г. Чебоксары, Ядринское шоссе, 5, тел.:(8352)39-74-27

E-mail: vak21@mail.ru

Урусова Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и предпринимательства, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Адрес: 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, 29, тел.: (8352) 58-41-98

E-mail: urusova_irina@mail.ru

V.A. SLAVIN,

PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor

Saint Petersburg State University for Engineering and Economy (Cheboksary branch)

I.N. URUSOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

MARKET DYNAMICS OF PRODUCTION-ECONOMIC SYSTEM

II. Transitions between production states. Elements of risk theory

The methods of theoretical micro-economy were used to investigate the spontaneous transitions between enterprise's production states in the regime of the goods' commercial off-load. The economical mechanisms of spontaneous transitions are viewed, some characteristics of transitions are introduced, and equations for their probability are found. It is shown that under the given conditions most probable are the transitions with the loss of capital assets corresponding to the technological and etrepreneural risks and, in particular, bankruptcy risks. The average coefficient of capital assets loss is found as a function of the system evolution period, total supply and workshop processes period. The economic meaning of the obtained resulted is discussed.

Key words: economic state of the production system; spontaneous transitions between production states; quanta of entrepreneurship ability; amplitudes and probabilities of transitions between production states; average coefficient of capital assets loss; probabilities of technological and bankruptcy risks.

References

1. Slavin V.A. Rynochnaya dinamika proizvodstvenno-ekonomicheskikh sistem. Korrelyatsionnye svoistva nestatsionarnykh proizvodstvennykh sostoyanii (Market dynamics of production-economic systems), *Vestnik INZhEKONa*, 2012. No. 5, pp. 209–219.

2. Kukushkin V.A. *Vvedenie v matematicheskuyu mikroekonomiku* (Introduction to mathematical micro-economy). Cheboksary: Izd-vo Chuvash. gos. ped. un-ta, 2007, 344 p.

3. Kukushkin V.A. Printsipy opisaniya proizvodstvenno-ekonomicheskikh system (Principles of description of production-economic systems), *Vestnik ChGPU*, 2011, No. 3 (71), Vol. 2, pp. 132–140.

4. Ivanov A.G., Kukushkin V.A. O veroyatnostno-dinamicheskom metode v zadachakh mikroekonomiki (On the probable-dynamic method in micro-economy tasks), *Vestnik NNGU*, 2010, No. 1, pp. 179–189.

5. Kukushkin V.A., Medvedeva E.V. Planovaya dinamika proizvodstvenno-ekonomicheskikh sistem v rentabel'nom rezhime predlozheniya tovara (Planned dynamics of production-economic systems in commercial regime of goods supply), *Mezhdunarodnyi tekhniko-ekonomicheskii zhurnal*, 2011, No. 4, pp. 43–48.

6. Kukushkin V.A. Planovaya dinamika proizvodstvenno-ekonomicheskikh sistem v rezhime statsionarnogo proizvodstva (Planned dynamics of production-economic systems in stationary production regime), *Vestnik INZhEKONa*, 2011, No. 5, pp. 209–219.

Information about the authors

Slavin Vyacheslav Aleksandrovich, PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor of Information Systems and Mathematics Chair, Saint Petersburg State University for Engineering and Economy (Cheboksary branch)

Address: 5 Yadrinskoye Shosse, 428000, Cheboksary, tel.:(8352)39-74-27

E-mail: vak21@mail.ru

Urusova Irina Nikolaevna, PhD (Economics), Associate Professor of Regional Economy and Entrepreneurship Chair, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

Address: 29 Moskovskiy prospect, 428015, Cheboksary, tel.: (8352) 58-41-98

E-mail: urusova_irina@mail.ru

УДК 330.341.2

Е.А. ТРЕТЬЯКОВА,
доктор экономических наук, профессор
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Т.В. АЛФЕРОВА,
кандидат экономических наук, доцент
Пермский институт экономики и финансов

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются институциональные преобразования, направленные на обеспечение устойчивого развития; обозначается ряд основных институциональных проблем, препятствующих эффективному управлению устойчивым развитием; обосновывается необходимость дальнейших институциональных преобразований, призванных способствовать экономическому росту с одновременным обеспечением экологической безопасности и социальной стабильности.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экономический рост; глобализация, ресурсосбережение, природопользование, социальное равенство.

Рыночная экономика, нацеленная на прибыль и экономический рост, не обеспечивает прогресса в экологической и социальной сферах развития человеческого общества. Высокие темпы роста ВВП не обязательно означают прогресс в области здоровья, образования, безопасности и других индикаторов качества жизни. Более того, развитие, основанное на быстром экономическом росте, редко бывает сбалансированным, обеспечивающим выполнение общественных задач в сфере безопасности, развития национального здравоохранения, науки и образования, охраны труда, поддержания устойчивости окружающей среды. Мировая история содержит множество примеров тому, как развитие рынков за счет хищнической эксплуатации природных ресурсов способствовало ускоренной деградации локальных экосистем. Изменение климата уже сейчас представляет собой очевидную угрозу, его последствия начинают ощущаться во многих регионах мира в форме более частых и интенсивных засух и чересчур сильных дождей; последствия этого явления усугубляют другие кризисы (продовольственный, энергетический, финансовый). Эти процессы разворачиваются одновременно и выявляют серьезные недостатки в механизмах глобального управления развитием социально-экономических систем.

Для обеспечения долгосрочного процветания во всем мире необходимо осуществить кардинальные реформы механизмов управления мировой экономикой и выработать новую парадигму мирового экономического развития. Одним из аспектов этой новой парадигмы должна быть ориентация на обеспечение устойчивого развития, что предполагает сбалансированное сочетание деятельности по наращиванию материального благосостояния с защитой природной среды и обеспечением социального равенства и справедливости, а не нацеленность исключительно на достижение экономического роста и увеличение частных материальных благ на основе действия рыночных механизмов. Мировому сообществу предстоит выработать глобальные решения глобальных проблем, а поскольку эти проблемы взаимозависимы, потребуется обеспечить высокую степень согласованности принимаемых мер в области политики на самых разных уровнях, с тем, чтобы добиться успешной реализации множественных целей, связанных со справедливым и устойчивым глобальным развитием. В этой связи большое значение имеет организация эффективных взаимоотношений между рынками, государством и обществом для обеспечения экономического роста и сохранения при этом экологических и социальных ресурсов.

Значимые институциональные события, такие как Стокгольмский саммит ООН «Человек и окружающая среда» (1972 г.) и создание Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), оказали большое влияние на мировое сообщество. В национальные конституции многих стран мира было включено право на здоровую окружающую среду в состав основных прав человека. Число институциональных образований в виде министерств охраны окружающей среды с 1972 по 1982 гг. возросло с 10 до 110. Это позволило формулировать и широко обсуждать государственные экологические приоритеты на национальных и наднациональном уровне.

В 1983 г. была сформирована Международная Комиссия ООН по окружающей среде и развитию, основная задачей которой состояла в разработке целей и долгосрочных стратегий будущего мирового развития. В 1987 г. Комиссия опубликовала в Копенгагене отчет «Наше общее будущее», в котором было сформулировано определение ***устойчивого развития как развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности*** [1].

На саммите ООН по окружающей среде и развитию в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию [2], в которой были сформулированы общие принципы, определяющие организационные основы национальных политик в сфере устойчивого развития, а также утверждена Повестка дня на XXI в. [3] с подробными рекомендациями относительно методов преодоления неэффективных структур потребления, борьбы с нищетой, охраны окружающей среды, поощрения устойчивого сельского хозяйства. Каждой стране было рекомендовано разработать при самом широком участии всех слоев общества национальную стратегию устойчивого развития.

Решения, принятые на саммите ООН в Рио-де-Жанейро, в дальнейшем были широко обсуждены на крупных международных конференциях. В частности, на Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993 г.), Международной конференции ООН по проблемам народонаселения и развития (Каир, 1994 г.), Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития (Копенгаген, 1995 г.), на IV Всемирной конференции по правам женщин (Пекин, 1995 г.), Всемирном саммите по проблемам обеспечения населения продовольствием (Рим, 1996 г.), Конференции ООН по проблемам населенных пунктов (Стамбул, 1996 г.), Киотском саммите по глобальному потеплению (Япония, 1997 г.) и т.д.

В этот период в большинстве стран мира были созданы необходимые институциональные условия для того, чтобы парадигма устойчивого развития нашла свое отражение в новых программных документах. В Швеции и Эстонии были приняты законы об устойчивом развитии, в Великобритания и США – разработаны стратегии устойчивого развития (1994 г. и 1996 г. соответственно). В Нидерландах был принят «План действий – устойчивые Нидерланды» (1992 г.). В Канаде – программа действий для общества. В Австралии – национальная стратегия по экологически устойчивому развитию (1992 г.). Пятая экологическая программа Европейского союза была названа «Стратегия на пути к устойчивости». В 1996 г. Была утверждена концепция устойчивого развития в РФ, в 1997 г. была принята стратегия устойчивого развития Беларуси. Экологические факторы были включены в макроэкономические стратегии Коста-Рики, Гамбии, Китая, Танзании и др. стран.

В 1997 г. В Нью-Йорке состоялась Встреча на высшем уровне «Планета Земля» + 5. В принятых документах было отмечено, что разные государства в различной степени ответственны за исчерпание планетарных ресурсов и загрязнение окружающей среды, что высокий экономический уровень был достигнут развитыми странами за счет безоглядной эксплуатации, как собственных природных ресурсов, так и природных ресурсов, принадлежащих другим странам. Было предложено учитывать в системе цен на все виды ресурсов величину ущерба, наносимого окружающей среде и будущим поколениям, ввести квоты на загрязнение окружающей среды, изменить систему финансирования мероприятий по улучшению охраны окружающей среды.

Это институциональное событие инициировало активное обсуждение институциональных проблем устойчивого развития, среди которых наиболее ярко проявили себя:

– **недостаточная скорость развития институтов**, призванных управлять экологическими и социальными ресурсами, что не позволяет справляться с последствиями роста масштабов человеческой деятельности, адекватно и своевременно реагировать на возникающие проблемы, решать задачи предотвращения или борьбы с опасными экологическими и социальными последствиями экономического развития;

– **ведомственная разобщенность и отсутствие координации в деятельности** природоохранных организаций и ведомств, курирующих вопросы экономического и социального развития (например, Министерства, ведающие вопросами производства электроэнергии, занимаются лишь вопросами производства электроэнергии и энергоснабжения, в то время как борьбу с кислотным загрязнением, образующимся в результате работы тепловых электростанций, ведут другие органы). Отсутствие взаимодействия учреждений по причине ведомственной разобщенности, закрытость процесса принятия решений не обеспечивают ощутимого положительного результата и свидетельствуют о необходимости проведения соответствующих институциональных реформ;

– **недостатки в сложившейся практике целеполагания** в министерствах и ведомствах по охране окружающей среды, в результате чего их усилия преимущественно направляются на устранение ранее нанесенного ущерба (на восстановление лесов, земель, городской среды, естественных сред обитания животных и т.д.), а не на предотвращение экологического ущерба в будущем. В сложившейся институционально-правовой ситуации органы власти многих стран неспособны возложить на организации, проводящие вредную для окружающей среды промышленную политику, адекватную по масштабам ответственность за ее загрязнение. ООН отмечается, что при принятии решений на наднациональном, национальном, региональном и местном уровнях следует рассматривать экономические, торговые, энергетические, сельскохозяйственные и другие аспекты во взаимосвязи с экологическими последствиями. Для этого необходимо существенно расширить и изменить институциональную систему всех стран [4].

Для эффективной координации деятельности различных министерств и ведомств нужны институты (неформальные и формальные правила и организации), выполняющие следующие функции:

– восприятие сигналов (информация, обратная связь, предвидение будущих проблем),

– согласование интересов (прозрачность, выражение интересов, форумы для ведения переговоров),

– исполнение согласованных решений (механизмы обеспечения обязательств и правоприменения).

В условиях, когда многие интересы рассредоточены или когда определенные слои общества бедны или иным образом ущемлены в правах, такие институты часто отсутствуют или несовершенны. Социальные группы, лишенные ресурсов, как правило, также лишены голоса, защиты и участия в общественной жизни, что препятствует способности институтов выполнять необходимые функции координации. Результат выражается в порочном круге, в котором тенденциозные институты осуществляют политику, ведущую к усилению поляризации и неравенства в распределении ресурсов, но необходимо отметить, что и распределение ресурсов влияет на качество институтов и политики (см. рис.).

В этой связи оптимизация механизмов обеспечения прозрачности, обратных связей, ответственности, обязательств и согласования интересов создаст импульс для длительных институциональных изменений, способствующих стимулированию и расширению социальной инклюзивности.

В докладе ООН о мировом развитии от 2003 г. [5] и о развитии человека от 2010 г. [4], отмечается, что совершенствование институтов требует укрепления их основы посредством **преодоления неравенства и барьеров на пути к инклюзивному («включающему») развитию.** Требуемые институты (и решения сложных проблем) не могут возникнуть в условиях раздробленности тех или иных интересов, ущемленности прав тех или иных общественных групп. Инклюзивные («включающие») общества как внутри отдельных стран, так и на международной арене обеспечивают такие условия, при которых сигналы о возникающих экономических, социальных или экологических проблемах принимаются от всех групп, и эти группы могут сотрудничать при решении сложных проблем. Реальное участие всех

Контур «политика – институты – ресурсы»

людей в жизни общества является ключом к построению сильных институтов, необходимых для долгосрочного устойчивого развития.

Цели в области развития необходимо обсуждать и определять посредством публичного обмена идеями в ходе непосредственного участия людей в свободных дискуссиях. Простое копирование правительствами ряда развивающихся стран действий современных развитых государств не приносит положительных результатов из-за отсутствия необходимого политического потенциала и политической воли. При этом форсирование реформ органами государственной власти вызывает мощное социальное и политическое сопротивление, что чревато масштабной дестабилизацией всех сфер общественной жизни.

В укреплении и ускорении развития нуждаются и формирующиеся инновационные институты. Общества должны обеспечить благоприятные условия для созидания, творчества и познания. Источником подобных инициатив могут быть: общественный сектор, частный сектор, гражданское общество. Партнерские отношения между различными участниками этого процесса необходимы как внутри стран, так и на международном уровне, поэтому важно найти пути постепенного расширения этих инициатив.

Не менее остро с позиции устойчивого развития стоит вопрос институтов государственного управления. Накопленный опыт позволяет предположить, что успехи в области экономического роста и сокращения масштабов нищеты требуют дееспособных государств, нацеленных на развитие. В этом смысле произошел возврат к ранним теориям развития, которые косвенно предполагали существование сильных государств, способных осуществлять согласованные инвестиционные программы развития [6].

В то же время необходимо отметить, что многие локальные экологические и социальные проблемы выходят за рамки государственных границ, а, следовательно, и их решение необходимо осуществлять на трех уровнях: международном, экосистемном, национальном. На международном уровне решаются глобальные задачи по предотвращению экологических катастроф планетарного масштаба. На экосистемном уровне решаются задачи по сохранению и восстановлению отдельных экосистем. На национальном уровне решаются задачи охраны жизни и здоровья населения, сохранения растительного и животного мира отдельной страны. Уже существуют институты, которые заняты поиском путей согласования интересов в пределах и за пределами границ по вопросам истощения озонового слоя стратосферы и трансграничных кислотных дождей. Появляются и другие институты, способствующие международной координации, в том числе по линии более широкого применения стандартов и сертификации, а также «связующих институтов», которые устанавливают связи между политиками и учеными, создавая условия для развития новых творческих подходов к решению существующих проблем.

Решение комплекса институциональных и организационных проблем устойчивого развития требует активного участия всего мирового сообщества, глобального согласования действий, отражения основных положений и принципов в наднациональных и национальных программах развития. В 2000 г. на Форуме тысячелетия ООН была принята Декларация тысячелетия, в которой

были сформулированы восемь целей в области развития и были взяты обязательства государствами-членами ООН по их достижению к 2015 г. [7]. В частности, предусматривается сокращение вдвое к 2015 г. доли людей, имеющих доход менее одного доллара в день, и доли населения, страдающего от голода, снижение вдвое доли населения, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде, сокращение на две трети смертности детей в возрасте до 5 лет, снижение на три четверти коэффициента материнской смертности, сокращение темпов утраты биологического разнообразия и т.д. Движение мирового сообщества к достижению целей устойчивого развития можно проследить по статистическим данным, представляемым на сайте ООН [8].

В июне 2012 г. в Рио-де-Жанейро состоялась конференция «Рио+20», в которой приняли участие более 100 глав государств и правительств. Участники крайне сдержанно оценили темпы продвижения цивилизации по пути устойчивого развития. За прошедшие 20 лет не были остановлены и даже усилились процессы разрушения лесов, вымирания целых видов растений и животных, не менее остро стоит проблема чрезмерного вылова рыбы в мировых морях и океанах. На планете страдают от голода около одного миллиарда человек. По итогам конференции было заявлено, в целом, о 700 обязательствах. В частности, была принята десятилетняя программа по устойчивому потреблению и производству. Руководители восьми международных банков развития приняли решение в течение 10 лет выделить 175 млрд долларов на развитие экологически чистых транспортных систем. Десятки миллиардов долларов обещаны на финансирование Глобальной инициативы ООН по обеспечению всеобщего доступа к современным источникам энергии и мн. др.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что идеи устойчивого развития отвечают объективному требованию времени и могут решающим образом повлиять на будущее всего мира, сыграть важную роль в определении стратегических приоритетов стран и регионов. Задача состоит лишь в том, чтобы создать для этого процесса благоприятные институциональные условия. Опыт мировых реформ последних десятилетий показал, что потенциал применения преимущественно экономических и административные методов управления себя в основном исчерпал. По нашему мнению, для дальнейшего движения общества к устойчивому развитию необходимо изменение системы ценностей не только на уровне руководителей стран и высших менеджеров компаний при выработке стратегии развития, но и всего общества в целом. Приоритетное внимание должно уделяться системе образования и воспитания чувства ответственности за последствия хозяйственной деятельности каждого, а также широкому информированию общества о состоянии окружающей среды, и о влиянии ее загрязнения на состояние флоры, фауны и здоровье населения. Нравственная и информационная сферы являются системообразующими факторами жизни общества, активно влияют на состояние политической, экономической, технологической и других сфер, представляя собой один из важнейших институциональных факторов устойчивого развития человечества. Повышение нравственного уровня общества позволит преодолеть преобладание эгоистических и алчных мотивов, добиться сближения социальных целей. Только в этом случае общество сможет остановить подрыв собственной ресурсной базы, лишения самого себя основ существования в ближайшем и отдаленном будущем, обеспечить самоподдерживающееся устойчивое развитие.

Список литературы

1. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». – ООН. – 1987, 04 августа. – 412 с. – URL: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf

2. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. – Рио-де-Жанейро: ООН, 1992. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

3. Повестка дня на XXI век (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.). – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

4. Доклад о развитии человека 2010. – Нью-Йорк : ООН, 2010. – 239 с. – URL: http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_complete.pdf

5. Доклад о мировом развитии 2003 года. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Преобразование институтов, рост и качество жизни: пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003. – 280 с. – URL: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2003/Resources/WDR_2003_Russian.pdf

6. Переоснащение мирового развития: обзор мирового экономического и социального положения, 2010 г. Организация Объединенных Наций Нью-Йорк, 2011 г. – URL: http://www/un.org/deveopment/

7. Доклад об осуществлении целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. – Нью-Йорк : ООН, 2010. – 80 с. – URL: http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2010/MDG_Report_2010_Ru.pdf

8. Показатели для мониторинга прогресса в достижении Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. – Нью-Йорк: ООН, 2006. – 114 с. – URL: http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Attach/Indicators/HandbookRussian.pdf

В редакцию материал поступил 18.10.12

Информация об авторах

Третьякова Елена Андреевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Адрес: 614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Гуманитарный факультет, кафедра экономической теории, тел.: (342) 2-198-064

E-mail: E.A.T.pstu@yandex.ru

Алферова Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Пермский институт экономики и финансов

Адрес: 614068 г. Пермь, ул. Екатерининская, 141, тел.: (342) 244-68-50

E-mail: atw-36@rambler.ru

E.A. TRETYAKOVA,

Doctor of Economics, Professor

Perm National Research Polytechnical University,

T.V. ALFEROVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Perm Institute for Economics and Finance

MANAGEMENT OF THE STABLE DEVELOPMENT OF SOCIAL-ECONOMIC SYSTEM: INSTITUTIONAL ASPECTS

The article views institutional transformations aimed at stable development provision; defines a number of basic institutional problems barring the efficient management of stable development; grounds the necessity of further institutional transformations aimed at economic growth provision alongside with ecological safety and social stability provision.

Key words: stable development; economic growth; globalization, resources saving; nature management; social equality.

References

1. *Doklad Vsemirnoi komissii po voprosam okruzhayushchei sredy i razvitiya "Nashe obshchee budushchee"* (Report of the World Committee on the Issues of Environment and development "Our common future"), OON, 1987, 4th August, 412 p. available at: http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf

2. *Rio-de-Zhaneirskaya deklaratsiya po okruzhayushchei srede i razvitiyu* (Rio-de-Zhaneiro Declaration on Environment and development). Rio-de-Zhaneiro: OON, 1992, available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

3. *Povestka dnya na XXI v. (prinyata Konferentsiei OON po okruzhayushchei srede i razvitiyu, Rio-de-Zhaneiro, 3–4 iyunya 1992 g.)* (21 century Agenda (Enacted by the UNO Conference on Environment and development, Rio-de-Zhaneiro, June 3-14, 1992)), available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

4. *Doklad o razvitii cheloveka*, 2010 (Report on Human Development, 2010). New York: OON, 2010, 239 p., available at: http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_complete.pdf

5. *Doklad o mirovom razvitii 2003 g. Ustoichivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Preobrazovanie institutov, rost i kachestvo zhizni (*Report on World Development, 2003. Stable development in the changing world). Moscow: Ves' Mir, 2003, 280 p. available at: http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2003/Resources/WDR_2003_Russian.pdf

6. *Pereosnashchenie mirovogo razvitiya: obzor mirovogo ekonomicheskogo i sotsial'nogo polozheniya, 2010 g.* (Re-equipping of the world development: review of the world economic and social situation, 2010). New York, 2011 g., available at: http://www/un.org/deveopment/

7. *Doklad ob osushchestvlenii tselei v oblasti razvitiya, sformulirovannykh v Deklaratsii tysyacheletiya* (Report on implementation of the goals for development, formulated in Millenium Declaration). New York: OON, 2010, 80 p., available at: http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Static/Products/Progress2010/MDG_Report_2010_Ru.pdf

8. *Pokazateli dlya monitoringa progressa v dostizhenii Tselei v oblasti razvitiya, sformulirovannykh v Deklaratsii tysyacheletiya* (Indicators for monitoring the progress in achieving Development Goals formulated in Millenium Declaration). New York: OON, 2006, 114 p., available at: http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Attach/Indicators/HandbookRussian.pdf

Information about the authors

Tretyakova Elena Andreevna, Doctor of Economics, Professor of Economic Theory Chair, Professor of Management and Marketing Chair, Perm National Research Polytechnical University,

Address: 29 Komsomol'skiy prospect 614990, Perm, Perm National Research Polytechnical University, Faculty of the Humanities, Economic Theory Chair, tel.: (342) 2-198-064

E-mail: E.A.T.pstu@yandex.ru

Alferova Tatyana Viktorovna, PhD (Economics), Associate Professor, Head of Management Chair, Perm Institute for Economics and Finance

Address: 141 Ekaterininskaya Str., 614068 Perm, tel.: (342) 244-68-50

E-mail: atw-36@rambler.ru

УДК 338.124.4

М.А. ХАСАНОВА,
ассистент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В статье определяются наиболее стабильно развивающиеся отрасли экономики, основанные на аналитических исследованиях статистических данных по муниципальным образованиям Республики Татарстан, а также выявляются факторы, оказывающие влияние на устойчивость развития инновационного процесса на региональном уровне. В рамках статьи проведен анализ инновационной деятельности по муниципальным образованиям, выявлены факторы, влияющие на изменчивость инновационной активности видов экономической деятельности, определены наиболее стабильно развивающиеся отрасли.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; региональная инновационная система; кризис; влияние кризиса на инновационную систему региона.

Финансовый кризис, начавшийся еще в 2008 г., повлек за собой падение темпов экономического роста, что в итоге вылилось в реальный экономический спад в стране в целом и в регионах в частности.

Четыре года спустя, в 2012 г., опираясь на инновационные показатели, можно говорить о влиянии кризиса на инновационное развитие видов экономической деятельности, выражающемся в ограничении финансирования и сокращении спроса на инновационную продукцию, основное внимание уделив его влиянию на инновационную деятельность Республики Татарстан.

Сохранение экономики на траектории устойчивого роста настоятельно требует, чтобы инновационная политика стала основой государственной концепции долгосрочного социально-экономического развития страны.

Вопросы инновационного развития в период экономического спада достаточно проработаны в отечественной и зарубежной литературе [1]. Тем не менее применимость существующей литературы к недавнему экономическому кризису вызывает сомнения по двум причинам.

Во-первых, не все тяжелые экономические условия достаточно похожи на кризис, а во-вторых, нынешний кризис может весьма отличаться от предыдущих за счет того, что степень глобализации в настоящее время больше, чем это было во время всех предыдущих рецессий. Процесс глобализации сегодня, как никогда, влияет как на отраслевую инновационную активность, так и на спектр ее возможностей.

С точки зрения инновационного потенциала, разница в научном развитии регионов является одним из факторов, который объясняет их различные экономические показатели [2; 3]. Научный потенциал формирует не только структурные условия, но и способность регионов реагировать на изменения. То, каким образом организации осуществляют инновационную деятельность и устанавливают курс научно-исследовательской деятельности, зависит от ряда специфических факторов [4; 5], в том числе и от характера научно-технических учреждений, системы образования, финансовой системы, структуры рынка труда и промышленной специализации. Исследование роли некоторых конкретных характеристик инновационной системы по отношению к внешним потрясениям – новая малоизученная область.

В таком случае сразу возникает вопрос о том, какой вид экономической деятельности является более чувствительным к макроэкономическому шоку, с точки зрения инноваций. Целый ряд факторов играет роль в формировании региональной экономической системы и влияет на инновационное поведение в период экономического спада. Различные уровни системы образования и обучения рабочей силы, а также различные конфигурации на рынке труда могут создавать различные модели восстановления, так как сотрудники могут быть легко перенаправлены из невостребованных в растущие сектора экономики [6]. Надежная государственная поддержка может играть роль в макроэкономических потрясениях, если она

может обеспечить организациям ресурсы для инвестирования в инновационную деятельность.

Представленный анализ основывается на отчетах Счетной палаты Татарстана по инновационной деятельности за 2008, 2009 и 2010 гг.[1], а также на государственных докладах «Об итогах инновационной деятельности в Республике Татарстан», подготовленных Кабинетом Министров Республики Татарстан за 2007, 2008, 2009 и 2010 гг.[2], а также анализе статистических сборников по научной и инновационной деятельности за 2005–2010 гг., подготовленных Федеральной службой государственной статистики по Республике Татарстан[3].

Как показал анализ, около 40% организаций в республике поддерживали инвестиции в инновации, несмотря на кризис. Этот фактор подтверждает важность совокупного технологического накопления.

Значительному количеству организаций удалось сохранить финансирование инновационной деятельности, в то время как количество организаций, способных расширить его, резко упало. Количество организаций, сокративших финансирование инновационной деятельности, наоборот, значительно увеличилось. До сих пор региональной экономической системе не удалось полностью оправиться от первой волны экономического кризиса, в то время как, по оценкам некоторых специалистов, в 2013 г. ожидается новая волна.

Несмотря на начавшийся в 2008 г. мировой экономический кризис и, как следствие, на то, что развитие науки и инновационной деятельности Республики Татарстан претерпевает изменения, ситуацию вполне можно назвать стабильной. Именно инновации требуют пристального внимания со стороны регионального правительства (рис. 1).

Исходя из гистограммы расходов на инновации (рис. 1), можно сделать вывод, что экономический спад имел сильное воздействие на поведение инновационно-активных компаний во всех отраслях. Инновационно-активными являются те предприятия, которые в отчетном году занимались инновациями[4]. В гистограмму включены все виды экономической деятельности, представленные в статистическом сборнике по Татарстану – добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, связь. Доля организаций, увеличивших свои расходы на инновации, резко сократилась, как прямое следствие кризиса, с 45 до 19% в 2008 г. В свою очередь доля организаций, уменьшивших свои расходы на инновации, изменилась с 36 до 45%. Однако, большое количество организаций сохранило свои расходы на прежнем уровне, что является наглядным показателем стойкости организаций Татарстана к экономическому кризису. Также на гистограмме отражено, что сразу после кризиса темпы финансирования инноваций начали набирать обороты и к 2010 г. доля организаций, сокративших расходы на инновации, составила 27 против 73% организаций, сохранивших или увеличивших свои расходы по данной статье.

Данная статистика является показателем проводимой политики в регионе. Вот уже десять лет инновационный вопрос в Татарстане ставится на уровне правительства, а инновационное развитие – приоритет РТ. Правительство республики ставит перед собой ряд задач, обеспечивающих переход к инновационной экономике: укрепление законности, снижение административных барьеров, создание цивилизованного рынка технологий, правовая охрана результатов интеллектуального труда, гармонизация нормативной правовой базы.

В некоторых муниципальных образованиях Республики Татарстан инновационная деятельность фактически не осуществляется[5], следовательно, анализ инновационной деятельности в разрезе муниципальных образований позволяет определить, как кризис отразился именно на инновационно активных районах Татарстана. В частности, на деятельности Камского инновационного кластера, представляющего собой географически сконцентрированную группу

[1] Отчет о работе Счетной палаты Республики Татарстан в 2008 (2009, 2010) гг.

[2] Государственный доклад «Об итогах инновационной деятельности в Республике Татарстан» (2008, 2009, 2010, 2011 гг.)

[3] Статистический сборник «Наука в Республике Татарстан» за 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.; Статистический ежегодник «Республика Татарстан» 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010 гг.

[4] Там же.

[5] Там же.

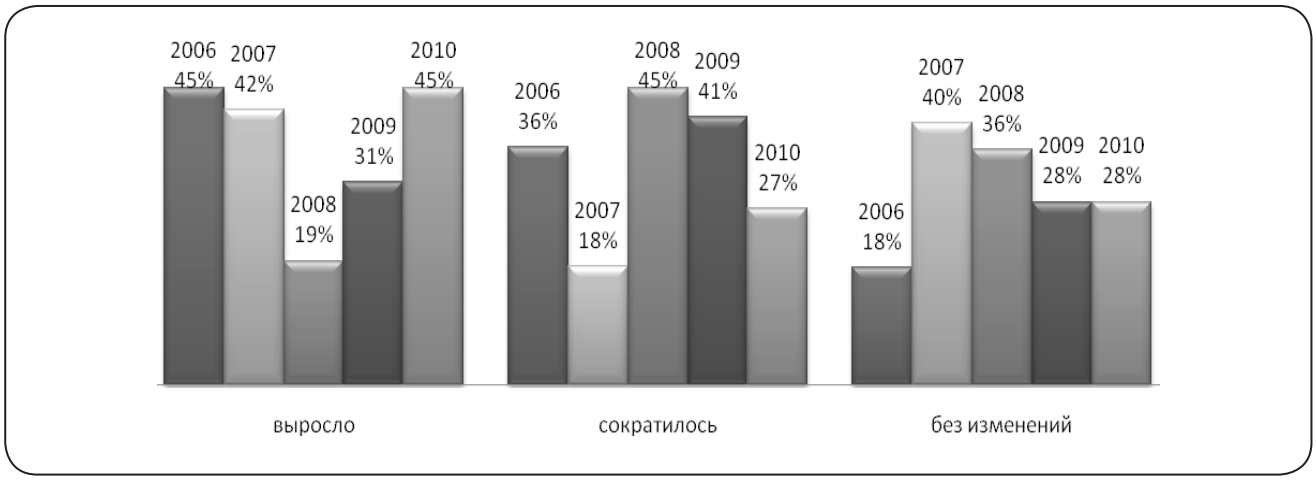


Рис. 1. Расходы организаций на инновации в РТ по всем видам экономической деятельности за 2006–2010 гг., в процентном соотношении [9]

взаимосвязанных инновационных организаций, поставщиков, компаний-разработчиков и производственных компаний; поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг и объектов инфраструктуры, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом [1]. Камский производственный кластер, состоящий из Елабужского, Заинского, Менделеевского, Нижнекамского и Тукаевского районов, подвергся негативному влиянию кризиса, выраженному в сокращении объема инновационной отгрузки (отгруженных инновационных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг). Здесь данный показатель, в целом по пяти районам, уменьшился на 7,4% в среднем за 2008–2010 гг., по сравнению с тем же показателем за 2006–2008 гг. Камскому инновационному кластеру отводится ключевая роль «инноватора» в Татарстане, отсюда пристальное внимание со стороны правительства республики. К 2012 г. был подготовлена программа комплексного развития кластера, рассчитанная вплоть до 2020 г.

Наибольший инновационный рост отмечается в Зеленодольском районе (рис. 2). В 2006 г. инновационная отгрузка составляла здесь 4,5%, а к 2010 г. увеличилась до 22,1%. На территории Зеленодольского муниципального района активную деятельность ведет завод им. А.М. Горького, который за последнее время вновь закрепил свою позицию как одно из ведущих предприятий района, оперативно реагируя на потребности рынка, расширяя номенклатуру заказов, внедряя новые технологии в производство товаров. В 2005 г. Зеленодольский завод им. А.М. Горького вошел в состав Холдинговой компании «Ак Барс», что дало дополнительный импульс его развитию. Была проведена оптимизация системы управления, сформирован обновленный портфель заказов. За четыре года совместной работы объем товарной продукции предприятия увеличился в четыре раза. Завод специализируется в поставках не только для внутреннего рынка России, но и в доставке грузов иностранным клиентам [7].

Второе крупное предприятие района «Завод имени Серго» (компания POZIS) демонстрирует стремительный темп экономического роста на протяжении последнего десятилетия. Разработанная и реализованная компанией POZIS стратегия развития, ориентированная на производство инновационной продукции, на рост объемов ее продаж, вносит существенный вклад в развитие промышленного потенциала Татарстана и России в целом. Для обеспечения подготовки производства и выпуска новых изделий машиностроения в составе предприятия работает современный центр инновационных разработок, собственное производство спецстанкостроения, а также инструментальное производство. В условиях кризиса предприятию, несмотря на резкое снижение спроса на производимую продукцию, удалось не допустить остановки конвейера, сохранить основной кадровый потенциал, выполнить государственный оборонный заказ, обеспечить своевременную выплату заработной платы [8].

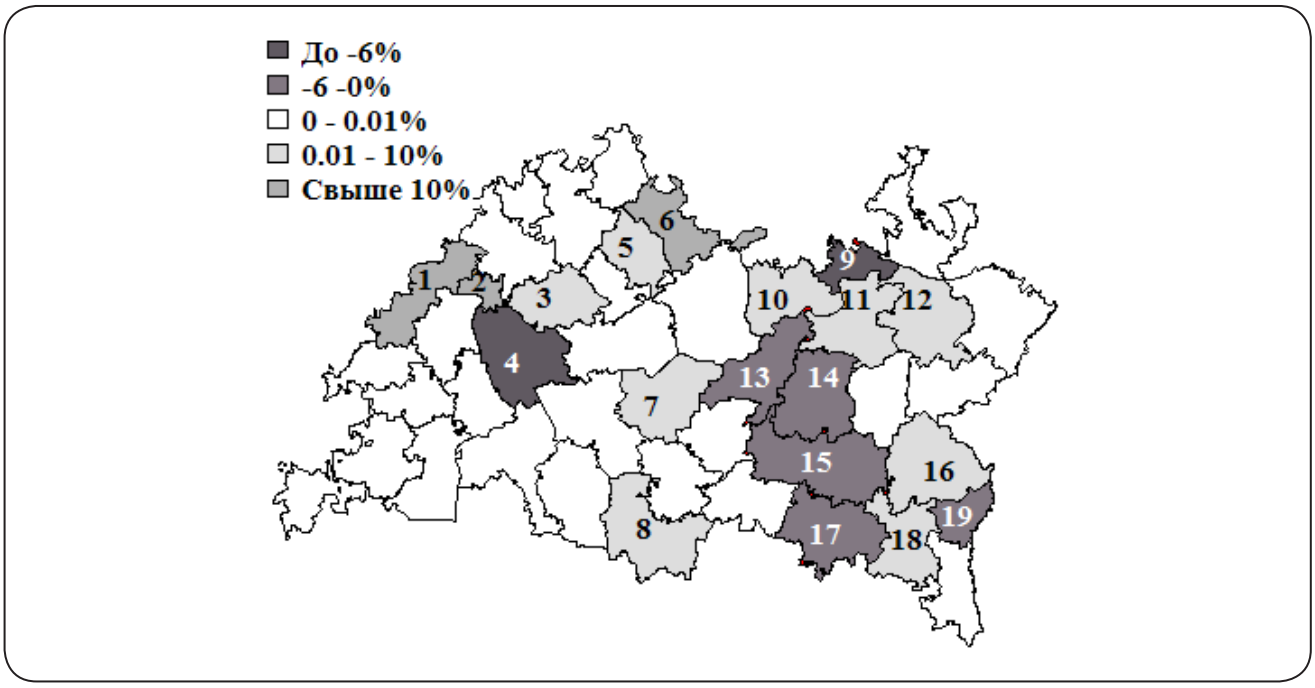


Рис. 2. Разница в отгрузке инновационных товаров районов Республики Татарстан за 2006-2008 гг. и 2008–2010 гг., в процентном соотношении

1 – Зеленодольский р-н; 2 – Казань; 3 – Пестречинский р-н; 4 – Лаишевский р-н; 5 – Сабинский р-н ; 6 – Кукморский р-н, 7 – Чистопольский р-н; 8 – Нурлатский р-н; 9 – Менделеевский р-н; 10 – Елабужский; 11 – Тукаевский р-н; 12 – Мензелинский р-н; 13 – Нижнекамский р-н; 14 – Заинский район; 15 –Альметьевский р-н; 16 –Азнакаевский р-н; 17 – Лениногорский р-н; 18 – Бугульминский; 19 – Ютазинский р-н

Примечательно, что большинству инновационно активных районов республики (17 из 22) удалось удержать инновационное развитие на прежнем уровне или с незначительным отклонением в ту или иную сторону (менее 3%).

Наиболее инновационно активными в республике являются отрасли, входящие в нефтегазохимический комплекс РТ[6], такие как «добыча топливно-энергетических полезных ископаемых», «химическое производство», «производство транспортных средств и оборудования», «производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов».

В рамках исследования был выявлен ряд факторов, имеющих наибольшую значимость для инновационного развития промышленности, а именно промышленный индекс, инвестиции в основной капитал, финансирование из собственных средств, финансирование из бюджета РТ, экспорт товара, количество крупных предприятий в отрасли.

В данном случае все показатели приведены в виде соотношения $\frac{\text{абсолютная величина}}{\text{кол-во работников, задействованных в отрасли}}$, которое выявляет разницу между показателями за 2006–2008 и 2008–2010 гг., в процентном соотношении (см. табл.).

Согласно полученным результатам, можно сделать вывод, что произошли некие изменения бюджета республики в финансировании промышленности. Поддержка со стороны государства таких видов экономической деятельности, как добыча полезных ископаемых, производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, производство резиновых и пластмассовых изделий, производство машин и оборудования увеличилась приблизительно в 2 раза.

В рамках антикризисной программы Республики Татарстан правительством, помимо финансовой поддержки, был принят ряд мер, направленных на минимизацию последствий экономического кризиса, а также на обеспечение стабильной работы реального сектора экономики:

[6] Государственный доклад об итогах инновационной деятельности в Республике Татарстан в 2010–2011 гг.

Разница в определенных показателях видов экономической деятельности РТ за 2006–2008 гг. и 2008–2010 гг. в процентном соотношении

Показатель	Индекс пром. производства	Инвестиции в основной капитал	Финансирование из собственных средств	Финансирование РТ
C. добыча полезных ископаемых	0%	-7%	-22%	218%
DA. производство пищевых продуктов	0%	-10%	32%	-4%
DB. текстильное и швейное производство	12%	24%	-15%	-100%
DF. производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	1%	155%	-41%	219%
DG. химическое производство	-9%	-52%	13%	-24%
DH. производство резиновых и пластмассовых изделий	-1%	363%	-11%	228%
DI. производство прочих неметаллических минеральных продуктов	-7%	96%	4%	79%
DK. производство машин и оборудования	8%	-24%	103%	188%
DL. производство электрического, электронного и оптического оборудования	-11%	30%	-46%	-7%
DJ. производство готовых металлических изделий	-4%	-24%	159%	158%
DM. производство транспортных средств и оборудования	-19%	-60%	17%	-13%
DN. прочие производства	-18%	0%	-61%	137%
E. производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1%	29%	-56%	131%

– Региональная программа (Комплексный план) упреждающих мер по преодолению негативных последствий влияния глобального финансового кризиса в Республике Татарстан.

– Республиканская адресная программа по проведению капитального ремонта многоквартирных домов.

– Республиканская программа по обеспечению жильем граждан Республики Татарстан на льготных условиях (социальная ипотека).

– Программа развития транспортного комплекса Республики Татарстан.

Общий объем средств, направленных на реализацию мероприятий Региональной программы упреждающих мер по преодолению негативных последствий влияния глобального финансового кризиса в Республике Татарстан составил в 2009 г. 2 925,5 млн рублей, в том числе из федерального бюджета – 2 775,7 млн рублей, из бюджета Республики Татарстан – 149,8 млн рублей.

В рамках выработки мер оказания государственной поддержки реальному сектору экономики приняты законы Республики Татарстан, направленные на снижение налоговой нагрузки предприятий, субъектов малого и среднего предпринимательства. Так, налоговая ставка по налогу на прибыль снижена для промышленных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций, осуществляющих выполнение государственного оборонного заказа, с 18 до 13,5%. Установлены дифференцированные налоговые ставки для налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения. По видам экономической деятельности: обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, строительство – ставки снижены с 15 до 5%, для остальных налогоплательщиков – с 15 до 10%.

Таким образом, государственная поддержка после наступления кризиса имела положительную динамику в целом, и если в некоторых отраслях и уменьшилась, то незначительно (самый низкий показатель – 24% – у химического производства).

Индекс промышленного производства (далее – ИПП), позволяющий нам оценить динамику объема промышленного производства, также является значимым показателем. Его сравнительная оценка в до- и посткризисный период позволяет сделать вывод о том, что кризис имел различное влияние на промышленные отрасли, но в целом его влияние отрицательное. Все отрасли, имеющие вхождение в нефтегазохимический комплекс

республики, так или иначе подверглись влиянию кризиса, и если некоторым отраслям удалось восстановиться к 2010 г. (добыча топливно-энергетических полезных ископаемых – 0%, производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов – 1%), то такие отрасли как химическое производство – -9%, производство транспортных средств и оборудования – -19% продолжают свой путь к восстановлению прежних темпов развития.

К слову, для всех вышеперечисленных видов экономической деятельности динамика объема промышленного производства и после кризиса почти всегда была положительной (за исключением показателем ИПП для химического производства за 2009 г. – 68%), но прежних темпов стремительного роста на данной этапе не наблюдается.

Анализируя вышеприведенные факты, можно сделать вывод, что в видах деятельности нефтегазохимического комплекса наибольшее количество средств затрачивается на инновации. При этом инновационная активность этих отраслей также самая высокая. Группа с большими вложениями, но при этом не достаточной инновационной активностью состоит из производства пищевых продуктов, производства электрического, электронного и оптического оборудования, производства резиновых и пластмассовых изделий. Группа видов деятельности, которым удалось достичь весомого результата при маленьких финансовых вложениях, состоит из текстильного и швейного производства, производства готовых металлических изделий, производства и распределения электроэнергии, газа и воды и прочих производств.

Опираясь на вышеизложенные результаты исследования, можно отметить, что кризис не нанес непоправимого ущерба инновационной деятельности организаций республики: значительному количеству организаций удалось сохранить свои инвестиции в инновационную деятельность, но число фирм, способных ее расширять, резко упала, а также значительно увеличилось количество организаций, которые снизили финансирование инновационной деятельности. Районы, где функционируют предприятия Камского инновационного кластера, пострадали от кризиса, но восстанавливаются достаточно быстро, наибольший инновационный рост отмечается в Зеленодольском районе. В целом республике удалось сохранить ориентацию на инновационное развитие на фоне глобального экономического кризиса: в рассмотренных отраслях после экономического потрясения присутствует положительная динамика.

Список литературы

1. Нижегородцев Р.М. Управление инновациями: модернизация на фоне кризиса// Проблемы управления. – 2010. – № 2.

2. Lundvall B.A. (cd.). National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. – London, Pinter Publishers, 1992.

3. Nelson R., Phelps E. Investment in Humans, Technological Diffusion and Economic Growth // American Economic Review: Papers and Proceedings. 1966. – Vol. 56. – Ð. 69–75.

4. Скляров И.Ю., Склярова Ю.М. Общий успех эффективности реализации государственного инновационного проекта // Креативная экономика. – 2009. – № 6. – С. 83–86.

5. Lorenz E., Lundvall B. A. (Eds.) How Europe's Economies Learn. – Oxford University Press, Oxford, 2010.

6. OECD 2009b. Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth. – OECD, Paris, 2009.

7. URL: www.zpship.ru (дата обращения: 28.10.2012)

8. URL: www.pozis.ru (дата обращения: 28.10.2012)

В редакцию материал поступил 02.11.12

Информация об авторе

Хасанова Мария Анатольевна, ассистент кафедры государственного и муниципального управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20

E-mail: mashahasanova@gmail.com

M.A. KHASANOVA,

Assistant Lecturer

Kazan (Volga) Federal University

INNOVATIVE ACTIVITY OF A REGION UNDER CRISIS (by the example of Tatarstan Republic)

The article is aimed at defining the most steadily developing sectors of economy based on analytical research of the statistical data of the Tatarstan municipal units, and revealing the factors influencing the stable development of innovative process at regional level. The article contains the analysis of innovative activity in municipal units, reveals the factors influencingthe changes of innovative activity of various types of economic activity, and defines the most steadily developing sectors.

Key words: innovations; innovative activity; regional innovative system; crisis; influence of the crisis on the regional innovative system.

References

1. Nizhegorodtsev R.M. Upravlenie innovatsiyami: modernizatsiya na fone krizisa (Innovations management: modernization during crisis), *Problemy upravleniya*, 2010, No. 2.

2. Lundvall V.A. (cd.). National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London, Pinter Publishers, 1992.

3. Nelson R., Phelps E. Investment in Humans, Technological Diffusion and Economic Growth, *American Economic Review: Papers and Proceedings*. 1966, Vol. 56, pp. 69–75.

4. Sklyarov I.Yu., Sklyarova Yu.M. Obshchii uspekh effektivnost' realizatsii gosudarstvennogo innovatsionnogo proekta (General success of the efficient implementation of the state innovation project), *Kreativnaya ekonomika*, 2009, No. 6, pp. 83–86.

5. Lorenz E., Lundvall B. A. (Eds.) How Europe's Economies Learn. Oxford University Press, Oxford, 2010.

6. OECD 2009b. Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth. OECD, Paris, 2009.

7. www.zpship.ru (data obrashcheniya: 28.10.2012)

8. www.pozis.ru (data obrashcheniya: 28.10.2012)

Information about the author

Khasanova Maria Anatolyevna, Assistant Lecturer of State and Municipal Management Chair, Kazan (Volga) Federal University
Address: 6/20 Kremlyovskaya Str, 420111, Kazan,
E-mail: mashahasanova@gmail.com

УДК 311.216

Д.Н. ЯДРАНСКИЙ,
доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент
Классический приватный университет (г. Запорожье, Украина)

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ И КОНТРОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматривается вопрос о трансформации существующей системы диагностики труда персонала на современном предприятии. Теоретически обосновывается необходимость модификации существующих подходов к определению результатов трудового процесса и оценке его эффективности. Предлагается новая комплексная модель диагностики и контроля социально-экономической эффективности труда, основанная на балансе интересов участников трудового процесса.

Ключевые слова*:* диагностика; контроль; социально-экономическая эффективность; персонал; труд; процесс; результат; оценка; модель.

В современной хозяйственной деятельности вопрос контроля занимает одно из ведущих мест. В соответствии с требованиями современного контроля он должен быть обеспечен достоверными исходными данными. Обеспечение эффективности контроля предъявляет специфические требования к его инструментарию и процедурам. На наш взгляд, к основным инструментам хозяйственного контроля относятся диагностика и анализ. Однако использование данных процессов для задач анализа трудового процесса в современных условиях требует переосмысления. Необходимость такого переосмысления обусловлена ослаблением достоверности применяемых норм труда, увеличением удельного веса интеллектуального и информационного труда в трудовом процессе. Соответствующие объективные изменения не могут не отражаться на достоверности результатов контроля.

Более того, рассматривая современный трудовой процесс со времен А. Гастева, можно сказать, что практически не учитывалась социально-биологическая природа работника, однако именно в условиях управленческого либо информационного труда роль такого подхода становится ключевой. С другой стороны, по-прежнему применяемый ресурсный подход к диагностике трудовой деятельности требует строгой количественной оценки. Все вышеперечисленное по-новому ставит задачу диагностирования и контроля современного трудового процесса.

В данном контексте внимания заслуживает использование самого термина «диагностирование» для описания отдельной составляющей работы с персоналом (стимулирования, управления продуктивностью и т.д.). В классическом научном дискурсе термин «диагностика» рассматривается как медицинский. Д. Ушаков рассматривает диагностику как отрасль медицины, учение о методах диагноза [1]. В соответствии с определением толкового словаря Т. Ефремовой «диагностика» – раздел медицины и установления диагноза [2]. Также рассматривается техническая диагностика, которая представляет собой научно-техническую дисциплину, изучающую и устанавливающую признаки дефектов технологических объектов, а также методы и средства их установления и поиска [3]. Похожее определение дается в справочнике под редакцией В. Клюева [4]. Диагностика как предметная область исследования рассматривается также в психологии [5]. В целом исследователи предлагают понимать диагностику как распознавание чего-либо (например, болезни в медицине, отклонения от нормы в дефектологии, неисправности в работе технического средства и т.д.). В экономическом словаре Б. Райзберга рассматривается термин «диагностика экономической системы», под которым понимается совокупность исследований для определения целей функционирования хозяйственного объекта (организации, предприятия) и способов их достижения, выявления проблем и вариантов их решения [6, с. 94].

Авторы учебника «Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия» предлагают рассматривать одновременно анализ и диагностику финансово-экономической деятельности предприятия как комплексное изучение производственно-хозяйственной деятельности предприятия с целью объективной оценки ее результатов <...> [7, с. 6].

Однако, на наш взгляд, следует принимать во внимание принципиальное отличие категорий «анализ» и «диагностика» и их принципиально различные задачи в процессе осуществления контроля за деятельностью предприятия. В наиболее общем философском толковании «анализ» – разложение и расчленение – процедура мысленного, а часто и реального расчленения изучаемого объекта (явления, процесса), свойства предмета или отношения между предметами [8, с. 97]. В экономической литературе также используют общефилософский подход к пониманию анализа [9]. Похожее, но несколько расширенное понимание анализа предлагает О. Дягель: «С общенаучной точки зрения, анализ, который составляет основу любого экономического исследования, является выделением сущности процесса или явления путем установления и дальнейшего определения всех сторон и составных частей и построение на этой основе закономерностей их развития» [10].

Следует отметить, что труд персонала (собственно как и характеристику конкретного работники или трудовой группы) некорректно рассматривать по отдельным показателям. Однако процедура анализа предполагает рассмотрение именно отдельных (выделенных) показателей. Мы считаем, что динамичность изменений в трудовой деятельности вызывает необходимость ее постоянного мониторинга (контроля). Соответственно, процедуры его осуществления должны обеспечивать управляющую систему комплексной, объективной информацией о состоянии управляемого субъекта. Учитывая социально-биологическую природу работника и значение для эффективного протекания трудового процесса совокупности (как некоей целостности) его биологических (психофизиологических, психологических) особенностей, полагаем, что использование термина «диагностирование» для распознавания и описания проблем в деятельности прямо или косвенно с этим связанных, более корректно (ведь анализ предлагает рассматривать лишь отдельные аспекты исследуемого объекта). Соответственно в ходе исследования под диагностированием будем понимать комплексное исследование экономического и социально-биологического процесса труда. Более того, использование других терминов недостаточно точно отражает внутреннее социальное наполнение трудового процесса, независимо от места его протекания (на промышленном предприятии, в непромышленной сфере и т.п.). Более того, так как работник как объект анализа постоянно меняет свои качественные и количественные параметры, использование в данном случае термина «анализ» не будет соответствовать динамической природе объекта исследования, ведь невозможно требовать постоянного переосмысления отдельных составных частей и вычисления изменений в системе их структурно-логической связи. Указанный процесс принципиально усложняет анализ, не придавая ему при этом необходимой точности и оперативности.

При этом необходимость именно оперативного информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений связана с тем, что сегодня в практике хозяйственного управления используются две базовые модели оптимизации экономических процессов, в которых персонал рассматривается как основной объект экономии. Соответствующие модели приведены на рис. 1 (*А* – путем сокращения численности, *В* – путем сокращения расходов на персонал).

Как можно видеть из рис. 1, обе модели не являются однозначными в контексте обеспечения предприятию стратегической эффективности, поскольку приводят к ухудшению трудового потенциала предприятия. Это, в свою очередь, приводит к сокращению уровня совокупных ресурсов предприятия [13, с. 86], что нельзя считать положительным фактором долгосрочной перспективы. Анализируя возможность использования аналитического инструментария для осуществления контроля трудовой деятельности, следует отметить, что собственно сам трудовой процесс (труд) является внутренне неоднородным и многоаспектным. Концентрация на любом отдельном элементе (функции) труда (как исходная задача анализа) может вызывать нарушения логической сущности трудового процесса как целост-

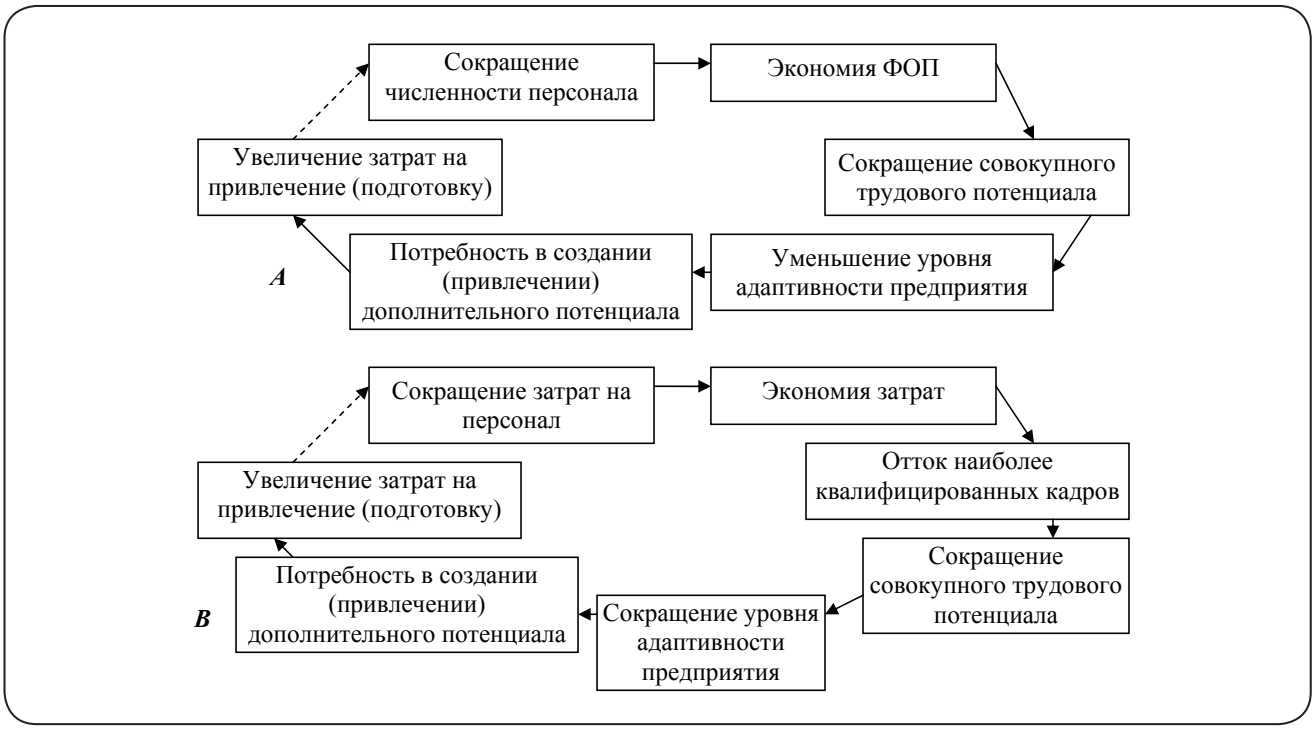


Рис. 1. Модели современного повышения хозяйственной эффективности за счет персонала

ного явления, целью которого является получение изначально заданного результата. Использование социально-экономической диагностики позволяет раскрыть не только внутренние характеристики трудового процесса, но и установить его связь с общественным контекстом, в котором данная трудовая деятельность происходит. В частности речь идет об учете развития НТП в процессе принятия решений по замене живого труда овеществленным, исследования самого процесса труда и структуры перераспределения добавленной стоимости, а так же ряда других вопросов. Факторная модель современного процесса труда, в основе которой лежит социальная и биологическая деятельность персонала, может быть представлена в виде модели, представленной на рис. 2.

Как можно видеть из модели, приведенной на вышеуказанном рисунке, персонал находится в центре трудового процесса. Трудовая деятельность, осуществляемая соответствующим персоналом, несет в себе определенное общественное и индивидуальное значение. Труд имеет четыре взаимосвязанные и взаимообусловленные функции: средство существования; средство перераспределения; систему требований к живому труду (работника); личную ценность. Каждая из перечисленных функций имеет собственное общественное значение и задачи, реализуемые на принципах амбивалентности (что дополнительно обусловливает потребность в их комплексном анализе). Следует особо подчеркнуть, что наиболее актуальным является подход к диагностированию именно процесса социально-экономической эффективности труда вследствии того, что в процессе современной трудовой деятельности практически невозможно отделить экономическое от социального.

Последнее вполне соответствует самой логике процесса диагностирования, т.е. определению объективных (экономических) и субъективных (социальных) составляющих процесса труда. На наш взгляд, в ходе данного диагностического процесса происходит сопоставление (интеграция) показателей процесса труда и показателей трудового потенциала. В общем виде схема такой интеграции представлена на рис. 3. По нашему мнению, такая интеграция может рассматриваться как модель социально-экономической эффективности трудового процесса.

Рассматривая прикладную ценность данной модели, можно констатировать, что она в полной мере отвечает требованиям организации контроля на современном промышленном предприятии. Следует особо отметить, что в предложенной

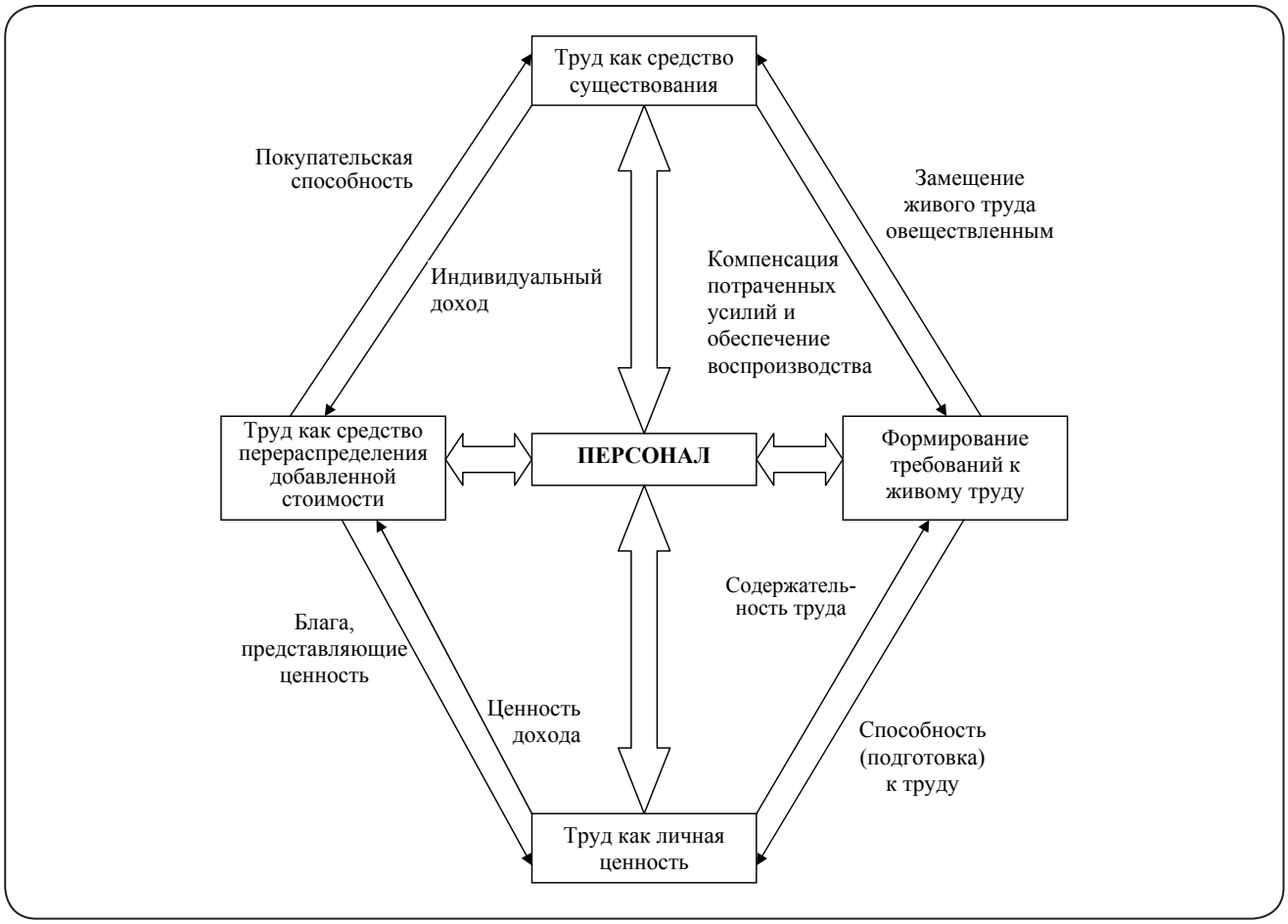


Рис. 2. Модель труда в современной экономике

модели сочетаются особенности работника и предприятия посредством использования системы количественных и качественных диагностических показателей, формирующих систему социально-экономических норм. Такая система функционирует через установление (соблюдение) постоянных социально-экономических практик, что отражается непосредственно на результатах трудового процесса. Исходя из этимологии слова «диагностирование» (от греч. «способен распознавать»), процесс контроля социально-экономической эффективности выполняет функцию распознавания определенных социально-экономических процессов, имеющих место в ходе производства и формирования баланса интересов (согласия) между антагонистическими ценностями участников трудовых отношений (работодателей и работников). На наш взгляд, внимания также заслуживает попытка объединения в единой оценочной модели антагонистичных интересов, поскольку современный производственный процесс (как и предпринимательская деятельность в целом) все дальше отходит от теории конфликта К. Маркса.

Так, для работника трудовая деятельность в контексте ее практической реализации может характеризоваться потребностью в получении средств к существованию и собственно ценности процесса труда. На реализации субъективных интересов работника и его практических возможностей базируются показатели трудового потенциала (в данном случае индивидуального). В случае оценки группы работников характеризуется трудовой потенциал коллектива (группы). Реализация трудового потенциала достигается ориентацией на предустановленные ожидания (нормы), которые раскрывают как экономические, так и социальные результаты действий работников. Основным условием эффективности в этом контексте является соответствие заранее установленным нормам со стороны предприятия. Именно путем установления норм достигается баланс

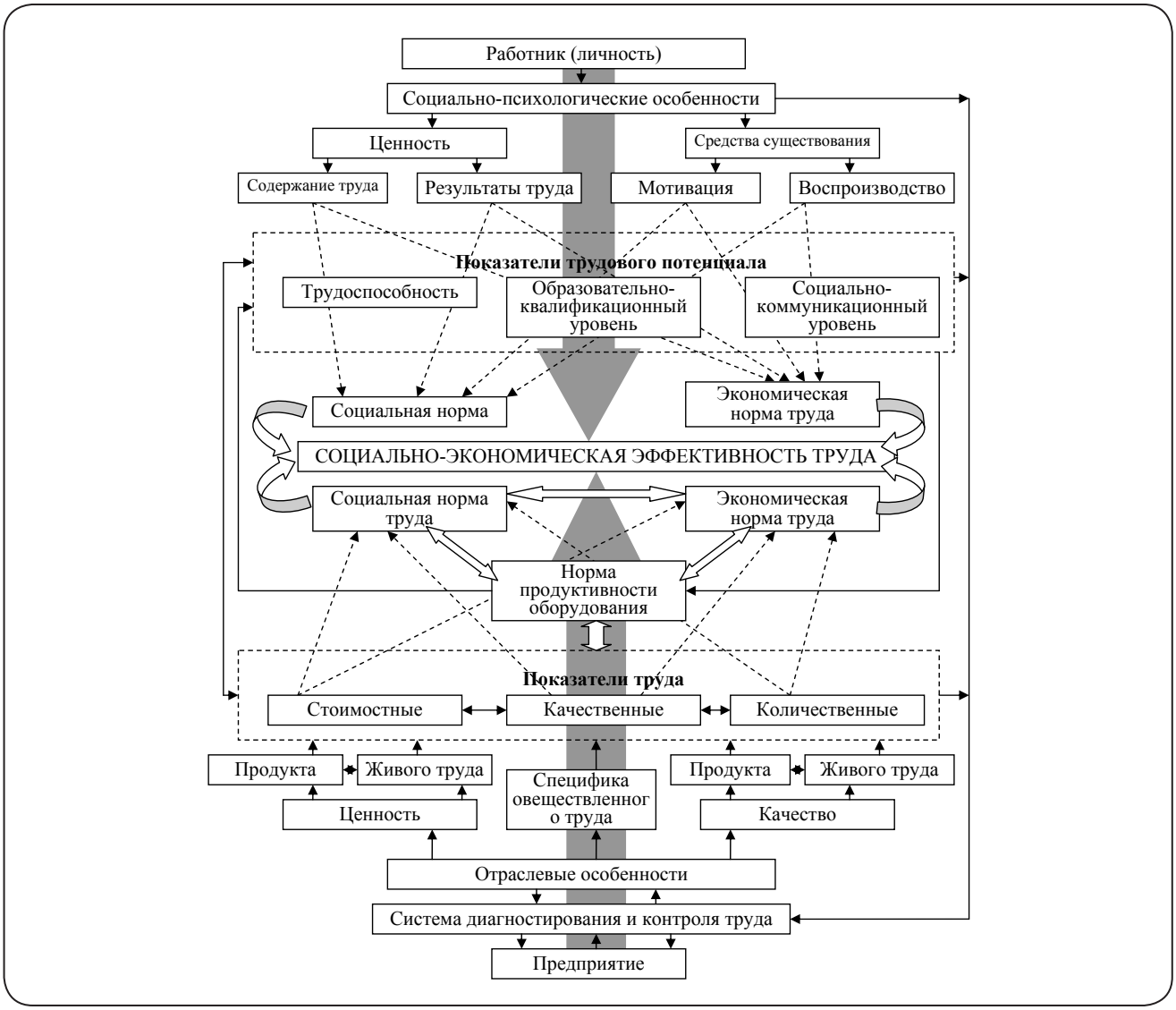


Рис. 3. Модель социально-экономической эффективности труда

интересов предприятия и работников. На характеристики экономических и социальных норм влияние оказывают параметры производительности оборудования (технические характеристики и др.). Эти параметры формируют в значительной степени специфику требований предприятия к работникам и определяют совокупную эффективность хозяйственно-экономической системы. В конечном счете такое диагностирование может сводиться к установлению соответствия экономических и социальных норм труда работников с характеристиками трудового процесса, установленными предприятием. В случае соответствия указанных норм можно констатировать существование эффективности социально-экономического функционирования организации (рис. 4).

В предложенном контексте социально-эффективным можно считать такой трудовой процесс, согласие на участие в котором возникает и существует без внешнего давления и основано на общественной, коллективной и индивидуальной оценке поведения. Такая оценка может реально (достоверно) отражать ценность поведения индивида. Более того, такая форма поведения (как справедливо отмечает К. Дмитриенко [11, с. 93]), может превращаться в относительно самостоятельную форму общественного бытия – его социальную оценку. Однако процесс установления такого баланса представляется нам достаточно сложным и сложно диагностируемым в текущем периоде (ведь нормы и ценности могут постоянно меняться). Но такая диагностика является необхо-

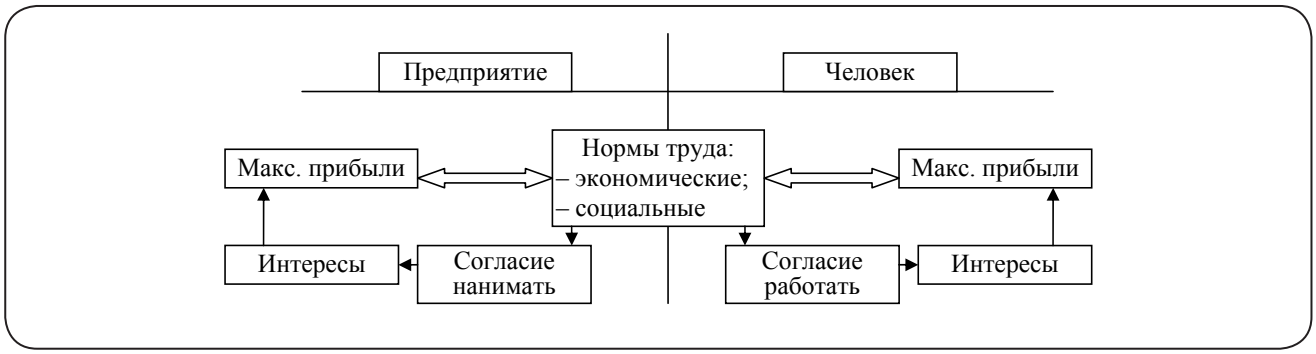


Рис. 4. Модель баланса интересов в достижении социально-экономической эффективности труда

димой, поскольку вопросы определения социальной (социально-экономической) эффективности не могут быть вырванными из контекста социальных процессов, происходящих в обществе.

В самом общем виде социально-экономическая эффективность может рассматриваться как интегральный показатель, характеризующий отношение полученного социального результата в процессе максимизации предприятием экономической прибыли. Альтернативным показателем может являться получение социально-экономического эффекта (результата) в условиях жестких ресурсных ограничений. В таком случае индикатором эффективности выступает согласие, возникающее в трудовом коллективе относительно выполнения определенного вида норм труда (рис. 4). В указанных условиях процесс диагностирования создает инструментальные предпосылки для соответствующего анализа. Процесс контроля в данном случае обеспечивает устойчивость развития деятельности предприятия в соответствующем направлении. Рассматривая процесс диагностирования труда, важно установить его роль в системе общественного экономического развития. Усложняется задача тем, что на сегодня параллельно происходят два процесса: трансформация характера экономического развития предприятий, в ходе которой вновь возрастает роль живого труда, и трансформация характера самого труда, связанная с его информатизацией и автоматизацией (по сути снижением собственно биологического в трудовом процессе). Последний тезис требует определенного объяснения, ведь автоматизация труда на сегодня порождает дискурс о возможности существования общества без труда [12, с. 11–24]. Мы согласны с возможностью существования общества без производительного труда, который на самом деле может быть заменен автоматизированным, однако при условии, что такой труд будет дешевле, чем живой труд. Однако интеллектуальный труд, доля которого в современном обществе постоянно растет, заменить практически невозможно, так же, как невозможно заменить труд управленческого характера. Следует отметить, что с увеличением удельного веса умственного труда возрастает ее цена и ценность. При этом до сих пор не только на предприятиях конкретных отраслей, но и в целом диагностирование и контроль за интеллектуальным трудом практически не ведется. Следовательно, современный процесс диагностирования труда предустанавливает собой разноплановый иерархизированный набор показателей и характеристик. В общем виде их структуру и соотношение можно представить в виде логической модели (рис. 5).

При этом мы настаиваем на необходимости совмещения функций диагностирования с функцией контроля, поскольку решение социальных (социально-экономических) вопросов должно быть динамичным вследствие необходимости уменьшения длительности воздействия негативных социально-экономических факторов на персонал. Кроме того, необходимо учитывать, что даже недлительное воздействие негативных факторов на персонал может привести к нивелированию ценностных установок (ориентаций) и к социальной деградации, ухудшению микроклимата и падению общего уровня трудового потенциала и лояльности работников. При этом особо необходимым является применение предложенной модели в условиях ухудшения внешней конъюнктуры или иных кризисных состояний предприятия. Там ее применение даст методологические основания для определения форм и характеристик работы

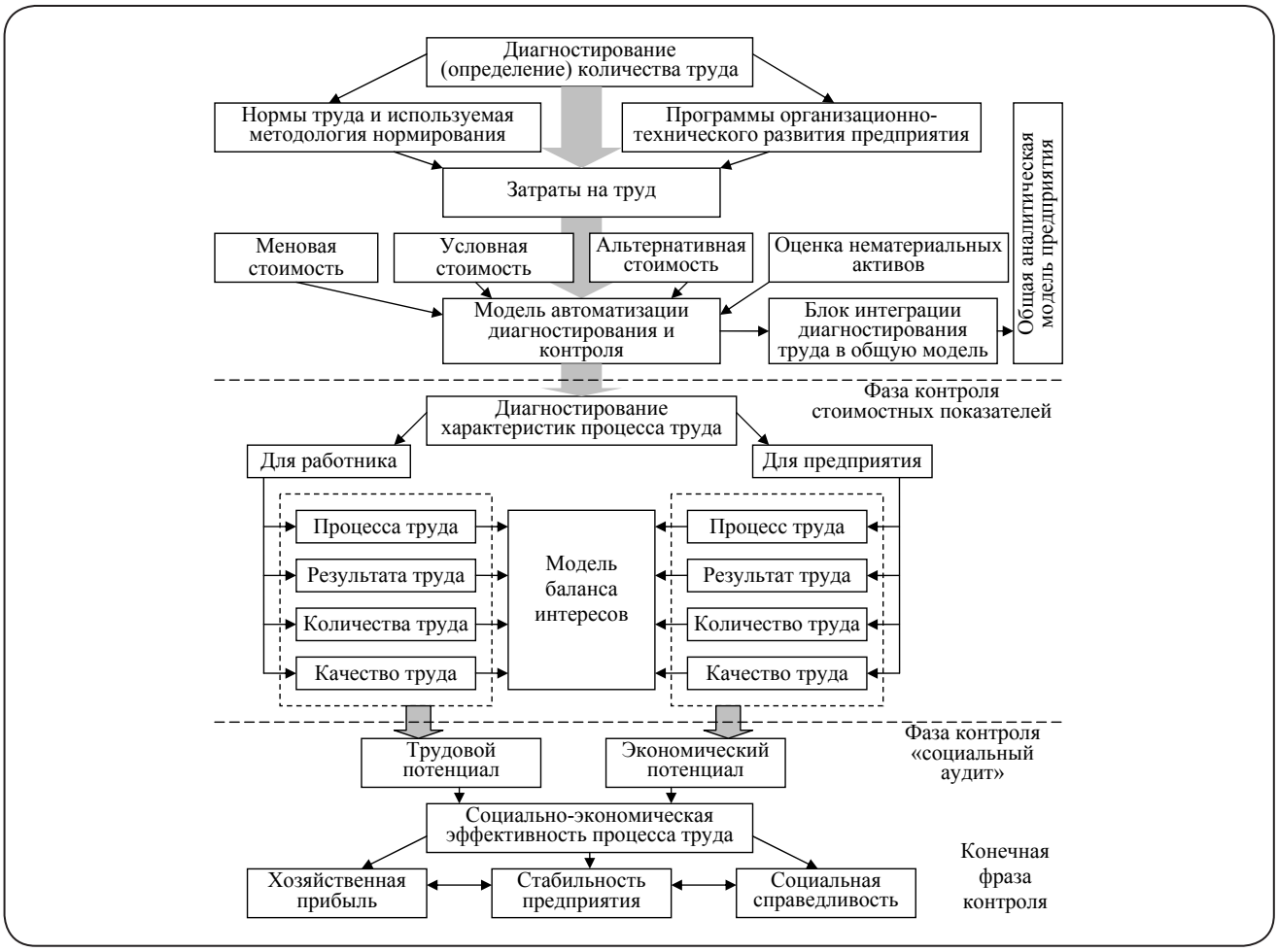


Рис. 5. Модель диагностики и контроля трудовой деятельности персонала

с персоналом (различными его категориями) в процессе преодоления кризисных явлений.

Таким образом, комплексный социально-экономический поход к диагностированию и контролю труда на предприятии одновременно создает условия для повышения эффективности хозяйственной деятельности и решения социально-экономических проблем работников. Все существующие на сегодня в России и Украине диагностические подходы в большей степени базируются на теоретическом базисе марксизма и тейлоризма, вследствие чего они не в состоянии решать задачи в условиях перманентно возрастающей роли (не количества, а именно роли) живого труда в современном трудовом процессе.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. – URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Толковый%20словарь%20Ушакова/

2. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка: ок. 15 000 словар. ст.: ок. 22 000 семант. единиц. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814 с. – URL: http://efremova.baiskan.com/

3. Пархоменко П.П. Техническая диагностика // Большая советская энциклопедия: в 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – URL: http://slovari.yandex.ru/Диагностика/БСЭ/Техническая%20диагностика/

4. Клюев В.В., Пархоменко П.П., Абрамчук В.Е. Технические средства диагностирования: справочник / под общ. ред. В.В. Клюева. – М.: Машиностроение, 1989. – 672 с.

5. Борисова Е.М. Психологическая диагностика: учеб. пособие / под ред. К. М. Гуревича, Е. М. Борисовой. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 301 с.

6. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 495 с.

7. Бальжинов А.В., Михеева Е.В. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учеб. пособие. – Улан-Удэ, 2003. – С. 119.

8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М: Мысль, 2010.

9. Баканов М.И., Мельник М.В., Шеремет А.Д.Теория экономического анализа: учебник для студентов экон. специ-

альностей / под ред. М.И. Баканова. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика (ФС), 2005. – 534 с.

10. Дягель О.Ю. Теория экономического анализа: учеб. пособие. – Красноярск: Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т, 2005. –187 с.

11. Дмитриенко Г.А. Мотивация и оценка персоналу: учеб. пособие. – Киев: МАУП, 2002. – 248 с.

12. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда (футурологические дискусии) // Экономическая социология. – 2005. – Т. 6. – № 3. – С. 11–24.

13. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: учебник для вузов. – М.: Изд. группа НОРМА-ИНФА М, 1999. – 384 с.

В редакцию материал поступил 20.11.12

Информация об авторе

Ядранский Дмитрий Николаевич, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальной работы, Классический приватный университет (г. Запорожье)

Адрес: 69002, Запорожье, ул. Жуковского, 70Б, тел.: (0612) 63-99-73

E-mail: jadransky@yandex.ru

D.N. YADRANSKIY,

Doctor of Sociology, PhD (Economics), Associate Professor

Classical Private University (Zaporozhye, the Ukraine)

DIAGNOSING AND CONTROL OF THE SOCIAL-ECONOMIC EFFICIENCY AS A DIRECTION OF THE MODERN ECONOMIC ANALYSIS

The article views the issue of transformationof the existing system of labor diagnosing at a modern enterprise. The author theoretically proves the necessity to modify the existing approaches to defining the labor results and evaluating its efficiency. The new complex moel of diagnosing and control of the social-economic efficiency of labor is proposed, basing on the balance of interests of the labor process participants.

Key words: diagnosing; control; social-economic efficiency; personnel; labor; process; result; evaluation; model.

References

1. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Thesaurus of the Russian language). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov, 1935–1940, available at: http://slovari.yandex.ru/~knigi/Tolkovyi%20slovar'%20Ushakova/

2. Efremova T.F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* (Thesaurus of the auxiliary parts of speech of the Russian language). Moscow: Astrel': AST, 2004, 814 p., available at: http://efremova.baiskan.com/

3. Parkhomenko P.P. Tekhnicheskaya diagnostika (Technical diagnosing), *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969–1978, available at: http://slovari.yandex.ru/Diagnostika/BSE/Tekhnicheskaya%20diagnostika/

4. *Tekhnicheskie sredstva diagnostirovaniya* (Technical means of diagnosing), V.V. Klyuev, P.P. Parkhomenko, V.E. Abramchuk i dr. Moscow: Mashinostroenie, 1989, 672 p.

5. *Psikhologicheskaya diagnostika* (Psychological diagnosing). Moscow: Izd-vo URAO, 1997, 301 p.

6. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyi ekonomicheskii slovar'* (Modern Dictionary of Economy). Moscow: INFRA-M, 2006, 495 p.

7. Bal'zhinov A.V., Mikheeva E.V. *Analiz i diagnostika finansovo-khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatiya* (Analysis and diagnosing of the financial-economic activity of an enterprise). Ulan-Ude, 2003, p. 119.

8. *Novaya filosofskaya entsiklopediya*: *v 4 t* (New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes). Moscow: Mysl', 2010.

9. Bakanov M.I., Mel'nik M.V., Sheremet A.D. *Teoriya ekonomicheskogo analiza* (Theory of economic analysis). Moscow: Finansy i statistika (FS), 2005, 534 p.

10. Dyagel' O.Yu. *Teoriya ekonomicheskogo analiza* (Theory of economic analysis). Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. torg.-ekon. in-t, 2005, 187 p.

11. Dmitrienko G.A. *Motivatsiya i otsenka personala* (Motivation and evaluation of personnel). Kiev: MAUP, 2002, 248 p.

12. Shevchuk A.V. O budushchem truda i budushchem bez truda (futurologicheskie diskusii) (On the future of labor and future without labor), *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2005, T. 6, No. 3, pp. 11–24.

13. Genkin B.M. *Ekonomika i sotsiologiya truda* (Economics and sociology of labor). Moscow: Izd. gruppa NORMA-INFA M, 1999, 384 p.

Information about the author

Yadranskiy Dmitriy Nikolayevich, Doctor of Sociology, PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Social Work, Classical Private University (Zaporozhye, the Ukraine)

Address: 70Б Zhukovskogo Str., 69002, Zaporozhye, tel.: (0612) 63-99-73

E-mail: jadransky@yandex.ru

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336.71

Э.И. АБДЮКОВА,
аспирант
Уфимский государственный авиационный технический университет

ФАКТОРНЫЕ МОДЕЛИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ СПРОСА ПО КРЕДИТНО-ДЕПОЗИТНЫМ ОПЕРАЦИЯМ БАНКА

В статье рассматриваются аддитивные и мультипликативные факторные модели для депозитного и кредитного спроса, включающие внутренние факторы, воздействие которых в краткосрочной перспективе может внести изменения в конъюнктуру рынка. Использование моделей помогает максимизировать прибыль и реализовать планы организации.

Ключевые слова: факторная модель; внутренние факторы; воздействие; спрос; депозиты; кредиты; банк; деятельность; оптимизация; инструмент; финансовые операции.

Построение финансовой политики банка основывается на планировании целевых показателей, достижение которых возможно при условии подтверждения допущений и прогнозов в перспективе. Однако очень часто предполагаемые изменения и действия не совпадают с фактами в полной мере, что требует корректировки, принятия тактических мер. Если рассматривать небольшие отклонения конъюнктуры рынка как способ улучшения конечных результатов финансового учреждения, то задачей коммерческой организации становится нахождение таких воздействий на внешнюю среду, которые приносили бы пользу и способствовали укреплению ее позиций.

В этой связи внимание экспертов сосредотачивается на потребностях населения и организаций в кредитах, а также на их возможностях сбережения, хранения денежных средств во вкладах, на депозитах. Для отдельного банка исследуемые показатели будут зависеть от широты охвата услугами, то есть от зоны обслуживания.

Во взаимодействии коммерческого банка с внешней средой важным становится определение той части потребителей, которые готовы взять кредит и способны его обеспечить, реализуя тем самым принцип возвратности и срочности. На рынке присутствует достаточно конкурентов, стремящихся выделить из общего числа потенциальных клиентов наиболее качественных заемщиков, так как одной из задач кредитно-депозитной политики является формирование качественного кредитного портфеля.

Чтобы достичь целей максимизации прибыли, полной отдачи от сложившейся конъюнктуры рынка нужно оперативное вмешательство. Совершенно ясно, что не только внешняя среда воздействует на организацию, но и внутренние факторы фирмы определяют рыночное окружение. Эффективная реализация кредитно-депозитной политики банка требует знаний о рыночной конъюнктуре в текущий и среднесрочный периоды. Имея своевременную информацию о поведении потребителя или представление об ожидании каких-либо действий с его стороны можно в среднесрочной перспективе построить адекватную систему мер, позволяющую быть готовым к изменениям. Решение данной задачи возможно с использованием системы показателей, которые будут рассмотрены далее.

В текущей обстановке знания о возможном поведении населения и бизнеса в будущем представляют существенную ценность, но для оперативного маневрирования с целью максимизации прибыли банка являются недостаточными. Так, в случае если известно, что общее количество потенциальных потребителей в регионе готовы совершать покупки, а значит, возникает потребность в кредитах, а величина реального качественного

спроса для исследуемого банка не изменяется, то это будет являться сигналом к необходимости управленческих воздействий. Данные воздействия могут быть разными, начиная от изменения процентной ставки по кредиту до улучшения сервисного обслуживания.

Каждая мера принесет результат, отличный от другого, по таким параметрам, как время, эффект. Для тактических действий нужен набор возможностей, использовать которые можно как в совокупности, так и по очередности. Но приоритет отдавать шагу, приносящему наибольшую пользу. Инструментом, обеспечивающим выбор направления управленческих воздействий со стороны банка, по нашему мнению, может служить построение факторных моделей [1, с. 17].

Существующие модели для реализации банковских операций (Сорокина М.Г.) не учитывают взаимодействие банка и внешней среды, рассматривают ожидаемые параметры величины спроса как данность [2, с. 182]. Отличительной особенностью предлагаемой оценки является учет значимых внутренних факторов, их анализ с целью выявления возможных воздействий с минимальными потерями для субъекта, которые могут изменить складывающуюся ситуацию на рынке в положительную сторону и таким образом максимизировать прибыль.

Поскольку спрос на кредитные ресурсы банка зависит от многих факторов, то, по нашему мнению, системой, описывающей его формирование, может служить аддитивная факторная модель, которая выглядит следующим образом:

$$y_a = i + c + m + n + p + v + x_n, \qquad (1)$$

где y_a – качественный спрос на кредиты в руб.; i – величина спроса от процентной ставки по кредиту; m – величина спроса от удаленности банка; n – величина спроса от сервисного обслуживания; c – величина спроса от рекламных акций; p – величина спроса от условий кредитного договора; v – величина спроса от репутации банка; x_n – свободный параметр.

В представленной модели набор элементов определяется методом отбора значимых факторов. В систему параметров включаются только внутренние факторы, предварительно выбранные по критерию чувствительности. Последнее действие предполагает выбор тех элементов, которые могут каким-либо образом повлиять на состояние рынка.

Определение параметров, изменение которых влечет перемены во внешней среде, является важным моментом. Поэтому к этому процессу должны допускаться только квалифицированные специалисты с опытом проведения экспертной оценки. После отбора факторов каждому из факторов проставляется бальная оценка по десятибалльной шкале, соответствующая степени чувствительности рыночной конъюнктуры к его преобразованию. Это позволяет распределить факторы по приоритету от тех, которым внимание нужно уделить в первую очередь, до тех, на изменение которых среда реагирует несущественно.

Выбор решения по предполагаемым действиям должен основываться на понимании взаимосвязанности и взаимозависимости внешних и внутренних факторов [3, с. 212]. Может случиться так, что ожидаемое состояние рыночной конъюнктуры складывается в пользу организации и в данный период не имеет значительной зависимости от действий со стороны банка.

Построенная с вышеизложенным аддитивная модель будет обладать существенным свойством – информативностью, показывающей эксперту, во-первых, состав внутренних факторов как инструментов воздействия на внешнее окружение, во-вторых, какие затраты будет нести организация в случае использования каждой из имеющихся возможностей; при этом исследователь может сопоставить между собой факторы и выбрать тактику поведения.

Введенные переменные в рассматриваемой модели не ограничиваются предлагаемым набором. Обозначенный свободный параметр предполагает включение какого-либо другого значимого элемента в систему.

Особый момент представляет прогноз потребностей в заемных средствах от изменения факторов модели. Чтобы осуществить адекватную оценку, специалисту необходима основа. В качестве такой основы, на наш взгляд, может служить случай в прошлом, повлекший положительные либо отрицательные преобразования спроса. Но не всегда у эксперта имеется возможность обратиться к истории. Иногда схожие случаи отсутствуют. Тогда нужно руководствоваться опытом других организаций либо основываться только на

собственных профессиональных знаниях. Эксперту надо ориентироваться в первую очередь на нахождении событий со схожими признаками на историческом промежутке времени и только при их отсутствии прибегнуть к другим методам.

Таким образом, определив внутренние факторы и распределив их по критерию чувствительности, получаем модель – инструмент для воздействия на качественный кредитный спрос финансового учреждения с целью увеличения его доли.

Если аддитивная система позволяет узнать, на какую сумму будет отличаться потребность в кредитах при изменении какого-либо параметра, то для исследователя остается нерешенным вопрос, во сколько раз происходит сокращение или приращение спроса за счет фактора. Для этой цели можно построить мультипликативную модель, содержащую индексы от параметра [4, с. 143]. Индекс находится по формуле:

$$I_{ф} = Ф_{прогн} / Ф_{пред}, \quad (2)$$

где $I_{ф}$ – индекс от рассматриваемого фактора; $Ф_{прогн}$ – величина прогноза кредитного спроса при изменении фактора; $Ф_{пред}$ – предыдущая величина кредитного спроса.

Общий результирующий индекс будет равен:

$$I_{рез} = I_{ф1} \cdot I_{ф2} \cdot I_{ф3} \cdot I_{фn}, \quad (3)$$

где n – номер фактора.

Согласно вышеприведенному правилу общий индекс состоит из произведения индексов факторов. Модель показывает, с одной стороны, во сколько раз увеличится кредитный спрос в результате проведенных мероприятий, а с другой – как изменяется спрос от каждого из факторов.

Для любого коммерческого банка важным источником осуществления деятельности являются его пассивные операции, связанные с депозитами (вкладами) физических и юридических лиц. Привлекая денежные средства, банк размещает их в активах и получает маржу, трансформируемую в дальнейшем в прибыль. Поскольку целью финансового учреждения является максимизация результата, то привлечение депозитов является одной из основных задач.

Как и в случае с кредитным спросом, желание у потенциальных клиентов сохранять свой капитал в конкретном банке формируется исходя из объективных и субъективных причин. Учитывая внешние составляющие, финансовое учреждение разрабатывает свою политику по привлечению денежных средств. В условиях динамики рыночной среды, когда потребности в сбережениях носят пиковый характер, следование жесткому плану становится малооправданным, так как не позволяет зарабатывать кредитной организации на изменениях конъюнктуры рынка.

Возможность отклонения от заданной траектории на некоторую величину может способствовать росту результирующего показателя – прибыли, а, значит, качественное взаимодействие банка с внешней средой, то есть учет настроений потребителя, поступающих сигналов и осуществление необходимых действий являются решением улучшения его кредитно-депозитной деятельности.

Депозитная политика по сравнению с кредитной стратегией имеет существенные различия. При формировании портфеля вложений банк не осуществляет такого строгого отбора, как при размещении денежных средств в виде займов. Основными мероприятиями являются проверка клиента на мошенничество с целью отмывания денег и информирование соответствующих органов по крупным суммам. Поэтому задачей выступает привлечение состоятельных граждан и преуспевающих фирм к сотрудничеству.

На рынке основная конкурентная борьба сводится в установлении процентной ставки по депозитам. Важно понимать, что это не единственный стимул для потенциального клиента к инвестированию. В качестве инструментов у кредитной организации имеются такие внутренние факторы, как репутация, гарантия сохранности средств, условия размещения, технологии ввода-вывода, сервис и др.

В текущей ситуации, когда известны наличие на рынке ресурсов и настроения граждан и предприятий к вложениям капитала, требуется увеличить объем депозитарных заявок за короткий период времени. Как и в случае со спросом на кредитные продукты банка, для спроса на депозиты (вклады) можно построить аддитивную факторную модель, которая будет иметь следующий вид:

$$y_p = i + c + v + k + m + p + x_n, \quad (4)$$

где y_p – спрос на депозиты, вклады в руб.; i – величина спроса от процентной ставки по депозитам; m – величина спроса от удаленности банка; k – величина спроса от сервисного обслуживания;

c – величина спроса от рекламных акций; p – величина спроса от условий договора вклада; v – величина спроса от репутации банка; x_n – свободный параметр.

Включение параметров в систему происходит путем отбора значимых факторов и выделения из полученной группы тех элементов, к которым чувствительна внешняя среда. Аналогично аддитивной модели для спроса рассматриваемая система также не ограничена набором факторов. Для этого в ней представлен свободный параметр x_n.

Экспертная бальная оценка чувствительности каждого из факторов по шкале из десяти возможных вариантов позволяет ранжировать их и определить руководству банка тактику поведения на рынке.

Представленная модель служит для выбора управленческого воздействия с целью увеличения величины спроса на депозиты (вклады). Получая сигналы от внешней среды об изменениях, влекущих за собой рост свободных денежных средств у физических и юридических лиц, и сопоставляя эти данные с текущим сложившимся спросом, можно определить насколько эффективно банк взаимодействует с окружением.

Несомненно, выбор действий для фактора в аддитивной модели нужно производить с учетом минимизации затрат и увеличения результативности. Здесь важно понимание, что каждый из факторов по-разному определяет реакцию рынка на изменения. Эластичность спроса на депозиты (вклады) зависит как от ценовых, так и от неценовых факторов. Последнее нуждается в большем внимании со стороны банка.

Предложения в отношении кредитного спроса по поводу прогноза, ожидания реакции рынка на действия банка, в том числе величины его изменения справедливы также для спроса на депозиты. Использование ситуационного подхода, когда предполагаемое действие уже имело место в прошлом и известны исторические данные от его проведения, является приоритетным при проведении экспертной оценки ожидаемых значений.

Предполагаемые величины изменений спроса от факторов в аддитивной депозитной модели показывают, насколько он прибавится либо убавится, но не информируют исследователя о том, как меняется спрос по отношению к общей величине. Эту задачу решает использование мультипликативной модели, представленной индексами от внутренних параметров организации. Данная модель строится в соответствии с описанием, изложенным для системы кредитного спроса. Рассчитанный результирующий индекс будет показывать, во сколько раз возможно преобразовать параметры внешней среды.

Полученные в работе факторные модели для кредитного и депозитного спроса разработаны для применения их в практической деятельности банка с целью улучшения его финансовых операций. Проиллюстрируем процесс анализа сложившейся ситуации на конкретном числовом примере. Пусть в банке А в некоторый момент времени положение характеризуется значением избыточных операционных остатков на конец дня в размере 172 000 руб. Качественный кредитный спрос составил 821 000 руб., депозитный спрос – 73 500 руб., кредитный портфель – 7 956 000 руб. Количество поданных заявок на сумму кредитов меньше суммы поступлений денежных средств. Таким образом, финансовое учреждение несет потери в связи с неиспользованным капиталом. Существует альтернатива вложения свободных ресурсов в краткосрочные ликвидные ценные бумаги и размещения в виде займов на небольшие сроки. В первом случае доход банка равен 11% годовых, а во втором случае – 19% годовых. Требуется определить возможности банка по улучшению кредитно-депозитной деятельности.

Для решения поставленной задачи обратимся к методике отбора значимых факторов. В результате анализа выявлены такие составляющие внутренней и внешней среды, как: очередное повышение пенсий, укрепление рубля, стабильная цена на нефть, процентная ставка по кредитам, процентная ставка по депозитам, сезонность, условия по договору кредита, условия по договору депозита, хорошая репутация, сервисное обслуживание, линейка банковских продуктов, информированность потенциальных клиентов. Чтобы построить аддитивную модель кредитного спроса, экспертом из значимых факторов определены внутренние факторы.

Далее необходимо из выделенных факторов выбрать только те, к которым чувствительна внешняя среда, и ранжировать их по степени чувствительности. Получены следующие значения (табл. 1).

В соответствии с табл. 1 для кредитного спроса построим аддитивную многофакторную модель: $y_a = i + u + n + c + r$.

Теперь нужно оценить ожидаемые значения спроса при изменении какого-либо параметра системы. Более точный прогноз основан на оперировании данными в ситуациях, аналогичных планируемым мероприятиям со схожими признаками конъюнктуры рынка. Среди возможных предполагаемых действий со стороны банка являются:

– снижение процентной ставки по кредиту;

– изменение условий потребительского кредитования по массовому продукту – снижение процента за пользование денежными средствами за первые четыре месяца при одновременном увеличении процента в следующие месяцы пользования;

– прием и рассмотрение заявок по интернету с уведомлением клиента о решении по телефону;

– доведение информации до партнеров банка и сотрудников о том, чтобы они проводили разъяснение условий кредитования и преимущества;

– расширение линейки кредитных продуктов введением кредита с низкими процентами на небольшие сроки, предназначенных для отдельной группы клиентов.

Ожидаемые значения спроса по каждому мероприятию сведены в табл. 2.

При оценке предполагаемых преобразований рынка исходят из того, что параметр действует изолированно. Итак, если провести весь комплекс мероприятий, то кредитный спрос на продукты отдельного банка будет равен: y_a = 500 000 + + 400 000 + 70 000 + 150 000 + 270 000 = = 1 390 000 руб. Величина спроса от факторов в модели спрогнозирована с учетом чувствительности внешней среды к воздействию, то есть проставленного экспертом бала.

С учетом представленных значений ожиданий эксперт выбирает те, которые минимальны по издержкам и достаточны для совершения финансовых операций. Исходя из условия примера, дефицит кредитного спроса не критичен, так как величина денежных средств для размещения небольшая и равна 172 000+73 500 = 245 500 руб. Поэтому возможным действием со стороны банка может быть введение нового продукта с ограничением срока и выдаваемой суммы, но с процентной ставкой, которая ниже на один пункт от минимального рыночного процента.

В результате реализация альтернативы – размещения избыточного операционного остатка под 19% годовых с высокой оборачиваемостью – позволит заработать банку прибыль большую, чем размещение средств в ценных бумагах под 11% годовых.

Аддитивная модель показывает насколько увеличивается спрос в абсолютном значении. Чтобы узнать кратное увеличение, строится мультипликативная факторная модель. Для этого рассчитаем индексы от факторов:

I_i=(7956000+500000) / 7956000=1,06;
I_u=(7956000+400000) / 7956000=1,05;
I_c=(7956000+70000) / 7956000=1,009;
I_r=(7956000+150000) / 7956000=1,02;
I_n=(7956000+270000) / 7956000=1,033.

Таблица 1

Экспертная оценка чувствительности внутренних значимых факторов*

Факторы воздействия на внешнюю среду	Процентная ставка по кредиту	Условия договора кредитования	Сервисное обслуживание	Информированность потенциальных клиентов	Линейка банковских продуктов
Обозначение	*i*	*u*	*c*	*r*	*n*
Присвоенный бал (от 0 до 10)	9	10	5	7	8

**Источник:* разработано автором.

Таблица 2

Прогноз изменения кредитного спроса от факторов воздействия*

Факторы воздействия на внешнюю среду	*i*	*u*	*c*	*r*	*n*
Время события со схожими признаками на историческом промежутке	1 кв. 2011 г.	3 кв. 2011 г.	1 кв. 2010 г.	4 кв. 2011 г.	3 кв. 2011 г.
Значение изменения спроса	560 000 руб.	370 000 руб.	120 000 руб.	200 000 руб.	289 000 руб.
Прогноз изменения спроса	500 000 руб.	400 000 руб.	70 000 руб.	150 000 руб.	270 000 руб.

**Источник:* разработано автором.

Общий результирующий показатель в таком случае равен:

$I_{рез} = 1,06 \cdot 1,05 \cdot 1,009 \cdot 1,02 \cdot 1,033 = 1,18.$

Если использовать все имеющиеся возможности банка, то качественный кредитный спрос увеличится в 1,18 раз. Реализация выбранного исследователем действия представляет собой приращение спроса в 1,033 раза.

Таким образом, рассмотрение депозитного и кредитного спроса показывает их формирование для конкретного коммерческого банка, что дает основания полагать о возможности влияния на внешнюю среду в целях извлечения выгоды. Эффективное взаимодействие может быть реализовано с применением необходимого инструмента. В качестве такого инструмента предложены факторные модели, построение экспертом которых предполагает выбор вариантов действий в зависимости от сложившейся ситуации на рынке. Преимуществом анализа выступает сравнение прогнозных значений, что определяет действия организации в направлениях, достаточных для оптимизации финансовых операций и минимальных по издержкам.

Список литературы

1. Вовк С.П. Модель детерминированного факторного анализа в экономике: учеб. пособие. – Таганрог: Изд-во ТГРУ, 2004. – 38 с.

2. Сорокина М.Г. Система моделей и методы их анализа для обоснования эффективности реализации банком финансовых операций // Управление большими системами. – 2004. – № 8. – С. 176–189.

3. Гринберг А.С. Экономико-математические методы и модели: курс лекций. – 2-е изд., стер. – Минск: Академия Управления при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 222 с.

4. Любущин Н.П., Лещева В.Б., Дьякова В.Д. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 432 с.

В редакцию материал поступил 27.07.12

Информация об авторе

Абдюкова Элина Ильдаровна, аспирант, Уфимский государственный авиационный технический университет
Адрес: Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. К. Маркса, 12, тел.: (3472) 72-41-87
E-mail: elina13121986@mail.ru

E.I. ABDYUKOVA,
Post-graduate student
Ufa State Aviation Technical University

FACTOR MODELS AS A TOOL OF OPTIMIZATION OF DEMAND ON A CREDIT-DEPOSIT BANKING OPERATIONS

The article views the additive and multiplicative factor models for deposit and credit demand, including the internal factors, which can influence short-term the market conjuncture. The use of models allows maximizing the profit and fulfilling the organization's plans.

Key words: factor model; internal factors; influence; demand; deposits; credits; bank; activity; optimization; tool; financial operations.

References

1. Vovk S.P. *Model' determinirovannogo faktornogo analiza v ekonomike* (The model of determined factor analysis in economics). Taganrog.: izd-vo TGRU, 2004, 38 p.

2. Sorokina M.G. Sistema modelei i metody ikh analiza dlya obosnovaniya effektivnosti realizatsii bankom finansovykh operatsii (The system of models and methods of their analysis for grounding the efficiency of of financial banking operations), *Upravlenie bol'shimi sistemami*, 2004, No. 8, pp. 176–189.

3. Grinberg A.S. *Ekonomiko-matematicheskie metody i modeli* (Economic-mathematical methods and models). Minsk: Akademiya Upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus', 2005, 222 p.

4. Lyubushchin N.P., Leshcheva V.B., D'yakova V.D. *Analiz finansovo-ekonomicheskoi deyatel'nosti predpriyatiya* (Analysis of the financial-economic activity of an enterprise). Moscow: YuNITI, 2000, 432 p.

Information about the author

Abdyukova Elina Il'darovna, Post-graduate student, Ufa State Aviation Technical University
Address: 12 K.Marx Str., Ufa, Bashkortostan republic, tel.: (3472) 72-41-87
E-mail: elina13121986@mail.ru

УДК 336.6:378

Г.И. МАГОМЕДОВ,
доктор экономических наук, профессор
Астраханский государственный технический университет,
Д.Ю. МАМЫРКИН,
старший преподаватель
Дмитровский филиал Астраханского государственного технического университета,
Г.Г. КАРАСЕВ,
доктор экономических наук, доцент
Астраханский государственный технический университет

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены организационно-экономические особенности финансового обеспечения современных экономических систем на примере учреждений высшего профессионального образования. Представлены характеристики субъектов рыночных отношений в сфере высшего профессионального образования. Предложены формы финансового обеспечения.

Ключевые слова: финансовое обеспечение; самофинансирование; образовательная услуга.

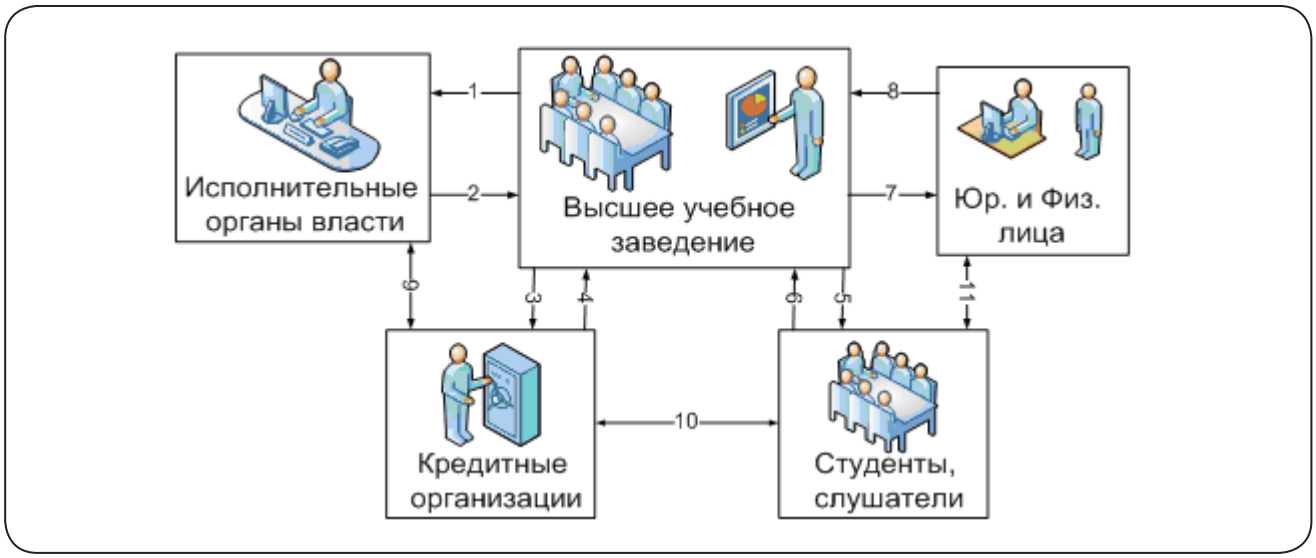
В настоящее время общественные отношения в сфере высшего профессионального образования в России на государственном уровне регулируются нормами Конституции Российской Федерации, Бюджетным кодексом Российской Федерации (для государственных и муниципальных образовательных учреждений), Законом Российской Федерации «об образовании» редакция № 68 от 10.07.2012[1]. Кроме того, отдельные стороны процесса оказания образовательных услуг могут регулироваться типовыми положениями об образовательных учреждениях соответствующих типов и видов, утвержденных Правительством РФ и разрабатываемыми на их основе уставами. Для негосударственных образовательных учреждений типовые положения выполняют функции примерных положений. Их деятельность регулируется уставом вуза. Устав образовательного учреждения в части, не урегулированной законодательством Российской Федерации, разрабатывается и принимается образовательным учреждением и утверждается его учредителем.

Субъектами отношений в сфере высшего профессионального образования в рыночных условиях являются: *уполномоченные органы исполнительной власти* (вышестоящие органы для учебных заведений; *Федеральное казначейство* и *распорядители* бюджетных средств для государственных (муниципальных) учреждений); *коммерческие банки*; непосредственно *образовательные системы*, осуществляющие подготовку и переподготовку специалистов с высшим образованием; *общественные организации* и *координационные советы*, осуществляющие общественный контроль подготовки и распределения названных кадров; *студенты и их представители*; *слушатели*; *работодатели и физические лица*, финансирующие образовательный процесс; *хозяйствующие субъекты и физические лица*, осуществляющие финансовую поддержку образовательных учреждений на добровольных началах. Большая часть участников этих отношений вступает между собой в финансовые отношения, типы которых представлены на приведенном ниже рисунке.

Статус вуза как некоммерческой организации характеризуется следующими основными чертами:

1. Вуз, являясь некоммерческой организацией, не может в качестве цели основной деятельности ставить извлечение прибыли и не распределяет полученную в итоге прибыль между участниками;

[1] Закон Российской Федерации «Об образовании» редакция № 68 от 10.07.2012 // СПС Консультант Плюс.



Субъекты финансовых отношений в сфере высшего профессионального образования

Обозначения:

1 – обязательные платежи образовательных учреждений, в том числе налоги и сборы;

2 – сметные, финансово-бюджетные, информационные, договорные и иные отношения вузов с образовательными министерствами, службами и агентствами, Федеральным казначейством и другими органами исполнительной власти;

3 – возврат кредитов вузами;

4 – предоставление кредитов, в том числе льготных, вузам на цели обеспечения образовательного процесса и капитальные расходы;

5 – стипендии и другие формы выплат;

6 – плата за обучение лиц, получающих образовательные услуги на коммерческой основе;

7, 8 – финансовая интеграция образования, науки и производства;

8 – средства юридических и физических лиц, направляемые непосредственно вузам на финансирование расходов на целевую подготовку кадров по договорам работодателей с конкретными образовательными учреждениями, а также в виде добровольных пожертвований, благотворительных взносов и т.п.;

9 – договорные отношения образовательных министерств и ведомств с уполномоченными банками по поводу образовательного кредитования студентов (их представителей), льготного кредитования образовательных учреждений и соответствующей компенсации процентов по беспроцентным образовательным кредитам и льготным кредитам учебным заведениям;

10 – предоставление образовательных кредитов студентам (их представителям) для получения высшего профессионального образования на коммерческой основе, а также возврат указанных кредитов;

11 – средства юридических и физических лиц, предоставляемые студентам и слушателям для получения высшего профессионального образования с последующим возмещением трудовым возмещением.

2. Вуз в форме частного учреждения финансируется собственником его имущества (полностью или частично). Порядок финансового обеспечения вузов (государственных и муниципальных учреждений) определяется федеральным законом РФ [1].

3. Вуз в форме частного или казенного учреждения отвечает по своим обязательствам финансовыми средствами, находящимися в его распоряжении; при нехватке вышеуказанных средств субсидиарную ответственность по обязательствам данного типа учреждений несет собственник его имущества.

Вуз в форме автономного учреждения (далее – АУ), должен отвечать по своим обязательствам всем имуществом, находящимся у него на праве оперативного управления, за исключением недвижимости и движимого имущества особой ценности, закрепленных за АУ собственником данного имущества или приобретенных АУ за счет выделенных этим собственником средств. В соответствии с формулировкой закона[2] соб-

[2] Закон Российской Федерации «Об образовании», редакция № 68 от 10.07.2012 // СПС Консультант Плюс.

ственник имущества АУ не несет ответственность по обязательствам АУ.

Вуз в форме бюджетного учреждения (далее – БУ) отвечает по своим обязательствам всем имуществом, находящимся у него на праве оперативного управления и закрепленным за БУ собственником имущества, так и приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, за исключением движимого имущества особой ценности, закрепленного за БУ собственником этого имущества или приобретенного БУ за счет выделенных собственником имущества БУ средств, а также недвижимого имущества. В соответствии с законодательством РФ[3], собственник имущества БУ не несет ответственности по обязательствам бюджетного учреждения.

4. Вуз осуществляет лицензируемую деятельность, что в числе прочего предполагает ряд условий, соблюдение которых обязательно для осуществления образовательного процесса. В частности, это предельная численность (контингент) учащихся, больше которой вуз обучать не имеет права, набор специальностей (направлений подготовки), физические характеристики материальной базы образовательной деятельности и некоторые другие[4].

Очевидно, что современный вуз является большой и сложной образовательной системой, результаты деятельности которой проявляются в различных видах услуг. Хотя в деятельности того или иного вуза, как правило, присутствует широкий спектр направлений деятельности (услуги образовательного характера; научно-техническая продукция и интегрированный конечный продукт на базе научно-технической продукции и образовательных услуг вуза; учебно-методическая продукция), образовательные услуги (образование), безусловно, являются определяющими. Для оказания услуг именно этого рода вузы и создаются.

Важно отметить, что на сегодняшний день определение образовательных услуг в законодательстве отсутствует. В правовой литературе по данному вопросу высказано достаточно много различных суждений. М.И. Брагинский одним из первых делает анализ не соответствию наполнения содержания термина услуги и его трактовку в нормативных актах [1].

В соответствии с Законом РФ «Об образовании»[5] «образовательным услугам» отводится второстепенная роль, поскольку, в соответствии со своим качеством, они могут оказываться образовательным учреждением только «за пределами определяющих его статус образовательных программ».

Считается, что образовательные услуги необходимо рассматривать не только с позиции платного образования. Уместно предположить, что предоставление «образования» и «образовательных услуг» в настоящий исторический момент рассматривается с экономической точки зрения, как процесс, направленный на удовлетворение общественных образовательных потребностей. В данном контексте, в качестве «потребителя» образовательной услуги выступает как государство (в случае, когда услуги оплачиваются за счет соответствующего бюджета), так и частное лицо (в случае, если удовлетворяются нужды граждан или организаций). То есть, по целевому и социальному назначению образовательные услуги являются видом государственных услуг по реализации социальной образовательной функции государства, они направлены на создание соответствующих условий по всестороннему развитию личности и реализации его гражданского права на получение образования (в том числе профессионального), в образовательных учреждениях различных организационно-правовых форм,за счет государства – на конкурной основе, без конкурса за счет своих средств или средств заинтересованных лиц на договорной основе.

Непосредственным получателем образовательных услуг выступает студент (слушатель). Среди образовательных услуг предлагаемых студенту, поступившему в вуз, могут быть: лекционные, семинарские, практические и лабораторные занятия; техническая организация и сопровождение процесса обучения; возможность пользоваться библиотечным фондом, компьютерными классами и учебными аудиториями; возможность участия в научно-исследовательской работе в

[3] Там же.

[4] Пункт 2 ст. 120 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

[5] Закон Российской Федерации «Об образовании», редакция № 68 от 10.07.2012 // СПС Консультант Плюс.

виде различных научных обществ, факультативов, кружков и конференций; возможность участия в международных студенческих обменах, зарубежных стажировках и т.п.; организация практик в сторонних компаниях и организациях; возможность получить различные квалификационные документы. Кроме вышеперечисленных услуг вуз предлагает на рынке и товары: учебные пособия и учебники, разработанные преподавателями вуза; монографии, сборники статей и материалов конференций; журналы и другие периодические издания. Эти товары ВУЗ может предлагать как студентам, так и иным группам потенциальных потребителей: абитуриентам и их родителям, бизнес сообществу, СМИ, государственным агентствам, сторонним предприятиям и компаниям. На них рассчитаны и такие услуги вуза, как проведение на базе вуза представительских презентаций компаний, выполнение по заказу компаний аналитических и исследовательских проектов, организация бизнес-семинаров, курсов профессиональной переподготовки кадров, дополнительного обучения и повышения квалификации сотрудников.

Таким образом, образовательная услуга, предоставляет широкий спектр социальных благ неограниченному числу потенциальных потребителей, но имеет при этом четкую персонификацию (направленность на конкретного обучающегося), что позволяет отнести его к типу *персонифицируемого смешанного социального блага*.

Данная особенность должна непосредственно отражаться на финансировании процесса предоставления общественных услуг. Источники финансирования должны быть поставлены в непосредственную зависимость от лиц, заинтересованных в данных услугах. Таким образом, можно сделать вывод, что система ВПО, предоставляющая образовательную услугу, которая удовлетворяет в первую очередь потребности непосредственных потребителей услуг, а во вторую – работодателей и в меньшей степени всего общества в целом, может в качестве источников финансирования в такой же пропорции сочетать ресурсы, поступающие от всех трех групп возможных потребителей.

Так как прослеживается явная заинтересованность государства в предоставлении обществу услуг в сфере высшего профессионального образования, поэтому необходимо, чтобы бюджетное финансирование данной сферы, по крайней мере, покрывало потребность общества в поддержании баланса трудовых ресурсов. Общепризнанно, что по своей социально-экономической природе образование не может развиваться на чисто коммерческих началах. Об этом свидетельствует весь мировой опыт. Наряду со сферой науки и здравоохранением, а также сектором культуры, образование относится к смешанному сектору народного хозяйства, который не только в России, но и в других странах финансируется в основном государством.

Таким образом, очевидно, что в современной экономике деятельность в сфере высшего профессионального образования осуществляется при посредстве функционирования рынка образовательных услуг и других услуг, оказываемых вузами. Как и для любого рынка, здесь обязательны и присутствуют три компонента: *покупатель, продавец и специфический товар*.

В соответствии с БК РФ с 2009 г. величина финансового обеспечения из бюджета определяется для государственных вузов государственными заданиями. Государственное (муниципальное) задание формируется для бюджетных и автономных учреждений, а также казенных учреждений, определенных в соответствии с решением органа государственной власти (государственного органа), органа местного самоуправления, осуществляющего бюджетные полномочия главного распорядителя бюджетных средств. Для негосударственных вузов объем финансирования определяется учредителем вуза. Деятельность негосударственного вуза может осуществляться на условиях частичного или полного самофинансирования.

С 2011 г. законом № 83-ФЗ[6] [5] вносятся поправки в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Что касается правового статуса государственных (муниципальных) учреждений, которыми являются государственные вузы, то данным законом дополняются многие статьи законодательных актов, регулирующих

[6] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений: Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

соответствующие бюджетные, казенные и автономные учреждения, в частности: заменяются слово «бюджетное» словом «казенное», слово «предпринимательская» – словом «приносящая доход». Кроме всего прочего, важно отметить, что слово «финансирование» заменяется словом «финансовое обеспечение». Употребление терминов «финансирование» и «финансовое обеспечение» требует раскрытия их содержания и различий в этих двух понятиях.

В соответствии с законом № 83-ФЗ меняются основные финансовые механизмы функционирования образовательных учреждений. Закон № 83-ФЗ определил переход от финансирования учреждений к финансированию реализуемых им услуг, причем на нормативной основе, т. к. в соответствии с измененной редакцией Закона РФ «Об образовании»[7]: «Финансовое обеспечение образовательной деятельности федеральных государственных казенных учреждений и финансовое обеспечение выполнения государственного задания государственными бюджетными и АУ, осуществляются на основе федеральных нормативов финансового обеспечения образовательной деятельности, образовательной деятельности государственных образовательных учреждений, находящихся в ведении субъектов РФ, и муниципальных образовательных учреждений - на основе нормативов финансового обеспечения образовательной деятельности, принятых в каждом конкретном регионе.

В итоге в Законе РФ «Об образовании»[8] термин «финансирование образовательных учреждений» заменен на «финансовое обеспечение деятельности образовательного учреждения», что обусловливает функциональное разграничение заказчиков (государство, органы местного самоуправления, работодатели, население), получателей (обучающиеся, слушателя) и производителей социальных образовательных услуг (образовательные учреждения различного профиля).

Следовательно, если государство на всех структурных уровнях по отношению к реализуемой государственной (муниципальной) услуге выступает заказчиком, а не производителем, то правомерным является введение Законом № 83-ФЗ в п. 2 ст. 120 ч. 1 ГК РФ абзаца об исключении субсидиарной ответственности у бюджетных учреждений: «Собственник имущества бюджетного учреждения не несет ответственности по обязательствам бюджетного учреждения».

Нормативный способ распределения финансовых и других ресурсов для реализации образовательных программ, позволяет соизмерять полученные результаты с произведенными затратами этих ресурсов и выявлять наиболее и наименее эффективные для учреждения образовательные программы. Дальнейшая реализация последних потребует их совершенствования, а наиболее конкурентоспособные образовательные программы учреждения будут способствовать гарантированному получению государственного задания на их реализацию и повышению эффективности привлечения финансовых инвестиций от заказчика. Создание условий для увеличения количества обучающихся и числа реализуемых эффективных образовательных программ позволит привлечь больше финансовых ресурсов (на основе принципа нормативно-подушевого финансирования «деньги следуют за обучающимся и выбранной им образовательной программой») и повысить конкурентоспособность вузов, улучшая качество процесса обучения и гарантируя получение требуемого результата.

Говоря о самом термине «финансовое обеспечение», стоит отметить, что как такового определения финансового обеспечения в специфике образовательной деятельности в узком смысле не дается. Рассмотрим понятие финансового обеспечения в широком смысле слова.

Финансовое обеспечение воспроизводственного процесса по сути, является покрытием воспроизводственных затрат за счет внешних финансовых ресурсов. Снижение объема финансовых ресурсов, являющихся важнейшим денежным источником расширения производства, ограничивает возможности целенаправленного воздействия финансов на развитие экономики. Что в свою очередь, пагубно сказывается на состоянии соответствующей отрасли в целом. Известно, в формировании финансовых ресурсов участвуют все элементы стоимости валового общественного продукта, но основным источником является должен являться национальный доход.

---

[7] Закон Российской Федерации «Об образовании» редакция № 68 от 10.07.2012 // СПС Консультант Плюс.

[8] Там же.

Важным источником финансовых ресурсов могут быть доходы от внешнеэкономической деятельности, а также та часть национального богатства, которая вовлекается в хозяйственный оборот (переходящие остатки бюджетных средств, перенаправленные на покрытие расходов текущего года, выручка от реализации излишнего имущества, резервные фонды страховых организаций, а также, возможно, средства от продажи части золотого запаса страны и др.). Кроме того, для формирования финансовых ресурсов могут быть использованы заемные и привлеченные средства.

На микроуровне государства формируются нецентрализованные финансовые ресурсы, направляемые на покрытие затрат по расширению производства и удовлетворению социально-культурных запросов работающих граждан. Потребности общественного производства на макроуровне обеспечиваются за счет целенаправленно выделяемых финансовых ресурсов. Формами их направления и использования являются бюджетные и внебюджетные фонды.

Финансовое обеспечение воспроизводственных затрат может осуществляться в трех формах: самофинансирования, кредитования и государственного финансирования. Форма самофинансирования основана на использовании собственных финансовых ресурсов субъекта хозяйствования. При недостатке собственных средств, субъект может сократить свои расходы или воспользоваться заемными средствами, привлекаемыми с использованием операций с ценными бумагами или кредитования, когда расходы субъекта хозяйствования покрываются за счет банковской ссуды, предоставляемой на условиях срочности, платности и возвратности. Государственное финансирование производится на безвозвратной основе за счет средств бюджетных и внебюджетных фондов, формируемых на разных уровнях государственного управления в процессе распределения и перераспределения части национального дохода [2].

Финансовое обеспечение воспроизводственного процесса – покрытие затрат за счет финансовых ресурсов, аккумулируемых субъектами хозяйствования и государством – одно из важных направлений воздействия финансов на процессы общественного развития наряду с финансовым регулированием и финансовым стимулированием. Осуществляется в трех формах: самофинансирование, кредитование и государственное (безвозвратное) финансирование. Как такового полного определения, отражающего специфику деятельности государственного (муниципального) учреждения или вуза, не встречается. Из многообразия существующих определений можно сделать вывод, что под финансовым обеспечением вуза можно понимать финансовые отношения, возникающие в процессе образования, распределения и использования фонда финансовых ресурсов, направляемых на содержание и развитие вуза.

Таким образом, в термине «финансовое обеспечение» не оговариваются объемы выделяемых средств, их возмездный или безвозмездный характер, но основное значение этого понятия: предоставление средств для реализации основных задач, ради которых создаются те или иные учреждения. Финансовое обеспечение деятельности вуза – это покрытие затрат вуза за счет различных финансовых ресурсов.

В связи с чем хотелось бы выделить, что экономические отношения, функционирующие в отраслях непроизводственной сферы, представляют собой разнообразные по своему содержанию отношения распределения созданного в материальном производстве общественного продукта и национального дохода, опосредствующие производство и потребление нематериальных благ и услуг. Данный вид отношений выражает движение денежной формы стоимости: средств государственного бюджета, децентрализованных целевых денежных фондов, формируемых в отраслях материального производства, средств населения, превращенных в финансовое ресурсы непроизводственных отраслей, а также различных собственных доходов этих отраслей [3]. Вышеуказанные отношения относятся к финансовыми отношениями, и складываются по поводу функционирования разнообразных по своим источникам, назначению, порядку формирования и использования денежных фондов, следовательно, требуют детального исследования.

Проведенный обзор и анализ современной ситуации в области законодательства на рынке образовательных услуг показал что, по сути, процесс оказания образовательных услуг относится

к коммерческому предприятию и подчиняется всем правилам ведения бизнеса в данной сфере. Эта ситуация сформировалась в результате вступления в силу нового закона об образовании[9] [1], и требует коренного преобразования основ ведения деятельности, сопряженной с оказанием образовательных услуг.

Список литературы

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. – М., 1998. – С. 123.
2. Котельникова Е. Финансы. – URL: http://fictionbook.ru/author/ekaterina_kotelnikova/finansiy/
3. Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный центр образовательного законодательства». – URL: http://www.lexed.ru/comments/obrazovanie2/10.html

В редакцию материал поступил 18.10.12

Информация об авторах

Магомедов Гусейн Исмаилович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика бизнеса и финансы», «Астраханский государственный технический университет»
Адрес: 414025, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, тел. (8512) 614-125
E-mail: xuxu808@mail.ru

Мамыркин Дмитрий Юрьевич, старший преподаватель кафедры «Экономика и управление», Дмитровский филиал ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный технический университет»
Адрес: 141821, Московская область, Дмитровский р-н, пос. Рыбное
E-mail: mamyrkin.d@mail.ru

Карасев Герман Григорьевич, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика бизнеса и финансы», ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный технический университет»
Адрес: 414025, г. Астрахань, ул. Татищева 16, тел.: (8512) 614-125
E-mail: finance@astu.org

G.I. MAGOMEDOV,
Doctor of Economics, Professor
Astrakhan State Technical University,
D.YU. MAMYRKIN,
Senior Lecturer
Dmitrov branch of Astrakhan State Technical University,
G.G. KARASYOV,
Doctor of Economics, Associate Professor
Astrakhan State Technical University

FINANCIAL PROVISION OF EDUCATIONAL SYSTEMS OF HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION

The article views the organization-economic features of financial provision of the modern economic systems on the example of higher professional educational establishments. Market relations subjects in the sphere of higher professional education are characterized. Forms of financial provision are suggested.

Key words: financial provision; self-financing; educational service.

References

1. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* (Contract Law. General provisions). Moscow, 1998, p. 123.
2. Kotel'nikova E. *Finansy* (Finance), available at: http://fictionbook.ru/author/ekaterina_kotelnikova/finansiy/
3. http://www.lexed.ru/comments/obrazovanie2/10.html

[9] Закон Российской Федерации «Об образовании» редакция № 68 от 10.07.2012 // СПС Консультант Плюс.

Information about the authors

Magomedov Gusein Ismailovich, Doctor of Economics, Professor of the "Economics of Business and Finance" Chair, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishchev Str., 414025, Astrakhan, tel. (8512) 614-125

E-mail: xuxu808@mail.ru

Mamyrkin Dmitry Yuryevich, Senior Lecturer of "Economics and Management" Chair, Dmitrov branch of Astrakhan State Technical University

Address: Rybnoye settlement, Dmitrovskiy region, 141821, Moskovskaya oblast

E-mail: mamyrkin.d@mail.ru

Karasyov German Grigoryevich, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the "Economics of Business and Finance" Chair, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishchev Str., 414025, Astrakhan, tel.: (8512) 614-125

E-mail: finance@astu.org

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1:351.74

Г.Ю. НОСАНЕНКО,
кандидат политических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

В статье приведены основные тенденции развития России в конце XVII – начале XVIII вв. Охарактеризована специфика реформ, начатых Алексеем Михайловичем (Тишайшим), а затем продолженных Петром Великим.

Реформы Петра рассматриваются как эффективный инструмент модернизации России, превращения ее в империю и «полицейское государство».

Ключевые слова: абсолютизм; самодержавие; бюрократический аппарат; регулярная армия; церковный раскол; реформы; охрана правопорядка; общее благо; полицейское государство.

Современная российская действительность характеризуется значительными социально-экономическими и политическими переменами. Слом советского режима, необузданная демократия 1990-х гг., кризисы 1998 и 2008 гг. вновь поставили перед нашей страной вопрос об оптимальном соотношении индивидуальной свободы отдельной личности и интересов государства, призванного решать общие для всего населения задачи. Как оказалось, устранение государства от решения насущных проблем, ослабление его регулирующего воздействия на социальные процессы отрицательно сказалось на уровне жизни населения и его правовом статусе. Отсюда появилась востребованность таких государственных функций, как укрепление вертикали власти, усиление правопорядка, реформирование судебной и правоохранительной системы. Особо значимым политико-правовым институтом стал государственный контроль и надзор [1, с. 6], что позволило некоторым ученым говорить о формировании в современной России полицейского государства [2, с. 3].

В истории России уже был период, характеризовавший государство как абсолютистское и полицейское. Возвращаясь в прошлое, мы имеем возможность понять теоретические и практические истоки формирования в нашей стране полицейского государства и осознать особенности современного государственно-правового развития России.

Термин «полицейское государство» стал активно употребляться уже в конце XVIII – начале XIX вв., обозначая «сильное государство», регламентирующее и контролирующее в лице монарха все сферы жизни во имя всеобщего блага. Его основными признаками были: абсолютная монархическая власть, регулярная армия, разветвленный бюрократический аппарат и появление полицейских учреждений. Основной целью полицейского государства была государственная безопасность [3; с. 25]. В сущности полицейскому государству (Polizeistaad) периода абсолютизма предшествовал полицейский город (Polizeistadt) периода феодализма [4, с. 15]. После того как государственная власть в новых государствах Европы окрепла настолько, что могла расширить свою деятельность дальше заботы об одной лишь безопасности, в сфере внутреннего управления был найден подходящий термин о политии или о полиции, в отличие от деятельности той же государственной власти в сфере внешнего управления, т.е. политики [5, с. 63].

На Руси тезис о неделимости государственной власти был выработан в XVI в. Официальное

признание самодержавия произошло в начале XVII в. – в 1625 г., когда «царь известил воевод о том, что сделана по его указу новая государственная печать, больше прежней прибавлено на печати в подписи «самодержец» [6, с. 17].

Титул царя отражал не только его величие, но и все его владения. Так, после присоединения Украины (1653 г.) он звучал как «Божией милостью великий государь, царь и великий князь, всея Великие и Малые и Белые Руссии самодержец» [7, с. 32]. При Петре I прежние «великие государства Российского царствия» объединились во «Всероссийскую империю», а государь стал Императором всероссийским. Это означало, что царская власть больше не нуждалась в активной поддержке широких кругов дворянства и верхушки посада, на которую опиралась ранее. Абсолютный монарх отныне сам мог объявлять войну, заключать мир, вводить новые налоги, отменять старые и т.д.

Увеличение территории страны в XVI–XVII вв. потребовало изменений в структуре государственного аппарата. Появились постоянные полицейские органы из числа выборных людей – губных старост. Полиция сделалась предметом забот общей центральной власти, интересом общегосударственным. Начался процесс создания регулярной армии и военного сословия.

Во второй половине XVII в. существенные изменения произошли в социально-экономической жизни России. «Крестьяне окончательно прикреплялись к сельской государевой земле, посадские – к посадской, городской земле» [8, с. 19]. Сформировался всероссийский рынок. Повышение налогов (особенно налога на соль), усиление социального расслоения вызвали «громкий челобитный вопль земства, а за воплем недовольство, раздражение и восстания» [8, с. 25]. Эти процессы выдвинули на первый план задачу поддержания общественного порядка и безопасности. При этом сила карательных органов и армии выходила не первый план по отношению к управленческим и иным институтам государства. Это явствовало и из наглядного опыта западноевропейских монархий. Как отмечал К. Каутский: «Российский деспотизм тотчас же понял, какое большое значение могут иметь для него орудия власти западноевропейского абсолютизма, – постоянное войско и бюрократия, – и сейчас же ввел их у себя» [9, с. 10].

Сословная трансформация привела к увеличению в Боярской думе доли дворян и дьяков – выходцев не из аристократии, а из служилых людей среднего ранга и посадских. Ряд важных дел стал решаться в обход Думы на основе обсуждения лишь с некоторыми приближенными. Созданный при Алексее Михайловиче приказ Тайных дел вообще не контролировался Думой, а подчинялся непосредственно царю. Отменялось местничество. «Московская централизация начала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду в областях было введено воеводское управление, вместо прежнего выборного самоуправления и самосуда» [8, с. 17]. Образовалось особое сословие – служилое и приказное городовое дворянство.

Во второй половине XVII в. с усилением царской власти и началом приобретения ею абсолютистских черт появилось такое понятие, как «именной указ», т.е. законодательный акт, составленный царем без участия Боярской думы. В период правления царя Алексея Михайловича из 618 указов, данных со времени издания «Соборного уложения», 588 были именными [10, с. 99]. А при Петре I даже при наличии в стране актов общего характера российский чиновник предпочитал получать распоряжения от вышестоящих структур. Даже Сенату приходилось напоминать о необходимости разрешения дел на основе существующих законов без обращения к главе государства [11].

Происходящие изменения вызывали множество недовольств, которые нашли свое выражение в церковном расколе. По существу это был протест земства против поглощения его прав центральной властью.

В процессе спора «священства» с «царством» были развеяны все политические притязания церкви. Соборное Уложение 1649 г. запретило ликвидацию «белых» монастырских, патриарших, митрополичьих слобод в городах, что явилось ощутимым ограничением церковного землевладения. С этого времени начался процесс подчинения церкви государству, который завершается при Петре I ликвидацией патриаршества, созданием Святейшего Синода во главе со светским чиновником.

Теоретические постулаты самодержавия закреплялись в Соборном Уложении 1649 г., цар-

ских указах и уставных книгах приказов. Замена личного произвола законодательными нормами, подчеркивающими особый статус монарха подтверждало превращение царской власти в самодержавную (абсолютную). И, несмотря на то, что обеспечением правопорядка еще занималось множество лиц, а функции приказов пересекались и дублировались, отсутствовало четкое разграничение их компетенции и сами приказы действовали разрозненно, уже появились предпосылки для складывания единого бюрократического аппарата, служившего прочной опорой царской власти.

Фактическому происхождению и социальному положению соответствовало представление самодержца о государстве. Государство понималось как государево хозяйство, в состав которого входили различные классы населения. Все должно было подчиняться интересу хозяина земли; закон носил характер хозяйственного распоряжения [12, с. 15].

Эти взгляды обосновывались в господствовавших тогда теориях Ю. Крижанича, считавшего, что «народ – это воск, из которого можно и должно лепить, что хочешь» [13, с. 30] и И.Т. Посошкова, писавшего, что «только верховная власть, способная все регламентировать, может облагодетельствовать народ» [14, с. 101]. Неудивительно, что стремясь европеизировать Россию, Петр регламентировал даже мельчайшие сферы жизни, а весь XVIII в. пошел по стопам Петра и служил ареной борьбы старых и новых понятий [15, с. 23].

Первым и самым важным подражанием Петра Европе было укрепление идеи государства не с точки зрения старой вотчины, а со стороны западных понятий. Понятие «государево дело» стало понятием «государственное дело», Московская вотчина стала Российской империей, самодержавие личное – самодержавием государственным [15, с. 23].

Наиболее важной была военная реформа. Необходимость регулярного войска диктовалось ведением военных действий. Армия стала формироваться на основе всеобщей воинской повинности, поголовной для дворян (офицерский корпус), рекрутской для прочих сословий. Военные люди стали принадлежать исключительно военной службе. К концу царствования Петра I численность регулярных сухопутных войск достигла 210 тыс. и нерегулярных войск – 110 тыс. Флот состоял из 48 линейных кораблей; галер и других судов 787; на всех судах было почти 30 тыс. человек. С образованием регулярного войска центральная власть усилилась и превратилась в «императорский абсолютизм» [16, с. 42]. Новый принцип формирования армии сказался и на других областях жизни, прежде всего на сословиях.

Дворяне, как и раньше, обязаны были нести государеву службу (военную или гражданскую), только теперь ее срок был пожизненным. Вступающие на государственную должность принимали присягу – обязательство верно служить Отечеству и государю, отстаивать интересы, ответственно и добросовестно относиться к делу [17, с. 3]. Контролирующая функция возлагалась на Сенат, которому вменялось в обязанность следить, чтобы дворяне не уклонялись от службы, а со временем (1721) была введена особая должность – герольдмейстера, обязанного вести списки всех дворян и наблюдать за отбыванием ими службы.

По указу 1714 г. всякий «нетчик» (не явившийся на службу) терял все свое имущество, которое доставалось в награду доносившему о таком укрывании. По указу 1722 г. наказание еще более усиливалось – дворяне подвергались «шельмованию».

Запрещалось производить в офицеры дворян не служивших в солдатах. И, наоборот, с 1721 г. всякий рядовой, не дворянского происхождения, дослужившийся до офицерского чина, вместе с ним получал потомственное дворянство. Таким образом, с одной стороны, доступ в дворянство был открыт путем службы, с другой – дворянство обособилось как сословие и впервые в петровскую эпоху получило собственное название «шляхетство».

Высшим органом центрального управления при Петре становится Сенат. Над самим Сенатом с 1715 г. надзирал генерал-ревизор (обер-секретарь), с 1721 – штаб-офицеры гвардии, с 1722 – генерал-прокурор и обер-прокурор. Никакое решение Сената не имело силы без подписи генерал-прокурора.

Преобразуются и низшие органы управления: вместо приказов появились коллегии. Их реформирование было проведено в два этапа. С 1699 г. до начала 18 в. ряд приказов объединился под руководством одного лица с сохранением аппарата каждого приказа (44 приказа объединены в 25 самостоятельных учреждений). В связи с потребностями Северной войны возникло не-

сколько новых приказов – Артиллеристский, Адмиралтейский и др.

На втором этапе (1718–1720 гг.) большинство приказов было упразднено, образованы 12 коллегий. Коллегии подчинялись лишь царю и Сенату, а им подчинялся местный аппарат. С 1720 г. для коллегий был введен единый «Генеральный регламент» [18, с. 69].

Беря пример с прусского абсолютизма и французского цезаризма, Петр создает учреждения для ревизии деятельности администрации. Он издает указ «чтобы ему, Великому Государю, о трех делах известно было всегда» [19, с. 54] (вопросы государственного хозяйства, финансовые дела и государственный контроль). Для этого была введена должность фискала, подушная подать и проведена перепись населения (1718–1724 гг.).

Фискалы осуществляли негласный надзор за деятельностью учреждений: выявляли случаи нарушения указов и злоупотреблений и доносили об этом Сенату и царю. Жалованья они не получали: первые годы им отдавалась половина, а потом треть конфискованного имущества. Сенат рассматривал доносы фискалов ежемесячно по докладу Расправной палаты, которая состояла из четырех судей и двух сенаторов (существовала в 1712–1729 гг.) [20, с. 87].

Организация «души государства» – полиции осуществлялась на основе теории Кольбера [21, с. 56] о направляющей роли столицы для всей страны. Закреплялись полицейские функции, обязанности населения содействовать в осуществлении полицейских мероприятий, вводилась полицейская повинность для горожан.

Особое место в системе контроля принадлежало Тайной канцелярии – своего рода тайной полиции, ликвидированной в 1726 г. и Верховному тайному совету, а с 1731 г. – Канцелярии тайных розыскных дел.

Усиление власти прослеживалось и в создании Кабинета с личной канцелярией (1704–1727гг.) (военно-походной канцелярией), с помощью которого Петр поддерживал связь с Сенатом, Синодом, коллегиями и губернаторами, вел переписку. Сюда же поступали челобитные, жалобы, доносы [20, с. 77].

Переход к абсолютизму знаменовался и радикальной судебной реформой 1722 г., новыми чертами которой стали: коллегиальное устройство; попытки отделить судебную организацию и функция от административной; учреждение контроля за деятельностью судов со стороны специально учрежденных органов (прокуроров, фискалов, аудиторов); совмещение гражданской и военной юстиции. Однако высшей судебной инстанцией по-прежнему оставался монарх. Его компетенция в сфере судопроизводства была неограниченна. Параллельно с гражданской системой создавались военные суды.

Таким образом, возложение функций охраны правопорядка на все органы и должностные лица, сословия и каждое частное лицо в отдельности явилось еще одной отличительной чертой петровской России.

В целом компетенция и порядок деятельности органов и должностных лиц закреплялась уставами, регламентами, инструкциями и т.д., но о полной бюрократизации государственного аппарата можно говорить лишь с появлением Табеля о рангах. При этом для мировоззрения Петра было характерно отношение к государственному учреждению как к воинскому подразделению, отсюда – распространение в системе государственных учреждений военного законодательства. Ни до, ни после Петра в истории России не было издано такого огромного количества указов, обещавших смертную казнь за преступления по должности [21, с. 104].

В результате административных преобразований в России было завершено оформление абсолютной монархии. Император получил возможность неограниченно и бесконтрольно управлять страной при помощи полностью зависимых от него чиновников. «Государство стояло выше эгоистических частных интересов, выше этнических или религиозных различий, даже выше личности самого монарха» [22, с. 95].

Время реформ Петра I привело к созданию новой государственной модели. Это было абсолютистское государство, но в его построении переосмысление европейского опыта в российских условиях сыграло главенствующую роль по сравнению с развитием отечественных наработок и учетом опыта государственного реформирования второй половины XVII в. [10, с. 409]. По всем признакам Петровская Россия являлась «полицейским государством», а после смерти Петра I вновь встала перед выбором дальнейшего пути развития.

Список литературы

1. Пожарский Д.В. Контрольно-надзорная функция современного государства: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 224 с.
2. Гудков Л., Дубин Б. Милицейский произвол, насилие и «полицейское государство» // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». – 2004. – № 1.
3. Зонненфельс И. Начальные основания полиции или благочиния. – М., 1787. – 303 с.
4. Шпилевский М.М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. – Одесса, 1875. – 196 с.
5. Овсянников Ю.Н. «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 206 с.
6. Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. – СПб.: Жизнь и знание, 1910. – С. 4; 17.
7. Белковец Л.П., Белковец В.В. История государства и права России. – М., 2000. – 216 с.
8. Щапов А.П. Земство и расколъ. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1862. – 165 с.
9. Иванов В.А. Формирование и реформирование системы публичного управления и эволюции Российской государственности 18–19 вв. (историко-правовой аспект): дис. …канд. юрид. наук. – СПб, 2006. – 232 с.
10. Талина Г.В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII–первой четверти XVIII вв. – М.: Русскій Міръ, 2010. – 448 с.
11. Высочайшая резолюция на доклад от 12 января 1771 г. «Об окончании Сенату дел. На которыя существуют ясные законы, не делая по оным особых докладов ея Императорскому Величеству» // ПСЗ. – Т.19. – №13.555.
12. Ключевский В. Курс российской истории. Т.3. – М.: Историческая библиотека, 2002. – 290 с.
13. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. – М., 1897. – 376 с.
14. Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. – М.: Типография им. Воровского, 1937.
15. Захаров Н.А. Система русской государственной власти: юридическое исследование. – Новочеркасск: Электротип, 1912. – С. 23.
16. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1963. – Т. 18. – 546 с.
17. Государственная служба в России. Документы повествуют. – Н. Новгород, 1994. – С. 3–6.
18. Багер Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований. – М., 1985. – 275 с.
19. Бочковский Ф. Организация государственного контроля в России сравнительно с государствами Западной Европы. – СПб.: Типо-лит. А.Э. Винеке, 1895. – 118 с.
20. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. – 352 с.
21. Андреевский И.Е. Полицейское право: в 2 т. – 2-е изд. – СПб.: Типография В.В. Пратца, 1874–1876. – Т. 1. – 648 с.
22. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России: учебник для вузов. – М., 1997. – 592 с.

В редакцию материал поступил 03.05.12

Информация об авторе

Носаненко Галина Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: akudrjaschov@gmail.com

G.YU. NOSANENKO,

PhD (Politics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

PREREQUISITES OF FORMING A POLICE STATE IN RUSSIA

The article describes the main trends in Russia development in the end of 17th – beginning of the 18th c. The characteristic features of reforms started by Aleksey Mikhailovich (Tishaishiy) and continued by Peter the Great are described.

The Peter's reforms are viewed as an effective tool of Russia modernization, its turning into an Empire and "police state".

Key words: absolutism; autocracy; bureaucratic apparatus; regular army; church schism; reforms; law and order maintenance; common good; police state.

References

1. Pozharskii D.V. *Kontrol'no-nadzornaya funktsiya sovremennogo gosudarstva* (Controlling-supervisory function of the modern state). Moscow, 2004, 224 p.
2. Gudkov L., Dubin B. Militseiskii proizvol, nasilie i "politseiskoe gosudarstvo" (Militia lawlessness, violence and "police state"), *Al'manakh «Nevolya». Prilozhenie k zhurnalu «Indeks/Dos'e na tsenzuru»*, 2004, No. 1.
3. Zonnenfel's I. *Nachal'nye osnovaniya politsii ili blagochiniya* (Initial bases of police or discipline). Moscow, 1787, 303 p.
4. Shpilevskii M.M. *Politseiskoe pravo kak samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya* (Police law as an independent branch of law studies). Odessa, 1875, 196 p.

5. Ovsyannikov Yu. N. “Politseiskoe pravo” v istorii pravovoi mysli Zapadnoi Evropy i Rossii (“Police law” in the history of legal thought of Western Europe and Russia). Saint Petersburg, 2002, 206 p.

6. Ol'minskii M. S. *Gosudarstvo, byurokratiya i absolyutizm v istorii Rossii* (State, bureaucracy and absolutism in the history of Russia). Saint Petersburg: Zhizn' i znanie, 1910, pp. 4; 17.

7. Belkovets L.P., Belkovets V.V. *Istoriya gosudarstva i prava Rossii* (History of state and law in Russia). Moscow, 2000, 216 p.

8. Shchapov A.P. *Zemstvo i raskol* (Zemstvo and schism). Saint Petersburg: Tipografiya tovarishchestva “Obshchestvennaya pol'za”, 1862, 165 p.

9. Ivanov V.A. *Formirovanie i reformirovanie sistemy publichnogo upravleniya i evolyutsii Rossiiskoi gosudarstvennosti 18–19 vv. (istoriko-pravovoi aspekt)* (Formation and reformation of the system of public management and evolution of the Russian statehood of the 18th-19th cc (historical-legal aspect)). Saint Petersburg, 2006, 232 p.

10. Talina G.V. *Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny XVII–pervoi chetverti XVIII vv.* (Choice of way: Russian autocracy of the second half of the 17th – first half of the 18th cc.). Moscow: Russkii Mir, 2010, 448 p.

11. Vysochaishaya rezolyutsiya na doklad ot 12 yanvarya 1771 g. “Ob okonchanii Senatu del. Na kotoryya sushchestvuyut yasnye zakony, ne delaya po onym osobykh dokladov eya Imperatorskomu Velichestvu” (The Highest resolution of the report of January 12, 1771 “On finishing cases by the Senate, for which there are clear laws, not to make special reports on them to Her Majesty the Empress”), *PSZ*, T. 19, No. 13, 555.

12. Klyuchevskii V. *Kurs rossiiskoi istorii* (A course in Russian history), T. 3. Moscow: Istoricheskaya biblioteka, 2002, 290 p.

13. Tarasov I.T. *Ocherk nauki politseiskogo prava* (A sketch of the science of police law). Moscow, 1897, 376 p.

14. Pososhkov I.T. *Kniga o skudnosti i bogatstve* (A book on bareness and riches). Moscow: Tipografiya im. Vorovskogo, 1937.

15. Zakharov N.A. *Sistema russkoi gosudarstvennoi vlasti: yuridicheskoe issledovanie (*The system of Russian state power: legal research). Novocherkassk: Elektrotip, 1912, p. 23.

16. Solov'ev S.M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen* (History of Russia since ancient times). Moscow, 1963, T. 18, 546 p.

17. *Gosudarstvennaya sluzhba v Rossii. Dokumenty povestvuyut* (State service in Russia. Documents are speaking). Nizhnii Novgorod, 1994, pp. 3–6.

18. Bager Kh. *Reformy Petra Velikogo: obzor issledovanii* (Reforms of Peter the Great: review of researches). Moscow, 1985, 275 p.

19. Bochkovskii F. *Organizatsiya gosudarstvennogo kontrolya v Rossii sravnitel'no s gosudarstvami Zapadnoi Evropy* (Organization of the state control in Russia comparing with the Western European states). Saint Petersburg: Tipo-lit. A.E. Vineke, 1895, 118 p.

20. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* (History of state establishments of prerevolutionary Russia). Moscow, 1983, 352 p.

21. Andreevskii I.E. *Politseiskoe pravo* (Police law). Saint Petersburg: Tipografiya V.V. Prattsa, 1874–1876. T. 1, 648 p.

22. Munchaev Sh.M., Ustinov V.M. *Istoriya Rossii* (History of Russia). Moscow, 1997, 592 p.

Information about the author

Nosanenko Galina Yuryevna, PhD (Politics), Associate Professor of the Chair of theory and history of state and law, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan 420111, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: akudrjaschov@gmail.com

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.191

А.Г. ДЕМИЕВА,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный университет

О СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В статье рассматриваются правовые средства, обеспечивающие осуществление предпринимательской деятельности без образования юридического лица. Оцениваются общетеоретические понятия «правовые средства» и «правовое обеспечение», раскрываются особенности правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности в определенной системе. Обосновывается комплексное применение частноправовых и публично-правовых средств, направленное на эффективную реализацию субъективных прав.

Ключевые слова: правовые средства; правовое обеспечение; система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица; элементы системы правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности; принципы системы правовых средств обеспечения индивидуальной предпринимательской деятельности.

В современных условиях государственное регулирование в сфере предпринимательства должно основываться на определенной системе правовых средств. К сожалению, у отечественного законодателя еще нет четко выработанной системы правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности, в том числе и без образования юридического лица. В связи с этим возникает вопрос: что представляет собой система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности в целом и система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица, и каково ее содержание.

По мнению А.В. Малько, понятие «правовые средства» позволяет обобщить все те явления (инструменты и процессы), которые призваны обеспечивать достижение поставленных в законодательстве целей. Главное в теории правовых средств то, какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значимых результатов [1, с. 4].

Правовое средство как понятие призвано обозначать собой, прежде всего, функциональную, прикладную сторону правовой системы. «Вопрос правовых средств, – отмечает С.С. Алексеев, – не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе – их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач <...> во всех случаях перед нами фрагменты правовой действительности, рассматриваемые под углом зрения их функций, их роли как инструментов юридического воздействия» [2, с. 218].

В юридической науке разработаны различные определения правовых средств. Так, например, одни исследователи под правовыми средствами понимают институциональные явления правовой

действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, которым принадлежит роль ее активных центров [3, с. 87]. Другие считают, что правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [4, с. 66–67].

С точки зрения С.С. Алексеева, правовые средства – это «объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовывать потенциал права, его силу» [2, с. 223].

В.А.Сапун определяет правовые средства как инструментальные образования (установления, формы) правовой действительности, которые в своем реальном функционировании, использовании в процессе специальной правовой деятельности приводят к достижению определенного результата в решении социально-экономических, политических, нравственных и иных задач и проблем, стоящих перед обществом и государством на современном этапе [5, с. 56].

К.В. Шундиков отмечает, что само понятие «средство» этимологически происходит от слов «средний», «срединный», «посредник» и означает те явления, которые выступают посредниками между идеальной (мысленной) моделью результата (т.е. целью) и реальным практическим результатом. Следовательно, категория «средство» изначально несет в своем содержании представления и о цели, и о будущем результате. В свою очередь цели и результаты всегда заключают в себе определенную информацию о средствах и способах своей реализации» [6, с. 22].

А.А. Койчуев указывает, что правовые средства имеют отличительные признаки, которые заключаются в следующем: представляют собой юридические способы обеспечения интересов субъектов права; сочетаясь воедино, они выступают основными «работающими частями» действия права, правового регулирования, правовых режимов; имеют юридическую силу и поддерживаются государством [7, с. 76].

Правовые средства – это многоуровневая категория. К ним относятся, в первую очередь, нормы права, индивидуальные правовые предписания, право в целом. Второй уровень связан с правоприменительной стадией. Здесь используются такие правовые средства, как, например, договор, недоговорное обязательство, меры имущественной ответственности. Правовые средства как совокупность способов и приемов действий, совершаемых в определенной последовательности, могут быть представлены на третьем уровне. Их специфика заключается в формуле «средства в средстве» [8, с. 12].

В самом общем виде правовые средства – это все те юридические инструменты, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных правовых целей. Цели эти могут быть различными, но, в конечном счете, они сводятся к справедливой упорядоченности общественных отношений [9, с. 362].

Таким образом, правовые средства – это юридические инструменты (юридические способы, нормы и принципы права, правоотношения, правоприменительные акты, договоры, юридические факты, субъективные права и юридические обязанности, запреты, льготы, меры поощрения и наказания и др.), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение поставленных правовых целей и происходит эффективное правовое воздействие на общественные отношения.

Оценивая общетеоретическое понятие «правовые средства», можно обратить внимание на следующие особенности правовых средств государственного регулирования предпринимательской деятельности:

В системе правовых средств регулирования предпринимательской деятельности важную роль играет взаимодействие частноправовых и публично-правовых средств.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности зачастую проявляется в виде правоприменения.

Государственное регулирование в исследуемой области должно происходить в рамках определенного юридического процесса или юридических процедур (лицензирование, государственная регистрация и т.д.).

Далее следует обратить внимание на категорию «обеспечение». Указанный термин носит межотраслевой характер, в силу чего широко применяется, в частности, и в гражданском, граждан-

ско-процессуальном, уголовно-процессуальном, семейном праве и т.д.

Гражданский кодекс РФ [9] содержит упоминание категории «обеспечение», например, применительно к обязанностям опекунов и попечителей (ст. 36), применительно к юридическому лицу (ст. ст. 102, 120), при определении права ограниченного пользования чужим земельным участком (ст. 274), в институте исполнения обязательств (гл. 23).

Содержание категории «обеспечение» в юридической науке определяется по-разному. Так, например, по мнению В.С. Белых, правовое обеспечение осуществляется посредством применения системы общеобязательных норм и ненормативных правовых средств[1].

Правовое обеспечение есть совокупность правовых средств, создающих условия и гарантирующих эффективную реализацию субъективных прав.

Таким образом, система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица – это совокупность нормативно закрепленных преимущественно частноправовых (гражданско-правовые договоры, гражданско-правовая ответственность и др.), а также публично-правовых (государственная поддержка, правоприменительные акты и др.), применяемых в комплексе инструментов, направленных на создание условий для реализации субъективного права на непосредственное осуществление предпринимательской деятельности, в том числе на повышение ее эффективности.

Основными элементами системы правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица являются:

Гражданско-правовые процедурные средства обеспечения, включающие в себя средства приобретения физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя и прекращение предпринимательской деятельности без образования юридического лица.

Правовые средства, обеспечивающие осуществление предпринимательской деятельности без образования юридического лица (договорные и внедоговорные средства).

Таким образом, можно заключить, что система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица имеет следующие основные цели:

– достижение эффективности правового регулирования индивидуальной предпринимательской деятельности;

– удовлетворение совокупности взаимосвязанных публичных и частных интересов в данной области предпринимательского права.

Следует отметить, что система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица помимо средств гражданского и предпринимательского права включает в себя средства административного, финансового, налогового права. Однако, принимая во внимание правоотношения, регулируемые гражданским законодательством, в том числе отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием (п. 1. ст. 2 ГК РФ), указанная система в большей части основана на средствах частного права. Иные же средства публичного характера занимают незначительное место в обозначенной системе.

Система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица строится на определенных принципах: 1) законности; 2) единства и дифференциации гражданских правоотношений; 2) ограничения гражданских прав возможно только на основании федерального закона; 3) свободы средств осуществления предпринимательской деятельности и др. При этом основным принципом указанной системы является принцип сбалансированности частноправового и публично-правового стимулирования и правового ограничения.

Таким образом, можно заключить, что система правовых средств обеспечения предпринимательской деятельности без образования юридического лица имеет следующие основные цели:

– достижение эффективности правового регулирования индивидуальной предпринимательской деятельности;

– удовлетворение совокупности взаимосвязанных публичных и частных интересов в данной области предпринимательского права.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. Часть первая (с изм. от 6 декабря 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Список литературы

1. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. – 1999. – № 3. – С. 4.
2. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е изд. – М., 1995. – С. 218.
3. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М., 1984. – С. 87.
4. Малько А.В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–67.
5. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. … д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 56.
6. Шундиков К.В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. – 2002. – № 2 (241). – С. 22.
7. Койчуев А.А. Гражданско-правовые средства регулирования оборота ценных бумаг: дис. … канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – С. 76.
8. Белых В.С. Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1994. – С. 12.
9. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2004. – С. 362.

В редакцию материал поступил 12.08.12

Информация об апвторе

Демиева Айнур Габдульбаровна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, Кремлевская, 18, тел.: (843) 231-51-36

E-mail: ainuraa@bk.ru

A.G. DEMIYEVA,

PhD (Law), Senior Lecturer

Kazan (Volga) Federal University

ON THE SYSTEM OF LEGAL MEANS OF PROVIDING ENTREPRENEURSHIP ACTIVITY WITHOUT FORMING THE LEGAL PERSON

The article views the legal means providing the carrying out of entrepreneurship activity without forming the legal person. The theoretical notions “legal means” and “legal provision” are estimated, the features of legal means providing the entrepreneurship activity in a certain system are revealed. The complex application of private-law and public-law means is grounded, which is aimed at efficient realization of subject rights.

Key words: legal means; legal provision; system of legal means of providing the entrepreneurship activity without forming the legal person; elements of the system of legal means of providing the entrepreneurship activity; principles of system of legal means of providing the individual entrepreneurship activity.

References

1. Mal'ko A.V. *Pravovye sredstva kak obshcheteoreticheskaya problema* (Legal means as general theoretical issue), Pravovedenie, 1999, No. 3, p. 4.
2. Alekseev S.S. *Teoriya prava* (Theory of law). Moscow, 1995, p. 218.
3. Puginskii B.I. *Grazhdansko-pravovye sredstva v khozyaistvennykh otnosheniyakh* (Civil-legal means in economic relations). Moscow, 1984, p. 87.
4. Mal'ko A.V. Pravovye sredstva: voprosy teorii i praktiki (Legal means: issues of theory and practice), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 1998, No. 8, pp. 66–67.
5. Sapun V.A. *Teoriya pravovykh sredstv i mekhanizm realizatsii prava* (Theory of legal means and mechanism of law realization). Nizhnii Novgorod, 2002, p. 56.
6. Shundikov K.V. Instrumental'naya teoriya prava – perspektivnoe napravlenie nauchnogo issledovaniya (Tool theory of law – prospective direction o f academic research), *Pravovedenie*, 2002, No. 2 (241), p. 22.
7. Koichuev A.A. *Grazhdansko-pravovye sredstva regulirovaniya oborota tsennykh bumag* (Civil-legal means of regulation of securities circulation), Stavropol', 2005, p. 76.
8. Belykh V.S. *Grazhdansko-pravovoe obespechenie kachestva produktsii, rabot i uslug* (Civil-legal provision of the quality of products, works and services). Ekaterinburg, 1994, p. 12.
9. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law). Moscow: Zertsalo, 2004, p. 362.

Information about the author

Demiyeva Ainur Gabdul’barovna, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Civil and Entrepreneurship Law, Kazan (Volga) Federal University

Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 231-51-36

E-mail: ainuraa@bk.ru

УДК 347.4

К.В. КОСТИНА,

соискатель

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АБОНЕНТСКОГО НОМЕРА В СЕТЯХ ПОДВИЖНОЙ РАДИОТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В статье исследуются отдельные правовые проблемы сохранения абонентского номера при смене оператора подвижной связи в Российской Федерации; предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: подвижная связь; услуги; номер; конкуренция; охрана прав потребителей.

В настоящее время подвижная радиотелефонная связь («сотовая связь», «мобильная связь») – это наиболее современная и быстро развивающаяся область телекоммуникаций во всем мире. По состоянию на первый квартал 2012 г. объем оказанных населению России услуг подвижной радиотелефонной связи составил 89,5% от общего объема оказываемых услуг связи [1]. Согласно прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 г. и плановому периоду 2013–2014 гг., доля данного вида услуг связи на потребительском рынке будет оставаться стабильно высокой [2].

Вместе с тем сложившийся в России рынок подвижной радиотелефонной связи представляется возможным охарактеризовать следующим образом: существуют несколько крупных операторов связи, осуществляющих свою деятельность практически на всей территории России, и ряд операторов связи, оказывающих свои услуги на территории одного или нескольких субъектов (региональные операторы); крупные участники рынка обладают, как правило, собственной инфраструктурой сетей связи, осуществляют ее систематическое инвестирование в целях дальнейшего развития и внедрения новых технологий; в ряде субъектов страны наблюдается наличие на рынке доминирующего оператора, под влиянием которого устанавливаются тарифы на услуги.

Указанные факторы дают основание заключить, что российский рынок подвижной радиотелефонной связи на современном этапе развития представляет собой олигополию.

В связи с чем особо актуальным видится принятие мер, направленных на стимулирование развития конкуренции в данном сегменте рынка. Кроме того, развитие добросовестной конкуренции операторов связи является одним из особо эффективных инструментов охраны прав потребителей услуг подвижной радиотелефонной связи.

Так, согласно перечню поручений Президента Российской Федерации по вопросу развития конкуренции и предпринимательства от 27.04.2012 № Пр-1092 [3], был задан курс на внедрение такого дополнительного инструмента обеспечения роста конкуренции в сфере оказания услуг подвижной радиотелефонной связи, как право абонента сохранять выделенный ему абонентский номер при смене оператора подвижной связи (принцип «переносимости номера»).

Нормативное закрепление данный инструмент впервые получил в Проекте федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 7.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [4] (далее – ФЗ «О связи), разработанном Министерством связи и массовых коммуникаций РФ во исполнение указанного поручения.

Так, согласно п.п. 2, 3 ст. 1 данного проекта, абонент подвижной радиосвязи будет обладать правом на сохранение на безвозмездной основе абонентского номера при заключении договора на оказание услуг подвижной радиосвязи с другим оператором связи[1].

Под переносимостью номера *(Mobile Number Portability (MNP)*, согласно сложившейся мировой практике операторов подвижной радиотелефонной связи, понимается возможность сохране-

[1] Проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 7.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи». – URL: ttp://minsvyaz.ru/ru/news

ния абонентского номера при смене абонентом оператора связи. Следует отметить, что данный инструмент уже достаточно активно применяется при оказании услуг связи в США, Канаде, Бразилии, Австралии, Гонконге, Индии, Египте и некоторых других странах.

Применительно к России следует отметить, что в целом отсутствуют как технические исследования, так и комплексные доктринальные цивилистические исследования по этой теме. Вместе с тем в последнее время предпринимаются попытки фрагментарных исследований отдельных аспектов сохранения абонентского номера в сетях подвижной радиотелефонной связи России [5].

Для обеспечения эффективной реализации указанного права российскими потребителями услуг подвижной радиотелефонной связи необходимо решить ряд проблем не только технического (модернизация сетевой инфраструктуры, создание и ведение специальной базы данных, техническое сопровождение маршрутизации вызовов), экономического (возмещение единовременных и текущих затрат на модернизацию и организацию процесса переноса номера), но и правового характера.

1. Проблема систематизации и совершенствования действующего законодательства о связи.

Для обеспечения реализации права абонента на сохранение номера требуется внести изменения не только в ФЗ «О связи», но и в ряд других нормативных правовых актов.

В настоящее время ресурсы нумерации выделяются и закрепляются за соответствующими операторами связи, которые выделяют их абонентам. Передача ресурса нумерации или его части от одного оператора к другому допускается только по основаниям, предусмотренным ФЗ «О связи» и с согласия федерального органа исполнительной власти в области связи.

Действующие Правила оказания услуг местной, внутризоновой, междугородной и международной телефонной связи, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 18.05.2005 № 310[2] и Правила оказания услуг подвижной связи, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 25.05.2005 № 328[3], в действующих редакциях не предусматривают обеспечения сохранения абонентского номера при смене оператора связи. Следовательно, необходимо включить в данные акты ряд норм, детализирующих механизм предоставления абоненту такого права.

Представляется необходимым разработать и закрепить в Постановлении Правительства РФ от 13.07.2004 № 350 «Об утверждении Правил распределения ресурсов нумерации единой сети электросвязи Российской Федерации»[4] новую процедуру передачи абонентских номеров, учитывающую порядок передачи отдельного абонентского номера в приемлемые для абонента сроки.

В настоящее время предусматривается передача от одного оператора к другому только блоков номеров, которая занимает продолжительный срок, например, только рассмотрение заявление на получение ресурса нумерации может составить 50 дней.

Кроме того, согласно представленному проекту, не определена территория (зона «переносимости номера»), на которой абонентам можно будет воспользоваться указанным правом. Целесообразно предусмотреть, что абонент подвижной радиотелефонной связи вправе сохранить выделенный ему абонентский номер при переходе к другому оператору связи на всей территории Российской Федерации.

2. Проблема обеспечения соблюдения и защиты прав потребителей услуг подвижной радиотелефонной связи (абонентов-граждан).

Согласно ч.ч. 2, 3 ст. 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»[5], запрещается каким-либо образом ограничивать право

---

[2] Об утверждении Правил оказания услуг местной, внутризоновой, междугородной и международной телефонной связи: Постановление Правительства РФ от 18.05.2005 № 310 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 2030.

[3] Об утверждении Правил оказания услуг подвижной связи: Постановление Правительства РФ от 25.05.2005 г. № 328 // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 22. – Ст. 2133.

[4] Об утверждении Правил распределения и использования ресурсов нумерации единой сети электросвязи Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 13.07.2004 № 350 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 29 – Ст. 3056.

[5] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

потребителя на свободный выбор товаров (работ, услуг), обусловливать приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг). Продавец (исполнитель) не вправе без согласия потребителя выполнять дополнительные работы, услуги за плату.

Сложившаяся практика российских операторов подвижной связи показывает, что потребитель при обращении к представителю оператора с целью заключения договора оказания услуг подвижной связи имеет возможность выбрать по своему усмотрению будущий абонентский номер. Большое распространение в последнее время получили дополнительные услуги операторов связи, позволяющие выбрать потребителю абонентский номер с комбинацией цифр, имеющих индивидуальную смысловую нагрузку для конкретного потребителя. Обозначенное позволяет сделать вывод о крайней заинтересованности большинства потребителей услуги в сохранении своего абонентского номера при переходе к другому оператору связи. В связи с чем недопустимым видится принятие со стороны операторов связи мер заградительного характера (повышение тарифов на услуги связи, введение крупных разовых сборов для осуществления переноса номера). Предоставление права на сохранение номера не должно быть связано с навязыванием оператором связи дополнительных услуг как непосредственно связанных с услугами подвижной радиотелефонной связи, так и не связанных с ними.

Реализация права абонентов услуг подвижной радиотелефонной связи на сохранение номера в сетях подвижной радиотелефонной связи должна быть гарантированной, эффективной, свободной и недискриминационной.

Подводя итог, следует отметить, что принцип переносимости номера может стать одним из эффективных механизмов создания конкурентной среды на рынке услуг связи, заставляющих оператора связи заботиться об интересах абонентов в целях предупреждения оттока к другим операторам.

Данная мера представляет потребителю дополнительную возможность выбора, способствует принятию быстрого решения о смене оператора в пользу оператора подвижной связи, выставившего лучшие условия обслуживания.

Дополняя вышеизложенное, следует отметить, что с закреплением законодателем рассмотренного права абонента абонентский номер в настоящее время приобретает значение особого нематериального объекта гражданских прав, обладающего следующими особенностями:

– неотделим от услуги подвижной радиотелефонной связи;

– позволяет однозначно идентифицировать конкретного абонента сети связи;

– распоряжение им как оператором связи, так и абонентом возможно лишь в ограниченном порядке.

Список литературы

1. Федеральная служба государственной статистики РФ. – URL: http://www.gks.ru

2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и плановый период 2013–2014 гг. // Минэкономразвития РФ. – URL: http://www.economy.gov.ru

3. Официальный сайт Президента РФ. – URL: http://президент.рф

4. Министерство связи и массовых коммуникаций России. – URL: ttp://minsvyaz.ru/ru/news

5. Васильев Ю.А. О базе сохранения номеров и ее финансировании // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2012. – № 4.

В редакцию материал поступил 24.09.12

Информация об авторе

Костина Ксения Вячеславовна, соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел. (843) 268 32 65

E-mail: kseniya_kostina@mail.ru

K.V. KOSTINA,

applicant

Kazan (Volga) Federal University

LEGAL ISSUES OF KEEPING SUBSCRIBER NUMBER IN THE MOBILE RADIOTELEPHONE NETWORKS

The article investigates certain legal issues of keeping the subscriber number when changing the mobile operator in the Russian Federation, and suggests ways of their solution.

Key words: mobile connection; services; number; competition; consumer rights protection.

References

1. http://www.gks.ru

2. Prognoz sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na 2012 god i planovyi period 2013–2014 gg. (Prediction of the social-economic development of the Russian Federation for 2012 and planning period of 2013–2014), *Minekonomrazvitiya RF*, available at: http://www.economy.gov.ru

3. http://prezident.rf

4. http://minsvyaz.ru/ru/news

5. Vasil'ev Yu.A. O baze sokhraneniya nomerov i ee finansirovanii (On the base of number keeping and its financing), *Uslugi svyazi: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie*, 2012, No. 4.

Information about the author

Kostina Kseniya Vyacheslavovna, applicant of the Civil and Entrepreneurship Law Chair, Kazan (Volga) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420111, Kazan, tel.(843) 268 32 65
E-mail: kseniya_kostina@mail.ru

УДК 347.21

М.Г. КРАСНОВА,

соискатель

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ДОГОВОРОВ ПО ПЕРЕДАЧЕ ИМУЩЕСТВА В СОБСТВЕННОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: ЛАТВИИ, ЛИТВЕ, ЭСТОНИИ

В статье освещается понятие договоров по передаче имущества в собственность, приводится классификация данного вида договоров на подвиды. Исследование произведено в виде сравнительного анализа законодательств Российской Федерации и Балтийских государств для выявления сходств и различий между институтами договорного права указанных стран, на основании которого был выявлен ряд отличий между законодательствами.

Ключевые слова: сравнительный анализ; договор; собственность; Балтийские государства.

На применение такого метода исследования, как сравнительный анализ, актуального для изучения правовых систем и их особенностей, обращали внимание многие ученые [1, с. 155–157]. Правовая система России, как и Балтийских государств, в середине XX столетия формировалась под влиянием социалистического права. Это означает, что законодательство всех этих государств должно было строиться на единых принципах и началах, тем более что Латвия, Литва и Эстония, как и Россия, входили в состав единого государства – Союза Советских Социалистических Республик и относятся к одной подгруппе стран – постсоветским государствам.

Система права и в России, и в Балтийских государствах находится на стадии формирования и совершенствования. Гражданское законодательство, действующее в данный момент в Латвии, Литве и Эстонии, было принято недавно (в Литве действующий Гражданский кодекс был принят в 2000 г., в Эстонии ряд законов основных законов о гражданском праве были приняты в период с 1993 по 2001 гг. В Латвии идет процесс внесения поправок ранее к Гражданскому закону 1937 г.) и находится в стадии развития. Законодательству Балтийских государств необходим периодический пересмотр и приведение в соответствие с изменяющимися условиями. В этих целях законодательными органами стран должны предоставляться проекты возможных изменений в законодательство стран. Одним из примеров совершенствования законодательства в является Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России [2, с. 3], не имеющая аналогов в зарубежном законодательстве.

Латвия, Литва, Эстония и Российская Федерация относятся к одной правовой семье – континентальной, следовательно, производить сравнение при исследовании отдельных аспектов правовой системы возможно лишь при наличии общих институциональных оснований правовых систем [3, с. 13–14].

На основании того, что данные государства одной подгруппы стран – постсоветских государств, можно сделать вывод, что у законодательства и Российской Федерации, и Балтийских государств есть общие начала, которые сохраняются по настоящее время. Однако после распада СССР законодательства РФ и этих государств претерпели определенные изменения, причем характер изменений различен.

Для анализа изменений в законодательстве рассмотрим договоры по передаче имущества в собственность, так как данный вид договоров является традиционным и получил в настоящее время широкое распространение [4, с. 316].

По договору передачи имущества в собственность одна сторона обязуется принять имущество, а другая – исполнить возложенные на нее по договору обязательства. Под данное определение договора подпадают 4 разновидности договоров: договор купли-продажи, договор мены, договор дарения и договор ренты. Все перечисленные разновидности договоров по передаче имущества в собственность содержатся в законодательствах Российской Федерации и Балтийских государств.

Договоры по передаче имущества в собственность регулируются гл. 30–33 Гражданского кодекса РФ[1] (далее – ГК РФ), гл. 11 и 13 Гражданского закона Латвии[2] (далее – ГЗ Латвии), гл. 23–27 Гражданского кодекса Литвы[3] (далее – ГК Литвы), гл. 11, 12, 14 и ч. 5 Обязательственно-правового закона Эстонии[4] (далее – ОПЗ Эстонии).

Все 4 разновидности договоров имеют свои особенности. Договор купли-продажи предполагает передачу вещи (товара) в собственность при уплате определенной денежной суммы (цены). Также обязательным признаком договора купли-продажи является то, что вещь предоставляется иждивением продавца. Отличительным признаком договора мены является то, что по данному договору происходит обмен вещами (товарами). Договор дарения от других договоров по передаче имущества в собственность отличает лично-доверительный (фидуциарный) характер, а также передача на безвозмездной основе в собственность имущества, передаваемого по договору дарения. Договор ренты, иначе именуемый как договор купли-продажи с содержанием продавца по законодательству отдельных государств, имеет ряд следующих особенностей: данный вид договора всегда требует нотариального удостоверения, носит лично-доверительный (фидуциарный) и алеаторный (основанный на риске) характер. Также в договоре ренты находит отражение встречный характер удовлетворения при отчуждении имущества в виде рентных платежей, оцененный сторонами размер которых равен стоимости отчуждаемого имущества, и обязанность одной стороны предоставить содержание другой стороне данного договора. Все данные характеристики присущи договорам по передаче имущества в собственность во всех перечисленных государствах.

Каждая из данных разновидностей договоров имеет несколько видов, выделяемых на основании особенностей (по субъектному составу, объекту и пр.) присущих каждому из видов договоров. Таким образом, можно выделить ординарные и специфические виды договоров по передаче имущества в собственность. Ординарные виды купли-продажи, мены, дарения, ренты регулируются ст. 454, п. 1 ст. 567, п. 1 ст. 572, п. 1 ст. 583 ГК РФ ст. 2002, ст. 2091, ст. 1912 ГЗ Латвии, ст. 6.305, ст. 6.432, п. 1 ст. 6.465, ст. 6.439 ГК Литвы, ст. 208, п. 1 ст. 254, п. 1 ст. 259 ОПЗ Эстонии. ГК Латвии и ОПЗ Эстонии не содержат ординарного определения договора ренты, а содержат лишь определения отдельных его видов. Также законодательства Российской Федерации и Балтийских государств содержат большое количество специфических видов договоров по передаче имущества в собственность. Так, согласно гражданскому законодательству РФ, Латвии, Литвы и Эстонии, выделяются следующие специфические виды договоров купли-продажи: розничная (потребительская) купля-продажа (ст. 492 ГК РФ, ст. 6.350 ГК Литвы, п. 4 ст. 208 ОПЗ Эстонии), поставка товаров (ст. 506 ГК РФ, ст. 2107 ГЗ Латвии, ст. 6.371 ГК Литвы), поставка товаров для государственных и муниципальных нужд (ст. 525 ГК РФ, ст. 6.380 ГК Литвы), контрактация (ст. 535 ГК РФ)[5], энергоснабжение (ст. 539 ГК РФ, ст. 6.383 ГК Литвы, п. 3 ст. 208 ОПЗ Эстонии), продажа недвижимости (ст. 549 ГК РФ, ст. 6.392 ГК Литвы), продажа предприятия (ст. 559 ГК РФ, ст. 6.402 ГК Литвы), купля-продажа с правом выкупа (ст. 2054 ГЗ Латвии, ст. 6.417 ГК Литвы, ст. 238 ОПЗ Эстонии), купля-продажа с испытанием или осмотром (пробная купля-продажа) (ст. 2064 ГЗ Латвии, ст. 235 ОПЗ Эстонии), купля-продажа по дружбе (ст. 2015 ГЗ Латвии), купля-продажа на удачу (ст. 2009 ГЗ Латвии), купля-продажа планируемого дома или квартиры (ст. 6.401 ГК Литвы), продажа с использованием преимущественного права покупки (ст. 244 ОПЗ Эстонии).

[1] Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон РФ: ч. 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ с изм. и доп. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

[2] Латвийская Республика. Законы. Гражданский кодекс Латвийской Республики: Закон ЛР от 28 января 1937 г. с изм. и доп. // Zinotajs. – 1992. – № 4/5.

[3] Литовская Республика. Законы. Гражданский кодекс Литовской Республики: Закон ЛР от 18 июля 2000 г. с изм. и доп. // Valstybės žinios. – 2000 . – № 74-2262.

[4] Эстонская Республика. Законы. Обязательственно-правовой закон Эстонской республики: Закон ЭР от 26 сентября 2001 г. с изм. и доп. // Riigi Teataya. – 2001. – № 81. – С. 487.

[5] Данный вид договора купли-продажи является специфическим и выделяется отдельно только в ГК РФ, но некоторые ученые относят данный вид к специфическим договорам поставки [6, с. 44].

Из приведенного примера видно, что каждому из государств присущи свои специфические виды договоров. Отдельные из них являются новеллами в гражданском законодательстве, например, договор контрактации в РФ, другие, наоборот, взяты из ранее действовавшего законодательства – такие как купля-продажа по дружбе и купля-продажа наудачу в ГЗ Латвии. Отдельно стоит отметить, что законодательством РФ и Литвы выделяется отдельный вид договора мены как мена неравноценных товаров [5, с. 182], (п. 2 ст. 568 ГК РФ, п. 2 ст. 6.433 ГК Литвы). Данный вид договора выделяется законодательством только перечисленных государств. Отличие данного вида договора от ординарного договора мены заключается в том, что при заключении договора мены неравноценных товаров сторона, обязанная передать товар, цена которого ниже цены товара, предоставляемого в обмен, должна оплатить разницу в ценах непосредственно до или после исполнения ее обязанности передать товар, если иной порядок оплаты не предусмотрен договором. Гражданские кодексы РФ и Литвы выделяют отдельный специфический вид дарения – пожертвование [5, с. 184–186], (п. 1 ст. 582 ГК РФ, п. 1 ст. 6.476 ГК Литвы), Гражданский закон Латвии – дарение с назначением (ст. 1928 ГЗ Латвии) и дарение в значении вознаграждения (ст. 1933 ГЗ Латвии). Согласно ст. 1928 ГЗ Латвии, к каждому дарению может быть присоединено особое назначение, посредством которого или подробно указывается, каким образом или для какой цели одаряемый должен использовать полученный дар, или же ограничивается продолжительность действия права таким образом, что на одаряемого возлагается обязанность передать впоследствии весь предмет или его часть кому-либо другому. Также даритель может возложить на одаряемого какую-либо встречную обязанность. Еще одним видом дарения, присущим латышскому законодательству является дарение в значении вознаграждения. Дарение в значении вознаграждения следует понимать как вознаграждение за оказанные услуги. Отмена такого дарения вследствие неблагодарности не допускается. Оба вида договоров дарения существуют в законодательстве с ГЗ Латвии 1937 г. и в настоящее время применяются на практике редко.

Существенные различия нашли отражение в регулировании специфических видов договоров ренты. Законодательством РФ, Латвии, Литвы и Эстонии регулируется лишь пожизненное содержание с иждивением (п. 1 ст. 601 ГК РФ, ст. 2096 ГЗ Латвии, ст. 6.460 ГК Литвы, ст. 572 ОПЗ Эстонии). Постоянная рента и пожизненная рента регулируются законодательством отдельных государств (п. 2 ст. 589 ГК РФ, п.1 ст. 596 ГК РФ, ст. 6.449 ГК Литвы, ст. 6.456 ГК Литвы, ст. 568 ОПЗ Эстонии).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ряд отличий законодательств Российской Федерации, Латвии, Литвы, Эстонии вызван тем, что отдельные виды договоров существуют в данном законодательстве, так как сохранились в нем с более раннего периода времени и в современной практике применяются мало, что, возможно, в дальнейшем приведет к изменениям в законодательстве, а также и к исключению данных видов из гражданского законодательства [6, с. 19]. Отдельные же виды являются новыми и получат широкое распространение в дальнейшей практике. На основании вышесказанного можно сделать прогноз, что в ближайшее время в законодательства Балтийских государств и Российской Федерации будут внесены изменения. В российское законодательство будут внесены изменения в связи с тем, что была принята Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России [2, с. 3]. Изменения затронут и законодательства Балтийских государств. В связи с тем, что они находятся на стадии формирования, в ближайшее время внутреннее законодательство стран будет приводиться с соответствие с законодательством Европейского Союза.

Список литературы

1. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. – М.: Юристъ, 2003. – С. 155–157.

2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2: Договоры о передаче имущества. – М., 2001. – 378 с.

3. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Основы: пер. с нем. – М.: Международные отношения, 2000. – С. 13–14.

4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: Фирма «Спартак», 1995. – 556 с.

5. Vasariene D. Civiline Teise. – Vilnuis, 2002. – 246 с.

6. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М.: Прогресс, 1988. – 496 с.

В редакцию материал поступил 05.09.12

Информация об авторе

Краснова Мария Георгиевна, соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 231-52-13

E-mail: krasmg@mail.ru

M.G. KRASNOVA,

applicant

Kazan (Volga) Federal University

NOTIN AND TYPES OF ALIENABILITY CONTRACTS IN RUSSIA AND BALTIC STATES: LATVIA, LITHUANIA AND ESTONIA

The article deals with the notion of alienability contracts, presents the classification of these contracts' subtypes. The research is carried out as a comparative analysis of legislation of the Russian Federation and the Baltic states to reveal the similarities and differences between the contract law institutions of these countries, which serves as the basis to reveal differences between the legislations.

Key words: comparative analysis; contract, property; Baltic states.

References

1. Saidov A.Kh. *Sravnitel'noe pravovedenie* (Comparative law studies). Moscow: "Yurist", 2003, pp. 155–157.

2. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. *Dogovornoe pravo. Kniga vtoraya: Dogovory o peredache imushchestva (*Contract law. Book 2. Contracts on alienability*)*. Moscow, 2001, 378 p.

3. Tsvaigert K., Ketts Kh. *Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. Osnovy* (Introduction to comparative law studies in the sphere of private law). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000, pp. 13–14.

4. Shershenevich G.F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* (Textbook on the Russian civil law). Moscow: Firma "Spartak", 1995, 556 p.

5. Vasariene D. Civiline Teise. Vilnuis, 2002, 246 p.

6. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti* (Main legal systems of the modern world). Moscow: Progress, 1988, 496 p.

Information about the author

Krasnova Maria Georgiyevna, Applicant of the Chair of Civil and Entrepreneurship Law, Kazan (Volga) Federal University

Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 231-52-13

E-mail: krasmg@mail.ru

УДК 347.72

О.А. ЛАЗАРЕВА

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ХОЛДИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье с позиции науки гражданского права рассматриваются особенности влияния норм частного и публичного права и их роль при создании и функционировании таких предпринимательских объединений, как холдинги.

Ключевые слова: холдинг; холдинговые отношения; частное право; публичное право.

Холдинги исторически не появились по указанию государственной власти. Создание предпринимательских объединений в форме холдингов является организационно-правовым выражением экономических законов концентрации производства и капитала, экономии затрат и повышения рентабельности производства. Правила поведения, сложившиеся в связи с регламентацией холдинговых отношений, в значительной степени были выработаны предпринимателями, в соответствии с их волей, в их интересах.

В правовом регулировании такого вида предпринимательских объединений объективной необходимостью является выработка целостного комплексного представления о правовой природе холдингов, особенностях правового статуса входящих в такое объединение субъектов, о механизмах защиты прав таких субъектов, о правовых особенностях управления в холдингах.

Государство должно внимательно отнестись к выработанным деловой практикой правилам. Их стоит изучать, выяснять, почему деловая практика выработала именно данную схему регулирования отношений, управления и т.п. Законы нужно разрабатывать, используя наработки практики – тогда нормы закона будут экономически обоснованными, выгодными предпринимателями и, соответственно, эффективными. Разумеется, нельзя допускать и другую крайность – отражать только интересы участников холдинга и забыть про интересы публичные.

Здесь можно провести аналогию с обычаями делового оборота. Ценность обычаев делового оборота как источников права давно понята законодателями зарубежных стран. Обычай формируется непосредственно предпринимателями, в их интересах, удобен для предпринимателей. Поэтому наиболее эффективные экономические законы формируются только при анализе и учете сложившихся обычаев оборота. Для цивилизованного государства подобные источники права должны быть выгодны – предприниматели заинтересованы в действии норм, естественным образом сложившихся на рынке, и будут стремиться к исполнению этих удобных для всего предпринимательского сообщества правил поведения [1, с. 9–22].

В этой связи актуальным является вопрос определения приоритета частного либо публичного права при регулировании холдинговых отношений.

Грамотное и адекватное управление холдингом, позволяет наладить процесс взаимодействия всех элементов производственной системы, обеспечивая контроль за финансовыми и производственными результатами деятельности, оптимизируя обмен данными между всеми уровнями управления.

Имея двойственную частно-публичную природу, управление в холдинге преследует две группы целей – частные (направленные на реализацию преимуществ структуры холдинга) и публичные (связанные с действиями публичной власти по ограничению негативных экономических последствий деятельности холдинга). Очевидно, что две эти группы целей находятся в определенном противоречии друг с другом. При этом достижению частных целей способствует действия юридических лиц внутри холдинга, а для реализации публичных целей требуется взаимодействие участников холдинга с органами публичной власти.

Определяя место гражданско-правовых средств в механизме регулирования холдинговых отношений, необходимо обратить внимание на то, что само по себе указанное регулирование представляет собой систему средств, обременяющих предпринимательскую деятельность.

Необходимость гражданско-правового регулирования как инструмента правового воздействия

обусловлена тем, что область холдинговых отношений выступает и как сфера удовлетворения отдельных частных интересов.

Очевидным является разделение норм, регламентирующих холдинговые отношения на две группы. Первая – частные по своей природе нормы, в которых законодатель отразил существующие конструкции, т.е. описал складывающиеся экономические базисные отношения языком правовой надстройки. Вторая группа норм, регулирующих холдинги, носит публичных по своей правовой природе характер и включает различные правовые ограничения для субъектов, входящих в холдинг – антимонопольные, налоговые и иные. Наличие таких норм объясняется необходимостью для публичной власти корректировки холдинговых отношений.

Возможность влияния со стороны холдинговой компании на предпринимательскую деятельность участников холдинга определяет, что возникающие в этой связи отношения лежат, прежде всего, в сфере действия гражданского права. Основы правового регулирования соответствующих отношений заложены в ст. 105 Гражданского кодекса РФ, среди которых преобладающее участие в уставном капитале, либо в силу заключенного договора, либо иным образом имеется возможность влиять на принимаемые решения.

Указанные правила являются единственными специальными нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, касающихся холдингов. Однако необходимо отметить, что все правила о коммерческих организациях в целом, о хозяйственных обществах в частности также имеют отношения к холдингам – так как холдинг как структура состоит именно из юридических лиц.

Холдинговые отношения (отношения между участниками холдинга) лежат, прежде всего, в сфере действия частного права.

Применение гражданско-правовых средств для управления внутри холдинга прослеживается как на уровне управления самой холдинговой компанией как юридическим лицом, включая элементы саморегулирования, так и управления, которое осуществляет холдинговая компания в отношении участников холдинга.

Структура гражданско-правового регулирования холдинговых отношений представляет собой систему средств нормативно-статусного, вещно-правового, обязательственно-правового, корпоративного и организационного регулирования.

Отношения, связанные с созданием и функционированием холдингов, носят межотраслевой характер. Это проявляется в регулировании холдинговых отношений не только нормами гражданского права, но и нормами антимонопольного, налогового, финансового законодательства.

Фактическое преимущество публично-правовых средств ограничивает частноправовую по своей сути предпринимательскую деятельность частных лиц.

Деятельность субъектов, входящих в холдинг, испытывает значительное публично-правовое воздействие из-за их возможности оказывать на экономику страны как положительное, так и негативное влияние. Отрицательное воздействие холдингов на состояние конкурентной среды, монополизация отраслей экономики и отдельных ее секторов относится к негативным моментам влияния холдингов. К положительным сторонам можно отнести ряд экономических преимуществ:

– рост экономической эффективности деятельности всей группы взаимосвязанных предприятий и каждого ее участника в отдельности;

– высокая конкурентоспособность группы (в особенности на международном уровне);

– снижение транзакционных издержек от взаимодействия между предприятиями, связанными единым производственным процессом.

Публично-правовое воздействие, оказываемое через антимонопольный контроль проявляется посредством использования двух приемов.

Во-первых, это прием распространения норм, касающихся хозяйствующего субъекта, на группу лиц. Группа лиц в антимонопольном законодательстве рассматривается фактически как одно лицо. Данный прием является разновидностью юридической фикции.

Во-вторых, это введение особых мер контроля за сделками холдинговых компаний и участников холдинга – обязательного разрешительного (предварительного) порядка при осуществлении ряда сделок, установление обязательного уведомления антимонопольного органа о некоторых сделках.

В рамках холдинга налоговые отношения возникают в случае признания участников холдинга взаимозависимыми лицами. Важнейшим практическим вопросов для холдингов является возмож-

ность беспрепятственного осуществления безвозмездного финансирования в рамках холдинга, то есть передачи денежных средств или имущества от одного участника холдинга к другому для выполнения тех или иных экономических задач. Нормам гражданского права это не противоречит. Однако налоговые последствия такой передачи могут повлечь неприятности для участников холдинга.

На основании оценки ситуации в сфере правового регулирования создания и деятельности объединений в форме холдингов, можно отметить, что и в России, и в мировой практике сложилось два направления правового регулирования – специальными нормами в единой нормативном акте либо нормами корпоративного и антимонопольного законодательства.

Действительно, законы об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью, содержат общие положения о дочерних и зависимых обществах, прямо не регулируют холдинговые отношения. Некоторые нормы указанных законов фактически повторяют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако развитие правового регулирования отношений, связанных с холдингами, вполне может пойти по пути внесения изменений в данные корпоративные законы.

Регулирование холдинговых отношений без принятия специального нормативно-правового акта возможно путем внесения связанных изменений, как в корпоративные законы, так и в антимонопольный закон. В настоящее время именно такая схема и используется законодателем. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции»[1] содержит понятие «группы лиц», содержание которого позволяет отнести холдинг к разновидности группы лиц. Кроме этого, закон о защите конкуренции содержит положения о контроле за экономической концентрацией, данные нормы прямо касаются холдингов.

Обобщая изложенное можно сделать вывод, что существенные трудности в правоприменительной практике по холдингам и холдинговым правоотношениям возникают ввиду особых критериев экономической зависимости юридически самостоятельных организаций в гражданском, антимонопольном, налоговом законодательстве, использования различного понятийного аппарата в каждой из обозначенных отраслей.

Отсутствие системного правового регулирования, не является фактором, запрещающим или ограничивающим осуществление предпринимательской деятельности с использованием холдинговых структур. В принципе, регулирование холдинговых отношений без принятия специального нормативно – правового акта возможно путем внесения взаимосвязанных изменений в корпоративное и антимонопольное законодательство. Конечно, даже при подобном способе воздействия на холдинговые отношения законодателю необходимо соблюдать оптимальный баланс между частно-правовым и публично-правовым регулированием в данной сфере.

Список литературы

1. Михайлов А.В. Саморегулирование при осуществлении предпринимательской деятельности в России: перспективы и проблемы // Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права. – СПб.: Юридическая книга, 2009. – С. 9–22.

В редакцию материал поступил 04.10.12

Информация об авторе

Лазарева Ольга Анатольевна, закончила аспирантуру Казанского (Приволжского) федерального университета в 2010 г. E-mail: loa-07@mail.ru

[1] О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ (в редакции от 28.12.2010). – URL: http:// www.consultant.ru/

O.A. LAZAREVA

INTERCONNECTION OF PRIVATE AND PUBLIC LAW WHILE REGULATING HOLDING RELATIONS

From the point of view of civil law the article views the features of the influence of private and public law norms and their role in creation and functioning of such entrepreneurship associations as holdings.

Key words: holding; holding relations; private law; public law.

References

1. Mikhailov A.V. Samoregulirovanie pri osushchestvlenii predprinimatel'skoi deyatel'nosti v Rossii: perspektivy i problem (Self-regulation in entrepreneurship activity in Russia: prospects and problems)*, Rossiiskii ezhegodnik predprinimatel'skogo (kommercheskogo) prava.* Saint Petersburg: Yuridicheskaya kniga, 2009, pp. 9–22.

Information about the author

Lazareva Olga Anatolyevna, in 2010 she completed the post-graduate course at Kazan (Volga) Federal University.
E-mail: loa-07@mail.ru

УДК 346.544.4

А.С. ПАНОВА,
кандидат юридических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ

Статья посвящена актуальным вопросам правового обеспечения качества продукции. Рассматривается гражданско-правовая ответственность изготовителей (исполнителей, продавцов) в сфере обеспечения качества продукции.

Ключевые слова: качество продукции; правовое обеспечение качества продукции; изготовитель; исполнитель; продавец; гражданско-правовая ответственность.

Сегодня вполне оправданными выглядят суждения о том, что стремление к материальному обогащению для многих хозяйствующих субъектов, занимающихся производством и реализацией продукции, выступает на первый план. Ситуация усугубляется снижением платежеспособного спроса основной части населения и, прежде всего, в отношении товаров повседневного спроса, что вынуждает население снижать требования к качеству и безопасности товаров [1]. В связи с этим разработка вопроса, касающегося гражданско-правовой ответственности в сфере обеспечения качества продукции, представляется обоснованной и своевременной.

Гражданские правонарушения, связанные с качеством продукции, могут иметь различный характер, выражаться как в нарушении договоров, опосредствующих жизненный цикл продукции, так и в причинении покупателям продукции внедоговорного вреда (убытка).

Договорная ответственность, возникающая, как известно, в результате нарушения договорного обязательства, в рассматриваемой нами сфере общественных отношений может наступить за поставку продукции, не соответствующей требованиям технических регламентов, даже если стороны специально и не оговаривали в договоре последствия такой поставки. Договорная ответственность всегда наступает за нарушение оговоренных сторонами договорных условий о качестве продукции. Такие условия могут выражаться посредством указания в договоре на требования стандартов, чертежей, рецептуры. Договор может предусматривать продажу товара по образцу и (или) описанию. Договорная ответственность может наступать за поставку продукции с производственными недостатками более низкого сорта, по сравнению с сортом, указанным в договоре.

К договорной ответственности за нарушения, связанные с качеством продукции, могут привлекаться исполнители, выполняющие научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы на основании договоров, регулируемых гл. 38 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1].

Обычно нарушения указанных договоров приводят к ошибкам конструкторского и технологического характера, недостоверным сведениям об образце нового изделия или конструкторской документации на него. Это, в свою очередь, становится причиной неправильного определения уровня качества новых видов продукции на этапах ее разработки, постановки на производство, негативно отражается на качестве продукции при выходе ее с производства. Нарушения договоров, опосредствующих такие жизненные циклы продукции, как хранение и транспортировка, могут выразиться в утрате продукцией в процессе хранения свойств, которые были заложены на стадии ее производства (в ухудшении качества предмета хранения), в повреждении (порче) перевозимого груза (продукции).

Внедоговорная ответственность наступает в случае причинения внедоговорного вреда жиз-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. (с изм. от 7 февраля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2011. – № 7. – Ст . 901.

ни, здоровью или имуществу гражданина, либо имуществу юридического лица, которые приобрели товар (продукцию) в целях использования (потребления), не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности. Формы и размер ответственности определяются ГК РФ, Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»[2].

Отношения, касающиеся привлечения к внедоговорной ответственности за нарушения, связанные с качеством продукции, возникают между покупателем и изготовителем вещи. Они могут возникнуть между покупателем и лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя. Юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, зарегистрированные на территории РФ, могут, согласно п. 1 ст. 24 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»[3], выполнять функции иностранного изготовителя на основании заключенного с иностранным изготовителем договора, регулируемого гл. 39 ГК РФ. Предмет данного договора составляют услуги, связанные с обеспечением соответствия поставляемой продукции требованиям технических регламентов. Лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя, несет ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов. Поэтому покупатель в случае причинения ему вреда, вызванного использованием (эксплуатацией, потреблением) недоброкачественной продукции, может привлечь к внедоговорной ответственности иностранного изготовителя, либо лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя.

Законодатель не предусматривает возможность одновременного предъявления исков к изготовителю и к лицу, выполняющему функции иностранного изготовителя. Законодателем также не допускается возможность одновременного предъявления иска, основанного на нарушении договорного обязательства и иска, связанного с совершением гражданского правонарушения в форме деликта. Иск может быть предъявлен по выбору потерпевшего либо к продавцу, либо к изготовителю товара (п. 1 ст. 1096 ГК РФ, ст. 22 Закона Российской Федерации от 7 декабря 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»).

В современных условиях происходит рост числа предприятий-смежников, оптовых торговцев, иных посреднических звеньев, которые непосредственно могут участвовать в процессах производства и обращения продукции. В связи с этим представляется обоснованным закрепить в законодательстве право покупателя, являющегося стороной договора поставки, предъявлять иски по поводу недоброкачественности комплектующего изделия напрямую к непосредственному изготовителю такого изделия. На необходимость законодательного закрепления данного права покупателя обращает внимание В.С. Белых [2].

Нерешенной в законодательстве, на практике осталась проблема предъявления покупателем претензий и исков к любому из участников сложной цепи жизненного цикла продукции, а при необходимости – к двум и более участникам. В советской юридической литературе подробно рассматривались случаи привлечения виновных субпоставщиков к внедоговорной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по кооперированной поставке. Данная схема ответственности именовалась системой прямой ответственности (системой прямых исков). Серьезное внимание уделялось схеме привлечения виновных субпоставщиков к ответственности в порядке регрессных исков. Представляется, что обе эти схемы привлечения к ответственности с внесением определенных корректировок могут быть востребованы в современных условиях [3–6].

В отличие от договорной ответственности, внедоговорная (деликтная) ответственность является более строгой (формы и размер внедоговорной ответственности устанавливаются только законом), «в российском гражданском праве она возможна лишь как прямо предусмотренное законом исключение, сделанное для защиты особо значимых интересов» [7]. Следует признать оправданным зарубежный подход. Как свидетельствуют законодательства стран-членов ЕС, США, внедо-

---

[2] О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (с изм. от 18 июля 2011 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766; Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30. – Ч. 1. – Ст. 4590.

[3] О техническом регулировании (с изменениями от 28 сентября 2010 г.): Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 5140; 2010. – № 40. – Ст. 4969.

говорная ответственность в этих странах имеет универсальный характер как наиболее адекватная, гибкая форма, в максимальной степени отвечающая интересам защиты прав потребителей [8; 9].

Основными мерами гражданско-правовой ответственности (гражданско-правовыми санкциями) за нарушения, связанные с качеством продукции, следует считать возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсацию морального вреда. Все указанные меры носят имущественный характер. К убыткам относятся, прежде всего, расходы, произведенные покупателем в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства по причине передачи ему товара ненадлежащего качества, а также утрата или повреждение имущества покупателя. В состав убытков входят не полученные покупателем доходы, которые он получил бы, если бы обязательство добросовестно было исполнено изготовителем, продавцом. Реальный ущерб в форме расходов может выражаться в необходимости несения затрат на устранение дефектов, погрузку и выгрузку, хранение, транспортирование, монтаж и демонтаж изделий, испытания, оплату экспертизы и др.

Упущенная выгода выражается, как правило, в форме неполученной предприятием прибыли. Ее, в отличие от четко отражаемых в документах расходов и другого «положительного ущерба», нельзя определить иначе, как только математическим расчетом. Такой расчет должен быть обоснованным и опираться на соответствующие документы предприятия. Реальность получения прибыли кредитором в случае исполнения должником своего обязательства должна быть доказана [10].

Изучение судебной практики последних лет свидетельствует о том, что по-прежнему в судебные органы предъявляются иски о возмещении таких убытков, размер которых просто рассчитать и доказать документально. Убытки взыскиваются далеко не в полном объеме. Редкими являются иски о взыскании неполученных доходов[4]. Предприятиям, предъявляющим требования о возмещении убытков, бывает сложно обосновать в судах их размер развернутой калькуляцией и иными документами. Предприятиям следует руководствоваться Временной методикой определения размера ущерба (убытков), причиненного нарушениями хозяйственных договоров[5]. Данный документ официально не отменен, и может использоваться на практике.

Важно достичь эквивалентности заявленной к взысканию суммы причиненных покупателю убытков с их реальным размером. Для этого требуется наладить на предприятии грамотную и эффективную работу юридических служб (отделов), в том числе по вопросам предъявления претензий и исков, связанных с качеством продукции.

В случае возникновения разногласий между покупателем и изготовителем (исполнителем, продавцом) по поводу качества проданного товара сторонам следует активнее использовать альтернативные процедуры разрешения споров, в частности, процедуру медиации[6]. В ходе проведения данных процедур спорящие стороны могут договориться о снижении размера ответственности виновного изготовителя (исполнителя, продавца), об устранении недостатков в поставленном товаре, в случае, если недостатки имеют устранимый характер, оговорить сроки замены бракованной продукции на продукцию надлежащего качества и т.д.

Практика свидетельствует о том, что кредиторы по обязательствам, связанным с качеством продукции, заинтересованы не столько в возмещении причиненных им убытков и взыскании неустойки, сколько в добросовестном выполнении заключенных договоров. Нужно поддержать высказывание В.К. Мамутова о том, что «…штрафными санкциями и даже денежными суммами, взыскиваемыми одним предприятием с другого в возмещение убытков, ущерб, причиненный тем или иным хозяйственным правонарушением народному хозяйству, может быть частично (прямо

---

[4] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2007 г. № 09АП-13782/2007-ГК по делу № А40-10235/07-22-61 // Текст Постановления официально опубликован не был.

[5] Временная методика определения размера ущерба (убытков), причиненного нарушениями хозяйственных договоров (одобрена Государственной комиссией Совета Министров СССР по экономической реформе 21 декабря 1990 г.) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. – 1991. – № 8.

[6] Об альтернативной процедуре регулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

или косвенно) компенсирован, но в целом, как правило, в полной мере не покрывается. Более того, этими взысканиями зачастую не компенсируется и ущерб, причиненный хозрасчетным интересам потерпевшего предприятия (например, перерасход фонда заработной платы при устранении своими силами дефектов полученного оборудования не покрывается суммой, взысканной с поставщика, как бы велика эта сумма не была)» [11].

Изготовители (исполнители, продавцы) должны стремиться исполнять принятые на себя обязательства, строго соблюдать договорную дисциплину. Важно помнить, что «только в случае исполнения договоров может быть достигнуто успешное развитие предпринимательской деятельности. Точное и своевременное исполнение договорных обязательств выступает важным резервом экономического роста» любого государства [12].

Список литературы

1. Версан В., Аронов И., Раков А. Кризис и актуальные проблемы технического регулирования // Стандарты и качество. – 2009. – № 7. – С. 31.

2. Белых В.С. Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг / отв. ред., сост. канд. юрид. наук О.А. Герасимов. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2007. – С. 189–191.

3. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М.: Наука, 1968. – С. 136–152.

4. Клейн Н. Имущественная ответственность при кооперированных поставках // Советская юстиция. – 1959. – № 8. – С. 23.

5. Халфина Р.О. Правовое регулирование поставки продукции в народном хозяйстве. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 259, 262.

6. Новицкий И.Б. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями. – М.: Госюриздат, 1952. – С. 70, 73, 84, 105.

7. Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть: учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 593.

8. Семякин М.Н. Гражданско-правовые формы (средства, способы) управления качеством продукции в системе хозяйственного механизма: дис. … д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1991. – С. 396.

9. Брославский Л.И. Основные тенденции развития системы ответственности за качество продукции в капиталистических странах // Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения: материалы Всесоюзной науч.-практ. конференции. – Свердловск, 1979. – С. 416.

10. Торган К.Э. Договор поставки товаров и интересы покупателей. – Рига: Зинатне, 1974. – С. 112–113.

11. Мамутов В.К. Хозяйственное право. Избранные труды. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2008. – С. 46.

12. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. – С. 162.

В редакцию материал поступил 29.09.11

Информация об авторе

Панова Альбина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел. (843) 231-92-90

E-mail: albina_2005@rambler.ru

A.S. PANOVA,

PhD (Law), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

ON THE CIVIL-LEGAL LIABILITY IN THE SPHERE OF PRODUCTS QUALITY PROVISION

The article is devoted to the topical issues of the legal provision of products quality. The civil-legal liability of the producers (executives, sellers) in the sphere of the products quality provision is viewed.

Key words: products quality; legal provision of products quality; producer; executive; seller; civil-legal liability.

References

1. Versan V., Aronov I., Rakov A. Krizis i aktual'nye problemy tekhnicheskogo regulirovaniya (Crisis and topical issues of technical regulation), *Standarty i kachestvo*, 2009, No. 7, p. 31.

2. Belykh V.S. *Grazhdansko-pravovoe obespechenie kachestva produktsii, rabot i uslug* (Civil-legal provision of products, works and services quality). Ekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2007, pp. 189–191.

3. Malein N.S. *Imushchestvennaya otvetstvennost' v khozyaistvennykh otnosheniyakh* (Property liability in economic relations).

Moscow: Nauka, 1968, pp. 136–152.

4. Klein N. Imushchestvennaya otvetstvennost' pri kooperirovannykh postavkakh (Property liability in cooperated supplies), *Sovetskaya yustitsiya*, 1959, No. 8, p. 23.

5. Khalfina R.O. *Pravovoe regulirovanie postavki produktsii v narodnom khozyaistve* (Legal regulation of goods supply in economy). Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963, pp. 259, 262.

6. Novitskii I.B. *Regressnye obyazatel'stva mezhdu sotsialisticheskimi khozyaistvennymi organizatsiyami* (Regression liabilities between Socialist economic organizations). Moscow: Gosyurizdat, 1952, pp. 70, 73, 84, 105.

7. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'* (Civil Law. General part). Moscow: Volters Kluver, 2005, p. 593.

8. Semyakin M.N. *Grazhdansko-pravovye formy (sredstva, sposoby) upravleniya kachestvom produktsii v sisteme khozyaistvennogo mekhanizma* (Civil-legal forms (means, facilities) of products quality management in the economic mechanism system). Sverdlovsk, 1991, p. 396.

9. Broslavskii L.I. Osnovnye tendentsii razvitiya sistemy otvetstvennosti za kachestvo produktsii v kapitalisticheskikh stranakh (Main trends of liability system development for the products quality in capitalist countries), *Pravovye problemy upravleniya kachestvom produktsii na baze standartizatsii i metrologicheskogo obespecheniya: materialy Vsesoyuznoi nauch.-prakt. konferentsii*. Sverdlovsk, 197, p. 416.

10. Torgan K.E. Dogovor postavki tovarov i interesy pokupatelei (Contract of goods supply and buyers' interests). Riga: Zinatne, 1974, pp. 112–113.

11. Mamutov V.K. *Khozyaistvennoe pravo. Izbrannye trudy* (Economy Law. Selected works). Ekaterinburg: Biznes, menedzhment i pravo, 2008, p. 46.

12. Puginskii B.I. *Teoriya i praktika dogovornogo regulirovaniya* (Theory and practice of contract regulation). Moscow: IKD "Zertsalo-M", 2008, p. 162.

Information about the author

Panova Al'bina Sergeyevna, PhD (Law), Associate Professor of Enterpreneurship Law Chair, Head of Civil and Enterpreneurship Law Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel. (843) 231-92-90

E-mail: albina_2005@rambler.ru

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.13

А.С. АЛЕКСАНДРОВ,
доктор юридических наук, профессор
Нижегородская академия МВД РФ,

А.А. ЮНУСОВ,
доктор юридических наук, доцент,

Р.Р. САФИН,
соискатель
Институт экономики, управления и права (г. Казань)

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье рассматриваются основные положения законопроекта № 632173-5 о создании сокращенного уголовного судопроизводства и критические отзывы на него. Предлагается авторское решение ряда проблемных ситуаций, возникших при обсуждении сокращенного уголовного судопроизводства в Государственной Думе Федерального Собрания. Выявляется необходимость создания суммарного производства в уголовном процессе, но не в том виде, в котором оно представляется авторам законопроекта и его критикам. Необходима системная реформа досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: сокращенная форма предварительного расследования; реформа уголовного процесса; доказывание.

Как известно, в процессуальной литературе на протяжении многих лет обсуждался вопрос о создании сокращенной формы уголовного судопроизводства. Справедливо замечание, сделанное авторами одного из проектов сокращенной формы дознания: «Несмотря на неоднократные обсуждения, в том числе на парламентских слушаниях, круглых столах, в научных публикациях о сокращенных формах расследования и судебного разбирательства, в том числе и зарубежных странах, данная форма производства по уголовным делам, утраченная в конце 1990-х гг., своего развития и закрепления в уголовном процессуальном законодательстве Российской Федерации не получила» [1].

Мы выступаем за то, чтобы суммарному производству в нашем уголовном процессе быть. При этом мы исходим из того, что суть проблемы упрощения состоит в воссоздании протокольной формы. Более радикальным решением была бы унификация процедуры производства по делам об административных правонарушениях и сокращенного дознания (предварительного следствия), т.е. создание единой суммарной формы досудебного производства по делам об уголовных проступках. Но это дело отдаленной перспективы, пока же важно поддержать общую идею о введении сокращенного уголовного судопроизводства.

Мы разделяем подход, согласно которому упрощение процедуры досудебной деятельности не должно ограничиваться только процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, но распространяться на судебную деятельность. Именно такая концепция заложена в Проект федерального закона № 632173-5

«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» [2]. В настоящее время законопроект находится в стадии предварительного рассмотрения законопроекта (рассмотрение Советом Государственной Думы законопроекта, внесенного в Государственную Думу). 6 февраля 2012 г. было принято решение назначить ответственный комитет; представить отзывы, предложения и замечания к законопроекту; подготовить законопроект к рассмотрению Государственной Думой; включить законопроект в примерную программу (Протокол заседания Совета ГД № 9). Были получены отрицательный официальный отзыв Правительства РФ и отзыв Правового управления аппарата Госдумы с многочисленными критическими замечаниями.

Сокращенная форма предварительного расследования (следствия или дознания) взаимосвязана с сокращенной формой судебного разбирательства, предусмотренной ст. ст. 446.9, 446.10 УПК.

В принципиальном плане подобная комплексная модель сокращенной формы уголовного судопроизводства возражений не вызывает. Однако при предварительном рассмотрении Проекта федерального закона № 632173-5 в ГД ФС были получены такие замечания, которые ставят под сомнение возможность введения у нас упрощенной уголовно-процессуальной формы в ближайшей перспективе, их мы и обсудим, высказав вместе с тем свое мнение по поводу желаемого правового механизма.

Согласно данному законопроекту, сокращенная форма уголовного судопроизводства применяется при производстве по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести (ч. 2 ст. 446.1 УПК). Количество совершенных преступлений, неоднократность совершения преступлений не влияют на выбор правоприменителем (с согласия заинтересованных участников) данной формы уголовного судопроизводства.

Между тем в заключении Правового управления аппарата Госдумы (далее – ПУ) высказано предложение рассмотреть вопрос о внесении уточнения в текст законопроекта о возможности применения сокращенной формы уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, предварительное расследование по которым производится в форме дознания. По мнению авторов заключения, по ряду преступлений введение сокращенной формы предварительного следствия неприемлемо[1].

Мы не согласны с этим замечанием. Полагаем, что модель сокращенного предварительного расследования, изложенная в Проекте федерального закона № 632173-5, более верна. На наш взгляд, должен быть механизм перехода дознания и следствия на сокращенный режим производства и обратно; так было в свое время с протокольной формой. Отсутствие номинального потерпевшего по делам о преступлениях с формальным составом не может служить препятствием для сокращения процедуры досудебного производства; следователь вправе заключать соглашение с подозреваемым о проведении сокращенного предварительного следствия в отсутствии потерпевшего.

Мы считаем, что сокращенное предварительное следствие (дознание), как это и предусмотрено в законопроекте № 632173-5, не может проводиться, только:

1. Если подозреваемый является несовершеннолетним (п. 1 ч. 1 ст. 446.2 УПК).

2. Если имеются основания для осуществления производства о применении принудительных мер медицинского характера в порядке, установленном главой 51 настоящего Кодекса (п. 2 ч. 1 ст. 446.2 УПК).

3. Если подозреваемый относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, установленный главой 52 настоящего Кодекса (п. 3 ч. 1 ст. 446.2 УПК).

4. Если подозреваемый не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу (п. 5 ч. 1 ст. 446.2 УПК).

---

[1] Заключение ПУ по Проекту федерального закона № 632173-5«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства», внесенному членами Совета Федерации В.К. Гусевым, А.Г. Лысковым, В.Б. Рушайло, а также Н.И. Шаклеиным в период исполнения им полномочий члена Совета Федерации (первое чтение). – URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=632173-5&02

5. Если подозреваемый, обвиняемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК).

6. Если потерпевший возражает против применения сокращенной формы уголовного судопроизводства (п. 6 ч. 1 ст. 446.2 УПК).

Надо специально остановиться на том, что позиции потерпевшего в законопроекте придано значение одного из определяющих условий для принятия решения о переходе на сокращенный порядок досудебного производства. А это, на наш взгляд, ошибка. Предусмотренная проектом № 632173-5 согласительная процедура, в рамках которой уполномоченные законом субъекты вырабатывают решение о переходе на сокращенный порядок уголовного судопроизводства, будет неработоспособной во многом из-за роли в ней потерпевшего.

Само собой разумеется, что в число субъектов согласительной процедуры, в рамках которой вырабатывается решение о переходе на сокращенный режим производства по делу, должны входить представители обеих сторон: государственный орган уголовного преследования и сторона защиты. На наш взгляд, такой субъективный состав вполне достаточен. Между тем нормы, содержащиеся в п. 6 ч. 1 ст. 446-2, ч. 2 ст. 446-3 и др., ставят решение вопроса о переходе на сокращенный порядок предварительного расследования и дальнейшее производство по делу в подобном режиме в зависимость от воли потерпевшего.

По этому поводу отмечается, возможна ситуация, когда следователь «назначает» потерпевшим какое-либо лицо против его же воли, и оно в отместку на такого рода публично-правовое вмешательство в его права (на частную жизнь) возражает против сокращенного порядка уголовного судопроизводства. Кроме того, органу предварительного расследования не всегда будет по силам в установленный (трехсуточный) срок установить потерпевшего и выполнить все процессуальные действия с ним и подозреваемым. «Новый» потерпевший может возникнуть позднее, уже после того, как производство начнет осуществляться в сокращенном порядке. С ним надо опять же согласовывать позицию и т.д. Когда по делу есть несколько потерпевших, и один из них возражает, а другие выступают за сокращенный порядок уголовного судопроизводства, возникает патовая ситуация. Следуя букве закона, следователь обязан будет при наличии возражения хотя бы одного потерпевшего отказать в удовлетворении ходатайства подозреваемого и его защитника о применении сокращенной формы уголовного судопроизводства. Возникает конфликт интересов одного потерпевшего и других потерпевших, не говоря уже о подозреваемом, который ущемляется в правах более всех. Именно последнее обстоятельство является ключевым: закон не должен создавать дисбаланс в правовых средствах защиты интересов разных участников процесса. По указанным причинам считаем, что норма, содержащаяся в п. 6 ч. 1 ст. 446-2, подлежит отмене [2].

Механизм согласования позиций подозреваемого и потерпевшего сложен, роль потерпевшего в принятии решения о проведении предварительного следствия (дознания) в сокращенной форме гипертрофирована. Неслучайно эти позиции вызвали наибольшую критику и со стороны правительства, и со стороны правового управления. Как указывается в п. 4 Официального заключения Правового управления, «получение согласия потерпевшего на применение сокращенной формы уголовного судопроизводства и разъяснение ему порядка и последствий применения такой формы судопроизводства должны предшествовать вынесению постановления об удовлетворении ходатайства подозреваемого о применении сокращенной формы судопроизводства (проектная редакция ч. 4 ст. 446.4 УПК РФ)» [3].

Вряд ли это замечание уместно. Проблема, на наш взгляд, не в том, что необходимо более детализировать порядок выработки совместно с потерпевшим решения о проведении сокращенного уголовного судопроизводства и тем самым отойти от главной идеи суммарного производства (сокращения), а в том, чтобы в корне изменить взгляд на участие потерпевшего в определении правового режима предварительного расследования. Необходимость получения согласия потерпевшего можно квалифицировать как изъятие из принципа публичности уголовного процесса.

---

[2] Заключение ПУ по Проекту федерального закона № 632173-5.

Получается, что у потерпевшего будет право отлагательного вето на ведение уголовного процесса по делу публичного обвинения. При желании он ломает процедуру на любом этапе производства по делу. Это негосударственный подход.

В официальном отзыве Правительства на Проект федерального закона № 632173-5 указывается: «Пунктом 6 ч. 1 ст. 446.2 в редакции законопроекта предусматривается, что сокращенная форма уголовного судопроизводства по уголовному делу не применяется в случае, когда потерпевший возражает против применения такой формы. С учетом этого представляется целесообразным урегулировать вопросы, касающиеся обязанности следователя устанавливать наличие или отсутствие возражения потерпевшего против сокращенной формы производства по уголовному делу»[3]. На наш взгляд, реализация этого замечания неприемлема в виду и так избыточной формализации процедуры применения сокращенной формы предварительного расследования.

Таким образом, оба замечания по законопроекту не столько содействуют исправлению заложенного в него конструктивного недостатка, но еще более усугубляют его. Наша позиция заключается в том, чтобы вообще отказаться от процедуры согласования с потерпевшим решения о проведении предварительного расследования в сокращенном формате. Надо оставить ему только право обжалования данного постановления в порядке ст. 125 УПК РФ. Иначе хвост будет вилять собакой: публичное уголовное судопроизводство будет поставлена в зависимость от воли частного лица.

Но и помимо прописанной роли потерпевшего запроектированная схема принятия решения о проведении сокращенного уголовного судопроизводства вызывает большие сомнения. Прежде всего, в части выполнимости требования о наличии одновременно четырех условий (ч. 3 ст. 446.1) при принятии решения следователем (дознавателем) о проведении сокращенной формы. Нереально будет на практике выдержать предусмотренные в законе сроки, например, в ситуации, когда будет произведено фактическое задержание подозреваемого. Предложенный в законопроекте режим согласования, проведения процессуальных действий для правоприменителей непременно будет нарушаться.

В официальном отзыве Правительства на проект Федерального закона № 632173-5 содержится замечание по поводу отказа от института гражданского иска (ч. 2 ст. 446.3), что, по мнению авторов отзыва, ограничивает гарантированное ст. 52 Конституции России право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Между тем, на наш взгляд, отказ от института гражданского иска является оправданной мерой, призванной облегчить конструкцию суммарного производства, упростить ее. Быстрота разрешения уголовного дела и установления факта преступного причинения вреда потерпевшему обеспечит реализацию права на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба в рамках гражданского судопроизводства (будет действовать преюдиция, установленная приговором). Поэтому следует признать правильность решения об отказе от гражданского иска и неконструктивность указанного замечания.

В то же время нельзя не признать правоту предложения по решению вопроса, касающегося порядка производства по уголовному делу в случае возвращения следователю уголовного дела руководителем следственного органа с указаниями о производстве дополнительного расследования[4]. Очевидно, что в подобном случае следует отказываться от сокращенной формы и принимать решение о проведении следствия по общим правилам, т.е. распространить на эту ситуацию действие правил, применимых в случаях, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 446.8, ч. 6 ст. 446.10).

Суть сокращенной процедуры заключается в сокращении объема процессуальных действий, в том числе следственных действий, и соответ-

[3] Официальный отзыв Правительства на проект Федерального закона № 632173-5«О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства», внесенный членами Совета Федерации В.К. Гусевым, А.Г. Лысковым, В.Б. Рушайло и Н.И. Шаклеиным в период исполнения полномочий.

[4] Официальный отзыв Правительства на проект Федерального закона № 632173-5.

ственно – доказывания. Против этой концептуальной идеи выступают авторы официального отзыва Правительства на Проект федерального закона № 632173-5. Они отмечают, что по ряду уголовных дел (например, о преступлениях в сфере экономики, об утрате документов, содержащих государственную тайну, или о разглашении государственной тайны) помимо производства значительного числа следственных действий назначается большое количество различных по характеру судебных экспертиз, сроки проведения которых в большинстве случаев достигают нескольких месяцев. В связи с этим они выступают против положений ст. 446.5, высказывают сомнение в реалистичности сроков сокращенного досудебного производства (15 и 20 суток) и достоверности выводов органов предварительного расследования.

Данные замечания неконструктивны, поскольку идут против самой главной идеи проекта: сокращения объема процессуальных действий, упрощения доказывания. Авторы законопроекта исходят из договорного способа установления основного факта уголовного дела. Потому в рамках сокращенной процедуры досудебного производства круг следственных действий сведен к минимуму. Если же встает вопрос о проведении значительного числа следственных действий, назначается большое количество различных по характеру судебных экспертиз и т.п., необходимо переходить на режим обычного дознания (следствия).

Вообще надо сказать, что законопроект содержит ряд важных и небесспорных нововведений в области доказательственного права. В официальном отзыве Правительства на Проект федерального закона № 632173-5 выражается неприятие их: «Таким образом, процесс доказывания сводится к констатации признания обвиняемым своей вины, опросу потерпевшего и очевидцев и отказу не только от проведения судебного следствия, но и от полноценного предварительного расследования, что не может гарантировать достижения целей уголовного судопроизводства, установленных уголовно-процессуальным законодательством. Введение таких ограничений противоречит гарантиям защиты интересов обвиняемых от незаконного привлечения к уголовной ответственности, в том числе в случае самооговора».

Мы считаем, что вопрос об особенностях доказывания при производстве предварительного расследования в сокращенной форме имеет принципиальный характер. В законопроекте имеет место попытка пересмотреть традиционную – следственную парадигму доказательства и доказывания (в частности, допустимости, достаточности доказательств, способов доказывания, проверки доказательств и пр.). Приведем только самые важные из них. Так, в п. 1 ч. 3 ст. 446.5 сформулировано общее правило, развиваемое в последующих изъятиях, суть которого состоит в том, что признание противником утверждения, освобождает от бремени доказывания этого утверждения, т.е. проведения следственных и иных процессуальных действий с целью доказывания (п. 4 ч. 3 ст. 446.5). Проверку доказательства заменяет процедура признания обвинительного доказательства стороной защиты. Это признание освобождает следователя от проверки доказательства, напротив – оспаривание может повлечь за собой или переход на обычный порядок предварительного расследования, или необходимость проведения в рамках сокращенного порядка следственных или иных процессуальных действий, направленных на подтверждение силы оспоренного доказательства и опровержение доводов защиты, иных участников (потерпевшего). Далее допускается, что следователь или дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, когда необходимо установить дополнительные фактические данные, не содержащиеся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем (п. 2 ч. 3 ст. 446.5).Фактически допускается договорной способ установления фактов по делу, когда стороны фиксирует единство позиций по поводу существования тех или иных фактов. Предлагается уравнивание в доказательственном значении материалов доследственной проверки (объяснений, акта специалиста) с «настоящими» доказательствами: «фактические данные» содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении (п. 4 ч. 3 ст. 446.5). Обвинение может основываться на материалах, полученных путем

проведения «проверочных действий», т.е. в ходе так называемой доследственной проверки. Следственные действия получают вообще субсидиарное значение в доказывании. Так, следственный способ собирания доказательств обязателен только для получения показаний подозреваемого – в ходе его допроса. Тем самым отходит на второй план допустимость, приоритетное значение имеют относимость и достоверность сведений: неважно каким путем получено доказательство, если его достоверность не подвергается сомнению участниками процесса, оно может использоваться в доказывании обстоятельств, образующих минимальный стандарт доказанности (п. 3 ч. 3 ст. 446.5).

Но попытка половинчатая и потому чреватая недоразумениями; получаются две системы доказательств и две модели доказывания: одна для сокращенного уголовного судопроизводства, другая – для обычного порядка. Несостыковки этих доказательственных систем могут иметь разрушительные последствия для дела обвинения. «Каждое из положений статьи по отдельности правильное, давно назревшее. Но в совокупности получается негодный результат, а именно: закладывается бомба под результат доказывания, проведенного по особым правилам, возможна произвольная оценка в суде материалов обвинения как негодных. При этом оппонент доказательств, полученных в непроцессуальной форме, может опираться на общие правила и принципы доказательственного права, закрепленные в УПК, и потому сможет успешно оспаривать их и опровергать, ссылаясь на ст. 75 УПК РФ» [3].

Считаем вполне оправданным введение новой системы средств доказывания «специального» (сокращенного) предмета доказывания при ведении дела в сокращенной форме: доказательства по уголовному делу собираются в объеме, «минимально необходимом» для установления (а) события преступления, (б) характера и размера причиненного им вреда, (в) виновности лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 446.5)[5]. Очевидно, что уровень требований к доказанности фактов намеренно снижен в законопроекте в виду отсутствия спора сторон по ним. Мы считаем, что специальный предмет доказывания, включающий три пункта из перечня, приведенного в ст. 73 УПК РФ, приемлем. Его надо толковать в связи с ч. 1 ст. 446.7 и ч. 1 ст. 225 УПК. Из системного анализа этих норм вытекает, что законодатель все же предполагает необходимость доказывания всех обстоятельств дела, входящих в общий предмет доказывания. Поэтому не встречает нашей поддержки замечание о том, что «предлагаемые законопроектом п. 2 ч. 10 новой ст. 446.7 и подпункт «б» п. 3 ч. 1 новой ст. 446.8 следует дополнить указанием на форму вины обвиняемого и мотивы в соответствии с положением п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК»[6].

В то же время нельзя не согласиться с утверждением, что УПК и законопроект не содержат определение понятия «фактические данные» и не раскрывают его содержание, в связи с чем неясно, о каких фактических данных идет речь в законопроекте, тем более эти фактические данные должны отвечать требованиям, предъявляемым УПК к доказательствам[7]. Как известно, термин «фактические данные» содержался в УПК РСФСР и означал доказательства, т.е. средства доказывания, а не то, что они доказывают: фактические обстоятельства. «Произошло смешение средств доказывания (сведений, информация, фактические данные) и предмета доказывания. Ошибка методологическая, которая вносит сумятицу в сложившуюся понятийную систему, выпадает из нее, дискредитирует вообще модель сокращенного уголовного судопроизводства» [3]. Положения главы 51.1 не должны выпадать из системы уголовно-процессуального права, поэтому изменения в правилах доказывания должны носить системный характер.

Спорным является возражение против предусмотренного в законопроекте перехода из сокращенного формата в обычный формат предварительного расследования (п. 3 ч. 1 новой ст. 446.8, ч.6 ст. 446.10), якобы тем самым сроки

---

[5] Кстати, в законопроекте встречаются и другие указания относительно минимального стандарта доказанности: а) «минимально обоснованный вывод» (подп. «б» п. 3 ч. 1 ст. 446.8).

[6] Официальный отзыв Правительства на Проект федерального закона № 632173-5.

[7] Официальный отзыв Правительства на Проект федерального закона № 632173-5.

предварительного расследования затягиваются, нарушается принцип уголовного судопроизводства об осуществлении уголовного преследования в разумные сроки (ст. 6.1 УПК)[8]. На наш взгляд, предложенный авторами законопроекта срок в 15 (20) суток – разумный. Хотя, в случае реальной реформы досудебного производства, сопровождающейся ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела, «обесформливания» доказывания и другими подобными мерами, срок суммарного производства мог бы исчисляться часами, как это имеет место в других странах. Что касается последствий перехода на обычный порядок предварительного расследования, в случаях возникновения препятствий для продолжения сокращенной процедуры, то они являются неизбежным злом, увеличение срока объективно происходит (и стороны, кстати, осознанно должны идти на это). Попрекать в этом авторов законопроекта некорректно, так как иначе поступить было нельзя.

Окончание сокращенного предварительного расследования регулируется ст. 446.7. По поводу ряда содержащихся в ней норм также были получены замечания. В заключение ПУ указывается: «5. Положение ч. 7 ст. 446.7 УПК РФ о том, что неявка защитника для вручения обвинительного постановления в установленный в уведомлении срок не препятствует дальнейшему производству по уголовному делу с применением сокращенной формы уголовного судопроизводства, не согласуется с проектными изменениями в ч. 1 ст. 51 УПК РФ (п. 8 ст. 1 Проекта) об обязательном участии защитника в уголовном судопроизводстве в случае, если подозреваемый заявил ходатайство о применении сокращенной формы уголовного судопроизводства по уголовному делу. Аналогичное замечание вызывают редакции ч. 9 этой же статьи».

Следует признать правоту авторов законопроекта, а не его критиков. Неконструктивная позиция адвоката-защитника может поставить под угрозу реализацию процедуры сокращенного досудебного производства по делу. Решение проблемной ситуации, предложенное в ч. 7 ст. 446.7, гораздо ближе к истине. Требование об обязательности участия защитника в данном случае выполняется, при этом публичность предварительного расследования не ставится под сомнение.

Далее, в заключение ПУ указывается: «6. Обращаем внимание, что в целях соблюдения прав участников судопроизводства, установленных соответствующими нормами глав 6 и 7 УПК РФ, пересоставление обвинительного постановления в случаях, предусмотренных ч. 14 ст. 446.7 и п. 2 ч. 1 ст. 446.8 УПК РФ, должно влечь за собой вручение копии пересоставленного обвинительного постановления участникам судопроизводства и ознакомление их с дополнительными материалами уголовного дела». Пожалуй, это единственно существенное замечание, с которым можно согласиться. Другие замечания, содержащиеся в официальных отзывах на законопроект, носят технический характер и расшатывают общую концепцию сокращенного уголовного судопроизводства.

Таким образом, содержание и суть поступивших замечаний свидетельствуют о неготовности законодателя к созданию суммарного производства. Авторы поступивших на законопроект замечаний не понимают проблемы и делают совершенно неприемлемые предложения, поскольку противоречат природе суммарного производство, они убивают его. Если следовать их логике, мы никогда суммарного производства не создадим. Авторам вышеприведенных замечаний следует посмотреть на опыт других государств, имеющих суммарные производства, аналогичные тому, что представляла собой протокольная форма.

По поводу аргументации критиков можно сказать кратко: «снова-заново». В качестве аргументов набор штампов, которые были в ходу у противников протокольной формы и последующих попыток введения суммарного производства. Пора ломать каноны, отказываться от устаревших стереотипов. Идеология суммарного производства выражается следующими понятиями: «сделка с правосудием», договорной способ установления фактов, конвенциональная истина, целесообразность, быстрота производства. В обмен на добровольный отказ от традиционной формы происходит выигрыш времени и экономия сил и средств. Это альтернативный, договорной способ разрешения уголовно-правового конфликта. Стороны имеют право прибегать к нему,

[8] Официальный отзыв Правительства на Проект федерального закона № 632173-5.

у них должно быть право отказаться от обычной уголовно-процессуальной формы и от обычного набора гарантий.

Конечно, это нерешительный, половинчатый проект. И мы считаем, что запроектированная конструкция сокращенного досудебного производства не производит впечатления стройности и не вписывается в правовую реальность. Но его критики показали себя еще меньшими профессионалами. Конструктивные недостатки предлагаемой сокращенной уголовно-процессуальной формы являются продуктом порочности существующей модели досудебного производства. В частности, это проявляется в том, что сохраняются стадия возбуждения уголовного дела, принципиальное разделение деятельности органов уголовного преследования на непроцессуальную (доследственную проверку) и уголовно-процессуальную. А надо бы слить всю эту деятельность в единый правовой механизм – «полицейское дознание». Иными словами, надо проводить реформу досудебного производства, о которой говорится в наших работах и работах наших коллег [6–12], а не проводить «кусочную» модернизацию. Но прежде всего, необходимо определиться с его концепцией, к чему мы и предлагаем приступить.

Список литературы

1. Тезисы круглого стола по теме: «Сокращенное дознание». Направление развития уголовно-процессуального права». – URL: http://www.iuaj.net/node/898

2. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=632173-5&02

3. Руновский А.В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 227, 228.

4. URL: http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/6AC78DBEF575A899432579D8003831FF/$File/DOC069.PDF?OpenElement

5. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.

6. Александров А.С. Нужно ли создавать ФСР? // Законность. – 2002. – № 11. – С. 37–40.

7. Александров А.С. К вопросу о создании единого Следственного комитета // Вестник СГАП. – 2010. – № 6. – С. 17–21.

8. Александров А.С., Кухта А.А. Власть следственная и власть обвинительная: квадратура круга // Правоведение. – 2009. – № 4. – С. 22–28.

9. Головко Л.В. Казахстан: десоветизация уголовного процесса. Статья 2. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 11–13.

10. Головко Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе. – URL: http://iuaj.net/node/484

11. Лазарева В.А. Обвинительная власть: понятие, субъекты, формы реализации // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 14–17.

В редакцию материал поступил 12.07.12

Информация об авторах

Александров Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, Нижегородская академия МВД РФ

Адрес: 603144, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3, тел.: (831) 465-57-87

E-mail: anrc@rambler.ru

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42,тел.: (843) 231-92-90

E-mail: axatuk@rambler.ru

Сафин Рафат Рафинадович, соискатель, заместитель начальника отдела (дислокация г. Набережные Челны), Центр по противодействию экстремизму МВД по РТ, майор полиции

Адрес: 423832, г. Набережные Челны, ул. Раскольникова, 49 Б

E-mail: Sugar.70@mail.ru

A.S. ALEKSANDROV,
Doctor of Law, Professor
Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation,
A.A. YUNUSOV,
Doctor of Law, Associate Professor,
R.R. SAFIN,
Applicant
Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

ON THE ISSUE OF CREATING OF THE CONTRACTRED FORM OF PRE-TRIAL PROCEDURE OF CRIMINAL CASES

The article views the main notions of a draft law # 632173-5 on creating of the contracted criminal procedure and its critiques. The authors suggest solutions of several problem situations arising when discussing the contracted criminal procedure in the State Duma of the Federation Assembly. The authors show the necessity to create the summarizing procedure in criminal cases, though not in the form suggested by the draft law designers and their opponents. The systematic reform of pre-trial procedure of criminal cases is needed.

Key words: contracted form of preliminary investigation; criminal procedure reform; proving.

References

1. http://www.iuaj.net/node/898
2. http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=632173-5&02
3. Runovskii A.V. *Differentsiatsiya ugolovno-protsessual'nykh form dosudebnogo proizvodstva po delam publichnogo obvineniya* (Differentiation of criminal-procedural forms of pre-trial procedure in cases of public charge). Moscow, 2012, pp. 227, 228.
4. http://asozd2.duma.gov.ru/work/dz.nsf/ByID/6AC78DBEF575A899432579D8003831FF/$File/DOC069.PDF?OpenElement
5. Aleksandrov A.S. Kakim ne byt' predvaritel'nomu sledstviyu (What preliminary investigation should not be like), *Gosudarstvo i pravo*, 2001, No. 9, pp. 54–62.
6. Aleksandrov A.S. Nuzhno li sozdavat' FSR? (Should FSR be created), *Zakonnost'*, 2002, No. 11, pp. 37–40.
7. Aleksandrov A.S. K voprosu o sozdanii edinogo Sledstvennogo komiteta (On the issue of creation of the united Investigation Committee), *Vestnik SGAP*, 2010, No. 6, pp. 17–21.
8. Aleksandrov A.S., Kukhta A.A. Vlast' sledstvennaya i vlast' obvinitel'naya: kvadratura kruga (Investigating power and prosecuting power: quadrature of circle), *Pravovedenie*, 2009, No. 4, pp. 22–28.
9. Golovko L.V. Kazakhstan: desovetizatsiya ugolovnogo protsessa. Stat'ya 2. Unifikatsiya dosudebnogo rassledovaniya (Kazakhstan: desovietization of the criminal procedure. Article 2. Unification of the pre-trial investigation), *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2012, No. 1, pp. 11–13.
10. Golovko L.V. *Reforma politsii v kontekste modernizatsii predvaritel'nogo proizvodstva v rossiiskom ugolovnom protsesse* (Reform of police in the context of modernization of pre-trial procedure in the Russian criminal procedure), available at: http://iuaj.net/node/484
11. Lazareva V.A. Obvinitel'naya vlast': ponyatie, sub"ekty, formy realizatsii (Prosecuting power: notion, subjects, forms of realization), *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2012, No. 1, pp. 14–17.

Information about the authors

Aleksandrov Aleksandr Sergeyevich, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Procedure, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation
Address: 3 Ankudinovskoye Shosse, 603144 Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 465-57-87
E-mail: anrc@rambler.ru

Yunusov Akhat Akhnafovich, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Associate Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan 420111, tel. (843) 231-92-90
E-mail: axatuk@rambler.ru

Safin Rafat Rafinadovich, Applicant, Deputy Head of Department (Naberezhniye Chelny dislocation), Centre for Counteraction against extremism of the Ministry of Domestic Affairs of Tatarstan Republic, Major of Police
Address: 49 Б Raskol'nikova Str., 423832 Naberezhniye Chelny
E-mail: Sugar.70@mail.ru

УДК 343.14

В.А. ЛАЗАРЕВА,
доктор юридических наук, профессор,
М.Ю. ЖИРОВА,
кандидат юридических наук, старший преподаватель
Самарский государственный университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ СПЕЦИФИКИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье рассмотрены существующие в науке уголовного и гражданского процессов концепции доказывания с точки зрения того, какие из них наилучшим образом позволяют понять суть доказывания в делах частного обвинения. Выявлено, что правом собирания доказательств в таких делах обладают все участники процесса, наделенные статусом стороны, а к собираемым ими доказательствам не могут предъявляться те же требования, что и к доказательствам, собираемым официальными участниками в делах публичного обвинения.

Ключевые слова: частное судебное преследование; уголовное судопроизводство; гражданский процесс; формирование из доказательства; антагонистический символ судебной процедуры.

Действующий закон предусматривает особый порядок возбуждения и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116 и ч. 1 ст. 128.1 УК. Поскольку по таким делам предварительное расследование не проводится, они представляют собой уникальное явление российского уголовно-процессуального права, которому свойственны как общие проблемы теории доказывания, так и обусловленные специфической правовой природой указанной категории дел.

В науке уголовного процесса наиболее широкое распространение получила точка зрения, в соответствии с которой доказывание представляет собой познавательную деятельность, осуществляемую исключительно органами расследования и судом по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. По мнению сторонников данной концепции, процесс закрепления обнаруженной информации неотделим от процесса ее получения: любые сведения могут быть использованы в уголовном процессе лишь после их процессуальной фиксации в материалах дела [1, с. 28; 2, с. 9]. Пока доказательство не закреплено, «нельзя утверждать, что доказательство действительно обнаружено, так как еще неизвестно, что именно обнаружено и является ли действительно доказательством то, что обнаружено» [3, с. 302]. При таком подходе собирание доказательств определяется как «активная целенаправленная деятельность органа расследования, суда, состоящая в извлечении из следов, оставленных событием, фактических данных, относящихся к делу, в преобразовании и закреплении этих данных, т.е. в придании им надлежащей процессуальной формы» [4, с. 96]. При таком подходе фиксация доказательства выступает составной частью их собирания, завершающей процесс формирования доказательства. Сторонники данной концепции считают, что важнейшим свойством доказательства является его допустимость, в том числе соблюдение надлежащей процедуры получения. Доказательствами являются лишь сведения, полученные прямо предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) способом. При этом только органы расследования и суд собирают (формируют) доказательства, никакие другие участники уголовного процесса подобными полномочиями не наделены, а представленные ими материалы не являются доказательствами.

Рассмотрим, насколько эта концепция применима при осуществлении уголовного преследования в частном порядке, когда такие субъекты собирания доказательств, как орган расследования и

прокурор отсутствуют. С позиций этой концепции полученные частным обвинителем, его представителем, обвиняемым, защитником сведения изначально не обладают и не могут обладать свойством допустимости, так как указанные субъекты не обладают полномочиями облекать в требуемую законом процессуальную форму относящуюся к делу информацию, то есть «формировать доказательства». Следовательно, ни сторона обвинения, ни сторона защиты собирание доказательств в делах частного обвинения не осуществляют, при этом они обладают только правом представлять доказательства, хотя этот термин тоже достаточно условен, поскольку представить доказательство можно только предварительно его собрав. С рассматриваемых позиций представление доказательств неофициальными участниками процесса есть пассивная форма получения доказательств судом, поскольку представление участниками процесса предметов и документов, имеющих, по их мнению, отношение к делу, еще не означает появления в деле доказательства: судья может признать эти объекты доказательствами, лишь убедившись в их относимости к обстоятельствам дела [5, с. 15]. Именно принятие процессуального решения о приобщении предмета и документа к делу представляет собой акт, констатирующий появление доказательства. Пока такое решение не принято, доказательство еще не существует, оно еще не получено. Поэтому, по мнению сторонников данного подхода, говоря о представлении доказательств, законодатель имеет в виду не доказательства, а лишь материальные объекты, несущие информацию о существенных обстоятельствах дела, фактически – «доказательственные материалы», которые только в будущем, в случае принятия их судом станут доказательствами.

Методом исключения приходим к выводу, что согласно рассматриваемой концепции в делах частного обвинения единственным субъектом собирания доказательств является суд. Однако подобное утверждение противоречит как основополагающим принципам уголовного процесса, так и сущности частного обвинения как особой категории уголовных дел. Обратимся к ст. 85 УПК: «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса». В свою очередь, ст. 73 УПК среди основных обстоятельств, подлежащих доказыванию, называет событие преступления и виновность лица в его совершении. Согласно ст. 14 УПК обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Применительно к частному обвинению, где обвинитель не может осуществлять собирание доказательств в силу отсутствия соответствующих полномочий, а единственный субъект, правомочный собирать доказательства – это суд, рассматриваемая концепция ведет к парадоксальному выводу – обязанность доказывания обвинения лежит на суде. Но такое утверждение, противоречащее ст. 15 УПК, является абсурдным.

Как указывает Конституционный Суд РФ, производство по делам частного обвинения «предполагает разграничение функции отправления правосудия, возложенной на суд и функции обвинения, реализуемой потерпевшим <…> Основополагающий признак состязательности, а именно разграничение полномочий по разрешению дела и поддержанию обвинения, под сомнение не ставится. Суд <…> не наделяется по делам данной категории какими бы то ни было иными полномочиями, выходящими за пределы <…> функции правосудия»[1]. Представление о суде как единственном субъекте собирания доказательств в делах частного обвинения неминуемо выводит его за пределы функции осуществления правосудия и вынуждает его доказывать вину либо невиновность обвиняемого. Это обстоятельство заставляет признавать за сторонами право на собирание доказательств, как минимум, в делах частного обвинения.

Большинство правоведов сходятся на том, что частное обвинение представляет собой институт уголовного процесса, в котором в наибольшей степени проявляются свойственные гражданскому процессу диспозитивность и состязательность. В условиях, когда уголовное преследование

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 №1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. – 2000. – № 23. – 2 февр.

осуществляет частный обвинитель, отсутствие у сторон полномочий по собиранию доказательств ставит под сомнение наличие и состязательности. Как частный обвинитель может эффективно выполнить лежащую на нем обязанность доказывания, если он лишен важнейшего полномочия, входящего в структуру доказывания, а все собранные им «доказательственные материалы» изначально не обладают свойством допустимости, поскольку получены неуправомоченным субъектом, в отсутствие соблюдения предусмотренной законом процедуры?

Очевидно, что концепция формирования доказательств в уголовном процессе обусловлена наличием в нем досудебной части, основное содержание которой и заключается в поиске, обнаружении и закреплении сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в целях их последующего использования для обоснования обвинения в суде. Не имеющее аналогичной досудебной части гражданское судопроизводство не нуждается в придании доказательствам какой-либо процессуальной формы, поскольку суд является единственным субъектом, непосредственно получающим сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения судебного спора, от (из) их источников. Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) закрепляет лишь допустимые виды доказательств (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей и т.д.). Доказательства в гражданском процессе никто не формирует. Суд получает от сторон доказательства, имеющие определенную форму, его задача – проверить и оценить достоверность содержащейся в них информации и принять решение в соответствии с законом.

Информационный подход к понятию доказательства отчетливо прослеживается во всех процессуальных кодексах. Формулировки ст. 55 ГПК и ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) (доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела) почти дословно воспроизводят определение доказательства, содержащееся в ст. 74 УПК. И это не случайно: все названные виды судопроизводства являются способами осуществления правосудия, которое опирается на общие для всех его видов конституционные принципы и нуждается в едином подходе к доказательствам, которыми обосновываются его акты. Более того, особая исковая природа дел частного обвинения, исторически обусловленная схожесть производства по ним с гражданским процессом сближает процесс доказывания по делам частного обвинения с доказыванием по гражданским делам больше, чем с доказыванием по всем остальным категориям уголовных дел [6]. Следовательно, не может быть столь разных подходов к понятию доказательства и процессу его собирания в делах частного обвинения и гражданских делах.

Важнейшая особенность дел частного обвинения заключается в упрощенной уголовно-процессуальной форме, которой присущи сжатые сроки, сокращение объема процессуальных действий, отсутствие и оптимизация отдельных стадий, процессуальных институтов и норм. Как указал Конституционный Суд РФ: «Законодатель, исходя из характера преступления, его общественной опасности, сочетания затрагиваемых преступлением общественных и индивидуальных интересов <…> вправе дифференцировать порядок производства по различным категориям уголовных дел, допуская включение в него элементов диспозитивности»[2]. При этом пределы такой дифференциации находятся в компетенции законодателя, который в делах частного обвинения распространил их, в том числе, на институты доказательственного права. Так, например, учитывая, что объем доказательственной информации, требуемой для установления обстоятельств дела, как правило, является небольшим, законодатель возложил обязанность доказывания на частного обвинителя, практически отстранив официальные органы уголовного преследования от участия в доказывании (за исключением обязанности

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 №7-П «По делу о проверке конституционности положений ч.ч. 2 и 4 ст. 20, ч.6 ст. 144, п. 3 ч. 1 ст. 145, ч. 3 ст. 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска» // Российская газета. – 2005. – № 147. – 8 июля.

провести проверку сообщения о преступлении, поданного в органы предварительного расследования). Он также предоставил сторонам равные процессуальные возможности по доказыванию (в отличие от производства по делам публичного и частно-публичного обвинения, где процессуальный и организационный ресурс стороны обвинения несоизмерим с возможностями стороны защиты). Кроме того, в УПК не содержатся требования к процедуре собирания сторонами доказательств, представляемых суду по делам рассматриваемой категории. Очевидно, что упрощение законодателем порядка доказывания в делах частного обвинения обуславливает необходимость упрощенного подхода к институтам доказательственного права, т.е. отказ от чрезмерного усложнения процедуры собирания доказательств и требований к допустимости доказательств, собранных сторонами.

Концепция, согласно которой суд является единственным субъектом, собирающим доказательства в делах частного обвинения, принижает значение деятельности частного обвинителя и подсудимого, как с точки зрения мировых судей, так и с позиции сторон. Первые относятся к деятельности вторых с известной долей пренебрежения (о чем свидетельствуют данные проведенных авторами опросов и бесед с мировыми судьями). На наш взгляд, это связано с тем, что собираемые сторонами сведения мировые судьи изначально расценивают как не обладающими свойствами допустимости, относимости и достоверности в той степени, которая присуща материалам, собранным органами предварительного расследования. Хотя в гражданском процессе те же мировые судьи без всяких предубеждений принимают сведения, собранные сторонами за рамками процессуальной формы.

Как видим, концепция формирования доказательств неприменима к делам частного обвинения. Представляется, что при определении доказательства следует обратить внимание, в первую очередь, на его информационную суть, единую для всех отраслей так называемого «судебного права». Разумеется, сведения об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела, существуют не иначе как в виде (или в форме) показаний обвиняемого, подозреваемого и т.д. (ч. 2 ст. 74 УПК). Перечень этих видов доказательств принято отождествлять с формой доказательств. Однако свойственное концепции формирования доказательств отождествление формы (вида) доказательства с формой собирания и закрепления полученных сведений имеет своим следствием включение процедуры следственного действия в понятие доказательства. В связи с этим происходит подмена понятия «доказательство» понятием «допустимое доказательство», а допустимыми признаются лишь доказательства, собранные (сформированные) органом расследования или судом.

Если отождествлять процедуру (форму) собирания доказательств с самими доказательствами как сведениями о доказываемых фактах под видом обеспечивающей их допустимость процессуальной формы, то нужно оценивать доказательство с точки зрения формального соответствия закону процедуры произведенного действия. В связи с этим в работах процессуалистов, исследовавших частное обвинение, указывается на несоблюдение сторонами требований, предъявляемых УПК к процессу формирования доказательств, и делается вывод о том, что стороны не могут собирать доказательства, так как у них отсутствуют полномочия по их формированию [7, с. 128; 8, с. 43–45]. Однако в делах рассматриваемой категории деятельность сторон по собиранию доказательств не подчинена правовой регламентации, в связи с чем на них не распространяется требование соблюдения каких-либо процессуальных норм. Представляемые ими предметы и документы получены в свободной от процессуальных предписаний форме, они заведомо не соответствуют и не могут соответствовать предъявляемым к процедуре следственных действий требованиям. Отсюда вывод: к доказательствам, собираемым сторонами в делах частного обвинения, не могут предъявляться требования, аналогичные предъявляемым к доказательствам, собираемым официальными участниками в делах публичного обвинения, но это не лишает их значения доказательств как допустимых аргументов в судебном споре.

Статьей 75 УПК установлено, что доказательства, полученные с нарушением требований УПК, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК. Исходя из этого, допустимые

доказательства (в том числе по делам частного обвинения) – это доказательства, полученные с соблюдением требований УПК. В науке сложилось представление о том, что критериями оценки допустимости доказательства являются: а) управомоченность субъекта; б) надежность источника информации; в) законность способа получения доказательства; г) наличие требуемой по закону формы. Рассмотрим, имеются ли у доказательств, представляемых сторонами по делам частного обвинения, достаточные для использования в процессе доказывания признаки.

1. *Полномочность участника уголовного процесса на проведение действия по собиранию доказательств.* Частный обвинитель, его представитель, обвиняемый и защитник не вправе производить действия, отнесенные к компетенции государственных органов и должностных лиц. Однако полученные ими путем истребования или с согласия лиц справки, характеристики, иные документы, вещественные доказательства, заключения специалистов отвечают рассматриваемому критерию допустимости.

2. *Надежность источника доказательственной информации* обеспечивается его известностью, так как последняя обеспечивает возможность его проверки. В делах частного, так же как и публичного обвинения, не могут использоваться доказательства, источник которых не установлен.

3. *Соответствие закону процедуры получения сведений* о подлежащих доказыванию обстоятельствах в делах частного обвинения означает соблюдение как общих, так и частных правил собирания доказательств: принципов уголовного процесса, общих условий судебного разбирательства. Важнейшим критерием в данном случае является недопустимость нарушения прав и свобод граждан в ходе собирания информации.

4. *Наличие требуемой по закону формы.* В делах частного обвинения стороны имеют право собирать и представлять доказательства в виде иных документов, вещественных доказательств, заключений специалистов. Иные документы, которые собирают и представляют стороны – это различного рода справки, характеристики; фотографии, видеозаписи; документы, подтверждающие совершение действий по заглаживанию или возмещению причиненного преступлением вреда и т.п., полученные как от органов государственной власти и организаций, так и от граждан, включая частного обвинителя и обвиняемого. Все эти документы устанавливают определенные, имеющие значение для дела обстоятельства, и при этом они облечены в предусмотренную ч. 2 ст. 74 УПК форму. Стороны могут также представить различные предметы, в том числе орудия преступления, являющиеся по форме вещественными доказательствами, а также заключения специалистов.

Очевидно, что доказательства, собираемые сторонами по делам частного обвинения, могут соответствовать всем требованиям, предъявляемым законодателем к допустимым доказательствам. Следовательно, выведенная за рамки понятия доказательства процессуальная форма получения сведений в делах частного обвинения меняет привычные представления о допустимости доказательств. Допустимость доказательства не есть его имманентное свойство, изначально принадлежащее доказательству уже в момент его получения. Поскольку в делах частного обвинения, за исключением суда, нет субъектов, которым предоставлено право оценивать и проверять доказательства, вывод о допустимости есть сформулированный в процессуальном решении результат оценки судом имеющегося доказательства.

Концепция формирования доказательств, находящая свое обоснование в деятельности органов уголовного преследования, полностью утрачивает свои позиции при отсутствии в уголовном процессе стадии предварительного расследования. Никакого преобразования формы «доказательственные материалы», представляемые в суд сторонами по делам частного обвинения, не претерпевают. Принятие судом решения о приобщении к делу ничего к аргументирующей сущности собранных сведений не прибавляет, доказательственную ценность их не усиливает и более допустимыми, чем они являются, не делает. Безусловно, мировой судья может осуществлять проверку доказательств, собирая иные сведения, однако новые доказательства не отменяют сущности старых как самостоятельных доказательств. При таком подходе право сторон на «представление доказательств» получает новое толкование – не как «представление доказательственных материалов, которые в будущем могут стать доказательствами», а именно как «представление собранных

сторонами доказательств». В пользу такой трактовки говорит и соответствующая буквальная формулировка, используемая законодателем в п. 4 ч. 2 ст. 42, п. 4 ч. 4 ст. 47, ст. 244, ч. 5 ст. 246, ч. 5 ст. 321 УПК.

Более того, по делам частного обвинения, как и при подаче иска в гражданском процессе, потерпевший, как правило, прилагает к заявлению документы, обосновывающие его позицию (например, акт судебно-медицинского обследования). Закон не содержит никаких норм, обязывающих судью вынести отдельное постановление (определение) о приобщении таких доказательств к делу, либо указать на такое приобщение в постановлении о принятии заявления к производству. В ходе изучения судебной практики нами не было обнаружено ни одного дела, где судья осуществил бы подобные действия. Отсюда вывод: действующему законодательству и сложившейся судебной практике не противоречит ситуация, в которой мировой судья приобщает документы к делу в качестве доказательств (разумеется, вопрос об их достоверности на данном этапе не разрешается), при этом не осуществляя никаких действий по их формированию. В таком случае и ч. 2 ст. 319 УПК становится понятной и лишенной внутренних противоречий: «По ходатайству сторон мировой судья вправе оказать сторонам содействие в собирании таких *доказательств,* которые не могут быть получены ими самостоятельно». Данной формулировкой законодатель подчеркивает: стороны и сами могут собирать доказательства, однако в том случае, если у них недостаточно для этого правомочий (которые могут принадлежать только властно-распорядительным органам, но не частным лицам), суд может оказать им помощь. При этом, как указал Конституционный Суд РФ: «Оказывая сторонам помощь в собирании доказательств, которые не могут быть получены ими самостоятельно, судья <…> лишь разрешает ходатайство соответствующей стороны об истребовании и исследовании *указанного ею доказательства* (курсив наш), используя властные полномочия, которые в судебных стадиях уголовного судопроизводства имеются у него и отсутствуют у сторон» [9]. Выделенной формулировкой Конституционный Суд РФ подчеркивает, что доказательство уже имеется, поскольку оно определено стороной, выделено из окружающей среды, и, следовательно, не нуждается в каком бы то ни было формировании (преобразовании).

В делах частного обвинения стороны представляют полученные ими доказательства непосредственно суду и именно суду предстоит определить, допустимы ли они, можно ли их использовать при разрешении дела. Поскольку перечисленные признаки характеризуют процесс скорее англосаксонского, чем романо-германского типа, представляется небесполезным рассмотреть подход к собиранию доказательств и их понятию в англо-саксонском уголовно-процессуальном праве.

В странах общего права процесс доказывания упрощенно выглядит следующим образом: после получения сообщения о преступлении орган уголовного преследования приступает к сбору первоначальных сведений. Собрав информацию, он направляет материалы обвинителю, тот сам (либо иной орган) предъявляет обвинение, как правило, гласно, публично, в судебном заседании, после чего стороны продолжают собирать доказательства для суда (при этом очевидно, что органы уголовного преследования «продолжают», а защита «начинает» собирать доказательства). При этом стороны не формируют доказательства в процессуальном смысле, а только выявляют их «источники», чтобы затем представить лиц, предметы и документы в судебное заседание, где сведения, полученные из этих источников, будут исследованы сторонами и судом с соблюдением принципа непосредственности. Доказательствами, которые могут быть положены в основу судебного решения, в данном типе процесса являются лишь судебные доказательства, т.е. сведения, извлеченные в судебном заседании судом из источников, выявленных сторонами обвинения и защиты. Следует, однако, отметить, что в текстах законодательных актов стран общего права отсутствует разделение понятий «источники доказательств» и «доказательства», единый термин «*evidence*» используется как для обозначения сведений, которые сторонам еще только предстоит представить суду, так и для обозначения сведений, изучаемых в ходе судебного заседания либо уже принятых (отвергнутых) судом [10; 11; 12]. Внимательное исследование статутов позволяет сделать вывод, что под доказательством (*evidence*) понимается любая информация, которая допускается судьей

в качестве допустимой для подтверждения утверждений сторон. В странах англо-саксонского права субъектом собирания доказательств может быть любой орган государства, частный обвинитель, обвиняемый, защитник и другие участники судопроизводства. При этом сведения, собранные органами уголовного преследования, в дальнейшем не рассматриваются в качестве судебных доказательств, у них отсутствует какое-либо «преимущество» перед сведениями, собранными неофициальными участниками процесса. Кстати, сходную правовую позицию имеет и Европейский Суд по правам человека (дело «Мирилашвили против Российской Федерации»).

Многие отечественные процессуалисты, пользуясь категориями, заимствованными из процесса англо-саксонского типа, придерживаются концепции «судебных доказательств». Так, по мнению К.Б. Калиновского и А.В. Смирнова, в состязательном процессе легализация информации в качестве судебного доказательства должна проводиться перед лицом судебного органа в присутствии сторон [13, с. 50–51; 14, с. 84–85]. Эту мысль воспроизводит и А.И. Макаркин. «В состязательном процессе, – пишет он, – доказательственная информация может приобрести статус доказательства лишь в ходе исследования ее судом <…> Легализация доказательств имеет своим содержанием непосредственное восприятие судом информации, собранной сторонами в ходе их непроцессуальной деятельности, ее проверку и придание ей статуса судебных доказательств <...> Судебные доказательства образуются лишь в ходе судебной процедуры» [14, с. 34–35]. Следует также отметить, что в дореволюционной науке уголовного процесса различались доказательства, «добытые на предварительном расследовании», и «судебные».

Действительно, то, что стороны понимают и представляют суду, в том числе в делах частного обвинения, в качестве доказательств, не есть судебные доказательства. Представляемые сторонами сведения могут и не стать основанием для окончательных выводов суда, то есть не будут приняты в качестве доказательств для обоснования приговора. Окончательная оценка того или иного сведения как доказательства – прерогатива исключительно суда. Очевидно, что термин «доказательство», который применяется к сведениям, которые представляют суду участники процесса, носит в значительной степени условный характер. Есть «доказательство», представленное стороной, которое должно быть получено, проверено и оценено судом. И есть «доказательство», как уже полученное, проверенное и оцененное судом сведение, обладающее, по мнению суда, свойствами допустимости, относимости и достоверности. Российский законодатель не проводит различие между указанными «оттенками» данного понятия. Так, например, в п. 2 ст. 307 УПК оно употребляется как для обозначения сведений, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, так и для сведений, которые суд отверг (признал недопустимыми, неотносимыми или недостоверными), т.е. в самой формулировке доказательства, употребляемой законодателем, заложен дуализм данного понятия.

Аналогичный дуалистический подход к понятию доказательства содержится и в ГПК. Так, в соответствии со ст. 55 ГПК доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. А согласно ч. 4 ст. 198 ГПК суд должен указать в решении доказательства, на которых основаны его выводы, а также доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства. При этом в науке гражданского процесса никто не оспаривает права сторон собирать доказательства для представления их суду. Спор о субъектах, собирающих доказательства, лишен смысла, поскольку суд только приобщает или не приобщает к материалам дела представленные сторонами доказательства, очевидно не преобразовывая их в какую-либо иную форму. В делах частного обвинения процедура и последствия «представления доказательств» аналогичны гражданско-процессуальным.

Предпринятый анализ процедуры собирания доказательств и понятия доказательства в делах частного обвинения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в делах рассматриваемой категории круг субъектов, имеющих право собирания доказательств, не ограничивается судом. Несмотря на отсутствие в законе прямого

указания на право сторон собирать доказательства, все участники уголовного судопроизводства, наделенные законодателем статусом стороны, т.е. частный обвинитель, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, обвиняемый и защитник являются полноценными субъектами доказывания, обладающими полномочиями по собиранию доказательств, а также обоснованию своего мнения по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию. Во-вторых, поскольку законом не установлены требования к процедуре собирания доказательств в делах частного обвинения, сведения, собранные сторонами, признаются доказательствами в той же мере, что и результаты доказательственной деятельности официальных участников процесса в делах публичного обвинения. Помимо тех доказательств, которые могут быть получены только в установленном законом порядке (показания потерпевшего, обвиняемого, свидетелей, заключения эксперта), в качестве средств доказывания допускается любая информация, полученная сторонами в свободной от процессуальных предписаний форме, относимость, допустимость и достоверность которой проверяется судом в ходе судебного следствия.

Таким образом, в «чисто» состязательном уголовном процессе институты доказательственного права не могут быть поняты на основе теоретических конструкций, вырабатывавшихся для иного судопроизводства и в условиях иной реальности. При этом не следует забывать, что судопроизводство по делам частного обвинения является лишь одним из видов отечественного уголовного процесса, который осуществляется по общим для всех его разновидностей уголовно-процессуальным принципам. В связи с этим напрашивается вывод, что не может быть столь разных подходов к пониманию доказательства в делах частного и публичного обвинения. Следовательно, рассмотренные особенности доказывания позволяют и в делах публичного обвинения отойти от концепции формирования доказательств как единственно возможного способа их собирания.

Список литературы

1. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005. – С. 28.

2. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М., 1996. – С. 9.

3. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т.1. – М.: Наука, 1968. – С. 302.

4. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008. – С. 96.

5. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. – М., 1964. – С. 15.

6. Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения // Вестник СамГУ. – 2011. – № 4 (85). – С. 289–295.

7. Шапошников В.Л. Проблемы собирания доказательств стороной обвинения в уголовном процессе России: дис … канд. юрид. наук. – Волгоград, 2005. – С. 128.

8. Михайловская И.Б. Уголовное судопроизводство в мировом суде: учеб. пособие. – М.: ТК ВЕЛБИ, Проспект, 2003. – С. 43–45.

9. Police and Criminal Evidence Act 1984 (британский Акт о полиции и доказательствах по уголовным делам). – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents (дата обращения 02.10.2012).

10. Federal Rules of Evidence (Федеральные правила о доказательствах США). – URL: http://www.law.cornell.edu/rules/fre/ (дата обращения 02.10.2012).

11. Evidence Act 1995 (австралийский Акт о доказательствах). – URL: http://www.comlaw.gov.au/Details/C2011C00929/Html/Text#_Toc310590593 (дата обращения 02.10.2012).

12. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. – СПб., 2000. – С. 50–51.

13. Калиновский К.Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – С. 84–85.

14. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – С. 34–35.

В редакцию материал поступил 11.10.12

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

Адрес: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, тел.: (846) 278-09-63

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

Адрес: 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1, тел.: (846) 278-09-63

E-mail: electbroom@rambler.ru

V.A. LAZAREVA,
Doctor of Law, Professor,
M.YU. ZHIROVA,
PhD (Law), Senior Lecturer
Samara State University

THEORETICAL ISSUES OF PROVING IN THE ASPECT OF SPECIFIC PROCEDURE IN PRIVATE PROSECUTION CASES

The article views the existing in criminal and civil procedure concepts of proving from the point of view of the clearest proving in private prosecution cases. It is revealed that the right to gather evidence in such cases belongs to all participants of cases which have the status of a party, while the evidence gathered by them cannot be lodged with the same requirements as the evidence gathered by official participants in public prosecution cases.

Key words: private court action; criminal court action; civil procedure; forming out of evidence; antagonistic symbol of court procedure.

References

1. Belkin A.R. *Teoriya dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve* (Theory of proving in criminal court action). Moscow, 2005, p. 28.
2. Dolya E.A. *Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* (Using the results of operative-research activity for proving). Moscow, 1996, p. 9.
3. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* (A course of Soviet criminal procedure). Moscow: Nauka, 1968, p. 302.
4. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugolovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* (Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation). Moscow: Norma, 2008, p. 96.
5. Arsen'ev V.D. *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* (Issues of general theory of court evidence). Moscow, 1964, p. 15.
6. Zhirova M.Yu. *Iskovaya priroda chastnogo obvineniya* (Act ional nature of private prosecution), *Vestnik SamGU*, 2011, No. 4 (85), pp. 289–295.
7. Shaposhnikov V.L. *Problemy sobiraniya dokazatel'stv storonoi obvineniya v ugolovnom protsesse Rossii* (Issues of gathering evidence by prosecution party in the Russian criminal procedure). Volgograd, 2005, p. 128.
8. Mikhailovskaya I.B. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v mirovom sude* (Criminal court action in justice's court). Moscow: TK VELBI, Prospekt, 2003, pp. 43–45.
9. *Police and Criminal Evidence Act 1984 (britanskii Akt o politsii i dokazatel'stvakh po ugolovnym delam)* (British Act on Police and Criminal Evidence), available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/contents (data obrashcheniya 02.10.2012).
10. *Federal Rules of Evidence (Federal'nye pravila o dokazatel'stvakh SShA)* (The USA Federal Rules of Evidence), available at: http://www.law.cornell.edu/rules/fre/ (data obrashcheniya 02.10.2012).
11. *Evidence Act 1995 (avstraliiskii Akt o dokazatel'stvakh)* (Australia Evidence Act), available at: http://www.comlaw.gov.au/Details/C2011C00929/Html/Text#_Toc310590593 (data obrashcheniya 02.10.2012).
12. Smirnov A.V. *Modeli ugolovnogo protsessa* (Models of criminal procedure). Saint Petersburg., 2000, pp. 50–51.
13. Kalinovskii K.B. *Zakonnost' i tipy ugolovnogo protsessa* (Lawfulness and types of criminal procedure). Saint Petersburg, 1999, pp. 84–85.
14. Makarkin A.I. *Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii* (Competition at preliminary investigation). Saint Petersburg, 2004, pp. 34–35.

Information about the authors

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology, Samara State University
Address: 1 Akademika Pavlova Str., 443011, Samara, tel.: (846) 278-09-63
E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Zhirova Marina Yuryevna, PhD (Law), Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure and Criminology, Samara State University
Address: 1 Akademika Pavlova Str., 443011, Samara, tel: (846) 278-09-63
E-mail: electbroom@rambler.ru

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 347.783:336.14

Е.А. БОЧКАРЕВА,
кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия, г. Краснодар

ЦЕЛЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНЫМИ СРЕДСТВАМИ КАК ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ МЕТОД ОБЕСПЕЧЕНИЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье поднимается проблема совершенствования методов обеспечения сбалансированности бюджетной системы Российской Федерации. Для использования преимуществ целевых программ, совершенствования процедур их разработки предлагается использовать новый метод управления бюджетными ресурсами – метод целевого управления. Обосновывается необходимость принятия Проекта федерального закона «О целевых программах».

Ключевые слова: сбалансированность бюджетной системы; финансово-правовые методы; метод целевого управления; целевые программы; Проект федерального закона.

Последние десять лет государственная власть России провозглашает, что движется в направлении децентрализации государственных финансов, становления бюджетного федерализма и поиска оптимального механизма межбюджетного регулирования [1–3]. Однако, несмотря на постоянные теоретические исследования вопроса о достижении сбалансированного бюджета, до сих пор не установлено точных способов определения правильного соотношения между государственными доходами и расходами. По мнению ряда экспертов, в основе роста дефицита финансирования лежит множество причин, но основной является методологически ошибочный подход к формированию бюджетных расходов, при котором они систематически отрываются от насущно обусловленных потребностей [4, с. 13; 5, с. 21].

Программа Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ №1101-р от 30.06.2010[1] назвала программно-целевой метод в качестве приоритетного для построения бюджетных отношений. Однако практическое внедрение инструментов и механизмов бюджета, ориентированного на результат (далее – БОР) затянулось.

Дело в том, что цели, указанные в программах социально-экономического развития страны и регионов, не дают четкого ответа на вопрос, какой результат получит общество в результате их достижения. Не разработаны формализованные критерии оценок результатов и затрат, не обеспечена заинтересованность бюджетных учреждений в экономии и эффективности использования выделяемых бюджетных средств. Высшие органы власти и управления, внедряя систему БОР в регионах, муниципальных образованиях и бюджетных учреждениях, не обеспечивают разработку и достижение результативных показателей, в первую очередь, для самих себя. Расходы бюджета по-прежнему связаны не с

[1] Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г.: Распоряжение Правительства РФ от 30.06.2010 № 1101-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 28. – Ст. 3720.

предоставлением необходимых обществу услуг, а с обеспечением текущего функционирования органов государственной власти и местного самоуправления. Особенно сложно контролировать расходы высших органов власти и оценивать результаты, которые общество получает от их деятельности.

Проведенный анализ федеральных целевых программ[2] показал, что основными их недостатками являются: аморфность ожидаемых результатов от их реализации; невозможность оценить экономическую эффективность, характеризующую объем и качество предоставленных государственных услуг; отсутствие показателей, измерение которых позволило бы проконтролировать реализованные мероприятия, степень достижения поставленных целей.

Анализ сметы расходов на реализацию большинства программ и их исполнения позволяет контролировать лишь целевое использование средств бюджета, что не может являться критерием эффективности и сбалансированности бюджетных отношений. В качестве «результатов» программ выступают определенные состояния и стадии выполнения запланированных процессов. Соответственно, для их измерения и оценки необходима сложная система индикативных показателей, которые отражают то или иное состояние «процесса». Получить при этом «результат», тем более социально-значимый, не представляется возможным по объективной причине – «процессы» не могут стать «результатами» по определению.

Для использования преимущества целевых программ, совершенствования процедур и методологии их разработки, мы предлагаем применять новый метод управления бюджетными ресурсами, который относится к программно-целевым, но, по сравнению с БОР, обладает рядом особенностей и преимуществ. Поскольку определение метода ранее не применялось, предлагаем ввести в научный оборот термин «целевое управление бюджетными средствами» или «метод целевого управления» (далее – МЦУ).

В чем заключается сущность предлагаемого нами метода целевого управления?

Государство ставит цель в виде конкретного результата, который планируется получить в итоге достижения цели (выполнения программы). Цели относятся к категории ориентиров и проходят проверку на соответствие приоритетам и ценностям социального государства. Цели, успешно прошедшие проверку, становятся адаптированными к условиям и требованиям социального государства. В этом смысле все последующие действия по планированию и исполнению бюджетных расходов служат обеспечением социально-значимой цели.

После определения ориентиров формируются установки в виде задач или групп задач, отдельных программ или подпрограмм, в которые интегрированы эти группы задач, или проектов, объединяющих две или более программы однородной направленности. Стратегия как способ действий становится необходимой в ситуациях, когда для прямого достижения основной цели недостаточно наличных ресурсов, средств или методов. Стратегия достигает своей цели через проекты, программы и решение промежуточных тактических задач, которые могут быть различными на отдельных этапах, но подчинены главной цели стратегии. Таким образом, появляются установки, определяющие действия в рамках единой цели, как комплекс конкретных мероприятий различного уровня, необходимых для достижения ожидаемого целевого результата.

На следующем этапе производится поиск решений для поставленных задач – каждой в отдельности и всех вместе, в рамках программ, проектов и пр. Здесь применимы отдельные приемы, способы и методы для обеспечения решений нестандартных процессов. Таким образом, выби-

---

[2] О федеральной целевой программе «Дети России» на 2007–2010 гг.»: Постановление Правительства РФ от 21.03.2007 № 172 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 14. – Ст. 1688; О Федеральной целевой программе развития Калининградской области на период до 2015 г.: Постановление Правительства РФ от 07.12.2001 № 866 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4974; Об утверждении федеральной целевой программы «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009–2015 гг.): Постановление Правительства РФ от 01.09.2008 № 652 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 37. – Ст. 4209; О федеральной целевой программе «Ядерные энерготехнологии нового поколения на период 2010–2015 гг. и на перспективу до 2020 г.»: Постановление Правительства РФ от 03.02.2010 № 50 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 7. – Ст. 758.

раются механизмы достижения результатов, которые требуют соответствующих инструментов или средств достижения результатов. В случае если средства достижения результатов отсутствуют (например, нет технологий, материалов или иных ресурсов), процесс планирования возвращается к поиску иных механизмов, а при отсутствии возможного выбора – к задачам и, таким образом, сама целевая программа может быть структурно преобразована или состав ее задач значительно пересмотрен.

МЦУ требует, чтобы планирование действий, решений и средств достижения результатов осуществлялось в соответствии с требованиями законов, норм, правил и иных требований, в целом определяемых категорией нормативов, которые должны соблюдаться, а при отсутствии необходимых нормативных документов они должны быть разработаны и приняты установленным порядком для обеспечения достижения цели (реализации программы). В этом заключается аспект правового обеспечения процесса планирования по МЦУ.

На следующей ступени процесс из области планирования действий переходит в стадию исполнения конкретных задач программы. Здесь важным моментом является наличие единого плана действий с согласованными сроками. При согласованности всех элементов этот этап определяет возможности реализации цели или программы в целом в установленные сроки. План действий по реализации программы следует оформлять документально с указанием названия, целей и элементов планирования, согласованных сроков, задач, ресурсов, участников, ответственных за исполнение мероприятий плана, а также обоснование требуемого объема бюджетных средств.

Таким образом, планирование задач, мероприятий, программ, проектов производится по принципу дифференциации задач по уровням исполнения (сверху – вниз), а формирование бюджетных расходов, необходимых для обеспечения этих задач, наоборот – по принципу суммирования заявок на бюджетные ассигнования (снизу – вверх).

Обоснование заявок на выделение бюджетных средств для программ, а также оценка и сопоставление конечных результатов (во избежание их завышение или занижения) подлежат контролю, что, в свою очередь, предполагает создание соответствующей институциональной основы или возложение этих функций в зависимости от направлений деятельности на контрольные органы или структуры исполнительной власти федерального уровня. В настоящее время в рамках организационной структуры Министерства финансов РФ ни один из его департаментов или подведомственных органов функционально не отвечает за оценку эффективности федеральных целевых программ, не курирует процесс принятия обоснованных решений по вопросам распределения денежных средств в зависимости от оценки программы и, соответственно, не отвечает за конечные результаты бюджетных расходов в ходе выполнения программ и проектов. Эта ответственность возложена на распорядителей бюджетных расходов.

В МЦУ бюджетные средства, связанные с выполнением государственных задач, не относятся к ресурсам или средствам достижения результатов, а рассматриваются в качестве необходимого финансового обеспечения расходов, необходимых для реализации цели программы. Таким образом, выделение бюджетных средств должно обоснованно производиться на этапе реализации программы, а не раньше – на этапе постановки задач. Тем более что в настоящее время оценка эффективности целевых программ в методологическом и функционально-практическом аспекте на федеральном уровне не реализована.

Наконец, когда цель программы в виде конкретного конечного результата достигнута, проводится ее оценка. В МЦУ нет сложной системы индикаторов, как в БОР. Оценочных показателей всего два: цель, которая изначально формируется в качестве конкретного результата, считается достигнутой, если этот результат есть, и не достигнутой – если результата нет. Таким образом, отпадает необходимость разработки сложной системы оценки эффективности программ, процессов и решений.

МЦУ не требует особых условий, не зависит от прогноза, обеспечивает мониторинг изменений в режиме реального времени и позволяет реализовать бюджет в рамках текущих бюджетных расходов или направлений целевых программ. В этом заключается его роль как механизма обеспечения сбалансированности бюджета.

Развитие программно-целевого метода бюджетного планирования, переход к которому заявлен Правительством РФ, может рассматриваться как эффективное направление организации бюджетных отношений, укрепляющее бюджетную систему страны. Однако метод БОР эффективен только в условиях комплексного подхода: он требует реформы государственного управления, бюджетной системы и межбюджетных отношений, а также оптимизации расходов. Внедрение БОР в бюджетную практику актуализирует вопросы децентрализации бюджета: отсутствие заинтересованности территориальных органов власти в использовании новых технологий бюджетного процесса становится дестабилизирующим фактором в повышении эффективности перераспределительных процессов, в результативном использовании бюджетных средств на базе обоснованных приоритетов территориального социально-экономического развития.

Применение в бюджетном процессе программно-целевого принципа основано на точном прогнозе и сопряжено с трудностями в условиях динамично меняющейся обстановки. Документальный анализ программной части федеральных целевых программ и результатов их выполнения свидетельствуют о недостаточности и нецелесообразности мер, предпринимаемых для повышения эффективности бюджетных расходов с использованием метода БОР.

Изменить положение возможно при соблюдении как минимум двух условий, которые определяются, во-первых, изменением подхода к планированию и, во-вторых, необходимостью разработки соответствующей методологии планирования и целевого управления бюджетными ресурсами. В первом случае потребуется определить приоритеты планирования, а во втором – порядок приложения бюджетных средств в той или иной точке и на том или ином этапе процесса реализации цели, который бы в максимальной степени способствовал достижению конкретного ожидаемого результата.

В методе целевого управления бюджетными средствами планирование осуществляется от целей, а если быть более точным – от результатов, полагая при этом, что результатом является нереализованная цель. Иными словами, результаты и цели выступают как идентичные понятия с разницей в реализации по времени. Процессы планирования и исполнения дифференцированы и полностью автономны.

МЦУ предполагает изменение существующего отношения к планированию, разработке и оформлению программных документов вне зависимости от их уровня, которые должны стать руководством для действия. МЦУ может быть адаптирован как к текущим планам государства, так и к федеральным программам различной продолжительности, к проектам долгосрочного характера, независимо от их ведомственной принадлежности.

Закрепление метода целевого управления на уровне нормативного акта возможно путем принятия федерального закона «О целевых программах». При огромном количестве как федеральных, так региональных и местных целевых программ такой закон должен способствовать установлению общих принципов планирования, принятия, исполнения и контроля исполнения целевых программ всех уровней. В нем следовало бы закрепить порядок принятия решения о разработке программ, форму и содержание программ, порядок проведения оценки, экспертизы, процедуру внесения программ на обсуждение в законодательный орган и другие аспекты.

Также целесообразно предоставить право субъектам федерации и муниципальным образованиям самостоятельно, исходя из своих потребностей, разрабатывать и принимать локальные положения о целевых программах, детализирующие общие положения векторного федерального закона.

Таким образом, целевое управление является универсальным методологическим подходом к вопросам планирования и достижения сбалансированности бюджетной системы государства. Предлагаемый нами метод целевого управления обеспечивает высокий уровень научной проработанности подхода к разработке целевых программ, проектов и стратегий; конкретизирует исполнение программ в порядке действий, согласованном по срокам, решениям и ресурсам в соответствии с целью и объемами финансирования; позволяет в автоматическом режиме осуществлять мониторинг за выполнением программных мероприятий; предусматривает контроль исполнения программ и соответствие результатов целевым установкам.

Список литературы

1. О бюджетной политике в 2009–2011 гг.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.06.2008 // Вестник государственного социального страхования. Социальный мир. – 2008. – № 9.

2. О бюджетной политике в 2010–2012 гг.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.05.2009 // Парламентская газета. – 2009. – № 28.

3. О бюджетной политике в 2011–2013 гг.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию от 29.06.2010 // Пенсия. – 2010. – № 7.

4. Селезнев А., Доценко Н. Доходный потенциал регионов и его общегосударственное значение // Экономист. – 2002. – № 3.

5. Редькин В.Е. Ключевой фактор – качество управления // Бюджет. – 2010. – № 8.

В редакцию материал поступил 16.07.12

Информация об авторе

Бочкарева Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия, г. Краснодар

Адрес: 350063, г. Краснодар, ул. Леваневского, 187, тел.: (861) 259-69-84

E-mail: finansyst@mail.ru

E.A. BOCHKAREVA,

PhD (Law), Associate Professor

North-Caucasian branch of the Russian Academy of Justice, Krasnodar

VENTURE MANAGEMENT OF BUDGET FUNDS AS A FINANCIAL-LEGAL MEANS OF PROVIDING THE BALANCED BUDGETING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the issue of improving the means of providing the balanced budget system of the Russian Federation. To use the advantages of venture programs, and improve the procedures of their elaboration, it is suggested to use the new method of budget resources management – the venture management method. The necessity to adopt the Federal Law draft "On venture programs" is proved.

Key words: balanced budget system; financial-legal methods; venture management method; venture programs; Federal law draft.

References

1. O byudzhetnoi politike v 2009–2011 gg.: Byudzhetnoe poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 23.06.2008 (On budget policy in 2009-2011: Budget message of the Russian President to the Federal Assembly of 23.06.2008), *Vestnik gosudarstvennogo sotsial'nogo strakhovaniya. Sotsial'nyi mir*, 2008, No. 9.

2. O byudzhetnoi politike v 2010–2012 gg.: Byudzhetnoe poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 25.05.2009 (On budget policy in 2010-2012: Budget message of the Russian President to the Federal Assembly of 25.05.2009), *Parlamentskaya gazeta*, 2009, No. 28.

3. O byudzhetnoi politike v 2011–2013 gg.: Byudzhetnoe poslanie Prezidenta RF Federal'nomu sobraniyu ot 29.06.2010 (On budget policy in 2011-2013: Budget message of the Russian President to the Federal Assembly of 29.06.2010), *Pensiya*, 2010, No. 7.

4. Seleznev A., Dotsenko N. Dokhodnyi potentsial regionov i ego obshchegosudarstvennoe znachenie (Income potential of the regions and it's all-state significance), *Ekonomist*, 2002, No. 3.

5. Red'kin V.E. Klyuchevoi faktor – kachestvo upravleniya (Key factor – quality of management), *Byudzhet*, 2010, No. 8.

Information about the author

Bochkareva Ekaterina Aleksandrovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of State-legal disciplines, North-Caucasian branch of the Russian Academy of Justice, Krasnodar

Address: 187 Levanevskiy Str., 350063 Krasnodar, tel.: (861) 259-69-84

E-mail: finansyst@mail.ru

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (не более 10 строк по ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»);
- список литературы (на русском языке и на латинице);
- ключевые слова на русском и английском языках;
- заявление;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: http://www.elibrary.ru), а также периодическом справочнике «Система ГАРАНТ» в информационном блоке «Законодательство Республики Татарстан».

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегия может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст …
2. Текст …

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – не более 10 строк. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглимат» 400 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань. (за журнал)

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаться по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкаровна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal›s themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: «Economics Theory», «Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)», «Economics and Economy Management (Marketing)», «Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law», «Labour Law; Social Provision Law», «Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law», «Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations», «International Law. European Law», «Administrative Law, Financial Law, Informational Law», etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author›s sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors in Russian and English languages;
- information about the authors in Russian and English languages (scientific degree, title, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article summary in Russian and English languages (not more than 10 lines by ГОСТ 7.9-95 «Abstract and Summary. General Requirements»);
- bibliography (in Russian and Roman);
- key words in Russian and English languages;
- application;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a Doctor of Science.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: http://www.elibrary.ru), as well as in the periodic reference book «GARANT System» in the «The Tatarstan Republic Legislation» information block.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer›s and the editorial board›s notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal›s editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has-obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials»)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text …
2. Text …

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal «Actual problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB «BTA-Kazan» (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer›s address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova